

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

14

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

LORD TYGER

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ВЛАСТЕЛИН ТИГР

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Филипа Фармера. Т. 14 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 319 с.

В четырнадцатый том собрания сочинений известного американского фантаста вошел роман «Властелин Тигр», сочетающий в себе лучшие традиции приключенческой литературы в духе Хаггарда и Берроуза с ключевыми направлениями современной фантастики.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-267-3

Lord Tyger

Copyright © 1970 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

В четырнадцатый том собрания фантастических произведений Филипа Хосе Фармера вошел один из самых необычных романов писателя — «Властелин Тигр» (1970).

Любовь к произведениям Эдгара Райса Берроуза, которую Филип Фармер питал издавна, проявлялась во многих его произведениях. А во «Властелине Тигре», как и во многих других романах, он прибег к прямым заимствованиям из работ мастера приключенческой литературы.

Рас Тигр — властелин джунглей. Негритянские племена живут в страхе перед ним, пришельцем из Страны духов, чья мать — обезьяна, а отец — Бог. Он повелевает затерянной долиной. И только Птица Бога с железными крыльями неподвластна ему. Но когда предназначенная ему в жены пророчеством золотоволосая девушка вываливается из распоротого чрева Второй Птицы, Рас еще не знает, как изменится его жизнь, когда в нее войдет Ева, зоолог из Финляндии. Ему предстоит пройти свой мир до края, чтобы найти своего Бога... и отомстить ему за бессмысленную жестокость, за тупое, дословное следование великой Книге.

Не стоит раскрывать тайну происхождения Раса Тигра — пусть читатель раскроет ее вместе с героями романа. Берроузовский Тарзан отражается, точно в кривом зеркале, в новоявленном повелителе джунглей — таком, каким он мог бы стать, а не аристократе-самоучке Берроуза. И, однако, жестокий и звероподобный Рас по-своему симпатичен. В его характере присутствует та цельность, которой наделен и настоящий Тарзан.

Стоит обратить внимание и на ряд иронических символов, окружающих героя. Само его имя — Рас — означает по-амхарски «повелитель, господин». Приемных родителей Раса зовут

Юсуфу и Мирьям — Иосиф и Мария. Учítывая, что они именно приемные родители молодого дикаря, считающего своим отцом Бога долины — Игзайбера, аллюзия становится совсем прозрачной...

А пока Рас Тигр сидит на дереве, играет на флейте и поет песнь любви, дразня негритянских воинов и распаяя их жен, — молодой бог затерянного мира...

ВЛАСТЕЛИН ТИГР

*Посвящается Эдгару Райсу Берроузу,
без книг которого немислимы мои
детство и юность, а также Вернелу
Кориэллу, единственному, кто вправе
именовать себя «Властелином Тигром»*

ГЛАВА 1

Питон, надругавшийся над деревней

— Моя мать — горилла, отец мой — Бог!

Рас Тигр устроился поудобнее на ветке, прислонившись плечом к стволу дерева. Почти обнаженный: набедренная повязка из леопардовой шкуры да крокодильей кожи ножны с костяной рукояткой большого ножа на виду — вот и все одеяние, — в левой руке Рас держал наготове флейту.

— Я единственный в мире белый человек. И пришел к вам из Страны духов.

Он пел на языке вонсу. Даже увлеченный пением, Рас не забывал об осторожности и постоянно оглядывался. Облюбованное дерево росло почти что на берегу, в двух шагах от деревни. Обзор прекрасный: в поле зрения попадали и все постройки, и все поля к востоку, и свадебный островок, отделенный от мыса узкой протокой.

Рас пел улыбаясь. Паника, охватившая обитателей деревни, служила аккомпанементом много лучшим, чем флейта.

— О смуглокожие красотки, всех вас я люблю. Люблю, как молния высокое дерево, как рыба воду, а змея — свою норку в земле.

А крепче всех люблю тебя, Вилида, прекраснейшая из прекрасных, предназначенная сегодня другому.

Я, Властелин Тигр, могучий и прекрасный, ловкостью и силой подобный леопарду. Я Тигр из Страны духов, сам дух с бесконечным питоном меж ног; и улей мой сочится медом сладчайшим.

О смуглокожие красотки, всех вас я люблю. Люблю; как камень паденье; как орел ветер, а виверра — родного детеныша.

А крепче всех люблю тебя, Вилида, прекраснейшая из прекрасных, предназначенная сегодня другому.

Рас прервал пение, чтобы сыграть на флейте щемлящую мелодию, которую жених согласно обычаям вонсу исполняет для новобрачной, заключенной на острове. Высокий голос флейты разнесся далеко окрест.

Деревушка племени вонсу занимала северо-западную оконечность полуострова, образованного большой — не меньше мили в диаметре — речной излучиной. Перешеек мыса с востока, достаточно узкий и удобный для обороны, вонсу перегородили высокой стеной из заостренных стволов.

От стены до самой деревни пролегли поля, засеянные злаками и овощами. Саму деревню окружал дополнительный двойной частокол. В отличие от наружной стены заостренные бревна здесь заканчивались множеством шипов.

В центре образованного оградой круга стоял Большой дом — самая важная из деревенских построек. Он служил жильем вождю племени, но, кроме того, здесь проводились общие собрания и обряды поклонения духам. Дом этот — округлый, футов семидесяти в диаметре — покоился на множестве могучих свай высотой почти в рост человека. К единственному широкому входу вела висячая, сплетенная из побегов бамбука лестница.

Восемь малых хижин почти кольцом охватывали дом вождя; еще четыре стояли чуть поодаль, во внешнем круге. Все на сваях — каждая на одной — все круглые, с конической, крытой, как и Большой дом, тростником и пальмовыми листьями крышей. И к каждой вели плетеные ступеньки.

Последняя, четырнадцатая, постройка — обиталище зачинателя духов, — занимая место прямо у северных ворот, нарушала всю симметрию. Низко над ее крышей простерлась через частокол гигантская ветвь дерева. Обнаглевшие от голода леопарды нередко пользовались ею как охотничьей тропой. Пользовался ею и Рас, и неоднократно, но совсем с иными целями.

Он считал идиотизмом оставлять такие удобные лазейки через оборонительные стены и в молодые годы приставал к своим приятелям-вонсу с расспросами на эту тему. Те объяснили, что ветку срубить никак нельзя, потому что в дереве живет могучий дух, дух великого вождя Шабагу, который некогда и привел племя в здешние края. Так что дерево неприкосновенно.

Когда какой-нибудь вонсу умирал, тело после оплакивания в Большом доме переносили в хижину шамана для обряда очищения. А уже отсюда Шабагу забирал дух покойного вместе с телом к себе на дерево — свесившись с ветки, поднимал за волосы. О происходившем дальше представление у всех было весьма смутным. Но уже и это объясняло, зачем вонсу отращивают такие длинные волосы и укладывают их двойным конусом с помощью смеси козьего масла и красной глины. Шабагу должен иметь за что ухватиться.

Рас был заинтригован. Битых шесть ночей провел он в ожидании в ветвях священного дерева — всякий раз после смерти очередного вонсу. И однажды сподобился. Раса так потрясло появление Шабагу, что он чуть не вывалился из укрытия. Но дух, сотканный лунным светом из беспокойной листвы, оказался всего лишь игрой взбужденного детского воображения.

И сейчас, продолжая выводить мелодию и наслаждаясь охватившей деревню паникой, он снова едва не падал с дерева — на этот раз со смеху. Воины с воплями разбегались по хижинам за оружием, а женщины, отбросив мотыги, хватали грудных детишек на руки, пронзительно скликали тех, что постарше, и мчались в деревню. Перепуганные дети громко ревели.

К людскому хору подключилась и деревенская живность. Заполошно кудахча, рассыпались по полю пышнохвостые пестрые куры; отчаянно блея, металась среди бегущих людей длиннорогие козы; верещали под ногами насмерть перепуганные розовые свиньи — хор получился что надо.

Вождь Тибасу и шаман Вавафу, отчаянно жестикулируя, орали друг на друга у входа в Большой дом. К ним уже присоединилась добрая дюжина воинов.

Еще двое несли стражу на стене на перешейке. Три старика, слишком немощные для боевых тревог и сражений, посиживали в тени хижины. На охоту ушли еще шестеро, быстро подсчитал Рас.

Подростки, не прошедшие посвящения в воины, с легкими копиями в руках сбились в стайку рядом со взрослыми.

Два воина, Севату и Гайнаду, отложив копья в сторону, вытащили из Большого дома трон вождя, испещренный

гневными ликами могучих духов, и водрузили на каменное подножие у входа. Выточенный из цельного куска красного дерева и натертый пальмовым маслом, трон мутно поблескивал в лучах заходящего солнца.

Тибасу, возложив на седеющую голову пышный и пестрый убор из перьев, принял из рук заклинателя здоровенный скипетр и уселся. Остальные, тоже с перьями в волосах — единственной одежде, не считая продолговатых лыковых фартучков на гениталиях, — опустились на корточки и занялись попарно боевой раскраской.

Две старухи, Мазата и Гамиби, не без труда вынесли из жилища вождя большой глиняный горшок, расписанный затейливым орнаментом. Поставив его рядом с Тибасу, они поспешно, насколько позволяла старческая немощь, ретировались.

Воины выстроились перед вождем по ранжиру. Севату, начиная с вождя и шамана, обнес всех тыквенными бутылками с крепким пивом, наполнив их из горшка. Воины, поглядывая украдкой на священное дерево — укрытие Раса, — уселись, и совет начался.

Рас под их взглядами разошелся пуще прежнего. Он мог оставаться спокойным еще долго — перед любым серьезным делом племя устраивало продолжительную конференцию. А дабы в жарких дискуссиях не пересохли глотки, при этом выпивалась бездна горячительного напитка. Он добавлял и куража, которого на сей раз воинам требовалось немало — предстояла атака на гостя из Страны духов.

Рас отложил флейту и завел песню, адресованную нынешним обитателям свадебного островка. Там, у входа на мост через протоку, стражу нес старый знакомец, Биджагу — рослый, самый высокий из воинов племени (но все же на голову ниже Раса), и красавец, каких поискать. Этого не скрывал и развесистый головной убор из перьев розового фламинго. Такой ослепительный убор полагался по обычаю воину, стерегущему новобрачную. Кроме этого оперения, похожего скорее на опахало, да куцей накидки из шкуры леопарда, на Биджагу больше ничего не было. Не считая яркой перевязи из птичьих перьев, свисающей с выкрашенной в алый цвет мужской гордости и удлиняющей ее чуть ли не до земли.

Биджагу, разобрав слова песни и на таком удалении, отвел от лица перья, воздел копьё и испустил воинственный клич. Медный наконечник копьёя тускло блеснул на солнце.

На самом острове росло всего лишь одно дерево. С единственной веткой-перекладиной — остальные были аккуратно обрублены. На высоте в два человеческих роста висела на канатах из крокодильей кожи шаткая бамбуковая платформа. Там-то и находилась Вилида.

Сидя на крохотной скамеечке у центрального каната, она не могла даже толком повернуться, не нарушив равновесия платформы. Бамбуковые перильца, увитые лозой и огромными листьями и усеянные резными ликами разгневанных духов, скрывали ее от посторонних взглядов снизу. Той же цели служили соломенная маска и особенно шляпа — замысловатое изделие размером почти с балдахин со свисающими полями. Но Рас видел ее полные упругие груди, обведенные тремя концентрическими кругами — красным, белым и черным, — с выбеленными виноградинами сосков. Ягодицы и бритый лобок, целомудренно прикрытый клочком белой коры, светились в тени шляпы алой краской.

Вилида, приподняв на мгновение маску, послала Расу ослепительную улыбку.

Крокодилы, словно дрейфующие бревна с сидящими на них бабочками настороженных глазок, патрулировали протоку между островком и мысом. Узкая морда одной из рептилий плотоядно высунулась на берег. Обычно, в ходе регулярных облав, вонсу очищали от чудовищ соседствующий с деревней участок реки. Но только не во время брачных церемоний. Привлекаемые запахом объедков и свежей крови, сливаемой после забоя животных в реку, а также попадающими в воду плодами неудачных родов — явление для вонсу обыкновенное, — крокодилы ко времени свадеб успевали вернуться.

— Когда я, Белый дух, Властелин Тигр, пожелал стать вашим другом, вы ответили копьями. Око за око, вонсу, и я возвращаю вам копьё. Я прихожу по ночам к вашим женам, о бесстрашные воины. Огромный белый питон, растущий из моих чресел, крадется во тьме по деревне, заползает в хижины и обнюхивает ваших жен, о кастрированные вонсу. Он вынюхивает их своей слепой набухшей

головкой и запускает в них корни, пока вы крепко спите, о любвеобильные мужья.

Два восхитительных улья, свисающие с могучей ветви, что украшает крепкое дерево моего тела, источают в час питона мед сладчайший, о вонсу с чреслами пустыми, как иссохшие тыквы.

Подобно молнии, воспламеняю я плоть ваших жен, а вы — лишь только искры, падающие в листву после бури. Я, Властелин Тигр, мщу вам. И сегодня же ночью вопреки всем вашим предосторожностям, вашим копьям и голодным крокодилам я летучей мышью прилечу к прекрасной Вилиде, и мы познаем друг друга.

Биджагу в бешенстве возопил и метнул в Раса копье, что, впрочем, на таком расстоянии было совершенно бессмысленно. Воины в деревне также подняли воинственный гвалт, а вот некоторые женщины чему-то странно улыбались.

Тибасу, вождь племени, подпрыгнул с трона и, воздев к небу скипетр, издал мощный рык. Шаман, в свою очередь, хлопнулся оземь и забился, как выброшенная на берег щука.

Но за ворота никто из воинов не поспешил. Конференция еще не завершилась: пива в горшке плескалось вдо-сталь, и детали происшествия следовало обсудить как подобает. Рас уже успел познакомиться с обычаями племени. Хотя решающий голос в спорах был за вождем, высказаться предстояло каждому. И каждый должен был защищать свое мнение от возражений.

И все же Рас нет-нет да и поглядывал на джунгли вдоль берега. Оттуда должны были вернуться с добычей охотники, и им ничего не стоило подобраться к нему незаметно. Старшие, незнакомые с Расом по совместным играм, может, и испугались бы «бледного духа», но только не ровесники.

— О молодые воины, как я люблю вас! А больше всех тебя, Биджагу! Как здорово было нам вместе, когда мы любили друг друга. Мы были с тобой ближе друг другу, чем к леопарду пятнышки на его шкуре. А сейчас леопард растерял свои пятнышки и стал безобразен. Ненависть разделила его с пятнышками! И я лью горькие слезы. Но сквозь слезы я также смеюсь! Да, смеюсь! Мир наш создан для слез и страданий, но только не Рас. Он не

истает слезами. Мир создан для злобы и боли, но также и радости. Поэтому Рас смеется. Он смеется над вами, о вонсу, и возвращает вам вашу ненависть.

О юноши и девушки, таящие от племени смертный грех дружбы со мной! Вы молчите от страха стать крокодильным кормом. И даже ворожкой старый колдун не вытянет из вас ни словечка. Сумасшедший шаман, сам бы и отправлялся на обед к крокодилам.

Я, Рас Тигр, утверждаю это! Я, изгой, исчадие ада, бледный дух, знаю это. Я прихожу по ночам в вашу деревню — крадусь мимо стражи леопардом, тихий и словно призрак бесплотный. Чтобы все слышать и видеть, я таюсь в тени — и сам как тень. Я могу назвать немало имен, и крокодилы в реке разжиреют, они будут срыгивать вами и воротить от вонсу нос. А ваши дети, лишенные родительской заботы и ласки, будут плакать и пухнуть с голоду, и кто защитит их от диких зверей?

О вонсу, ваши возлюбленные жены тоже сперва боялись гостя из Страны духов. Но искушение отведать белого питона и источаемую им сладость оказалось сильнее страха. Они желали и они познали меня, о вонсу! Теперь даже старухи вашего племени вождеуют меня и льют слезы по своей былой красе. Я, Рас Тигр, проходил невидимкой к местам свиданий с вашими дочерьми и женами. Спросите у них, кто такой Рас. Бесплотный дух? Или плоть от плоти, кровь от крови? И они вам ответят: Рас — это сама неудержимость, само неистовство, неутомимость и...

Похоже, на сей раз Рас зашел слишком далеко. Биджагу дико взвыл и, забыв, что ни под каким предлогом не смеет покидать пост, бросился через мостик с другим копьем в руке. Севату схватился за лук. Свистнув мимо, стрела упала в реку. Крокодилы сразу оживились. Остальные воины с Тибасу во главе высыпали из северных ворот и, рыча от ярости, помчались к священному дереву.

Когда стрела впилась в ветку совсем рядом, Рас все же поднялся, спрятал флейту в дупло и, зажав в зубах нож, побежал по ветви, далеко выступающей над рекой.

Рядом прошелестело копье. Стрелы стали сыпаться так часто, что Рас, не добежав до конца ветки, оттолкнулся и прыгнул в реку. Не всплывая, он метнулся к противоположному берегу со всей возможной скоростью. Вода,

еще прозрачная, не могла пока скрыть его от глаз вонсу — только от стрел. Чтобы уцелеть, Рас должен был держаться на глубине как можно дольше. И всплыть в неожиданном для вонсу месте, не оставляя времени на прицельную стрельбу.

Слева под собой Рас углядел гигантскую мутную тень, скользящую наперерез. Подавив испуг, продолжал плыть, пока тень не оформилась в кровожадную рептилию, за которой следовала еще одна. Только тогда, вынырнув, Рас перевел дыхание. Прежде чем скрыться под водой, он отметил взглядом оживившихся вонсу и крокодила, вдохновенного близостью трапезы. После нескольких размашистых гребков под водой Рас вынырнул снова и как раз вовремя. Его расчет оправдался — из дюжины стрел и копий одно копьё вонзилось крокодилу в спину и прочно застряло в его броне. Пытаясь избавиться от досадной и болезненной помехи, рептилия бешено завертелась, забила гигантским хвостом, но все, чего добилась, — это подняла со дна тучу ила, подкрашенного хлещущей из нее кровью.

Второй крокодил, забыв о прежней цели, рванул на запах крови. Рас же, время от времени всплывая за глотком воздуха, двинулся дальше и вскоре нащупал ногами дно. Его еще могли задеть стрелы вонсу на излете, но лишь по чистой случайности. И в этот раз смерть дохнула, обходя стороной.

Рас выкарабкался на берег и скрылся в кустах. Стрела, пробив рваную дыру в гигантском лопухе слоновьего уха, шлепнулась в грязь. Рас спрятался за дерево. Солнечный луч, пронизавший густую листву, пал на него, как символ избавления от опасности. Его тепло утишало биение сердца. Ощущение было восхитительным, как сама жизнь, — это и была сама жизнь.

ГЛАВА 2

На краю ойкумены

Когда Расу стукнуло девять, присматривать за ним стало совершенно невозможно, и родители махнули на сына рукой. Раньше хотя бы один из них старался никогда не выпускать мальчика из виду. Рас же, отлично

представляя последствия непослушания, ускользал от Мирьям и Юсуфу при малейшей возможности. Ему досаждал неусыпный родительский надзор — он считал, что об опасностях джунглей, всяких там змеях и леопардах, знает отнюдь не меньше взрослых и прекрасно может сам о себе позаботиться. Юсуфу на своих коротких кривых ножках не мог состязаться с мальчиком в скорости, разве что на деревьях, где еще не уступал Расу в ловкости.

Но и там он вскоре оставил всякие попытки ловить Раса. Без особенного успеха Юсуфу выкрикивал мальчику вослед ругательства и угрозы на нескольких известных обоим языках: амхарском, арабском и суахили. Рас, конечно же, вину свою признавал — родителей он любил и огорчать не желал. Но свобода была дороже всего. А старый Юсуфу вечно твердил одно и то же: делай так, не делай этак, туда не ходи, гуляй только там, этого остерегайся, того и в рот не бери. Муки его совести облегчала неременная порка по возвращении. И как бы крепко ни доставалось, жажда свободы всегда превозмогала боль от побоев.

Рас исследовал всю территорию от скал у озера на севере и до южного края плато. Правда, дальше, за край плато, еще не спускался. Джунгли внизу казались такими зловещими, что на память сразу приходили родительские увещевания и строгие предостережения. Более того, когда однажды мальчишеское любопытство все-таки превозмогло осторожность и Рас, цепляясь за выступы, начал спускаться со скалы, его попытку пресекла Птица Бога.

Сколько Рас себя помнил, Птица Бога всегда вертелась неподалеку. Однако столь явный к нему интерес она выказала впервые. Обычно Птица или пролетала в вышине по своим загадочным делам, или, почти невидимая, парила над головой.

Птица Игзайбера (так Юсуфу называл Бога) разительно отличалась от прочих сотворенных им же летающих тварей. Если верить словам матери, Птицу эту Игзайбер создал значительно позднее прочих и с особой целью — присматривать за порядком, а также за поведением Раса и докладывать обо всем Творцу. Внутри Птицы, по словам Мирьям, постоянно находился Ангел.

Размеры птицы поражали воображение — более полу-сотни орлов, сложенных вместе, — а формой она походила на гигантскую рыбу. Местами Птица сверкала на

солнце точно так же, как зеркальце Раса. Ноги ее, слегка растопыренные, неподвижно висели под брюхом, а сами лапы, удивительно округлые, никогда не выпускали когтей.

Крылья же птицы, прикрепленные к туловищу сверху, вращались со звуком «чоп-чоп-чоп» так быстро, что сливались в ослепительно мерцающий прозрачный круг.

Рас уже на четверть одолел спуск с плато, когда в небе появилась птица. Заметив ее, мальчик не придал сперва этому никакого значения. Но когда птица спикировала и, зависнув ниже, стала медленно к нему подбираться, Раса оглушил ее рев, а ветер, создаваемый ее крыльями, чуть было не сдул со скалы. В ужасе прильнув к камням, мальчик замер.

В пухом прозрачном брюхе птицы вместо сердца и прочих органов помещались два ангела с алыми, похожими на маски лицами. Тела их были скрыты под непонятного происхождения коричневой тканью. Один из ангелов сидел впереди, второй, направляя на Расу таинственный черный ящичек с блестящим глазком, стоял за его спиной. Затем, отложив ящик, он энергично зажестиковал, призывая Расу вернуться на плато. Мальчик, слишком напуганный, чтобы возражать, беспрекословно подчинился. В спешке он даже едва не сорвался со скалы. Птица сопровождала его в этот раз почти до самого дома.

Рас не хотел пугать родителей рассказом о необычном поведении Птицы Бога, но они все знали и сами. Мальчик сомневался прежде, что Игзайбер, по словам родителей, сообщает им все о его проказах, даже более того — был уверен, что это педагогическая выдумка с целью его обуздать. Но тут его уверенность поколебалась.

Когда Расу исполнилось девять, ему неожиданно разрешили спуск с плато. При условии, что он будет возвращаться домой засветло.

— Почему же раньше запрещалось, а теперь вдруг можно? — удивился мальчик.

— Так написано.

Юсуфу вечно отделялся одной и той же фразой: «Так написано».

— Написано где?

— В Книге.

И ни слова сверх этого.

Когда Рас собрался в свой первый дозволенный поход, Мирьям, рыдая и душа сына в объятиях, умоляла отказаться от гибельного намерения.

— О сынок мой, сердце матери не выдержит, если ты сгинешь в джунглях. Останься со мной, не уходи никуда!

— Мальчик становится мужчиной, — проворчал старый Юсуфу. — Кроме того, так написано.

Но и его глаза подозрительно блеснули, когда он провожал мальчика. Дойдя до начала равнины, конец которой терялся в зарослях, Юсуфу проверил амуницию Раса. Большой нож, тот, что был найден в хижине возле озера, сплетенная из луба веревка, лук и колчан с десятком стрел — все оказалось в полном порядке. Кроме оружия, Рас захватил с собой, сложив в поясную сумку, зеркальце, каменный оселок и черепаховый гребень.

— А сейчас, — хмуро вымолвил Юсуфу, — последнее напутствие. Внизу обитает племя нечестивых вонсу. Ты прежде еще не сталкивался с людьми; единственный человек, которого ты знаешь, да и то, пожалуй, не слишком, — это ты сам. Не надейся, что вонсу примут тебя, как мама с папой, с распростертыми объятиями. Они очень опасны и прежде всего постараются тебя уничтожить. Будь осторожен, сынок, не ходи открыто. Подкрадись, как при охоте на леопарда. Понаблюдай за ними издалека, втайне. И учти, если ты попадешь к ним в руки живым, то пожалеешь, что вообще на свет родился.

У тебя, впрочем, есть одно преимущество. Вонсу могут принять тебя за духа, за призрака. По их поверьям, духи должны быть бледными, а таких, как ты, белых людей они еще не встречали. Может, их поверья и справедливы, не знаю, с духами не сталкивался. Но ты вовсе не дух, запомни хорошенько, ты — человек. Если вонсу примут тебя за духа и со страху побегут, не преследуй, не загоняй их в угол.

Юсуфу крепко обнял мальчика на прощание. Рас был растроган, хотя про себя невольно отметил, что уже перегнал отца ростом. Каким же тот станет маленьким, когда Рас повзрослеет!

Чмокнув отца и сглотнув комок в горле, Рас убежал. Миновав заросли, спустился с плато — Птица Бога мешать на этот раз не стала.

Река, двумя водопадами низвергаясь с плато, снова сливалась воедино у подножия скал и убегала в джунгли. Вдоль ее извилистого русла Рас и шагал до темноты. Затем, соорудив на дереве безопасное гнездо, поспал; утром, подстрелив мартышку и поджарив ее над маленьким костерком, позавтракал. И отправился дальше.

Спустя несколько часов Рас услышал первые голоса.

Этот волнующий миг, миг первой встречи с людьми Рас запомнил на всю жизнь.

Крайне осторожно, в точности следуя отцовским наставлениям, он подобрался ближе и увидел за рекой стены деревни. Скрываясь среди ветвей, Рас долго изучал окрестности, затем, выбрав местечко, почти скрытое от глаз обитателей, переплыл реку. Подыскав дерево поразвесистее, забрался как мог выше и принялся разглядывать женщин и детей, работающих в поле.

Рас дрожал от любопытства, смешанного со страхом. Со слов родителей он знал, что вонсу черны как смоль, волосы их курчавы, а сами они свирепы, как исчадия ада, и вообще — лишь наполовину люди. Но то, что предстало его взору, выглядело несколько иначе. Да, они темно-кожи, но не черны как смоль, не темнее Мирьям. Правда, у матери прямые волосы, орлиный профиль и тонкие, как у леопарда, губы. У вонсу же — прелестные кудряшки (всклокоченные и спутанные, как их черные мысли, по словам Юсуфу), толстые губы и широкие приплюснутые носы с глядящими вперед ноздрями.

Даже Юсуфу чем-то неуловимо походил на них, правда, при этом был значительно ниже — с вонсу-подростка. И еще от вонсу родители отличались непропорционально большими головами и крохотными конечностями. Лица воинов-вонсу были наги в отличие от лица Юсуфу с длинной, чуть ли не до колен, бородой.

Рас поглядел на себя: его кожа, светло-коричневая от солнца, в потаенных местах напоминала бледностью рыбье брюхо. С год назад мать подарила ему зеркальце. Первый же взгляд в него стал для мальчика потрясением: настолько мало он походил на своих родителей. Ему ведь так хотелось быть на них похожим, быть сыном своего отца, яблоком от яблони — но в зеркале неумолимо отражались огромные, ни на что не похожие серые глаза, прямой тонкий нос и узкая щелочка губ!

Позже, примирившись с неизбежностью, Рас утешал себя мыслью, что унаследовал, пусть даже с некоторыми изменениями, черты матери.

Но в тот день — он запечатлелся в памяти как День зеркала — Рас всерьез усомнился в родстве с Мирьям и Юсуфу. И примерно тогда же заподозрил, что они вовсе не обезьяны, как уверяют. А если даже и обезьяны, то отнюдь не шимпанзе или гориллы или еще какие-то известные ему виды. И начал приставать к ним с расспросами. Угрозы наказать мало помогали родителям; отговórки и экивоки не удовлетворяли Раса, и полгода спустя Мирьям сдалась. Она открыла мальчику, что Юсуфу не отец ему, а отчим. И поселился с ними уже после рождения Раса. Признание было сделано, пока Юсуфу ходил на рыбалку. Но сомнения Раса в подлинности ее материнства Мирьям отвергла наотрез и поведала, что истинный отец мальчика — сам Игзайбер.

Ох, непросто было Расу поверить, что он — сын Бога. Мирьям нарасказывала ему об этом столько всевозможных баек, что со временем мальчику пришлось выстроить самостоятельную версию собственного происхождения.

Что же до Юсуфу, так тот просто признался, что не отец Расу. Но любит его даже больше, чем собственного сына. Рас так пропорционально сложен, у него такие красивые руки и ноги, он просто прекрасен — и он, Юсуфу, никогда с ним не расстанется. Вот Мирьям, ту пусть забирает к себе Игзайбер. Меньше мучений! Даже Игзайберу не по силам порой заткнуть фонтан ее красноречия! А ее норов — точно у верблюдицы, страдающей запором в брачный период!

Смысл приведенного сравнения почти ускользнул от Раса — он никогда не видел верблюдов воочию, они не водились ни на равнине, ни в джунглях. Лишь помнил картинку из книжки в озерной хижине. Юсуфу пояснил, что когда-то в их краях еще встречались такие животные, но затем мало-помалу вымерли. «И к твоему счастью, сынок, что вымерли — они ужасно воняли!»

Рас вспомнил все это, не сводя глаз с вонсу и продолжая вздрагивать от возбуждения. Часть его сознания сосредоточилась на людях перед глазами; другая — чисто рефлекторно контролировала тылы на случай опасности; третья, крохотная, оставалась с родителями — он видел и

слышал их, как воочию. И какой-то участок мозга сводил все воедино, вызывая странное чувство смещения, отстранения. Казалось, даже происходящее сейчас и здесь происходит с ним самим как бы помимо его участия. Все это — непостижимо глубокое, темное, плотское и духовное одновременно — и было им самим, Расом.

В первый день он не делал попыток приблизиться к вонсу. Как, впрочем, и в следующие десять визитов, первый из которых состоялся лишь неделю спустя. Расу не хотелось бы причинять родителям лишние огорчения, однако вонсу жили слишком далеко, чтобы успевать обернуться засветло. И, возвращаясь домой после очередного ночлега под открытым небом, Рас заставлял родителей всегда за одним и тем же занятием: сидя у порога, они вглядывались в заросли. Чтобы избежать заслуженного нагоняя, мальчик заранее запасался оправданием поубедительнее. То леопард загнал его на дерево, и пришлось коротать ночь на ветках, то увлекла погоня за ускользнувшей под занавес дичью. Порки это, впрочем, не отменяло; более того, если Расу не удавалось сдерживать стоны и слезы, он получал дополнительные удары.

На одиннадцатый день рождения Рас получил совершенно неожиданный подарок. Родители позволили все, что до сих пор неукоснительно возбранялось. Он мог бродить где угодно и ночевать где вздумается. Озадаченный внезапной переменой, Рас не удержался от расспросов и узнал в конце концов, что разрешение исходит от Бога.

Неужели Мирьям действительно напрямую общается с Игзайбером? Ужасно заинтригованный, Рас ухлопал на слежку за матерью кучу времени. Но застать ее лицом к лицу с Богом никак не удавалось. Она общалась лишь с Юсуфу, а когда того не было дома, разговаривала лишь сама с собой.

С тех самых пор Рас частенько исчезал из дому на несколько дней, порой на неделю. Он обследовал весь край к югу от плато — до места впадения реки в Паучье болото. И уже заканчивал изготовление плота для дальнейшего путешествия, когда был ужален болотной гадюкой.

Рас чуть не умер тогда. Он еще успел вскарабкаться на плот и, испытывая адовы муки, лежал, совершенно

беспомощный. Словно армия муравьев, грызущих тело изнутри и рвущих на части мозг, разбежалась по жилам. Как тревожный барабан, билось в агонии сердце. Полупарализованный ядом, Рас ощущал свое тело одним комком боли. И совсем невыносимой боль эту делала мысль о безутешном горе родителей, которые будут ждать и так никогда и не дождутся.

Солнце и звезды четырежды сменили друг друга в безучастном небе. Раса поедом ели насекомых, но, к счастью, не муравьи. Каким-то чудом бесчувственного мальчишка прозевали крокодилы и стервятники. Наконец он пришел в себя и сумел перебраться на островок, где в тени большого дерева, питаясь одними только кишевшими вокруг насекомыми, два дня собирался с силами. Путь к дому занял еще три с половиной дня.

Некоторое время после этого Рас сдерживал свои порывы и старался больше бывать дома, с родителями. Изредка поднимался в холмы позабавиться с приятелем-гориллой, померяться с ним силой и ловкостью. Выздоровев окончательно, Рас отложил на время исследование Паучьего болота — вонсу с их занятыми обычаями интересовали его больше, чем география.

Наблюдая за ними и прислушиваясь к речам, Рас начал кое-что понимать на их языке. Речь вонсу оказалась удивительной: одни и те же слова или даже звуки, произнесенные с разной высотой и интонацией, могли означать прямо противоположное. Четыре интонационных уровня использовались, например, в беседе о том, что случилось раньше, происходит сейчас, может произойти в будущем или просто находится в Стране духов.

Страной духов, как сообразил Рас, вонсу именовали его собственный край, скалы плато. Вот почему они туда никогда не поднимались.

Первый контакт оказался задачей не из легких. Естественно, Рас предпочел иметь дело со сверстником. Взрослые всегда таскали с собой дубины и копья и, казалось, готовы пустить их в ход без малейших колебаний. Женщины же покидали деревню редко, по воду да для полевых работ. А за полем, огороженным с одной стороны, присматривали еще и часовые. Нечастые выходы женщин с детьми за частокол в джунгли — по грибы да за

кореньями — случались только под охраной. К тому же в джунглях дети держались рядом со взрослыми.

Но вот на самом полуострове дети часто играли на берегу реки без присмотра. И заросли здесь были достаточно густы, чтобы спрятаться и наблюдать.

На этом пляже Рас и увидел впервые Вилиду, очаровательную хохотушку, с азартом предававшуюся любой детской забаве. Решив попытать с ней удачи, Рас дождался, когда дети затеют игру в прятки, и вышел из укрытия навстречу девочке. Улыбаясь — рот до ушей, — заговорил Вилиде путь к отступлению. Она застыла, затем всплеснула руками, как бы отгоняя наваждение, темная ее кожа стала сероватой, и девочка упала в обморок.

Рас был просто потрясен. Он не видывал до сих пор никого в подобном испуге, тем более что сам явился тому причиной.

Мальчик опустил на корточки рядом и, дождавшись первого взмаха ресниц, красноречивым жестом приложил палец к своим губам. Похоже, это не помогло — рот девочки распахнулся, — и Рас был вынужден прикрыть его ладонью. Глаза Вилиды сверкнули, но вырваться она не попыталась. Тогда Рас произнес вполголоса несколько фраз на языке вонсу. Постепенно лицо девочки приняло нормальный цвет. Наконец на просьбу Рас не поднимать шума она кивнула, вернее, мигнула — пошевелить головой не давала рука Раса. Но как только Рас ее убрал, завопила что было мочи.

Рас в панике скрылся в кустах и не мешкая переплыл реку. На его счастье, крокодилов поблизости не оказалось.

Отдышавшись, он выглянул снова. За рекой в зарослях с воинственными воплями бродили воины, без особенного энтузиазма тыча в кусты копьями. Казалось, им вовсе не хочется никого там обнаружить.

Дома Рас был тих и задумчив. Мирьям забеспокоилась, уж не заболел ли он. Мальчик ответил, что думает. Его и на самом деле одолевали мысли, саднившие душу. Почему девочка так перепугалась? Неужели он так уж безобразен? Может, он и вовсе монстр какой-то? Конечно, он мало похож на вонсу, но не настолько же отличен, чтобы испытывать к нему настоящее отвращение. Да будь он чудовищем, разве любили бы его так сильно родители?

Спустя шесть дней Рас вернулся к деревне. Дети как ни в чем не бывало резвились на берегу. Рас переплыл реку и снова подстерег Вилиду. На этот раз он был осторожнее. Заручившись ее согласием не шуметь, Рас отвел руку от ее губ не дальше, чем на дюйм. И она не закричала.

Они поговорили, вернее, сделали такую попытку. Вилида почти успокоилась и уняла дрожь. На прощание даже улыбнулась. Но удалилась все-таки слишком поспешно. Насколько Рас мог слышать и видеть, в этот раз она его не выдала. И самое главное, пришла на свидание снова — в обещанное время.

Остерегаясь засады, Рас, прежде чем показаться из зарослей, хорошенько разведal окрестности. В этот раз они уже общались свободней, и за следующие пять свиданий Рас как следует продвинулся в языке.

На шестой раз Вилида привела с собой подружку. Фьювита, так звали новую знакомую, на первый случай не рискнула ни подойти, ни заговорить. Лишь позднее, осмелев под воздействием примера подруги, стала принимать живое участие в уроках языка.

Недели через три к ним стали присоединяться и другие. И все сначала вели себя мало сказать сдержанно — пугливо, кроме Вилиды и Фьювиты, чуть не лопавшихся от сознания собственной значимости. Монополия на дружбу с белым мальчиком-духом поднимала их авторитет среди сверстников на недосягаемую прежде высоту. Только тогда Рас начал понимать, что они принимают его за дух, призрак умершего мальчика, а не за живого человека. Теперь вполне объяснился обморок Вилиды при первой встрече.

Дети, подогреваемые смелостью двух девочек, не долго пребывали в нерешительности. Любопытство превозмогло суеверные страхи, и вскоре все сидели одним кружком, хохоча над произношением Раса. После некоторых колебаний дети рискнули даже потрогать бледную кожу гостя. Рас улыбался при этом, уверяя, что он добрый дух и никого не укусит.

Именно в тот день он познакомился с Биджагу, женихом Вилиды. С малых лет сговоренные родителями, они собирались пожениться сразу же, как достигнут положенного возраста.

Позже Рас, стараясь не попадаться на глаза посторонним — взрослым и подросткам, работавшим в поле, — включился в веселые детские забавы. Среди детей не было равных ему в ловкости, и в борьбе он легко побеждал любого из мальчиков. Они не обижались и не злились — разве смертный может одолеть привидение?

В свою очередь, Рас развлекал детей историями о Стране духов, о матери-горилле и горилле-отчине. Небрежное упоминание об истинном его отце Игзайбере (вонсу называли Творца Матсунгу, или Ткущий паутину) повергло детей в трепет. Но только поначалу.

Биджагу любопытствовал, почему Рас светлокож и прямоволос. Ведь самый первый человек, вылепленный Матсунгу из смеси черной глины с паутиной, был черным, толстогубым и курчавым. От него-то и произошли все вонсу, на него и похожи. Вот племя шалику, живущее за Паучьим болотом, так те, например, помесь вонсу с крокодилами.

Если Матсунгу ему и вправду отец, то Рас должен походить на вонсу или же иметь нечто общее с пауком.

Рас за словом в карман не лез. Не уступая пальму первенства по части экивоков собственной матери, он с ходу уточнил, что его отец, Игзайбер, давно сверг Матсунгу с небесного престола и занял освободившееся место. А цвет кожи объясняется тем, что Игзайбер смыл с Раса черноту, пометив его тем самым как единственного сына.

«Низвержение» с пьедестала бога племени повергло детей в настоящий шок. Не долго думая, Рас добавил, что Матсунгу сослан теперь в Паучье болото, где и царствует над пауками. Но, заметив неподдельное огорчение, понял, что хватил лишку, и поспешил исправиться. Не дай Бог, еще взрослых начнут расспрашивать! Смеясь, Рас обратил все в шутку — сказал, что это розыгрыш и на самом деле он, конечно же, сын Матсунгу; на паука не похож по воле отца, придавшего ему сходство с матерью-гориллой — отсюда его прямые волосы и тонкие губы. А цвет кожи, так это совсем просто. Дело в том, что он, Рас, был зачат ударом молнии, посланной Матсунгу, молнии, выкрасившей все в материнском чреве в белый цвет. Прямой тонкий нос — результат усилий, с которы-

ми Матсунгу вытаскивал его из материнского чрева, вытаскивал именно за нос.

Авторство идеи с молнией принадлежало матери, остальное Рас присочинил сам.

Биджагу скептическим тоном признал, что все это вполне может оказаться и правдой, но как быть с тем, что Рас (которого он, кстати, переводя на язык вонсу, называл Лазазу) — дух умершего мальчика?

Рас перевел дыхание, чтобы не вспылить. Видя, что мальчики готовы пустить в ход кулаки, вмешалась Вилида. Она предположила, что отец Раса — верховный дух в стране к северу от деревни (дипломатично избегая названия «Страна духов»), а Матсунгу — главный дух в их собственных местах. Точно так же, как Басама, дух-крокодил, верховенствует в племени шалику. Полностью убедиться в этом они смогут, когда подрастут и отправятся в далекое путешествие за Паучье болото. Там, на краю мира, за землями шалику, в месте, где река впадает в подземелье, живет на островке бессмертный Визузу. Он живет в преддверии подземного мира с незапамятных времен и за солидную плату отвечает на любые человеческие вопросы.

История о мудром старце всерьез заинтересовала Раса. Он тут же решил, что обязательно отправится в такое путешествие, — не дожидаясь, пока станет взрослым. И, может статься, измучившие его вопросы найдут там свое разрешение.

К сожалению, Рас не мог проверить сведения о Визузу у родителей. Во-первых, они могли и не знать о нем ничего, иначе бы Рас что-нибудь да услышал. Во-вторых, если спросить, то уж точно возникнет подозрение, что он общается с вонсу — иначе от кого он услышал такое. Хотя ему теперь и не запрещалось путешествовать, родители продолжали остерегать сына от общения с «вонсу-выродками», а ему так не хотелось их огорчать понапрасну! Да еще неизвестно, как отнесется к этому Игзайбер. А ждать, когда ему позволят это, можно долгие годы...

Иногда на встречи с детьми Рас захватывал с собой в поясной сумке несколько упругих мячиков. Вонсу каучука не знали, и мячи произвели немалое впечатление. На вопросы, откуда он их взял, Рас ответил, что однажды они просто появились в его жилище. На самом деле мячи

ему вручил Юсуфу как дар самого Аллаха — день, когда это случилось, был посвящен занятиям арабским языком.

К вящему восторгу зрителей Рас продемонстрировал несколько изящных жонглерских приемов с мячами, перенятых у Юсуфу. После показал несколько замысловатых прыжков и сальто, затем своим большим ножом с двадцати шагов несколько раз поразил без промаха мишень.

Но самое сильное впечатление Рас произвел, когда, натянув между деревьями веревку, продемонстрировал искусство канатоходца. Эффект был бы сильнее, если натянуть веревку на приличной высоте, но из осторожности — их забаву могли заметить и со стены, и с поля — Рас ограничился высотой в человеческий рост и место для аттракциона выбрал поближе к берегу.

Рас показал детям все, на что был способен: и просто ходьбу, и подскоки, и повороты, и сальто. Чтобы не завизжать от восторга, зрители вынуждены были зажимать себе рты ладошками. Завершил выступление Рас коронным трюком: подбрасывая ногами мячик, прошелся по канату на руках.

Детям тоже захотелось попробовать. Кое-кому удалось пройти от дерева до дерева. Большинство свалилось, некоторые при падении ушиблись или поцарапались. Рас забеспокоился, не пожалуются ли они родителям.

Никто его не выдал. Рас был их общей и единственной серьезной тайной. Чуть не лопааясь от желания похвастаться, дети умудрились сохранить дружбу с мальчиком-духом в секрете от взрослых в течение нескольких лет. Рас, не слишком им вначале доверяя, пригрозил забрать предателя в Страну духов. И пообещал, что его отец, Игзайбер, разрушит молниями деревню и всех поубивает. Дети, побледнев, притихли, только Вилида нашлась:

— Если нас убьют, мы все станем духами. Значит, и сами попадем в твою страну.

— Не совсем так, — отозвался Рас. — Того, кто проболтается, я сошлю в подземный мир, в большую пещеру, куда убегает река. Там его вечно будут терзать монстры и демоны, и он никогда больше не увидит родных и близких.

Дети ахали и охали, но продолжали уточнять детали, удивляясь собственным ужасом. А Рас, пользуясь случаем

потренировать воображение, охотно развивал тему. Его маленько занесло, он начал сочинять подробности из жизни Визузу, о котором и узнал-то от самих вонсу. Нимало не смущаясь, Рас договорился до того, что этот страшный всеведущий привратник подземного царства находится в полной его, Раса, власти. Округлившись глаза детей были достойной наградой.

Рас, плохо представляя, что же такое может потребовать Визузу в обмен на свои услуги, не сумел с ходу придумать ничего убедительного и отделался намеком на вещи столь ужасные, что вслух и выговорить-то страшно. Иносказания и недоговоренности, как заметил Рас, действуют порой на воображение куда сильнее самых красочных живописаний.

Дети, в свою очередь, поведали ему о путешествии Вавафу. Оказывается, в молодости шаман сумел, ускользнув от Большого паука и кровожадных шалику с их крокодилами, пробраться за болота, к острову всеведущего Визузу. Никто не знал, чем рассчитался шаман со старцем, предполагали — собственной печенью. Вонсу считали, что именно в печени кроется человеческое сознание. И версию подобного расчета за услуги подтверждали постоянные припадки Вавафу — тот бился в конвульсиях, терял сознание, часто вел себя как безумный.

Рас укрепился в своем намерении добраться до Визузу. Уже к десяти годам накопилась уйма безответных вопросов, а к двенадцати их и подавно меньше не стало. Правда, некоторые сильно переменились.

В «тайное общество», кроме Раса, входило пятеро детей: два мальчика, Сатину и Биджагу, и три девочки, Вилида, Фьювита и Голаби. Примерно через полгода, посвященные в основном безобидным играм в прятки, «угадай-чей-палец» и «чепуху», дошло дело и до иного. Случилось это в один прекрасный день, когда вся компания сидела в кустах в двух шагах от реки. Вилида, странно хихикая, обратила общее внимание на размеры и белизну Расова пениса. Уязвленный Биджагу заявил, что у него ничуть не меньше, а белый цвет делает Расов похожим на червяка, обитающего под камнями. На мертвого червяка. Ухмыляясь, Вилида возразила, что член у Раса не всегда такой безжизненный, как червяк. Она видывала его совсем иным, вполне оживленным — когда

Рас боролся, особенно с девочками. И думает, что пенис у Раса длиннее, чем у Биджагу. Биджагу молча поднялся и принялся теревить свою игрушку, жестом предложив Расу следовать его примеру. Рас принял вызов. Мастурбация была ему не в диковинку. Вопреки родительским предостережениям, что, мол, такие игры доведут до бесплодия и слабоумия, Рас часто предавался им, прячась в джунглях. И даже научил свою ручную обезьянку облизывать ему пенис. Большого наслаждения Рас, впрочем, от этого не получал.

Сейчас Расу предстояло доказать сверстникам свое превосходство — в этом, как и во всем остальном. Мастурбировать на виду ему еще не приходилось, ощущения от этого только обострились.

Сатину, вдохновленный представшим перед глазами зрелищем и напряженным вниманием девочек, вознамерился также принять участие в поединке. Однако был скоро забракован. Обиженный, он отошел в сторону, но мастурбацию не прервал.

Длина напряженных пенисов у Раса и Биджагу совпала тютелька в тютельку, и победу Расу засчитали по толщине. Биджагу оспорил результат. Заявив, что, если ему помочь, у него будет еще толще, он выразительно глянул на Голаби. Та, поняливо хихикнув, опустила на колени и взяла член в рот. Рас поманил Вилиду — она последовала примеру подружки. Ухватившись за курчавые волосы и переводя взгляд с мелькающей между пухлыми губами набухшей светлой головки на затуманившиеся глаза девочки, Рас непрерывно двигал бедрами.

Ощущения были восхитительными, но Рас уже знал, что удовольствие обернется острой болью в паху. Заканчивать он еще не умел. То, что другим мальчикам, возможно, тоже предстоит помучиться, служило слабым утешением.

Рас был провозглашен абсолютным победителем. С тех пор к прочим, невинным играм дети добавили сексуальные развлечения. У мальчиков сосали члены, девочкам лизали клиторы. Вилида поведала о похождениях с Тагабу, мальчиком постарше. Всякий раз, когда тому удавалось заставить Вилиду вдаль от взоров, он засовывал ей свой член между ног. После нескольких попыток, причинивших Вилиде скорее боль, чем удовольствие, она отка-

залась — предпочла брать член губами. Во время этих свиданий Вилида чувствовала глубоко внутри себя некую теплую волну — не хватало слов описать ощущения. Но ей казалось, что это похоже на ощущения взрослых женщин, пусть и в меньшей степени. Судя по тем звукам, что Вилиде доводилось слышать, когда сексом занимались ее родители, оргазма она еще не испытала. Но собственные связанные с сексом ощущения ей тоже нравились, особенно горячая внутренняя волна.

Рас охотно принимал участие в сексуальных играх, отказываясь сперва от их анальной разновидности — родительские наставления о гигиене и их отвращение ко всему, связанному с опавлениями, оказали свое воздействие. Но — вызов брошен, попробуй не прими! — вскоре включился и в педерастию, опробовав такой способ, впрочем, сначала на девочках. После сношений в зад Рас всегда тщательно отмывал член, настаивая, чтобы и остальные делали то же самое.

Еще случались у них конкурсы «кто дальше струю пошлет», которые Рас тоже обычно выигрывал. И пусть всего лишь на дюйм-другой, но его дуга поднималась выше и летела дальше, чем у других мальчиков.

ГЛАВА 3

Женщины в ночи

Со временем Рас с друзьями все чаще оказывался на грани разоблачения. Сначала он от неожиданных визитеров скрывался в ближайших зарослях, затем решил, что этого недостаточно. Безопаснее — хотя бы днем — укрываться на противоположном берегу.

На реке нашлось сравнительно удобное и укромное местечко, глубокое и довольно узкое, с густыми зарослями со стороны деревни. Там реку можно было пересечь быстро, не привлекая стороннего внимания. И компания стала собираться на другом берегу. Там, в джунглях, подслушать их никто не мог. Нарушение запрета переплывать реку возбуждало детей, щекотало нервы. Здесь запросто можно встретить голодного леопарда. А кроме того, дети все еще немного опасались, что Рас заманит их в Страну духов.

Рас, к своему глубочайшему сожалению, не мог посвятить сверстникам столько времени, сколько хотелось бы. Пять дней в неделю он был занят учебой и тренировками. Юсуфу заставлял мальчика качать мышцы, бегать, заниматься акробатикой, жонглированием, приемами рукопашного боя и боя на копьях, метанием ножа, стрельбой из лука. Казалось, изучить все известные Юсуфу приемы просто невозможно, столько их было. Немало времени отнимали уроки чтения и письма на всех известных Юсуфу языках: английском, арабском, суахили и амхарском. Упор делался, впрочем, на английский. В заброшенной озерной хижине нашлось множество книг, все на английском. Большинство — красочно иллюстрированные, с подписями под картинками, гласившими, например: «А — это Апельсин; Б — это Барабан...» Порою картинки изображали какую-либо сценку, а надпись звучала тогда так: «Джим и Джейн видят бегущую собаку». Возможно, Джим и Джейн видели собаку, а вот Расу пока не доводилось; животное в книге чем-то напоминало ему шакала.

Старому Юсуфу сперва пришлось помогать Расу, пока он не научился связывать сюжет рисунков со смыслом черных значков под ними самостоятельно. Началось с казуса. В один прекрасный день Юсуфу спросил у Раса, научился ли он уже читать по-английски.

— А что такое читать? — удивился мальчик.

— Это ты должен понять сам, — отозвался Юсуфу.

— Как это?! — У Раса отвисла челюсть.

— Так написано.

В конце концов, признав тщетность усилий мальчика постичь грамоту самостоятельно, Юсуфу дал ему несколько начальных уроков. Причем не в стенах хижины, где хранились книги и заниматься было бы удобнее. Юсуфу выбрал местечко в глубине леса, и Рас являлся туда с книжками. Более того, старик потребовал, чтобы Рас никогда ни в стенах дома, ни в озерной хижине ни словом не обмолвился об этих уроках.

— Почему?

— Так написано.

Вот так Рас, сидя под баобабом в полумиле от дома, и познакомился с начатками английского. Прошло немало времени, прежде чем он научился поддерживать с Юсуфу

беглую беседу на этом языке. И по-прежнему запрещалось использовать английский где бы то ни было, кроме места учебы.

С возрастом и у сверстников Раса оставалось все меньше времени для досуга. Девочкам вменялось в обязанность помогать по дому и в поле. Мальчиков стали брать на охоту, порой надолго. Хорошо, что не наоборот — Расу больше нравилось возиться с девочками, особенно с Вилидой. Кстати, и она куда чаще остальных увиливала от работы, чтобы сбежать на ночное свидание с Расом.

Они болтали и смеялись. Вместе им было здорово. Вилида рассказывала интересные случаи из деревенской жизни, занимала Раса замысловатыми шарадами. Он, в свою очередь, должен был развлекать ее историями о своих похождениях в джунглях. Но чаще всего они ласкались и целовали друг друга, доходя до полного изнеможения. Однажды ночью Рас решил показать Вилиде, как это делается у горилл, поставил ее на четвереньки и вошел сзади. Вот тогда Вилида и пережила первый в своей жизни оргазм. Рас был рад за подругу; слегка огорчало, что сам он не испытал подобных ощущений. Зато, как и следовало ожидать, испытал другие, куда менее приятные. Даже задумался, а стоило ли удовольствие таких мучений в чреслах впоследствии.

Затем потянулись долгие недели без свиданий. Вилида предупреждала, что скоро не сможет выходить за ограду — приближалась пора посвящения в женщины, после которого сексуальные игры запрещались полностью. Уже сейчас ей следовало целиком посвятить себя хозяйству. Так, не прикасаясь к мужчинам, Вилида должна была прожить целый год. Но и после свадьбы с Биджагу она не сможет встречаться с Расом. Прелюбодеяние в племени считалось серьезным преступлением и каралось весьма строго. На первый раз преступницу пропускали сквозь строй — каждый взрослый хлестал ее терновой веткой. На второй — скармливали крокодилам.

Виновник-мужчина отделялся полегче: его избивали лишь двое — собственная супруга и муж-рогоносец. Правда, в случае рецидива и его ожидало свидание с голодными рептилиями — правосудие в племени разнообразием не блистало.

Казалось, их свиданиям приходит конец, но Вилида все тянула — никак не решалась поставить точку. Рас, раздосадованный предстоящей разлукой, грубовато усомнился в пользе наказаний за любовь.

— Таков наш обычай, — ответила Вилида.

— А каково детям тех, кто пошел на корм крокодилам?

— Их забирают дяди или тети.

Рас смолк. В возражениях мало толку — фразу «таков обычай» он слышал не реже, чем отцовское «так написано». И изменить порядок вещей в мире был пока не в силах. Следовало воспринимать его таким, каков он есть.

— Но оставаться один я не хочу, — сказал Рас. — Хочу видеть тебя, играть с тобой, разговаривать, любить.

— Увы, это невозможно. Таков наш обычай, — безрадостно отозвалась Вилида.

— Но мы свидимся, когда выпадет случай?

Промедлив с минуту, Вилида тяжело вздохнула:

— Ты хочешь, чтобы и меня съели крокодилы?

— Что ты! Мы будем очень осторожны, я готов неделями ждать удобного случая. Я тоже рискую — меня ведь убьют, если поймают. Почему же не можешь ты?

Вилида отмолчалась.

Тогда Рас объявил:

— Пошли ко мне домой! Прямо сейчас!

Девушка отшатнулась, глаза округлились

— В Страну духов? Да в своем ли ты уме?

— Разве я похож на духа? — вспыхнул Рас — Может, я бесплотен? Когда я в тебе, это похоже на любовь с привидением?

Вилида обреченно помотала головой и встала. Сделав шаг к Расу, она чмокнула его в губы.

— Мне бабушка рассказывала истории о девочках, украденных духами. Больше их никто никогда не встречал.

И Рас отпустил ее. Желание насильно забрать Вилиду с собой как вспыхнуло, так и погасло.

Теперь и днем и ночью он пробирался в окрестности деревни. Наблюдал за Вилидой и остальными издали. Девочки действительно не могли отлучаться. Даже если бы и очень захотели — две злущие старые карги с них глаз не спускали.

Что же до приятелей-мальчиков, то дружба с теми внезапно обернулась враждой. В один прекрасный день, выйдя из-за дерева навстречу Биджагу, Рас чудом увернулся от удара копьем. С душераздирающим криком — скорее горя, чем страха — умчался он в заросли. Взбешенный предательством бывшего друга, он стал обдумывать план мщения и, возможно, убил бы Биджагу, сумей подстеречь. Приближаться к деревне вдруг стало опасно, куда рискованней, чем прежде. Из подслушанной беседы двух женщин на поле Рас узнал, что Биджагу и Сатину во всем открылись старейшинам. Деревня была близка к панике и переходу на осадное положение. Старый шаман провел с детьми обряд очищения от скверны. Каждый получил по амулету для защиты от злых духов. Девочкам, сверх того, предстояло провести до полугода под неусыпным надзором. Вавафу желал удостовериться, что никто из них не понес от духа ребенка.

Рас с ума сходил от тоски по Вилиде. Она являлась к нему в сновидениях. Чтобы увидеть ее воочию, хоть мельком, Рас часами оставался на высоком дереве за рекой. Он смутно надеялся улучшить момент, чтобы перемолвиться хоть словечком, пока девочка хлопочет у очага перед родительской хижинкой.

Вилида выглядела теперь совсем иначе. В белом лыковом фартучке, увенчанная убором из вывернутых наизнанку мышинных шкурок со свисающими кистями и амулетами от злых духов, она казалась совсем взрослой. Каждое утро девочка — пожалуй что уже девушка — подкрашивала себе ягодицы белой краской.

Теперь наконец-то Рас в полной мере прочувствовал, что означают некогда сказанные Юсуфу слова: «Если человек возжелает чего-то недостижимого, он падет жертвой собственного ненасытного сердца». Помимо невыносимой тяжести в груди, все тело пронзала боль, зарождавшаяся в глубине чресел — как от отравленной стрелы. Яд этот, сладостно-томительный, смертельным все же не был, и порой Расу казалось, что он упивается собственными муками. Но подлинной радости это не доставляло. Ненамного лучше быть отвергнутым, рассуждал Рас, чем разлучиться с умершей возлюбленной.

Скрытно, без видимой цели, он теперь подолгу ошивался возле деревни. Рас понятия не имел, как вновь

заполучить Вилиду. Она была потеряна, потеряна навсегда — все равно что умерла.

Однажды безлунной ночью Рас не выдержал и соскочил со священного дерева на крышу хижины Вавафу. Без шума не обошлось: листья и ветки захрустели под ногами, заскрипели под весом тела и перекрытия. Из-под ног с писком метнулась крыса. Рас замер, прислушиваясь — но Вавафу не проснулся. Весь вечер в компании вождя и воинов шаман накачивался пивом, так что опасаться следовало скорее его жены.

Неподалеку хрюкнул боров. Летучая мышь, стремительная и обжигающе-холодная, как мысль о смерти, задела плечо. Рас выждал, затем спрыгнул с крыши. В ночной тишине стук босых пяток о землю прозвучал оглушительным грохотом, но что тут поделаешь? Снова захрюкал боров, снова клочком крошечной тьмы порхнула над плечом летучая мышь. К ее зигзагам присоединилась товарка. Для Раса это был добрый знак. По поверьям вонсу, демоны и духи часто принимают вид летучих мышей. Они вылетают из тени и, схватив вонсу крохотными лапками за волосы, уносят прочь. Так что вряд ли очень уж многие рискнут высунуть нос в такую ночь — во всяком случае, в одиночку и без факелов.

И тем не менее кое-кто решался. Существовали силы, преодолевавшие суеверия и страху неподвластные. Рас знал это — не раз и не два видел нарушителей ночного спокойствия с облюбованного им насеста на священном дереве.

Рас обнажил лезвие и крадучись двинулся к Большому дому. Там, прижавшись спиной к одной из свай под полом, он перевел дыхание. Внутри дома кто-то громко храпел. Другой спящий постанывал и бормотал. Рас ухмыльнулся и уже готов был покинуть укрытие, как заметил, что из хижины напротив выскочила женщина. Не опуская при этом сложенной на ночь лесенки. Дом принадлежал Табату и Селизе, и Рас по силуэту и походке сразу опознал ночную путешественницу.

Селиза, а это была именно она, несмотря на некоторую полноту, отличалась привлекательной внешностью. Рас уже положил на нее глаз, предполагая заманить в кусты при случае; впрочем, так он собирался поступить чуть ли не с каждой более или менее смазливой женщи-

ной деревни. Если уж Селиза рискнула выйти в ночь, не иначе как ее влекли внутренние демоны. Не по нужде же она вышла. Вилида рассказывала, что в каждой хижине припасено по несколько ночных посуды, которые опорожнялись в большую яму за околией. Содержимое ямы шло позднее на удобрение, а до тех пор при южном ветре накрывало деревню волной «аромата», который, однако, казалось, тяготил только Раса. Но кто в деревне станет считаться с мнением «бесплотного духа»?

Селиза обошла родную хижину и остановилась. Со стороны внешних домов из темноты тут же выступил мужской силуэт. Встреча двоих произошла за домом Селизы. Минуту спустя, рука об руку, оба быстро двинулись к Большому дому. Рас тут же укрылся за центральным столбом. Очевидно, неожиданные гости собирались обосноваться где-нибудь по соседству. Почему они выбрали такое странное укрытие, оставалось лишь догадываться. Возможно, опасались, покидая стены деревни, разбудить чутко дремлющих сторожей. А возможно, на такую мысль их навела репутация вождя и его жены как беспробудных сонь. Сын вождя, Чафаджу, в счет не шел — с малолетства, после перенесенной тяжелой болезни, он страдал слабоумием. Для простых работ, вроде отпугивания с поля птиц и обезьян, впрочем, годился, а вообще-то только лакал без удержу пиво и бессмысленно лбылся в ответ на насмешки и оскорбления.

Селиза что-то прошептала и захихикала. Спутник зашикал на нее. И тут, услышав его голос, Рас сообразил: да это же Джабабу, отец Вилиды! Подружка рассказывала, что тот, сойди ему с рук, ни одной юбки не пропустит. Хотя Джабабу и не был пока уличен в прелюбодеяниях, несколько раз оказывался на грани этого. Методы допроса, применяемые старым Вавафу, видать, не слишком-то пугали завязного деревенского ловеласа.

Рас просиял. Раз Джабабу здесь, стало быть, возле дочери одним соглядатаем меньше. Опасность заключалась в другом: сластолюбивая парочка направлялась прямо к столбу, за которым прятался он сам. Расу нужно было исчезнуть, и немедленно. Его светлую кожу легче заметить в темноте, поэтому скрыться следовало бесшумно, не привлекая внимания. Рас опустил на четвереньки и, продолжая скрываться от непрощенных гостей за

столбом, быстро попятился. Нашупав ногой следующую сваю, он нырнул за нее. И вовремя — Селиза и Джабабу как раз миновали центральный столб. Рас не просто замер — окаменел; затем бесшумно и плавно распластался по земле.

Селиза с Джабабу, слившись в единое темное пятно, издавали так много волнующего шума: ахи и охи, смешки, стоны, чмокание — что, казалось, полностью утратили благоразумие. И немудрено, подумал Рас.

Вдруг Селиза взвизгнула и что-то произнесла. Они пошептались, встали на четвереньки и двинулись прямо к Расу. Его еще не обнаружили; иначе то-то бы поднялось шуму! Любовники были бы тогда куда резвее и правильнее бы прямо в противоположную сторону. Видимо, выбранное место чем-то не потрафило Селизе; может, камешек в спину врезался. Так или иначе, переместились они буквально на два шага и снова отдались любовным утехам. Рас перевел дыхание.

Теперь уже никто не стоял у него на пути — вряд ли увлеченные любовной игрой способны что-либо заметить. Рас мог направиться прямо к Вилиде. Но звуки, производимые бесформенной глыбой темной человеческой плоти в двух шагах от него, не отпускали. Расов член сам собою подскочил и окаменел в этом не самом удобном для разведчика положении; не давая повернуть к Вилиде, он влек Раса вперед, как нос ведет голодного леопарда за ланью. Влечение это, столь неожиданное и властное, совершенно неодолимое, было Расу в диковинку — сроду он не испытывал ничего подобного.

Едва сдерживая нахлынувший экстатический рык, юноша перекочевал Джабабу за спину. Тот, возложив ноги подруги себе на плечи, уже примерялся к источнику наслаждения. Жестокий удар по затылку отбросил его в сторону — Рас приложил его тяжелой рукояткой ножа. Джабабу даже захрипеть не успел, а Рас уже возлежал на Селизе, зажав ей ладонью рот. Женщина затрепетала, словно тина на прибрежной зыби; глаза распахнулись так, что белки засверкали в полной темноте, царившей под домом вождя. Но ни противиться, ни вырываться она не пыталась. Внезапно белки глаз закатились, рыхлое тело обмякло — Селиза лишилась чувств.

Самообладания Расу хватило ровно настолько, чтобы успеть убедиться в безопасности тыла — Джабабу, глубоко дыша широко распахнутым ртом, валялся на правом боку без сознания. Затем внимание полностью переключилось на Селизу. И уже после нескольких неистовых, судорожных толчков с ним случился оргазм.

Впервые в жизни, после множества безуспешных попыток, на Раса накатило столь всепоглощающее чувство. Несколько мгновений, полностью им парализованный, глухой и слепой, он был беззащитен, как младенец. И даже младенец мог бы с ним справиться.

Сладкая пелена с глаз медленно спадала. Тут и Селиза начала подавать первые признаки жизни. Рас склонился к ее лицу и нежно шепнул, чтобы не дергалась и не шумела, если не хочет попасть в Страну духов.

В какой-то степени она была подготовлена к встрече с мальчиком-духом. Больше года в племени ходили разговоры об этом. Несколько раз он попадался на глаза взрослым днем, однажды — чуть не влип посреди ночи. Не секрет, что никакого вреда детям гость пока не причинил и даже не угрожал им. Для обитателей деревни Рас стал чем-то хорошо знакомым, притчей во языцех.

Так что, хотя сердце у Селизы и стучало, как лапки кролика, улепетывающего по сухой земле, разрыв от ужаса ему не угрожал. Девушка сдавленно простонала и снова забилась мелкой дрожью. Рас, все еще в ней, стал двигать бедрами; с каждым толчком страх Селизы испарялся; наконец она и сама приняла участие в движениях. Возможно, ей казалось, что дух будет милостив к ней, если доставить тому удовольствие. Как бы там ни было, порыв девушки выглядел вполне искренним. Скоро, сама им захваченная, она подбрасывала Раса, трясла его, как кошка пойманную крысу, и в исступлении расцарапала ему спину ногтями. Впрочем, боль в спине Рас почувствовал лишь после второго оргазма.

Стон Джабабу пробился как сквозь пробки в ушах. Рас ударил его снова, на этот раз по макушке, и вернулся к Селизе. Он был приятно удивлен: пока возился с Джабабу, девушка и не попыталась ускользнуть. Томным, полным неги движением Селиза сама потянулась навстречу.

Отчего — выяснилось позже. Она так рада была изведать настоящего, полноценного секса с нормальной эрекцией, что моментально забыла — точнее, отмела — все и всяческие страхи. Селиза не помышляла, что с ней станет после, не до этого было тогда — она любила Раса в себе. Тем более что выбора и не имела. Заверения Раса окончательно ее успокоили.

Рас так и не добрался до Вилиды в ту ночь. Покинуть Селизу и остаться в стенах деревни было рискованно — она могла поднять переполох, хотя скорее это должен был сделать и наверняка поступил бы так, придя в себя, Джабабу. И Рас, устроив себе и Селизе краткий перерыв, чтобы связать и припугнуть Джабабу, провел с ней еще несколько часов. Джабабу, понимая, как непросто объяснить соплеменникам пребывание в столь пикантной ситуации, пообещал вести себя тихо.

Им, Расу с Селизой, пришлось немного передвинуться, скрыться от Джабабу за столбом — остатки стыдливости мешали девушке заниматься любовью в присутствии зрителя. Перед самым уходом, когда забрезжил рассвет, Рас снова стукнул Джабабу и освободил от пут. Он чувствовал раскаяние и надеялся, что не причинил отцу любимой серьезных увечий. Слава Богу, что не убил — охваченный неодолимой страстью, Рас в ту ночь был способен на все.

Джабабу поднял тревогу лишь наутро. Он был вынужден сделать это. Сказавшись больным, Джабабу предъявил домочадцам синяки и шишки. Их следовало как-то объяснить, и Джабабу выдумал, что подвергся во сне нападению духов. И тут же попал в лапы старого Вавафу. Тот с большим энтузиазмом принялся за излюбленные обряды очищения: осыпал Джабабу магическими порошками, творил положенные заклинания и, что самое неприятное — похлеще, пожалуй, Расовой трепки, — влил в жертву вдосталь слабительного, дабы окончательно очистить организм от ночных демонов.

Эта ночь и положила начало настоящим амурным похождениям Раса. Позднее в них принимала участие уже почти вся женская половина племени. И с Селизой Рас встречался в зарослях с тех пор множество раз. Если он и казался ей духом, то, очевидно, добрым. Столько наслаждения не доставлял ей до сих пор никто — ведь

Рас не был искалечен ужасным ритуальным ножом, как все мужчины-вонсу.

Не проболтаться было для Селизы с ее большим болтливым ртом свыше всяких сил. И она доверилась Памати, своей подружке, которая — сама не без греха — не стала бы выдавать Селизу шаману на расправу.

Подружка, ужасно заинтригованная, уговорила Селизу позволить ей тайно понаблюдать за свиданием. И спряталась за деревом.

Селиза ничего не сказала Расу. Но тот и сам, в ходе обычной проверки окрестностей, заметил непрошеную свидетельницу. Рас был весьма осторожен перед подобными встречами; он всегда осматривал местность с нескольких точек на деревьях. И в этот раз он видел, что Селиза пришла не одна, с подругой. После второго оргазма Рас внезапно сорвался с места и, прежде чем Памати успела хоть что-то сообразить, схватил ее в охапку.

С тех пор подруги ходили на свидания вместе и занимались с Расом любовью поочередно.

Все попытки Раса добраться до Вилиды в то время заканчивались неудачей. Днем за ней бдительно присматривали. Пробраться же к Вилиде ночью, мимо многочисленных ожидающих ласки подружек, было куда как сложнее. Раскрыв сладостные объятия, они ожидали, казалось, за каждым углом, под каждым домом и ни за что не хотели отпускать. А Рас не научился еще отвечать отказом.

Однажды ночью, когда Расу все-таки удалось обойти все соблазнительные двуногие западни, он чуть было не погиб от руки Джабабу. То ли случайно проснувшись, то ли сгорая жаждой мести с самой ночи своего унижения, тот подстерег мальчика. Стоило Расу, ведомому сквозь ночную тьму сердцем, измученным от тоски по возлюбленной, коснуться дверной занавески, как из темноты хижины к нему метнулась черная, чернее ночи, масса. Рас, совершив отчаянное сальто, рванулся назад. Он еще успел услышать звук копья, вонзившегося в бамбуковую стену хижины, и следом воинственный клич Джабабу. Дальнейший путь: хижина Вавафу, крыша, ветка, священное дерево, джунгли за деревенской оградой — словно смазался в памяти.

Препятствия на пути к Вилиде казались неодолимой стеной, пока девушку наконец не поместили в клетку, в буквальном смысле этого слова.

В возрасте от двенадцати лет до четырнадцати Рас видел множество церемоний обрезания, которым подвергали тринадцатилетних мальчиков и двенадцатилетних девочек. Оба ритуала совершались в строжайшей тайне и потому проводились вдали от деревни, у подножия восточных холмов. Женщинам строжайше запрещалось приближаться к месту совершения мужских обрядов, и наоборот. Любой сторонний наблюдатель, схваченный с поличным, был бы разорван на части разъяренными участниками, оскорбленными в самых святых своих чувствах.

Но у Раса никаких затруднений не возникало. Выбирая места для наблюдения повыше в кронах или в зарослях прямо за спинами часовых, он насмотрелся как на те, так и на другие церемонии. Хорошенько усвоил при этом тексты заклинаний и ритуальных песен, магические жесты. А от мучительных на его взгляд процедур отделения крайней плоти с яичком и обрезания клитора Расу становилось не по себе.

Не видя никакого смысла в этих обрядах, мальчик сострадал их жертвам. Двухнедельная агония и смерть Сатину, его близкого приятеля, от инфекции, занесенной тупым ножом мясника Вавафу, привели мальчика буквально в неистовство.

У Раса просто не укладывалось в голове, почему все мальчики добровольно и даже с охотой подвергают себя истязанию, обрекающему на неполноценность на всю оставшуюся жизнь. Не изведав еще как следует, что значит быть настоящим мужчиной, они лишают себя ровно половины мужских достоинств. Дети объясняли, что таков обычай. Биджагу, прошедший сквозь жестокие обряды, ни словом не обмолвился о своих ощущениях. Впрочем, пущенное позднее в Раса копьё оказалось красноречивее слов.

Спустя год после ритуального кровопускания Вилиду и двух ее подруг заперли в бамбуковые клетки, подвешенные на ветках деревьев примерно в миле от поселка. Здесь, без всякой возможности общаться друг с дружкой, им предстояло провести полгода. Бдительные старухи приносили им пищу, умывали раз в день и выпускали на

несколько минут. Обитали старухи там же, в хижине под клетками, и от безделья все уши прожужжали девочкам своими мудрыми наставлениями — на всю жизнь хватит и еще останется.

Подслушивая, Рас узнал о вонсу больше, чем и мечтать мог.

Раз в четыре дня девочек навещали матери. Усевшись под клетками на траву, они потчевали дочерей свежими сплетнями из деревенской жизни. Иногда приходили и подруги. И все же, заключенные в камеры-одиночки, девочки чувствовали себя бесконечно несчастными. Порой их охватывал просто животный ужас; особенно когда голодный леопард, привлеченный запахом плоти, пытался просунуть морду сквозь бамбуковые прутья. Девочки истошно орали; старухи, забаррикадовавшие вход в свою хижину, вторили воплям. Леопарды обычно такой какофонии долго не выдерживали и исчезали в джунглях в поисках менее шумной добычи.

Рас невыносимо страдал, порой даже взрывался от бессилия помочь Вилиде в ее мучениях. Но вскоре обнаружил, что ситуация, скверная для девочек, оборачивается в его пользу. И некоторым образом в пользу тех же девочек. Однажды, уверившись предварительно, что старухи заперлись на ночь, он спустился по веревкам на клетку Вилиды и, тихонько окликнув ее по имени, чтобы не напугать, развязал дверь и проскользнул внутрь. Девочка просто сомлела от радости.

Она была счастлива и поговорить с ним, и заняться любовью. Ей в заключении катастрофически недоставало и тепла, и ласки, и защиты от леопардов. И все же Вилида нашла в себе силы поделиться Расом с подругами.

Рас стал время от времени уделять внимание также и им. Фьювита и Кемаса, так звали вторую, нимало этому не воспротивились.

Однако Рас тем временем и не подумал прекратить свидания со своими любовницами в деревне, под хижинами. Дурацкое дело нехитрое — он научился совмещать их всех.

Правда, родителей несколько встревожила бледность и круги под глазами сына — «словно летучие мышки прицепились к векам», по выражению Юсуфу. Рас даже осунулся от ночных походов.

В общем, полгода, проведенные подружками в клетках, Рас считал для себя счастливым временем. И опять впал в уныние, когда Вилида объявила о скором освобождении. Более того, в конце года ей предстояло выйти замуж за Биджагу. До тех пор она возвращалась в дом матери для помощи по хозяйству. С наступлением срока свадьбы ее снова должны были упрятать в клетку, на этот раз на свадебном островке чуть западнее деревни. Две ночи и один день там, под неусыпным надзором жениха — и свадебная церемония сразу после этого.

Рас снова предложил Вилиде уйти с ним. Она будет с ним счастлива, клялся он.

Но Вилида отказалась. Да, она его любит. Но она любит и родителей, свой народ, деревню. Она умрет без всего этого.

— Ты ведь сможешь со мной встречаться, — добавила девушка, взгляды которой уже несколько изменились, — пусть даже украдкой. Время от времени. Если у тебя останется сколько-нибудь сил для меня. — Последнее прозвучало весьма саркастически.

— Но я не хочу встречаться с тобой украдкой, — отрезал Рас. — Я хочу жить с тобой свободно. Если ты покинешь со мной деревню, я обещаю забыть всех этих женщин, я буду верен тебе.

Но Вилида стояла на своем. Рас умолял ее, он уже оставил всякую мысль о принуждении. Он уже вкусил жизни без возлюбленной и всерьез воспринимал слова Вилиды о смерти от тоски.

Тем не менее злость острой занозой саднила душу. И Рас, не желая уступать без боя, решил испортить торжество новобрачным. Когда Вилида и Биджагу заняли свои церемониальные места на островке, Рас показался в открытую и принялся дразнить вонсу издалека. Он затеял это в надежде заставить Биджагу забыть о своих обязанностях и начать драку. Вот тогда Рас и убьет его и освободит Вилиду. В глубине души он, правда, надеялся избежать убийства.

Точно так же, всерьез не желая ей смерти, мечтал он порой убить и Вилиду.

Сейчас, отброшенный сумбурной атакой вонсу в джунгли за рекой, Рас выжидал. Он ждал ночи, которая позволила бы переправиться, одолеть Биджагу и насладиться

Вилидой. Он был взбешен, и мысль об убийстве неверной возлюбленной уже не смущала, как прежде.

На джунгли пали сумерки. Далекий чавкающий звук, похожий на посвист крыльев летучих мышей глухой ночью, донесся до ушей Раса. Источник шума быстро приближался, и вскоре звуки напоминали уже о быстром замахе копьём перед ударом плашмя, с точно таким же резким обрывом, как при ударе: «чоп-чоп-чоп». За этим чавканьем пришел другой, ревуший звук, постепенно поглотивший прочие.

Птица Бога, Его недреманное око, парила над головой.

ГЛАВА 4

Птицы в огне

Птица Бога всегда была неподалеку. Она и гнездилась рядом, на лысой макушке черного каменного колосса, взметнувшегося из середины озера, казалось, к самым небесам. Случалось, пролетали дни, недели, месяцы сменялись месяцами, и Рас начинал гадать, уж не исчезла ли птица вообще. Но ожидание всегда заканчивалось чмоканием ее удивительных крыльев, и всегда в конце концов она появлялась над головой. Птица подлетала к громаде посреди озера, зависала над вершиной и исчезала с глаз в своем недосягаемом убежище.

Снова тянулись недели, месяцы. И снова Рас слышал знакомое чмокание; тогда, бросая все дела, бежал к берегу, кидался в воду или спускал челнок. На его глазах птица взмывала из гнезда в синеву небес и скрывалась за далекими скалами на краю мира.

Порою Рас замечал ее полеты и над родным краем. Если мальчик стоял на открытой местности, птица приближалась к нему. Сперва Рас пугался и прятался в зарослях. Позже, поджидая ее, он замирал с копьём в напряженной руке, но никогда не делал так, не оставив себе путей к отступлению.

Изредка Птица Бога подлетала так близко, что не составляло труда разглядеть человека в ее брюхе. Как-то Рас заметил даже двоих.

— Это не люди, это ангелы, — ответила Мирьям на его расспросы. — Игзайбер посылает их наблюдать за тобой. Ангелы рассказывают Богу о твоём поведении.

Игзайбер, Бог, Аллах, Дио или Мангу — в зависимости от языка, на котором с ним говорили в тот день родители. Рас мысленно величал Бога Игзайбером — это имя Бога первым упомянула мать, и потом он тоже слышал его чаще других.

— Мама, разве, чтобы узнать о моем поведении, Игзайберу нужно посылать ангелов? По-моему, ты говорила, что Он всевидящий и может следить за мной, не покидая Престола небесного.

Мирьям никогда не лезла за словом в карман, даже если при этом, как нередко случалось, сама себе противоречила.

— Он посылает ангелов, чтобы занять их чем-нибудь, о сын мой неразумный! Они ведь не работают, как люди, а день и ночь сидят у подножия Престола и поют во славу Божию. И порою им хочется сделать перерыв, отдохнуть от псалмов — тогда они и рады полетать вокруг в чреве Птицы и полюбоваться на творения божии.

Как-то однажды Мирьям поведала, что один из ангелов был наказан за неповиновение Господу. Его поглотила Птица, и он медленно растворился в соках ее чрева. Ангел был переварен заживо и страдал перед смертью ужасно. Затем Игзайбер собрал его кости и остатки плоти и произвел из них на свет нового ангела, о бунте не помышляющего.

Мирьям рассказала эту историю вскоре после того, как Рас начал непочтительно огрызаться. Она отлупила его сперва кнутом из кожи гиппопотама. Рас стоял смиренно и старался подавить смех. Кнут — сам по себе вещь вполне серьезная — в хилых руках матери едва ли мог даже оцарапать. К тому же она щадила сына — была вполсилы. А после порки, увидев выступившую на царапинах кровь, расплакалась.

Натерев Расу спину целебной мазью, она зарыдала пуще прежнего.

— У тебя такая чудесная кожа, сынок, просто золото. И мне так больно портить ее. Когда я держала тебя на руках впервые, ты был таким очаровательным розовым малышом, ну просто чудо-чудом, с такими огромными темно-серыми глазками и улыбкой новорожденного ангелочка. Сейчас кожа твоя потемнела под солнцем и, каза-

лось бы, должна огрубеть, но на ощупь по-прежнему восхитительно гладкая, как слоновая кость.

— Может, ты и права, мамочка, — ответил Рас. — Но не стоит так переживать из-за парочки царапин, особенно таких пустяковых. У меня сотня шрамов посерьезнее. Вот здесь на плече — след когтей леопарда, которого я убил голыми руками в честной рукопашной. А на мочке уха — отпечаток зубов Вилиды, которая от любви хочет проглотить меня целиком.

Мирьям охнула и схватилась за кнут снова. Рас, гогоча, умчался прочь; вдогонку неслись проклятия и угрозы.

— Я посажу тебя на муравейник, если ты не вернешься и не примешь заслуженное наказание. Тысячи, тысячи раз мы с отцом предупреждали тебя: обходи стороной этих мерзких шлюх вонсу! Если Игзайбер застигнет с ними, тебе вечно гореть в преисподней!

Преисподней, или адом, в соответствии с ее рассказами, была огромная пещера на другом конце мира. Входом в нее служила дыра, в которую водопадом низвергалась река.

— Но ты как будто говорила, что сам Игзайбер тоже живет на краю мира?

— Да, я говорила именно так, пустоголовый. Но Он сидит высоко над адской пещерой, а каждая заблудшая душа проходит все круги ада, прежде чем Бог заберет ее к себе на Небеса.

— Когда же Он наконец спустится повидаться со мной, своим любимым чадом? Может, Он меня боится?

— Бог ничего не боится! Как Он может чего-то бояться? Не настолько Он глуп, чтобы сотворить кого-либо, способного причинить Ему самому хоть малейший вред.

— Но в нашем мире хватает глупости, — отозвался Рас. — И Богу следовало думать получше перед Актом творения.

— Не богохульствуй, сын! Он может услышать и явить свой гнев. Тогда Он испепелит тебя божественным огнем и дымом развеет по ветру, точно сало, забытое на сковороде.

— Хотелось бы высказать Ему кое-что, а то и за бороду оттащить.

Мирьям зажала ладошками уши и в отчаянии запричитала:

— Богохульство! Богохульство! Ты будешь вечно корчиться в адском пламени!

— У мальчика есть характер, — вставил словцо Юсуфу. — Паршивец ничего не боится.

Сейчас, пересекая равнину на пути к дому, Рас снова увидел Птицу Бога. Перерыв в ее появлениях был на этот раз столь длителен, что ни дней, ни недель не счесть. Солнце поднялось над горами на ширину ладони. Птица была еще далеко, и мальчик не заметил бы ее, когда б не солнечные отблески на туловище. Прищурившись, он разглядел ее почти ясно.

Неожиданно в небе появилась еще одна гигантская птица. Она была куда ближе к Расу и видна совершенно отчетливо. Птица так и лезла в глаза, словно отвратительная сукровица из небесного прыща на фоне голубой утренней дымки. Рас перепугался — это было чересчур даже для него. Неужто и взаправду Игзайбер решил покарать Раса — за гордыню, за грехи, за хвастливые речи? Но зачем же Он тянул так долго? Никаких особенно оригинальных прегрешений за последние дни Рас не совершал.

Мальчик взвесил в руке тяжелое древко. Кто бы ни летел в Птице — ангел или даже сам Игзайбер, сначала он приземлится. А когда покинет чрево Птицы, пусть будет попроворнее, иначе живо познакомится с железным острием Расова копья.

Мирьям говорила, что ангелы и сам Создатель неуязвимы для людского оружия. Может, и так. Но все же лучше бы им иметь кожу потолще — толще, чем у бегемота. Своим копьём Рас сразил немало бегемотов. Тварь, что в Птице, пусть даже одетая в железо, узнает, почем фунт лиха, прежде чем справится с Расом.

Вторая птица приближалась с оглушительным ревом, но держалась по-прежнему высоко и, похоже, собиралась пролететь мимо. Рас вздохнул с облегчением. Действительно, этой Птице не было до него никакого дела.

Рас обнаружил существенные отличия ревушей над головой птицы от другой, гнездившейся на столбе посреди озера. Два неподвижных, как у парящего орла, крыла по бокам, в отличие от орлиных смещенные к середине

туловища, очертаниями напоминающего рыбе. И цвет, как у рыбы, — серебристый. На серебре угадывались буквы, очень схожие с теми, что Рас видел в книгах из старой озерной хижины.

У Птицы Бога под брюхом свисали с худосочных ног загадочные круглые лапки. У этой же лап вовсе не было видно. Возможно, птица прижала их к телу, как это делают обычные пернатые в полете.

Она пронеслась над Расом невероятно высоко — что там какая-то тысяча футов озерной громады! А Птица Бога сменила тем временем направление своего полета — летела наперехват неожиданной гостье. Птицы, примерно на одной высоте, очень быстро сближались. Они почти уже встретились над холмами к югу от озера, когда двукрылая вдруг встала на крыло и вильнула вправо. Набрав в ходе своего маневра дополнительную высоту, она затем развернулась и полетела обратно, к Расу. Птица Бога устремилась вослед гостье.

Солнце ослепительно поблескивало на поверхности обеих птиц. Но еще ярче была двойная вспышка из какого-то темного стержня в боку у Птицы Бога.

Птицы оказались прямо над головой, и чмокание неразличимых глазом крыльев Птицы Бога смешалось с ревом гостьи. Внезапно из задней части жестких крыльев последней вырвалось пламя, и за птицей потянулся дымовой шлейф. Она развернулась и устремилась прямо к Птице Бога. Та уклонилась к северу; затем, словно привязанная невидимой нитью, вернулась.

Жесткокрылая, объятая пламенем, маневрировала над Птицей Бога. И рев ее стал каким-то неровным. Птица Бога, начав было крутой подъем, вдруг резко нырнула вниз. Темный жезл торчал теперь с другого боку, но оранжевых сполохов Рас более не увидел. Птица Бога быстро неслась к земле, затем резко накренилась. Горящая птица все еще кружила над нею. Какой-то черный предмет выпал из ее чрева, закувыркался и разделился на части. Меньшая часть распустилась вдруг большим белым цветком, под которым висела фигурка человека — или ангела. Цветок с фигуркой под ним, медленно снижаясь, поплыл, подхваченный ветром, к северу.

Рас сразу загорелся желанием оказаться на месте приземления ангела. Однако изменение характера звуков

над головой привлекало внимание куда сильнее. Жесткокрылая, точно огненный цветок в лепестках черного дыма, схватилась с Птицей Бога. Падая чуть ли не отвесно, она врезалась жестким крылом в неразличимые крылья своей противницы; брызнули осколки. Птица Бога, в свою очередь, ошеломленно завертелась и почти кувыркком понеслась к земле.

Жесткокрылая взорвалась; огненный шар, набухая, задел Птицу Бога. Падение продолжалось, только вместо двукрылой птицы к земле несясь рой обломков; Птица Бога падала значительно медленнее. Из нее тоже выскочила темная фигура; цветок, мгновенно раскрывшийся над нею, был ярко-желтым.

Рас видел, что внутри Птицы Бога был еще человек. Охваченный пламенем, он неуверенно поднялся с места и шагнул через дыру в боку Птицы в воздух.

Из развороченного чрева Птицы Бога выпорхнула туча маленьких листков. Белым шлейфом они сопровождали раненую птицу; плавно снижаясь, реяли за нею, точно белые прямоугольные бусинки, нанизанные на невидимые воздушные нити. Наконец нити лопнули — листки порхали повсюду. И когда ближайший коснулся в отдалении земли, мальчик понял: это бумага, в точности такая, как в книжках из старой хижины.

Птица Бога с мучительным ревом окуталась языками пламени. Листки, продолжавшие выпадать из нее, мгновенно съеживались от жара. Ангел, выпрыгнувший последним и не распустивший большого цветка, уже ударился оземь — за деревьями, всего лишь в сотне-другой шагов от Раса.

А тот, что прыгнул первым, из двукрылой птицы, снижался над джунглями к юго-востоку, раза в четыре дальше. Рас всмотрелся и вскрикнул от изумления — у человека были длинные желтые волосы.

Златовласая?!

— Твоя жена будет белокожей и скорее всего златокудрой, — неустанно твердила ему Мирьям.

Рас находил это странным. Кто его знает, красиво ли это — волосы цвета золота?

— Написано, что мальчик женится, — бурчал Юсуфу. — Но где ты прочла, что женится на Златовласке?

Птица Бога, скрыв на мгновение златовласую, заплесала на верхушках деревьев. Затем рухнула с ужасающим грохотом. Всплеснулось гигантское пламя. С ветвей снялись перепуганные птицы; их стаи были столь многочисленны, что о дальнейшем наблюдении не могло быть и речи. К тому же горизонт скоро заволокло дымом горящих деревьев.

Существо под желтым цветком тоже скрылось с глаз, и Рас не мешкая направился к источнику дыма. И замер, выставив перед собой копые. Из джунглей прямо на него выскочил леопард с прижатыми, как от страха, ушами; на бегу зверь злобно рычал.

— О воплощение смерти! — выкрикнул Рас. — Иди познакомься с моим копьем!

Но леопард, даже не взглянув на мальчика, большими скачками пронесся мимо. За ним последовали антилопа, дикий кот, мангуста — плечом к плечу, охваченные ужасом, они ничего перед собой не видели. Рас засмеялся и, взяв копые на изготовку, побежал дальше. Всем тварям лесным сейчас было не до него.

Рас продирался сквозь густой кустарник и увитые лианами и плющом ветви деревьев. Животные больше навстречу не попадались. Учувя носом дым, Рас припал к земле; осторожно пробрался сквозь прибрежные заросли. Птица Бога была прямо перед глазами — сломав добрую дюжину гигантских веток, она намертво впечаталась в береговой ил в нескольких шагах от воды. Вдребезги разбитая, Птица дочерна выжгла ближайшие к ней заросли. Пламя еще не угасло, и случись катастрофа в сухой сезон, Расу пришлось бы нелегко. В эту же пору большой пожар джунглям не угрожал.

Птица не имела ни живой плоти, ни крови, ни птичьих перьев; она была изготовлена из каких-то непонятных материалов и железа. Раскаленные докрасна обломки приблизиться пока не позволяли, и Рас решил заняться поисками златовласой. Она — припомнив слова матери, Рас полагал ее женщиной — опустилась где-то за рекой. Вода в реке, шириной ярдов в двести, ввиду близости озера, откуда она вытекала, была здесь слишком холодна для крокодилов. А если и нет — Рас не сомневался, что ни один крокодил не вынес бы шума, который натворила

Птица Бога при падении. Страх унес бы рептилий, как пугливых мальков.

Высматривая на всякий случай в иле отпечатки перепончатых лап, Рас спустился по отлогому берегу. Лучи утреннего солнца еще не достигли песка, приятно холодившего пальцы ног. Вода показалась даже обжигающе-холодной, когда Рас, подняв над головой все свое оружие и заребая свободной рукой, пересекал реку.

За рекой Рас, поглядывая то и дело по сторонам, отправился на запад. Подлесок здесь был чахлым; густо усеянные листьями и увитые дикой лозой ветви пропускали мало света. На редкие кустики почти не падали живительные лучи солнца; молодая поросль, вялая и безжизненная, тянулась к убивающим ее деревьям, надеясь по их стволам вырваться на простор и получить толику солнечного благословения. Рас видел вокруг себя на сотни шагов, хотя скрыть златовласую от него мог даже один толстый ствол.

Но спрятать большой белый цветок потруднее.

Рас отошел от реки уже на порядочное расстояние и вдруг, глухо вскрикнув, подпрыгнул на месте — все вокруг кишмя кишело муравьями. Рас захлопал по себе ладонями, стараясь сбить кусачую прожорливую мелочь. Сплошной поток муравьев, коварно сливаясь с тенью, настойчиво стремился к неведомой цели. Широкая — краю не видать — колонна крохотных убийц отделяла Раса от златовласой. Он поспешно отступил и зашагал вдоль живого ковра, надеясь обогнать смертельную для всех обитателей джунглей колонну. Но, пройдя с милю, понял, что дал маху. Похоже, что до головы колонны могло быть еще немало миль. А тем временем, возможно, золотоволосый ангел теми же муравьями принужден был двигаться к западу.

— У ангелов есть крылья, — объясняла мать.

— Почему же у ангела, сидящего в Птице, крыльев нет? — интересовался Рас.

— Потому что ангелы часто спускаются к людям проверить, как идут дела, или передать послания Игзайбера. Тогда им следует походить на людей, и, перед тем как спуститься, они снимают крылья и вешают на гвоздик.

— Да, но ангел в брюхе птицы вовсе не был похож на человека и даже прикидываться им не пытался. Почему же он был без крыльев?

— Откуда тебе знать, был ли он без крыльев! Ты что, сидел с ним рядом?

Интересно, что станет делать ангел, оказавшись на земле без крыльев? Прилетит ли за ним — за ней, мысленно поправил себя Рас, — сам Игзайбер, пошлет ли других крылатых ангелов, а может, даже новую Птицу, чтобы забрать снова на небеса?

Рас продолжал продвигаться вперед, надеясь и не надеясь достичь головы муравьиного потока. Он вспомнил еще кое-что. Случалось, родители упоминали, что ангелы не ведают плотской любви.

— У них между ног гладко — все равно что твой лоб, — говаривал Юсуфу. — Если Игзайберу понадобится новый ангел, Он сотворит его сам.

— Из света звезд, — добавляла мать, сгорающая от желания помочь любимому чаду разобраться в явлениях мира и Божьих творениях. — Бог создает ангелов из звездного огня, и однажды, когда Он использует последнюю звезду, небо почернеет и наступит Конец света. Молись, сынок, тогда, молись, ведь Бог — он Судия и...

— Заткнись, Мирьям! Придержи свой лживый язык, — вмешивался Юсуфу. — Думаешь, если у стен здесь уши, не найдется пары рук, чтобы укоротить тебе его?

В тот день у Раса родилось множество вопросов. Один из них был по поводу ранее рассказанной матерью истории о том, как ангелы спускаются порой к людям и берут в жены их дочерей. Если же они не ведают плотской любви, то как же...

Рас резко остановился. Справа донесся громкий треск, как будто обломилась большая ветка. Очень короткий звук, и определить расстояние до его источника Рас затруднялся. Но нечто в этом звуке показалось Расу необычным, чуждым для джунглей.

Треск повторился — на этот раз глуше. И примерно в том же направлении.

Вскрикнула женщина. Снова треск, затем мужской вопль — и тишина.

Рас с минуту колебался, затем, махнув на все рукой, рванул прямо через муравьиную реку. Шагов полтора

ему удалось пробежать без единого укуса. Затем началось. Рас стиснул зубы и помчался дальше. Остановись он на мгновение — атаквали бы тысячи. Он сам вынес себе приговор и ничего изменить уже не мог. Да и не хотел. Оставалось лишь продолжать сумасшедшую гонку, невзирая на боль. До места, где кричали, если повезет. Рас бежал не совсем туда — он был не так уж глуп. Там его могла ожидать встреча вовсе не с ангелами, а с вонсу, например. Сомнительно, правда, чтобы вонсу забрались так далеко, почти в самую «Страну духов», как они величали родной Расов край. Но поведение людей порой бывает непредсказуемым. Вонсу, равно как и родители Раса, часто поступали совершенно неожиданным образом и, как правило, по-дурацки.

Кроме того, опасность могла исходить и от ангелов — неведомым Расу образом. Слышал же он странный колющий треск.

Первого ангела Рас обнаружил, когда огоньки муравьиных жвал жгли ноги невыносимо. Ангел с раскинутыми руками и отвисшей челюстью лежал на спине. Он был черен от муравьев. Когда Рас, подпрыгивая с ноги на ногу, стряхнул с его лица насекомых, открылось обнаженное мясо. Волосы ангела, свободные от прожорливых тварей, были, впрочем, короткими и темными. Под правой рукой ангела валялся загадочный металлический предмет.

Задержаться, чтобы разглядеть все получше, Рас не мог. Если сейчас не убежать, подумал Рас, я скоро буду мертв так же, как этот ангел. Если он ангел, конечно. Уж больно по-человечески выглядел покойник. Кстати, разве ангелы смертны? Если даже так, кто мог убить ангела, кроме другого ангела — падшего, прислужника Сатаны?

Но времени рассуждать не было. Боль от муравьиных укусов напрочь выжгла все мысли. Осталось лишь безумное желание задать стрекача.

Рас мчался еще добрых две сотни ярдов. Петляя между кустами, перепрыгивая через упавшие стволы, он уже не мог сдерживать крика боли. И без воплей он уже натворил шуму на полмили вокруг. Но сомнительно, чтобы кто-то мог подстергать его в засаде, когда все вокруг кишело крохотными неумолимыми убийцами.

Он завопил, что принесло иллюзию облегчения. И почти сразу же увидел впереди ручей. Рас еще припустил напоследок и с разгона сиганул в воду головой. Кувыркаясь в грязи, он безжалостно давил на себе муравьев. Взбаламученный ручей наполнился черными точками убитых насекомых. Следя взглядом за их неспешным сплавом, Рас полежал еще, исполненный благодарности к холодной воде за освобождение от страданий.

Покинув спасительный ручей, Рас подобрал оружие, предусмотрительно переброшенное на другой берег. Увы, из колчана пришлось выливать воду. Оперение стрел намокло и перепачкалось.

Ручей служил границей для муравьиной армады, на другом берегу их не было. И Рас занялся поиском следов на влажной почве вдоль ручья. После двух часов безрезультатных поисков он решил, что ангел либо бежал в другом направлении, либо съеден муравьями начисто.

Какой же из двоих был все-таки ангелом? Ангелы Игзайбера не могут сражаться друг с другом, стало быть, один из них — дьявол. Может, тот, что помер? Мать часто повторяла, что добро всегда торжествует над злом, на что Юсуфу обычно бурчал:

— Кабы так, жили бы мы здесь такой жизнью? Дьявол правит миром, и ты знаешь это, лживая баба!

Юсуфу постоянно делал замечания, которые затем оказывался не в силах растолковать Расу.

— Я разеваю пасть, и слова вылетают оттуда сами, сынок. Человеку нужно порой выговориться, иначе свихнуться можно.

Рас накинул на поиски еще часок — для очистки совести. Он уже понимал, что если и набредет на ангела, то лишь случайно. А может, они оба ни черти, ни ангелы? — пришло Расу в голову. В теле, что он видел, божественного было мало. Одно только заставляло Раса усомниться в человеческом происхождении трупа — он не заметил на теле никаких серьезных ран, никаких заметных повреждений. Найдись время, может, и обнаружил бы. Интересно, что это за оружие такое, не оставляющее на теле отверстий?

С другой стороны, будь ангелом златовласая, как могла она позволить убить свою птицу?

Все это было чертовски запутано. Впрочем, как и многие другие дела вокруг Раса. Ответов на его вопросы всегда находилось множество — беда, что ответы разнились. Мирьям часто противоречила сама себе; Юсуфу, правда, блистал отменным постоянством, но скорее в нежелании что-либо объяснять. Вонсу держались своих преданий, весьма отличных от родительских.

Был еще и Гилак, король шарикту, которого Рас попросту выкрал из деревни вонсу, где тот содержался в заточении. Рас с полгода продержал Гилага в клетке посреди джунглей — учил язык шарикту, расспрашивал. И в ответах короля открылось совсем уж мало схожего со всеми остальными.

ГЛАВА 5

Письмо Бога

Пока Рас внутренним взором окидывал прошлое, внешний не упускал ничего из настоящего. Двигаясь к северу, он издалека заметил среди деревьев нечто белое и сторожко приблизился, часто замирая и прислушиваясь к голосам джунглей. Вокруг верещали и вскрикивали обезьяны, крохотные птички с причудливыми клювами порхали над головой. У самой цели Рас устроил бдительность; подошел, лишь уверившись окончательно, что золотоволосого ангела рядом нет и в помине. С ветвей свисал тот самый белый цветок, с помощью которого золотоволосый ангел покинул птицу, — только весь скукоженный, утративший округлую форму, как выжатый апельсин. Взобравшись на дерево, Рас обнаружил, что цветок сделан из неведомой скользкой ткани и множества тонких прочных шнурков с ремешками на концах.

Рас изрядно повозился с мертвым цветком — чем бы он ни был на самом деле, — прежде чем удалось его более или менее компактно сложить и связать в узел. Он искал и нашел поблизости большое дупло, где и схоронил ценный трофей. Безопаснее было бы прихватить цветок, чтобы разобраться с ним дома, но сейчас Расу не хотелось обременять себя лишним грузом.

Под деревом ясно читались следы ног — маленьких и обутых. И обувь, судя по отпечаткам, того же типа, что у ангела, обглоданного муравьями. След вел к одному из

множества здешних ручьев; в воде и пропадал. Рас, прыгая с берега на берег, проверил несколько миль вдоль ручья к юго-востоку, затем в другую сторону — следы затерялись окончательно.

Рас сильно проголодался; желудок громко протестовал против такого с собой обращения. Но терять время на охоту за дичью не хотелось. В любой момент Рас мог подстрелить обезьянку — стрелы в колчане уже подсохли. Больше времени отняли бы хлопоты с разделкой тушки и разведением огня.

Рас предпочитал есть жареное мясо, но вполне мог обойтись и сырым. Когда-то родители чуть ли не понуждали его отведать сырой убоины, хотя сами ели мясо только как следует прожаренным; когда Рас спросил почему, пояснили, что он должен научиться находить удовольствие и в сырой пище. Так, мол, написано.

Отведав по их настоянию мяса подстреленной цесарки, Рас тяжело заболел. Он метался в жестокой лихорадке, во сне его терзали кошмары. Родители не отходили от него ни на миг; Юсуфу почти забросил охоту. Мирьям все глаза выплакала; хоть мальчик уже и перерос ее саму, качала его на руках, баюкала как младенца, придумывала ласковые имена. Юсуфу цедил сквозь зубы неведомо кому адресованные проклятия и клятвы мести; когда Рас позднее поинтересовался кому, отмолчался.

Выздоровев, Рас снова был удивлен — на этот раз родители настаивали, чтобы сырого он и в рот не брал. В нем, мол, много смертельных ядов и невидимых простым глазом крохотных убийц. Но было поздно — Рас уже попробовал. Хотя впоследствии он всегда предпочитал обжаренное мясо сырому, разводить костер в джунглях зачастую было некогда. И Расу случалось рвать на ходу зубами кровоточащую, еще не остывшую плоть. Или, как сейчас, перевернуть камень и сжевать, не замедляя шага, несколько безглазых жирных личинок.

Солнце уже клонилось к горам, когда Рас пришел к выводу, что ангел либо исчез в ручье бесследно, либо так же бесследно покинул ручей. Рас забрался далеко к северо-западные скалы. Его окружали густо заросшие лианами дикие утесы. Рас прошел через заброшенную горилью стоянку. Где-то неподалеку раздавался приглушенный

барабанный бой — так ударами по могучей груди горилла-самец вызывает на бой соперника.

Рас не стал разыскивать стаю. Здешние гориллы не имели с ним ничего общего; при нечастых встречах сразу скрывались в лесу. Могучий вождь, пытаясь припугнуть Раса, порой грозно вставал у него на пути. С присутствием Раса мирилась только одна стая — в восточных холмах. И даже с нею после длительного перерыва следовало быть настороже. Стая знала Раса с самого детства — Юсуфу малыши принесли Раса знакомиться с обезьянами.

Позже, когда Рас научился разговаривать, он узнал, что Юсуфу целых два года посвятил медленному и осторожному сближению со стаей.

Зачем он это делал? Так было написано — Рас должен играть с гориллами и стать одной из них. Зачем? Так написано.

Тогда Рас письма еще не знал. С книгами из старой хижины на берегу озера он познакомился значительно позже. Рас часами листал их, интересуясь в основном картинками. Но под картинками были подписи. И вскоре Рас стал учиться разбирать буквы. Юсуфу помог вначале в этом.

Затем Юсуфу непонятно почему запер хижину. Расу он объявил, что к книгам предстоит вернуться, лишь повзрослев. Мальчика интересовало, не в этих ли книгах содержится загадочное «так написано». Ответ был отрицательным. Это — в иной книге и в ином месте. Юсуфу неопределенно махнул рукой:

— Она, эта книга, в руках Игзайбера. Мне не доводилось даже видеть ее.

До дому было миль шесть пути в обход скал, и Рас решил заночевать в лесу, а утром возобновить поиски и посвятить им целый завтрашний день. Если же ангела не удастся найти и до заката, он успокоится. Ничто не могло укрыться от Раса в этих местах — в этом он был уверен. Если золотоволосый ангел исчез, значит, он отрастил себе новые крылья.

Рас стал присматривать место для ночлега. Его следовало устроить повыше в ветвях, чтобы к Расу не смог беззвучно подкрасться ночной охотник — леопард. Лучше всего в развилке между стволом и большой веткой,

где достаточно места для небольшой платформы из сучьев с листвою. Ни холод, ни дождь Раса не пугали.

Разобравшись с ночным убежищем, Раса занялся едой. Еще до сумерек он в полумиле от места ночлега успел подстрелить и разделать обезьянку. Конечности, хвост и голову Раса обычно выбрасывал. Выпотрошив обезьянку, развел костерок и насадил тушку на вертел. Слегка обжаренное мясо все еще кровоточило. Леопардов, вообще-то осторожных животных, запах крови легко мог лишить благоразумия. Более того, где-то в окрестностях деревни воню рыскал леопард-людоед, может, даже несколько. Он вполне мог добраться и сюда. Правда, эти большие коты придерживались определенных территорий, охотились в своих границах. И леопард-людоед обычно так далеко не забирался.

Как и человеческие существа, они были рабами привычек. Впрочем, как и люди, следовали им далеко не всегда.

Раса старался не мешкать; едва прожевав, глотал мясо большими кусками. Насытившись, вернулся к гнезду; по пути часто застывал, наострив уши. Однажды в кустах что-то шевельнулось. Раса крепче сжал копьё, но, услышав сопровождаемое визгом хрюканье, расслабился — то была речная свинья со всем своим выводком.

Утомленный хлопотливым днем, Раса заснул, точно провалился в забытие. Во сне явился леопард. Зверь расхаживал под деревом, то и дело всаживая в кору когти. Он устремлял на Раса свои желто-зеленые глаза, взгляд столь яркий и яркий — казалось, что зверю довелось лицезреть самого Господа и он сохранил во взгляде толику божественного сияния. Леопард, от усов до кончика хвоста усеянный пятнышками, стелился кругом и щерил острые желтые клыки.

Взволнованный красотой и грацией зверя, Раса вздрогнул во сне.

Гладкая рыжевато-коричневая бестия в черных пятнышках и с белым пушистым брюхом. Принаряженная для убийства самим Создателем. Само божественное сияние нисходит к тебе, смертному, чтобы разорвать на части и вылизать кровоточащую плоть шершавым алым языком.

Леопард оказался вдруг на ветке у Раса над головой. Присев, он явно готовился к смертельному прыжку. И Раса

всадил копые прямо в клыкастую пасть. Острый кремневый наконечник пронзил пятнистую голову, словно прошел сквозь масло, но не причинил зверю ни малейшего ущерба. Затем сама по себе тварь истаяла, как тень. Остался только повисший в воздухе череп, да и тот обратился в человеческий и все скалился, скалился... Из глазниц черепа в Раса вперились бледно-голубые глаза. Рас где-то видел их прежде, но где?

Они раздражали Раса, эти глаза. Он замахнулся — копыя в руке больше не было — и ударил кулаком. Череп расплылся и исчез. А под деревом Рас увидел останки козла. Точно такого же козла, которого он уже видел несколькими днями раньше. Полускрытый зарослями, над тушей тогда трудился леопард — жадно глотал окровавленные внутренности.

Тотчас же Раса накрыло волной смрада. Из козлиного трупа выползали жирные черви, а за ними следом — какие-то странные прыгающие создания, крохотные черные человечки с крокодильими лапами и головами размером с туловище. Их распахнутые пасти, заполненные острыми белыми зубками, не имели на жутких головках определенного места и постоянно съезжали то на затылок, то обратно. Все головы как одна напоминали Галабу, духа смерти вонсу.

Снова перед Расом возник синеокий череп.

— Меньше смерти — больше жизни, — возгласил он на вонсу.

Крохотные попрыгунчики дружно распахнули пасти и завывли следом:

— Меньше жизни — больше смерти!

Твари кишмя кишели кругом; множество их уже карабкалось по телу Раса. Прикосновения крохотных лапок обжигали холодом.

Рас понял, что его собираются съесть. Он резко подпрыгнул, стряхивая с себя нечисть.

И очнулся от кошмара. Сон улетучивался, как капли воды с тела после купания в озере. Но прикосновения крохотных холодных лапок остались и в реальности. Рас продрал глаза: со всех сторон — сверху, снизу, справа, слева — двигались тысячи древесных лягушек, целое море лягушек. Они ползли и прыгали по деревьям; по гнезду и прямо по Расу.

Рас решил не дергаться. Он терпеливо переждал шестые безобидной орды. В безоблачном небе светила полная луна. И лунные лучи, струясь сквозь листву, обращали ее в облако удивительных бледно-желтых ночных бабочек. Свет запрыгал на молочной реке удаляющихся скользких тварей, беззвучных в своем порыве к неведомой им самим цели. Только шорох листвы нарушал тишину. При дневном свете, вспомнил Рас, лягушки снова примут естественный зеленоватый оттенок. Лишь лапки с присосками останутся как древесная кора.

Наконец шорох, иссяк. Рас снова был один. Он попробовал уснуть снова, но не сумел. Уселся и выудил из своего мешка кремневые резцы и брусок чудесной светло-розовой древесины средней твердости. Рас возился с ним, пока не прояснилось, что из того выходит. Когда небо на востоке посеребрилось, он закончил. Череп леопарда с цветками вместо глаз вполне передавал впечатления от ночного кошмара.

Рас повертел его так и сяк, затем самокритично изрек: — Неплохо, но могло быть и получше.

Он встал, потянулся, осмотрелся по сторонам. И замер — в зарослях, шагах в пятидесяти, белел клочок бумаги. Его не могло быть здесь, когда Рас выбирал место; может, принесло за ночь. Ночь, впрочем, была безветренной; наверное, все-таки просто проглядел в потемках.

Тщательно удостоверившись, что никаких крупных хищников поблизости не наблюдается, Рас спустился с дерева и осторожно приблизился к листку. Он выдвигал бумагу и прежде — никакой опасности она не представляла. Но от этого листка, оброненного Птицей Бога, веяло ужасом.

Протянув руку, Рас медленно коснулся бумаги и сразу же отвел пальцы. Затем, глянув вверх — убедиться, что Бог еще не призвал к ответу за покушение на его собственность, и не дать застичь себя врасплох, — освободил листок из зеленого плена.

Тот был изрядно потрепан, в трех местах прорван, но большую часть прочесть было можно. Напечатанное сверху число « — 24 — » Рас истолковал как номер страницы — видимо, листок выпал из какой-то книги.

Первый умер от пневмонии! Второй сделался идиотом или почти идиотом! Какая потеря, какая трагедия!

Сколько денег, времени, размышлений, чаяний и титанических усилий — все псу под хвост! Все без пользы! Но нет же! Я в результате за это время кое-чему научился. И хлебнул лиха немало. После низвержения в пучину отчаяния, когда был так близок к мысли все бросить, отказаться от воплощения мечты, я все-таки воспрянул духом. И укрепился в своих планах. Те же мужество и непреклонность, что вывели меня из грязи в князи, когда я в разгар кризиса без гроша в кармане эмигрировал из Америки в Южную Африку, те же качества характера удержали на плаву и сейчас. И я не оставил свой драгоценный замысел, дорогой не только одному лишь мне все эти долгие годы. Нет, он важен для всего человечества, которое, узнай сейчас, возможно, содрогнулось бы, но — придет день — воздаст мне по заслугам!

К счастью, второй кандидат имел младшего брата — шестью годами моложе. Не прошло и трех месяцев, как я начал строить новые планы. На этот раз хлопоты по присмотру за ним я поручил совершенно новым людям, так как прежние агенты пытались меня шантажировать. Они заплатили за свою ошибку. Я позаботился, чтобы они больше никому не смогли причинить вреда. Словечко-другое по тайным каналам — и я уверен: больше никто не посмеет повторять со мной такие шутки.

Нового кандидата зовут...

Многое из прочитанного Рас попросту не понял. Встречались совершенно незнакомые слова: пневмония, деньги, без гроша, эмигрировал, Америка, Африка, шантажировать — и другие. Может быть, Юсуфу сумеет объяснить их смысл.

Рас сложил страничку и спрятал в кожаный мешок. Подкрепившись остатками вчерашней трапезы, продолжил свои поиски. И до полудня снова ничего не обнаружил — ни следов золотоволосого ангела, ни останков двукрылой птицы, которая рухнула вроде бы неподалеку от сгоревшей Птицы Бога.

Тогда Рас воротился к мертвой Птице. Пожарище уже подернулось пеплом, и прах Птицы остыл. Рас принялся за изучение останков и был немало озадачен. Кости

Птицы были сделаны из точно такого же материала, что его собственный нож. Покопавшись еще, Рас убедился, что обычных — костных — останков нет вовсе, все ребра Птицы из железа. Но ведь и нож имел божественное происхождение. Если верить Мирьям, он остался на земле после удара молнии. Игзайбер — властелин металлов, Он вылепил эту Птицу, почему бы ее костям и не быть металлическими? Или даже всей Птице не состоять из металла, из железных костей? — на последнее умозаключение Раса натолкнуло полное отсутствие следов сгоревшей плоти.

Если, создавая первые свои творения, Игзайбер экспериментировал, он вполне мог прийти к выводу, что существа, целиком построенные из костей, особенно таких прочных, как эти, железные, будут сильнее созданий из плоти и крови. Возможно, что и так. Но с точки зрения Раса, плоть была все-таки лучше. Способна ли тварь из одних железных костей хоть что-то чувствовать?

Продолжая перебирать обугленные останки, Рас услышал далекое робкое чваканье. С минуту он прислушивался, затем вскочил в страхе и замешательстве. Приближалась еще одна Птица!

Скрывшись в джунглях по соседству, Рас притаился за кустами. Наконец Птица, очень похожая на первую, показала над деревьями и зависла над уснувшей товаркой. Рас разглядел в ее чреве двоих — ангелов ли? — в массах. Не приземляясь, Птица принялась облетать джунгли вокруг места катастрофы, словно в поисках пострадавших товарищей. И, видимо, золотоволосого ангела.

Спустя какое-то время она улетела восвояси, похоже, на север — в направлении своего гнезда на черной громадине посреди озера.

Рас истратил на поиски кучу времени. Сперва пришлось огибать муравьиную армаду. Затем — искать исчезнувший в ручье след золотоволосого ангела. Для чего протопать, внимательно оглядывая обе стороны ручья, немало миль в обе стороны. Удача на этот раз отвернулась от Раса.

Очевидное вознесение златовласой в сочетании с желанием понять с помощью Юсуфу найденный текст побуждали Раса к возвращению домой. Пройдя немало миль назад по ручью, самой удобной в этих краях дороге, он

свернул затем к реке. Та вела к водопадам, рядом с которыми и скрывалась лазейка в скалах. Лазейка никому, кроме Раса, неведомая. Собственно, особенного секрета делать из нее не приходилось; быстро преодолеть подъем на плато в этом месте мог только тот, кто, как Рас, знал в точности, куда ставить руки и ноги, за какие выступы цепляться можно, а за какие опасно, куда ведут какие расщелины. Чужаку пришлось бы потратить на восхождение долгие часы, а Рас в нормальном состоянии забирался за десять минут.

Сегодня он был в полном порядке, поэтому вскоре оказался наверху. Плато, плавно поднимаясь от края, заканчивалось милях в девяти перед гладкой, ослепительной черной стеной. Преграда вздымалась в небо на многие тысячи футов; казалось, разгневанный чем-то Бог выставил гигантскую черную ладонь: «Ни шагу дальше!»

Мирьям нередко повторяла, что черная стена означает конец Мира. Небо — голубое продолжение стены — образует над Миром прозрачную крышу, по которой каждый день карабкается солнце. В точности как мухи и ящерицы по стенам и потолку их собственной хижины. Затем солнце на западе спускается в туннель, пробитый в каменном подножии Мира, и к рассвету возвращается, чтобы вновь начать свой дневной путь.

Солнце, Сихэй по-амхарски, каким-то неведомым образом являлось также и Игзайбером. Измученная вопросами мальчика, Мирьям уточнила: солнце — это огненная птица, на которой Игзайбер порой разъезжает верхом. Рас постарался рассмотреть солнце повнимательнее. Одетое над горизонтом в пунцовую предзакатную дымку, оно показалось мальчику похожим скорее на пылающее яйцо, чем на птицу. Мирьям повергла Раса в замешательство заявлением, что птица просто еще не вылупилась из яйца, а когда случится такое, Мир ожидает невиданная катастрофа, — возможно, даже полное уничтожение.

И не прикрикни Юсуфу на жену, Раса застрашали бы вконец. Он и так был весьма озадачен услышанным.

Западный и восточный обрывы плато разделяло примерно десять миль. На севере склоны постепенно сходились, и к моменту встречи с черной стеной их разделяло не больше семи миль. Это и была ширина границы Мира.

Джунгли, начинаясь почти у самого края плато, тянулись на три мили в глубь холмистой, порою сильно пересеченной местности, затем сменялись тремя милями равнины с множеством отдельных рощиц. Дальше местность делалась более возвышенной, деревья становились многочисленнее — недостаточно, впрочем, чтобы образовывать сплошные заросли. Джунгли начинались снова только в холмах, предшествующих подножию черных скал. Именно там находили себе приют стаи горилл.

Три широких водопада низвергались из места встречи черного камня с синим небом. Стекая по северо-западному краю стены, они сливались у подножия в озеро шириной три мили. Из южного берега озера, где оно было несколько уже — до двух миль, — брали начало три ручья. Затейливым узором, постоянно петляя, они устремлялись к пропасти и бесшабашно бросались в нее, отдавая всю свою воду начинавшейся внизу реке.

Рас оленьей тропой прошел через джунгли и оказался на равнине. Здесь паслись небольшие стада слонов, семейство буйволов, антилопы и несколько бородавочников. Где-то по соседству визгливо потягивал шакал. Не так уж много дичи для пространства шириной в пять миль и длиной в три. Но за последнее время живность здесь все-таки приумножилась — благодаря Расу, перебившему на плато почти всех леопардов. Рас и Юсуфу охотились исключительно для пропитания и не переводили дичь насовсем, как эти прожорливые хищники. Здесь, на плато, охотился и лев, Джанхой, но с весьма переменным успехом. Он постоянно нуждался в помощниках — загонщиках дичи, а Рас в последнее время не часто баловал его своей компанией.

Еще из джунглей Рас увидел макушку скалы, взметнувшейся к небесам из середины озера. По мере продвижения крутыми тропами к верхнему лесу она вырастала, а когда Рас вышел наконец на сравнительно открытое пространство на берегу — предстала взору во всем своем величии.

Ослепительно черного цвета, идеально ровной громада отнюдь не была. Казалось, создатели этого грубо четырехугольного в сечении колосса позабыли воспользоваться отвесом — ось монолита виляла вокруг вертикали, как

преданный пес хвостом, до самой вершины в доброй тысяче футов над поверхностью воды.

Еще совсем малышом Рас находил этот гигантский каменный штопор довольно странным, чуждым всему окружающему. Почему он так одинок, уникален в своем величии? Почему ничто больше не нарушает озерную гладь? Что повелело ему взметнуться из воды к небу и застыть в угрюмом одиночестве на вечные времена? Какая чудовищная подземная сила?

И с каких стародавних времен на макушке черной скалы угнездилась Птица Бога?

Рас пошел на север вдоль восточного берега озера. У обугленных камней, оставшихся от сгоревшей старой хижины, свернул к востоку, миновал густо поросший высокой травой склон холма и вошел в лес. Большинство деревьев в этом лесу начинали ветвиться лишь высоко над головой. Раскидистые ветви, усеянные множеством мелких, почти прямоугольных и раздвоенных на концах листьев, роняли на подлесок густую тень. Симату, так на амхарском назывались эти деревья, раз в год пышно цвели белыми тугими цветками и плодоносили орехами — крупными, треугольной формы, с темной скорлупой.

Кроны симату круглый год давали приют бесчисленным стаям птиц самого разного вида и расцветки и постоянно выдерживали нашествия обезьян. Верещание, чириканье, пересвист, курлыканье и прочие волшебные для ушей Раса звуки кого-то постороннего поначалу попросту бы оглушили. Памятная и дорогая Расу сызмальства, эта лесная какофония едва ли утихала полностью даже ночью.

Взглянув вперед, Рас заметил старых знакомцев. Несколько обезьянок спрыгнули на землю, подбежали и стали кланяться угощение. Но, поскольку Расу на этот раз порадовать их было нечем, скоро отстали.

Растительность под деревьями никак не могла именоваться джунглями — сплетающиеся в вышине ветви, густо перевитые толстыми лианами, создавали в лесу полумрак даже в полдень. Выживали внизу только самые стойкие и непритязательные.

Зато кроны просто упивались солнцем и кишели поэтому живностью. Здесь, на высоте семидесяти пяти

футов, и был устроен дом, в котором Рас жил вместе с родителями. На двух гигантских, расходящихся под прямым углом ветках лежала бревенчатая платформа. Дом, сооруженный на ней, весь был сплетен из бамбука и покрыт листьями слоновьего уха. Довольно просторный — три комнаты, столько же входов, два окошка, — он был окружен еще и просторной верандой с перильцами. Рас хорошо помнил, как Мирьям впервые подвела его к этим перильцам и какой недостижимо далекой казалась ему тогда сверху земля.

Существовало три способа подняться в дом. Можно было вскарабкаться по прибитым к стволу перекладинам. Можно было воспользоваться лифтом, поднимаемым и опускаемым с помощью хитроумного такелажа. И, наконец, попросту взобраться по веревочной лестнице — ступенька за ступенькой. Последние два требовали так много мышечных усилий (не считая уже отказов запутанного такелажа), что редко использовались родителями для подъема — лишь для срочного спуска.

Когда-то, Рас тогда был еще совсем юн, существовал лишь этот дом. Но лет пять назад стареющие Мирьям и Юсуфу решили, что слишком уж это затруднительно — десяток раз на дню спускаться и подниматься. И построили второй дом, почти копию первого, прямо вниз. С тех пор верхний дом использовался преимущественно для ночлега.

Несколько обезьян сидели на крыше и на веранде. Молодая самка шимпанзе устроилась спать прямо на столе. Панцирный ящер, большой любитель муравьев, крался вокруг дома. Пронзительные голоса родителей слышались издалека. Рас нахмурился — у него снова начинался привычный нервный зуд. Прошли времена, когда родительские ссоры и пререкания его забавляли; теперь они обычно утомляли и раздражали.

Когда он был ребенком, голоса родителей звучали куда как более мелодично и нежно; а может, Расу так только казалось. С годами, с уходом из жизни их друзей, других взрослых, Юсуфу и Мирьям все хуже переносили друг друга. Это Рас как-то еще понимал. Но и в присутствии третьего лица они, нимало не смущаясь, продолжали перебранку. А часто, стоило ему показаться, дружно на него набрасывались. Расу казалось порой, что его как

будто даже обвиняют в чем-то. А в чем, ни один из них не хотел или не мог признаться.

И еще кое-что Рас постичь никак не мог.

— Ты считаешь, ты не обезьяна? — мог спросить его Юсуфу. Крошечному нескладному человечку с непропорционально большой головой и короткими кривыми ножками — едва ли длиннее, чем руки Раса от локтя до кисти, — приходилось уже тянуться к сыну. Даже встав на цыпочки, седобородый Юсуфу смотрел на мальчика снизу вверх. Обветренное, прокопченное солнцем морщинистое лицо с широким носом, выпирающими ноздрями и толстыми губами кривилось при этом от досады, а пышная вьющаяся борода мелко тряслась.

— А ну, нагнись, сын верблюда! — рявкал Юсуфу. — Склони спину, чертов джинн, чтобы я, отец обезьяны, к вечному своему позору, мог отхлестать тебя как следует и научить приличным манерам.

Но Рас оставался стоять прямо. И с ухмылкой взирал на подпрыгивающего в ярости Юсуфу. Тот сыпал проклятиями на всех известных ему языках: суахили, арабском, английском и амхарском.

— Должен же я наказать тебя, о Властелин Тигр, должен загнать на твои излюбленные деревья. И ты еще возомнил о себе, что не обезьяна? Склонись; я твой отец и, стало быть, хозяин твоего тела — поэтому делай, как велю! О верблужий помет, случайно принявший человеческий облик, наклонись, кому говорят!

— А что такое верблюд? — спрашивал тогда Рас, хотя уже множество раз слышал ответ на этот вопрос.

— Сын Шайтана и твой настоящий отец! Вонючее, плюющееся, горбатое воплощение черных мыслей самого Дьявола! Ты, именно ты — сын поганого верблюда и самой ничтожной из обезьян!

— Но раньше ты говорил, что это ты — обезьяна и приходишься мне отцом, — отвечал Рас.

— Он точно обезьяна! — крикливо встревала в разговор Мирьям. — Но не отец тебе, а только отчим. И лучше ему об этом не забывать! Это чудовище вылупилось, видать, из вороньего яйца.

Из множества родительских обмолвок и по иным признакам Рас мог сделать вывод — каким-то непостижимым образом он повинен в том, что родителей занесло в

этот мир и они не слишком-то этим довольны. Что плохого в этом мире? И где еще им быть?

Выглянув из хижины, меж ветвей можно было различить черный камень Стены мира.

— Черная, как язык Дьявола, — говаривала о ней Мирьям.

— Черная, как дырка у грифа в заднице, — случилось отозваться в ответ Юсуфу. И в этих определениях Расу открывалось различие подхода обоих ко всему на свете, непохожий склад ума, особые манеры речи.

— Высотой шесть тысяч футов, — случилось как-то откликнуться Юсуфу на один из вопросов Раса.

— Футов?

А что такое фут? Какой он длины? Юсуфу говорил, что фут длиной в стопу Раса. Но мальчик вспоминал, что совсем недавно его нога была короче.

— Как стопа ребенка? — уточнял Рас.

— О возлюбленный сын, услада моих очей, — отвечал Юсуфу. — Уж не дразнишь ли ты седобородого отца, чье лицо избороздили преждевременные морщины от неусыпных забот о тебе? Не издевайся над стариком, уважь седины, не то вырежу из твоей кожи ремень и забью тебя им до смерти!

— Чему равен фут? — стоял на своем Рас. — Пусть он равен моей ноге. Но ведь я расту. Что же, если нога вырастет вдвое, стены мира станут вдвое ниже — не шесть, а три тысячи футов? Может, весь мир съезживает-ся, лишь я расту и скоро дотянусь головой до вершины башни на озере?

Старого Юсуфу радовала подчас фантазия мальчика, он смеялся тогда и на какое-то время веселел и оживлялся.

Рас остановился в пятидесяти футах от дома, чтобы криком предупредить о своем появлении. Юсуфу, человек импульсивный и нервный, мог сгоряча метнуть нож, а уж потом начать разбираться в кого. А метал он без промаха!

Перебранка мгновенно стихла, дверь скрипнула и наружу выскочила Мирьям. Рас пошел навстречу. Голова Мирьям, чудовищно большая для крохотного тельца, едва доходила Расу до пояса. Длинная, до щиколоток, белая накидка скрывала ее короткие скрюченные ножки. Мирьям и смеялась и плакала от радости. Рас подхватил ее на

руки, крепко обнял и позволил расцеловать себя и оросить слезами.

— Ах, сынок, я уже не чаяла снова тебя увидеть!

Мирьям всегда, стоило только Расу провести больше дня в отлучке, повторяла эти слова как заклинание. Означали они совсем другое, Рас уже давно постиг что — извечную материнскую тоску и тревогу. И ему никогда не надоедал этот слезливый ритуал.

Наконец Рас опустил мать на землю и стал поглаживать ее тронутую сединой голову в ожидании нагоняя — неизбежного после столь длительного, как сейчас, отсутствия, причинившего матери так много огорчений.

Юсуфу, ростом чуть выше жены, седой как лунь, приковылял к Расу на своих скрюченных ногах-обрубках и проворчал:

— Склонись, верзила ростом со страуса, поцелуй и отца, как приличествует почтителю сыну.

Рас повиновался, и старик обслюнявил его в ответ.

Следом за родителями мальчик вошел в дом. Посреди большой комнаты располагался сложенный из камня очаг. Сложный букет ароматов ударил Расу в нос: дух обезьян и неубранных обезьяньих экскрементов, птичьи запахи, влажный запах замоченных потных тряпок и самый терпкий, забивающий остальные, — запах дыма из очага. Неудачно устроенный дымоход при малейшем ветре заволакивал комнату клубами едкого дыма. Одним из самых ранних Расовых воспоминаний было вечное подтрунивание матери над неспособностью Юсуфу сложить нормальный очаг и такие же постоянные его обещания обязательно заняться этим, как только позволит погода. Став постарше, Рас неоднократно вызывался починить или совсем перестроить очаг с дымоходом. Юсуфу, чувствуя в этом намек на собственную леность, взрывался негодованием. Нет, ради Аллаха, он сам это сделает при первом удобном случае! После дождика в четверг, беззлобно думал тогда Рас.

Откашлявшись, Рас достал из кожаного мешка письмо и протянул отцу. Темнокожие лица Мирьям и Юсуфу слегка посерели, но, кроме замешательства, на них не читалось ничего. Мирьям почти сразу же расписалась в неспособности понять написанное. Юсуфу, посидев над письмом дольше жены, подтвердил, что большинство слов в нем ему также неведомы.

Рас чувствовал, что его обводят вокруг пальца. Какая-то напряженность, неестественность угадывались и в словах, и в выражении отцовского лица. Реакции Мирьям тоже показались, в отличие от обычного, слишком сдержанными. Оба вели себя как-то чересчур тихо.

Осерчав, Рас обвинил родителей в лицемерии, в том, что им известно куда больше, чем они считают нужным сообщить ему, Расу. Родители вознегодовали, прямо-таки оскорбились. Они явно переигрывали. Но никакие аргументы Раса не могли убедить их сознаться. Мирьям сказала, что, по ее мнению, эта бумага — письмо, послание Игзайбера к Лунной деве, и, может статься, Господь записал в нем историю всего сущего с момента Творения.

— Почему бы вам не поинтересоваться, где я его нашел? — воскликнул Рас. — Странно, я-то думал, что вы начнете с такого вопроса!

Родители в промашке не признались, не стали спрашивать и сейчас. Тем не менее Рас поведал им о двукрылой птице, о ее огневой схватке с Птицей Бога, о златокудром создании и съеденном муравьями ангеле.

— Я уверена, — возопила Мирьям, — что желтоволосая тварь — сущий демон! Она летела на демонической птице, одной из птиц Сатаны! Поэтому и напала на Птицу Бога. А мертвый — наверняка из подручных демонов, низверженных Игзайбером.

— Ты так часто уверяла меня во всесии Игзайбера, — сказал Рас. — Как же это — птица Сатаны, падая, прихватила с собой на погибель птицу всемогущего Бога? И если Игзайбер убил демона-подручного, почему же не совладал с желтоволосым?

— Кто ведает, почему Господь поступает так или иначе? — отозвалась Мирьям. — Пути Господни неисповедимы, и нам, смертным, постичь их не дано. Но я счастлива, сынок, что ты не встретился с желтоволосым демоном — она запросто могла уничтожить тебя или, что еще страшнее, прихватить с собой, в преисподнюю.

— Откуда тебе известно, что демон — женщина, она? — спросил Рас.

После несколько затянувшейся паузы, в течение которой Мирьям беззвучно жевала губами, она нашлась:

— Ну, для Сатаны ведь дело обычное — посылать демонов в женском обличье для соблазнения легковых мужчин.

Рассказы Мирьям о чертях, о Сатане, о преисподней, что находится в пещере подле устья реки, всегда вызывали у Раса любопытство, но никак не благоговейный трепет. Выслушивая аналогичные — о злых духах — истории вонсу и шарикту, мальчик постоянно убеждался в их сплошных противоречиях между собой. Но и вонсу, и Гилак, король шарикту, не менее, чем Мирьям, убеждены были в единственно своей правоте.

То, что Юсуфу и Мирьям забыли расспросить о подробностях, убеждало в их нечестности. Они точно скрывали что-то. Подавив яростное побуждение вытряхнуть из них всю подноготную, Рас выскочил из хижины и обиженно хлопнул дверью. Несколько часов он провел в лесу и на берегу озера, меряя шагами пространство. Он уже жалел о времени, потерянном на возвращение домой. Следовало бы немедленно вернуться в лес для поисков золотоволового ангела.

Придется, однако, повременить. Через три дня Биджагу должен выпустить Вилиду из заключения и провести через мостик в деревню, к началу продолжительной свадебной церемонии. Рас мог бы уже завтра в ночь пробраться на островок и умыкнуть Вилиду. Скрыв ее от вонсу в надежном убежище, он возобновит поиски ангела.

За час до наступления темноты Рас вернулся домой. Мирьям пекла хлеб в кирпичной печи на веранде. Чуть погода вернулся с подстреленным зайцем глава семьи. Родители встретили сына с подозрительным спокойствием. Расу хотелось высказаться, но он подавил в себе это желание. А вскоре родители приступили к обычной своей перебранке по пустякам. О важном для Раса: о письме, о встрече двух птиц и златокудром создании — не прозвучало ни слова.

ГЛАВА 6

Удар молнии

Рас сидел и смотрел, как мать выносит из дому на веранду рдеющие угли. Мирьям развела на жаровне небольшой костер, нанизала кролика на железный вертел и подвесила над огнем.

Железо, подумал Рас. Откуда оно взялось? Сколько он себя помнил, жаровня, вертел и прочие железные предметы всегда были в доме. И до сих пор Рас считал это само собой разумеющимся.

— Чем ты питался? — спросила Мирьям.

— Немного свинины несколько дней тому назад. А вчера поймал древесную крысу.

И Мирьям, и Юсуфу содрогнулись. Против свинины, Рас знал, мать ничего не имела; ее расстроила крыса. У Юсуфу же спазмы в желудке вызывала сама мысль о поедании любого из двух названных животных.

Это тоже было весьма странно. Когда Рас был ребенком, ему разрешалось пробовать все: червей, пауков, побеги бамбука, мышей — все, кроме мертвечины. Еще тогда родителей невольно смущало многое из того, что Рас почитал вполне съедобным. Но они хотя бы скрывали свое отвращение. Рас понимал сейчас, что был слишком глупым и доверчивым ребенком.

— Пойду поплаваю, — объявил Рас. — Может, порыбачу. К ужину вернусь.

Родители не возражали. Отойдя, Рас оглянулся: родители, носом к носу, о чем-то оживленно, судя по жестам, спорили вполголоса. Стало быть, чем-то озадачены и хотят скрыть это от Раса. История с птицами и письмом определенно вывела их из равновесия.

Рас пожал плечами — все одно не скажут — и двинулся своим путем сквозь сгустившийся под деревьями сумрак, прорезаемый лишь птичьими трелями и воплями обезьян. Он поплавал в озере всего ничего — несколько минут; вода не принесла желанного облегчения. Когда же вышел и отряхнулся, обнаружил исчезновение ножа — Кэбид, самец шимпанзе, сидя на ветке, отчаянно размахивал Расовым ремнем с ножнами. Рас погнался было за ним, но Кэбид, отчаянно гикая, резво затерялся в густых кронах. Расу оставалось лишь выругаться, что он и сделал с немалым искусством и изяществом, унаследованным от Юсуфу. Ругался Рас обычно на арабском — в этом языке море цветистых проклятий и изысканных описаний грядущей мести.

Вернувшись домой, Рас признался в случившемся родителям. Мирьям высказала уверенность, что Игзайбер сможет возместить ему потерю. Возможно, очень скоро —

вон как тучи сгустились. Видать, Игзайбер на что-то гневается — когда он зол, он грохочет с небес проклятиями и швыряется ножами молний.

Перед самым закатом тяжелые мохнатые тучи, перевалив через западный край гор, дохнули на плато холодом. Рас, родители, домашняя живность — все сгрудились у горящего очага. Когда ветер загонял дым обратно в дом, все кашляли и чихали. Юсуфу, прокашлявшись, снова поклялся починить дымоход. Он постоянно сплевывал в огонь; запах кипящей слюны мешался с запахом дыма.

Рас, в отличие от стариков, не мерз — он привык к ночевкам под открытым небом и даже зимой редко укрывался. Он дрожал по другой причине — ледяной занозой его сердце колот холода неизвестности и ощущение чего-то неизбежного в близком будущем.

— Откуда берутся ножи? — спросил Рас неожиданно.

Юсуфу заворчал и ответил:

— Тысячу раз я говорил тебе об этом, о сын мой безмозглый!

— И тысячу раз лгал, — отрезал Рас. Он видел сквозь дым покрасневшие слезящиеся глаза отца и не отводил от них взгляда. — Если отец лжи — Дьявол, то ты и есть тот самый Дьявол!

— Ах ты, нахальный, неблагодарный ублюдок! Не будь ты таким слоном, а я таким измученным годами и хворобами, что достались мне вместо твоей благодарности, я колотил бы тебя до тех пор, пока не завоешь громче бури.

Легкий на помине, снаружи поднялся и заголосил, набирая силу, ветер. Громыкнув, как рухнувшая скала, ударил гром. Совсем рядом ослепительно полыхнула молния и высветила задымленный воздух хижины. Все трое подскочили.

С нескрываемым сарказмом Рас произнес:

— Расскажи мне, мамочка, еще раз эту историю — о том, как Игзайбер швыряется ножами в виде молний.

Мирым взглянула на сына с состраданием:

— Это чистая правда, сынок. Разве я, твоя мать, стала бы лгать тебе? Буря вызвана гневом Игзайбера. Он в ярости. Он хочет вернуть свои греховные создания на стезю добра. Случается, Бог даже убивает нечестивца, виновного в святотатстве — в наизидание остальным. Мне

больно говорить тебе, сынок, но ты ужасно согрешил, когда лег с черной вонсу. Игзайберу это не понравилось.

Рас, тяжело дыша от kloкочущей в груди ярости, встал, огляделся кругом и вдруг ударил ногой в дверь. Ударил с такой силой, что засов разлетелся на куски. Дверь распахнулась настежь; ветер с дождем ворвались внутрь. Молния снова полыхнула где-то поблизости, выбелив все внутри хижины. Юсуфу и Мирьям в испуге вскрикнули.

— Я не согрешил! — выкрикнул Рас. — Что особенно-го я натворил? Почему это любая тварь в мире, и ты, Юсуфу, и все мужчины вонсу имеют подруг, а я должен мучиться? Почему?

Он погрозил кулаком в завывающую черноту ночи. Мирьям с рыданиями обхватила его за пояс своими короткими ручками.

— Игзайбер готовит тебе в жены белую женщину! Он хочет, чтобы ты взял жену своей породы. Вот почему Он запрещает тебе блуд с этими черными потаскухами!

— А ты-то откуда знаешь, что там готовит для меня Игзайбер? — продолжал бушевать Рас. — Он что, делится с тобой своими секретами? Шепчет тебе на ушко?

Коричневое востроносое личико Мирьям запрокинулось, ручки по-прежнему крепко цеплялись за ногу Раса.

— Доверься мне, сынок! Я знаю.

— Как ты можешь знать? Когда Он сказал тебе это?

Слезы в три ручья бежали по морщинистым щекам; она упрямо твердила:

— Верь мне, сыночек, верь! Я знаю!

— Отцепись, мать! Я пойду сейчас туда, где Он сможет как следует разглядеть меня, и я вызову Его на бой! Никакой я не грешник! Это Он грешник! Он хочет убить меня за то, что сам же и вынудил сделать.

Мирьям, всплеснув руками, вскрикнула, отступила на шаг и зажала себе уши.

— Я не могу слышать такие речи, я просто не вынесу! Бог покарает тебя!

Юсуфу сделал длинный глоток из кожаного бурдюка, затем вытер губы и пробурчал:

— Да позволь же дурню выйти и получить свое, Мирьям. В том не будет твоей вины.

Он снова надолго присосался к бурдюку. Отерев губы тыльной стороной ладони, громко рыгнул и добавил:

— И вины Игзайбера тоже не будет. Если придурка прихлопнет молния, так только случайно и по его же собственной дурости.

— Заткни свой нечестивый рот, ты... — завизжала Мирьям, но продолжения Рас уже не слышал. Он выбежал в дождь и ветер. Рас понесся по холмам, спотыкаясь и поскользываясь на мокрой траве. Частые сполохи молний освещали путь через преграды — кусты, поваленные стволы деревьев, ручьи — в его неистовом беге. Рас мчался вверх по склону, в джунгли, туда, где жили гориллы.

— Порази меня, ты, большая гиена, там, наверху! — надрывался он, потрясая кулаком. — Давай швыряй свои огненные ножи; посмотрим, сможешь ли пронзить меня своим оружием!

Рас несся дальше, чуть замедляя бег на крутых и скользких склонах. Несколько раз упал на колени, не раз ударился грудью, но поднимался и упрямо стремился вперед.

— Я не боюсь тебя! Моя мать пыталась поставить меня на колени перед тобой! Но я не поддамся! Я сказал «мать»?! Эта темная крошечная обидина?! Она не мать мне! Она лгала, что обезьяна, лгала и о том, что родила меня!

Как мог я, я — произойти от подобной уродины? Я не сын ей вовсе!

Рас остановился и воздел к небу руки — на этот раз с вопросом, не с вызовом:

— Чей же я сын, наконец?

И ответ последовал незамедлительно. Казалось, Рас должен был немедленно лишиться сознания, даже не поняв, что его поразило.

Но он мог бы поклясться позднее, что не проваливался в черную пустоту ни на мгновение.

Мир вспыхнул ослепительным светом. И Рас оказался в самом центре огня. Его руки, все еще воздетые к небесам, воссияли. Сквозь прозрачную кожу Рас разглядел собственные кости. Он весь был как скелет, обьятый голубовато-белым свечением.

Молния, зигзагом скатившаяся с ближайшего дерева, прежде чем скользнуть, подобно змее, в корни, укутала Раса с головой своим саваном.

Малый огненный шарик — последний уголек молнии — занялся у Раса в груди. Шарик разгорался, и в его жаре Рас увидел картины прошлого. Совсем крохотные, они как бы воссоздавались внутренним оком. Вот три светлые нити — водопады; вот голубое пятно — озеро. Словно рука потонувшего черного гиганта — башня. Старая хижина на берегу озера. Семь крохотных обнаженных темных фигурок, пляшущих вокруг хижины.

Это, должно быть, Мирьям, Юсуфу, Абдул, Ибрагим, Сара, Иоханнес и Кокеб. Единственный из всех, кого Рас помнил отчетливо, за исключением родителей, был Кокеб. Остальных — очень смутно. Сейчас воспоминания вернулись.

Абдул умер от лихорадки. Сару убил Ибрагим, после чего перерезал глотку и себе. Иоханнес утонул в озере. Кокеб исчез, когда Расу исполнилось девять. Скорей всего съеденный леопардом.

Но сейчас они все плясали вокруг огня, сиявшего внутри у Раса. Плясали, корчились, прыгали, скакали на четвереньках, как обезьяны. Которыми они, по их же словам, и были. Пляшите, маленькие черные обезьянки, пляшите!

Рас увидел себя ребенком. Признал по светлой коже, выхваченной лучом света. Мальчуган метал в цель ножи, час за часом. Тренировался в стрельбе из лука. Крутил сальто, ходил по канату, глотал огонь и проделывал великое множество всяческих трюков, которым его научили лилипуты. Это было единственным, что они умели делать хорошо, и им хотелось передать свое искусство мальчику.

Огненный шар стал разрастаться. Сейчас Рас увидел стаю горилл, с которыми жили порою и он с родителями, и Кокеб. Он видел себя карабкающимся по деревьям, скачущим с ветки на ветку, как молодая горилла. Уверенный, бесстрашный, верткий, он был искуснее своих мохнатых длинноруких учителей. И наслаждался своим превосходством.

Долгое время Рас пребывал в уверенности, что и сам он — горилла. Уродливо безволосая, со странной рожей, уступающая другим во всем, разве что кроме скачек

по деревьям, — но горилла. Превосходящая, впрочем, остальных умом, и намного.

Огненный шар, набухая, уже выдавливал Раса из собственной оболочки. Большой сияющий ком толкал сознание во тьму — только неуловимые тени разбегались в стороны.

С вершины башни с кудахтаньем снялась большая Птица. Бог, Игзайбер, сидел на ней верхом. Это был белый человек, очень похожий на самого Раса. Только лицо его, даже когда приблизилось вплотную, оставалось туманным — черты были зыбкими, как у отражения в беспокойной воде.

Затем вдруг у Игзайбера стало сразу два лица. Одно — мужское, лицо Раса, другое — женское, и тоже Расово. При виде их Рас вспомнил, как малюткой мечтал увидеть эти лица; они снились ему постоянно.

Когда Рас очнулся, занимался рассвет. Небо голубело вверх и наливалось багрянцем на востоке. Рас обнаружил, что может шевелить только ресницами. Он лежал на спине на склоне холма; должно быть, при падении кувыркался и лежал сейчас головой к подножию. О прошедшей дождливой ночи напоминала лишь частая капель с ветки — совсем рядом с его головой. Крохотная желтая птичка с алыми перьями хвоста порхнула над ним. Что-то тяжелое заворочалось в кустах неподалеку.

Расу было зябко, но ощущал он холод не кожей — та, казалось, полностью утратила чувствительность. Холод исходил изнутри, из него самого. Огненный шар, остыв, обратился в тяжелый холодный камень, который перекачивался теперь в Расовом теле, точно в желобе.

Рас попытался разорвать сковавшие тело цепи, но безуспешно. Его охватил страх, быстро сменившийся злостью. Холод внутри стал таять. Кто сотворил с ним это? Неужто Игзайбер?

— Кто дал тебе право? — беззвучно выкрикнул Рас. — Что я тебе сделал такого? Ничего! Ох, доберусь же я до тебя, тогда берегись — убью!

Ярость отступила на время, съежившись в горячий крохотный кулачок внутри. Питаясь его теплом, Рас пытался, как мог, оценить ситуацию. Скосив глаза, смог увидеть над деревьями верхушку башни. Кроме того, в поле зрения попадали подножие холма и часть равнины, не скрытая зарослями.

Все застыло вокруг в ожидании утра, только листья трепетали на ветру. Рас чуть успокоился: еще не все потеряно. Может быть, его отыщут родители. Но с чего бы им вдруг начинать поиски? Когда бы он ни уходил из дому, не важно в каком состоянии, он всегда возвращался сам. Родители решат, что, желая наказать их на этот раз продолжительным отсутствием, он снова отправился на поиски приключений.

Но, может быть, они, обеспокоенные грозой с молниями, все-таки пойдут искать его?

Что-то хрюкнуло и завозилось совсем рядом, и Рас внутренне содрогнулся, оставаясь наружно неподвижным и спокойным, как камень. Свинья? Рас надеялся, что нет. Хотя какая, в сущности, разница? Если полежать еще немного, обязательно появится либо шакал, либо леопард, а то и прожорливые муравьи доберутся.

Тень пала на Раса. Продолжением тени служили длинные суставчатые ноги, чернокрылое туловище с коротким белым хвостом и длинная шея, увенчанная крохотной лысой головкой с долгим острым клювом. Пахнуло мертвечиной; согнув шею, птица важно скосила на Раса глаз.

Ее напыщенность была не так уж неуместна — пожиратели падали играли в джунглях далеко не последнюю роль.

— О марабу, — беззвучно вымолвил Рас. — Я пока еще не труп. Но если за мной не придут, скоро им стану.

«О Господи! — подумал Рас. — Я заперт в моем собственном теле».

Он попытался вскрикнуть. Если удастся, это может отпугнуть птицу. Правда, ненадолго. Она обязательно вернется. Эти мертвые глаза, выдавшие на коротком птичьем веку так много смерти, скоро встретятся с его собственными. Одно движение острого клюва — и у Раса нет глаза.

Единственным оставшимся Рас будет наблюдать, как марабу закидывает голову на длинной шее, чтобы уронить в глотку первую пробу. Затем мертвые глаза снова обратятся к Расу. Марабу сторожко оглядится по сторонам — у пожирателей падали есть свои враги в джунглях. Еще один ослепляющий укол — и стремительно

падающее острие клюва станет последним, что Расу уготовано увидеть в этой жизни. Но не последним, что дано почувствовать.

Марабу испустил противный негодующий вопль и, взмахнув крыльями, заковылял прочь. Другая тень пала на лицо Раса. Ее хозяин имел черную морду с огромными — точно пустые глазницы — ноздрями, выдающейся вперед челюстью и желтыми клыками в приоткрытой пасти. Под выступающими надбровными дугами, покрытыми жестким черным волосом, светились два больших рыжевато-коричневых глаза.

— Негус! — попытался выдохнуть Рас. — Негус, спаси меня!

Это имя, в переводе с амхарского означавшее «император», дал горилле сам Рас. Пятисотфунтовый монстр ходил сейчас в жоках небольшой стаи, но еще лет восемь назад был другом Раса и партнером по играм. Тогда он был отличным приятелем с покладистым характером. Рас дни напролет мерялся с ним силами и бегал взапуски. Но однажды, прыгнув на Негуса с громким рычанием, словно леопард, из засады, Рас был ошарашен реакцией приятеля. Вместо того чтобы удрать, как полагалось по правилам игры, Негус грозно повернулся к нему. Глубокий шрам на плече остался от той встречи как напоминание, что горилл лучше не пугать и не злить.

Негус с горловым рыком склонился над Расом и заглянул в глаза. Грудь горильего вождя украшали ростки бамбука. Вытянув лапу, он толстым морщинистым пальцем легонько надавил Расу на веки. Затем стал ворочать его, точно бревно.

— Сделай же что-нибудь! — беззвучно простонал Рас. — Сходи за Юсуфу!

Рас прекрасно знал, что, сумеет он даже выразить свое отчаяние словами, толку будет мало. Негус слов не понимал. А если бы даже и понимал, за помощью не отправится. Он терпел присутствие Раса, и только.

— Безмозглая волосатая туша! — выругался про себя Рас. — Скотина неблагодарная! Двух лет не прошло, как я спас тебя из лап леопарда. Это я прогнал его. Если бы не мое вмешательство, твои кости белели бы сейчас под деревьями. Помоги же и ты!

Негус испустил горестный стон, удививший Раса. Неужто эта тварь скорбит о нем? Или стон выражает обычную оторопь перед таинством смерти? Если так, то он не больно-то взволнован. Наконец голова Негуса скрылась из поля зрения.

По всем признакам Негус здесь был не один. Глухо доносились звуки, производимые всей семейкой: треск в зарослях, аппетитное чавканье, отрывка и даже удары ладонями по чьей-то мощной груди.

Затем Рас услышал тьякканье, звук которого пронизал тело холодом.

Он ждал; а что еще оставалось делать? Через минуту-другую до него доберутся шакалы. Их не испугает присутствие горилл; однажды Рас был свидетелем, как эти твари вырывали куски мяса из трапезы леопарда — почти прямо из пасти, уворачиваясь от страшных когтей. Шакалы не оробеют; они всегда добиваются своего.

Рас почувствовал давление лап на своей груди. Щетинистая рыжая острая морда ощерилась над ним. Из зубастой пасти свисал набок язык; из горла несло острой мускусной вонью. Пара ярких черных глаза уставилась на Раса.

Хотя бы вскрикнуть! Излив в крике всю глубину отчаяния, Рас хоть напоследок почувствовал бы облегчение.

В этот момент юноша осознал — как некстати! — что его кожа чувствует давление лап шакала. Значит, ощущения стали возвращаться.

И тут раздался рев, от которого задрожала земля. Тявкая и повизгивая, шакал скрылся с глаз; мохнатый хвост мазнул напоследок Раса по лицу.

Леопард? Если да, то уж очень большой — такой мощный рев обычной кошке не издать. Кто бы это ни был, он напугал не только шакалов. Гориллы, вскрикивая и проламывая бамбуковые заросли, поспешно улетевали. Здоровенная туша Негуса промелькнула над Расом.

Джанхой! — сообразил юноша. — Джанхой!!! И в подтверждение над ним сразу же нависло облако спутанных, усеянных репьями золотисто-желтых волос. Два больших уха под пышной гривой; два огромных желтых глаза и темный нос картошкой. И клыки, самые длинные и самые острые в мире клыки!

— Джанхой! — беззвучно вскрикнул Рас. Слезы ручьями текли по щекам, и, даже охваченный всепоглощающим чувством благодарности и облегчения, Рас заметил, что уже чувствует щеками влагу. Лев немедленно взгромоздил передние лапы ему на грудь; Рас чуть не задохнулся под тяжестью друга.

Слова теснились в горле, разрывая его:

— Джанхой! Беги домой, позови родителей!

Зверь заскулил и лизнул Расу в лицо. Рас немедленно пожалел, что снова обрел ощущения — шершавым как терка был язык Джанхоя. Если он не прекратит лизаться, Рас очень скоро останется без кожи на лице.

Чудовищное утробное мурлыканье всколыхнуло тело льва и сотрясло Расу.

— Чему ты радуешься, идиот неуклюжий? — мысленно спросил Рас. — Сделай что-нибудь! Ах ты, безмозглый кот, большеносый тупица!

Даже в своей злости Рас был счастлив — кто осмелится напасть теперь, когда рядом Джанхой? Да вот только надолго ли тот задержится?

Лев умывался, лежа напротив Расу. Могуче и нежно мурлыкнув, он поднялся и толкнул недвижимого друга лапой — вставай, мол! Не дождавшись отклика, ласково лизнул Расу в грудь.

«Он пытается извлечь меня из собственного тела, — подумал Рас. — Давай, Джанхой, продолжай — и скоро я стану свободен от плоти и крови! Тогда попаду по ту сторону неба, в места, о которых так часто говорила Мирьям. А ты, мой большой и бестолковый любимый котище, останешься здесь, внизу. И некому будет о тебе позаботиться. А все потому, что, пытаясь вернуть меня к жизни, ты напрочь слизал с моих костей мясо».

Джанхой зарычал. Он поглядывал при этом на Расу, словно злясь, что тот не шевелится. Шерсть вокруг черного мячика носа собралась складками.

— Рычи! — мысленно приказал Рас. — Рычи, пока весь мир не задрожит от страха!

Он вообразил могучий рев Джанхоя, парящий над миром. Рас представил его в виде летящей над землею бледно-золотистой тени льва. С распахнутой пастью, с обнаженными когтями, она быстро разрасталась над джунглями. Вот она уже омрачила собою мир между скалами, и

все живое там затрепетало. Кроме Мирьям и Юсуфу, разумеется, которые неслись сыну на выручку.

Наконец до ушей Раса и в самом деле донеслись человеческие крики. Джанхой снова взревел, но скоро, увидев знакомых людей, смолк. Над Расом склонилось сморщенное коричневое личико матери; из ее глаз брызнули слезы и смешались с его собственными.

— Сынок, мы уже не чаяли найти тебя живым!

Лишь через три дня к Расу начала возвращаться подвижность. Он снова учился шевелить руками и ногами, сжимать предметы пальцами. После первой попытки выйти, шатаясь, на воздух, полюбоваться чистым голубым небом Рас сказал:

— Каким же я стал слабым после возвращения из Царства мертвых! Нет, мать, Страна духов не прибавляет сил.

— Ты и вправду побывал на Небесах? — широко распахнув глаза, спросила Мирьям.

Рас рассмеялся и ответил:

— Если это те Небеса, о которых ты рассказывала, то я предпочту Преисподнюю.

— Воистину, ты видел Преисподнюю, а не Небеса. Иначе бы ты не богохульствовал.

— Парень перепугался до усрачки, — буркнул Юсуфу. — Он бы и признался в этом, да у него же все кишки парализованы.

Но Рас не обижался. Жжение раскаленной молнии давало знать себя до сих пор. Более того, молния оставила ясный след на его теле. Шириной с кончик мизинца, след этот начинался под правым виском. Дальше тонкий рубец извилистой, как берег озера, линией нырял под левую щеку, спускался прямо по шее, пересекал наискось грудь, свернув к левому боку, вилял по телу и, исчезнув в растительности пониже живота, выныривал на внутренней поверхности бедра, откуда уже почти по прямой спускался к левой пятке.

Юсуфу тоже внимательно исследовал багровый след молнии.

— Не так уж и страшно. Через недельку, а может и раньше, пройдет — у тебя отменное здоровье. Тебе еще повезло — молодым да глупым частенько везет. Я знал одного; он тоже выжил после удара молнии. Но навсегда

остался малость заторможенным. Как и ты, по-моему, как тебе кажется?

— Придержи свои оскорбления при себе, грязный лилипут! — возмутилась Мирьям. — Я благодарна Игзайберу за то, что он пощадил моего ребенка.

— А где нож? — неожиданно спросил Рас.

— Что?

— Нож. Я не вижу ножа.

Юсуфу скрылся в доме и вернулся со сверкающим лезвием, очень похожим на то, что утащил Кэбид. Вручив юноше, сказал:

— Вот. Мы нашли его рядом с тобой.

— Действительно? — изумился Рас. — Вот же чудо: ты всегда после грозы находишь ножи, а я не могу.

ГЛАВА 7

Стрела

Напрочь позабыв о Вилиде, Рас медленно восстанавливал свои силы. Ее лицо, явившись однажды во сне, разбудило его на рассвете. Она вышла замуж! Уже вчера!

И ничего с этим не поделать. Хотя Рас уже мог более или менее двигать ногами и руками, вертеть головой и даже сидеть прямо, он все же был еще слишком слаб и без поддержки родителей ходил с трудом, пошатываясь.

Он злился на себя. Что стоило остаться дома, не выскакивать в грозу, не дразнить Игзайбера! А тот тоже хорош, принял вызов мальчишки! Нет сомнений, пожелай только, Он мог бы и убить Раса, вместо того чтобы портить шкуру своим клеймом.

Рас надеялся, что слабость со временем пройдет. А вдруг он останется немощным до конца дней своих?

Мысль эта не столько напугала, сколько снова разозлила. Игзайбер поступил жестоко и несправедливо. Зачем Он лишил Раса даже шанса выкрасть Вилиду? Но Рас так легко не сдастся; малость окрепнув, он все равно уведет ее у вонсу. Он будет любить ее так часто и так неистово — она и думать позабудет о своем народе и проживет с Расом долгую и счастливую жизнь. Вместе они смогут отыскать златокудрое создание — существование этой загадки Рас принимал как личный вызов и не собирался успокаиваться. И еще — можно вместе спус-

ститься по реке до самого конца, назло Игзайберу. Когда Рас получит там ответы на все свои вопросы, они с Вилидой смогут спокойно вернуться в этот лес и построить собственный дом поблизости от родительского. И все будут довольны и счастливы!

Но в первую очередь нужно выздороветь, стать таким же сильным, как до удара молнией. Это отняло больше времени, чем Рас предполагал. Две недели пролетели, пока он снова не научился быстро бегать, обезьяной карабкаться по деревьям, всаживать нож точно в цель, переплывать с прежней скоростью озеро до башни и обратно без передышки и поднимать на полностью вытянутые руки тяжеленную тушу Джанхоя.

— А сейчас я ухажу снова, — объявил Рас в утро четырнадцатого после незабываемой грозы дня. — Я иду по реке к месту, где обитает Игзайбер. Мы еще посмотрим, кто кого!

Он решил не упоминать пока о Вилиде.

Мирьям, вскрикнув, назвала его безумцем. Молния припекла сыну мозги. Его обязательно раздавит Игзайбер, как только услышит непочтительные, дерзкие, кощунственные речи. Разве Рас уже забыл, что случилось с людьми, строившими башню до Небес?

— Игзайбер покарает тебя, — выкрикнула ему в спину Мирьям. Затем ее темное востроносое личико склонилось над перилами веранды. — Ты не посмеешь ослушаться Игзайбера! Вспомни молнию! Он поразил тебя своим огненным ножом и пометил при этом. В следующий раз ты точно погибнешь! Мой сыночек, любимый, ну пожалуйста, не умирай!

Рас, соскальзывающий по веревке вниз, обернулся на ее причитания и притормозил. Как всегда, когда мать искренне горевала, его стали мучить угрызения совести.

Рядом с матерью появилось черное плоское лицо Юсуфу. Его длинная посеребренная борода свесилась с перил, как лишайник с болотного дерева.

— Сынок, твоя мать обычно плетет незнамо что. Но сейчас говорит дело. Послушайся ее, не покидай нас, не ходи на поиски Игзайбера!

— Почему это я должен вас слушаться? — крикнул Рас. — Ты мне не отец, и твоя жена мне не мать! Я не сын обезьян!

Соскочив до земли, Рас выпустил канат, но отойти решил не сразу. Родители выглядели такими потерянными, такими жалкими — и все из-за него. А ведь он любил их, даже такими — лживыми, точно вонсуюхотники.

— Послушайся хотя бы потому, что обязательно погибнешь, — крикнул сверху Юсуфу. — Да и время еще не пришло!

Рас помедлил мгновение. Затем спокойным, но достаточно громким голосом спросил:

— Время для чего? Отвечай!

— Просто еще не время! — крикнула Мирьям. — Не время, говорю тебе! Так сказал Игзайбер!

— А, Игзайбер! — скривился Рас. — Он может засунуть нос себе в задницу и чихать там на здоровье!

Громко смеясь, добавил:

— Игзайбер! Уж я сыщу тебя, тогда поговорим! Ты ответишь на все вопросы!

Мирьям снова заголосила. Рас уходил, и ее причитания, теряясь меж стволов могучих деревьев, становились все глуше и глуше, покада совсем не смолкли. Массивные ветви, сплетенные лианами над головой Раса в сплошной зеленый балдахин, пестрели цветами: алыми, как пасть разъяренного леопарда; темными, почти черными, как мех гориллы; нежными, бледно-розовыми, как те немые, но весьма красноречивые губки между ног у женщин вонсу. Большие черные обезьяны с серебристыми бакенбардами и глазами цвета грозового неба, раскачиваясь на лианах, дразнили Раса, но тот не обращал внимания. Палка шмякнулась оземь у его ног; он даже бровью не повел. Рас догадывался, кто ее бросил: заводила, молодой самец, весь в шрамах от когтей леопарда. Такому только дай повод! Расу достаточно часто доставалось и палками, и гнилыми фруктами, а часто даже комками липкого обезьяньего дерьма, зеленоватого, липкого и ужасно вонючего. Рас, сопровождаемый разочарованным воем, просто прибавил шаг.

Примерно миля отделяла дом от опушки леса. А сразу за опушкой земля полого опускалась к озеру. По пути от леса почти до самой воды Расу пришлось внимательно смотреть под ноги и переставлять их осторожно — здесь росла коварная колкая трава высотой по щиколотку. По

песку пляжа, рассеянные неведомо чьей могучей десницей — родители утверждали, что Игзайберовой, — громоздились округлые камни самой разной величины: от гальки размером с кулак до валунов, на макушке которых Рас мог бы сделать два полных шага.

На один из таких валунов Рас и взобрался, чтобы оглядеться. Он научился плавать именно здесь, на озере, и в столь нежном возрасте, что самих уроков плавания уже не помнил. Трудно было войти в обжигающе-холодную при любой погоде воду озера и не охнуть при этом; поплавать какое-то время и не посинеть — и вовсе невозможно. Зато как чудесно после купания подставлять тело лучам ласкового солнца, мгновенно разглаживающего гусиную кожу.

Скалы в северной части озера вставали прямо из воды. Черные и какие-то скрученные, почти спиралевидные, они служили подходящим фоном для трех водопадов, взрезающих камень туманными белесыми нитями. Ближайший из водопадов отстоял мили на полторы. Рас часто мотался к нему в своем челноке, подплывая к ревущей, вспененной воде как можно ближе. Однажды он обнаружил, что основание скалы за водопадом уходит вглубь. Расу удалось провести свое утлое суденышко сквозь бешеные водовороты и туман водяной пыли — и обнаружить укрытие, лучше которого не сыскать.

Сейчас, стоя на валуне, Рас бросил взгляд на мелководе. Там, среди осоки и тины, плескалась большая рыба. Старый Кимба, сом четырехфутовой длины, с длинными усами и роговым наростом на лбу, вперил в юношу изучающий взгляд больших выпученных глаз.

— Лучше не дразни меня сегодня, Кимба! — сказал Рас. — Я охочусь за тобой уже много лет и обязательно в один прекрасный день поймаю. Но не сегодня. Не хотелось бы задевать твои чувства, но у меня сегодня дела поважнее.

Отчасти в озере, отчасти на берегу слева от Раса розовым облаком колыхалась стая фламинго. Чуть дальше беззаботно полоскались утки и высматривали поживу ненасытные пеликаны. Увидит ли Рас еще когда-нибудь свое озеро, озеро своего детства? Как часто в сопровождении родителей он спускался сюда! Мир был ближе к

нему в то время; он и сам, казалось, ближе был тогда к постижению великой загадки бытия.

— Каждое утро вылуплялся я тогда, как птенец, из скорлупы ночи, — вздохнул Рас. — Прежние чувства не облечь сегодня в слова. Все казалось таким чудесным, все светилось радостью и красотой — даже неведомое. Сейчас мир по-прежнему прекрасен, но неизвестность уже позвала... Чем грозит она? Кто знает?.. Она зовет, и я не могу не откликнуться. Давно уже прошли времена, когда я носился по джунглям, нараспашку открытый всем чудесам мира, а мир в ответ лишь одаривал своими щедротами.

Но если бы я остался на этой стезе, я не изведал бы, каково это — лежать с женщиной!

Рас вспомнил день, когда Юсуфу и Мирьям однажды встретили его на берегу после купания.

— Сыночек мой, ты подрос, и тебя трудно назвать невинным младенцем. Прикрой свою наготу вот этим, — сказала Мирьям, протягивая кусок леопардовой шкуры.

— Его давно уже нельзя назвать невинным младенцем, — вставил Юсуфу. — С тех самых пор, как он начал трахать свою подружку гориллу по кличке Кии. Своими глазами видел: сзади, как все скоты.

Мирьям охнула:

— Ах ты, греховодник! Это же извращение! Тебе повезло, что Игзайбер не заметил такого ужасного проступка. Иначе он бы испепелил тебя, поджарил как того утенка. Помнишь, мне на днях пришлось его испечь — твой отчим спьяну упал на бедняжку и задал.

Юсуфу, старательно соблюдавший до сих пор озабоченное выражение лица, расплылся в неудержимой улыбке:

— А кроме того, я видел мальчика с его дружком-шимпанзе — этим ублюдком Сатаны; догадайся с трех раз, чем они занимались!

Мирьям с криком хлестнула Раса леопардовой шкурой:

— Ах ты, извращенный дьяволенок, отродье педераста-сифилитика! Горилла, та хоть девочка! А шимпанзе-то! О Игзайбер, помоги!

— Мне скоро будет дурно при звуке этого имени, — буркнул Рас. — Я что, обязан ждать, когда этот старый

пердун придет обещанную белую красотку? А я не могу больше ждать! Леопард, так тот не ждет разрешения от Игзайбера, забирается себе на подружку в свое удовольствие, когда только захочет, а я что, должен?..

— Немедленно надень повязку! — резко оборвал его Юсуфу. — Хоботок-то у тебя точно слоновий. И волосы вон над ним выются, как трава после дождя. Ты становишься мужчиной и должен прикрыть наготу. Иначе оскорбишь Игзайбера и навлечешь на себя его гнев.

Рас, не в настроении доводить дело до порки, прекратив спор, подчинился. Он повязал свои чресла сам, не позволяя родителям прикоснуться к себе. И все же ощутил невольный трепет. Это был значительный день в его жизни.

Позднее он надевал набедренную повязку нечасто, лишь под настроение.

А тогда, в день первой примерки, не удержался от вопроса, отчего это ему надо одеваться, когда они сами, родители, позволяют себе расхаживать нагишом, точно обезьяны. Даже больше чем обезьяны — у тех принадлежности пола хотя бы мехом прикрыты.

— Мы и есть обезьяны, — ответил Юсуфу.

Тогда Раса и осенило. Ему лгут. Родители вовсе не обезьяны. Они слишком мало похожи на обезьян и могут говорить. Обезьяны говорить не умеют. Лишь он, Рас, его родители и еще вонсу, которые тоже отнюдь не обезьяны.

Почему родители лгали ему? Может, и сами заблуждались? Его приятели-вонсу уверяли, что ведут свой род от двух созданий, которых в стародавние времена Матсунгу вылепил из смеси паутины с грязью. Может быть, они и правы, эти потомки комков грязи. Но Расу в это не слишком верилось.

Юноша перевел взгляд на черную махину, выпирающую из середины озера. С четверть мили в диаметре, она возносилась к небесам на добрую тысячу футов. Поверхность ее у основания была гладкой, но не настолько, чтобы при известном желании не взобраться. Лишь эта черная глыба омрачала безмятежную водную гладь. С самого младенчества, как только Рас научился говорить, его предостерегали от приближения к ней. Она опасна. Каждый, кто попытается на нее взобраться, обречен на смерть.

— Ее возвели первые сотворенные Игзайбером люди, — рассказывала Мирьям. — Они замыслили построить башню до Небес. Озера не существовало и в помине — земля здесь была сухой и твердой. Люди строили башню, пока это не заметил Игзайбер. Он сказал себе: «Если они преуспеют в своем замысле, что станет с нами дальше? Они вскарабкаются на Небеса и выживут нас из Небесного чертога».

— Нас, с нами? — удивился Рас. — Игзайбер сказал «нас»?

— Так только говорится. Не перебивай взрослых, — сказала Мирьям. — Игзайбер осерчал на людей, обрушил на землю потоп, и все дерзкие строители утонули.

Вот почему здесь теперь большое озеро вместо сухой тверди. А черепа гордецов так и таращатся из ила на дне, когда проплываешь над ними.

Раса передернуло. Он спросил:

— Мама, но как могли люди построить цельнокаменную глыбу, монолит? Ты ведь сказала, что строили башню?

— Это сделал Игзайбер, после. Он превратил башню в цельную скалу, чтобы стояла вечно и вечно напоминала людям, а особенно насмешливым, языкастым, пустоголовым мальчишкам, о том, что некогда случилось. И что всегда следует оставаться смиренным и богобоязненным.

Сейчас эта так давно рассказанная ему история словно въявь зазвучала в ушах. Из памяти всплыли и иные картины далекого детства.

Тихий звук, хорошо знакомое чмокание, дошел до слуха Раса. Встрепенувшись от воспоминаний, он поднял взгляд: с макушки черного колосса, из своего потаенного гнезда вспорхнула Птица Бога. С верхушки башни, построенной гордыми людьми, что замыслили некогда штурмовать Небеса.

Птица летела в сторону Раса, но летела высоко; вскоре ее тень скользнула по воде у Расовых ног. Сошнувшись, Рас провожал ее взглядом. Не меняя высоты, Птица Бога скрылась за деревьями. А милях в трех от озера пошла к земле, определил Рас по едва уловимым изменениям звука.

Первой мыслью было броситься следом. Что Птице нужно так близко в джунглях? Зачем она приземлилась?

Да и приземлилась ли? Возможно, как доводилось Расу видеть прежде, лишь зависла над землей, давая ангелу в брюхе рассмотреть в джунглях что-то интересное.

Вероятно, попытка подстеречь Птицу оказалась бы, как всегда, тщетной. Всякий раз она вовремя взмывала, не позволяя Расу слишком уж приблизиться. Вряд ли и на этот раз случилось бы иначе.

К тому же, пока Птица летала по своим загадочным делам, ее гнездо оставалось без охраны.

Рас подогнал челнок к подножию утеса и поплыл вокруг. С расстояния поверхность камня казалась ослепительно гладкой, но теперь Рас видел множество мелких неровностей и трещин. Как на панцире большого черного жука под лупой — подарком Мирьям к десятилетию Раса.

Рас все плыл вдоль подножия. С подветренной, восточной стороны, в семи футах над поверхностью воды открылся выступ. Не очень большой, но все-таки опора. Если цепко держаться за камень, места хватит. Плотнo прижимаясь к скале, можно выпрямиться. Рас уже много раз начинал подъем с этого места, но большинство попыток взобраться на уступ заканчивались падением в озеро. Если и сейчас с первой попытки не повезет, будет труднее — с мокрыми-то руками. После каждого из падений Расу приходилось осторожно забираться в свое утлое суденышко и, прежде чем предпринять новый штурм, ждать, пока подсохнут ладони. Однажды, когда взобрался на выступ, он обнаружил другие малозаметные трещины и выступы, складывающиеся в отвесную тропку. Тогда удалось подняться на целых сорок футов. И все-таки Рас упал. Хотя, падая, удалось извернуться и выбросить руки вперед, он чуть не покалечился о борт челнока.

Юсуфу и Мирьям уже знали о неудачной попытке восхождения. Рас не мог взять в толк, как им это стало известно! Они и шагу не сделали из дома тогда, а оттуда озера ведь не увидишь. Но ему прочли нестерпимо длинную нотацию о гнусных и дерзких поползновениях и к чему они ведут, завершившуюся традиционной поркой. Похоже, сам Игзайбер известил их каким-то неведомым способом.

Сейчас Рас прикидывал, начать ли с того самого места. Он стал куда сильнее, чем год назад, когда пробовал

подняться на башню в последний раз. Правда, и весу прибавилось вместе с мышцами. Но Рас чувствовал себя очень уверенно, да и Птицы поблизости не было. Почему бы не попытать счастья?

Одно лишь смущало: Птица могла неожиданно вернуться и застать врасплах — на отвесной стене. Может, подождать более удобного случая — когда Птица полетит на запад, к своему хозяину с донесением, и будет в отлучке подольше?

И еще одно соображение останавливало Раса. Он ведь собирался отыскать Игзайбера, Бога и собственно отца, чтобы задать наболевшие вопросы. Рас не видел причины ждать, пока Игзайбер сам соизволит спуститься с небес для встречи с любимым чадом. Рас уже устал от ожидания. Почему это он должен бродить в потемках неведения, когда на столе Игзайбера пиршество света?

Если бы только удалось соорудить силок для Птицы и поймать ее! Уж Рас принудил бы ее к ответам! Точнее, ангела из чрева Птицы! Сумел же он развязать язык королю шарикту, Гилаку, когда, выкрыв того из тюрьмы вонсу, полгода держал в клетке. А может, Расу удастся оседлать саму Птицу! Тогда, вместо того чтобы бросать тоскливые взгляды на далекий западный край мира, он запросто перенесется по воздуху до самого обиталища Игзайбера.

Окончательно решив отложить очередную попытку восхождения, Рас направил челнок к восточному берегу. И едва лишь челнок коснулся песка, как снова донеслось знакомое чмокание и приглушенный рев — Птица возвращалась. Она летела на высоте в пятьсот футов, затем резко взмыла к вершине башни и скрылась с глаз. Рас был весьма доволен собой — тем, что угадал и рассудил правильно.

Не спеша побрел он к дому. Когда Рас объявит родителям о действительном уходе, ему снова придется выдерживать бурю угроз, просьб и разумных доводов. Но он не станет спорить с ними на этот раз. Рас просто объявит о своем решении, поцелует их на прощание и отправится вояжировать. Родители должны понять, что он уже взрослый. И с ним уже нельзя обращаться как с неразумным младенцем.

Затем — Вилида. Если бы не появление удивительной жестоккрылой птицы, Рас уже давно умыкнул бы Вилиду из клетки на острове. И сейчас они жили бы вместе на плато, в доме, который Рас выстроил бы для нее. В свое время представил бы ее родителям. Мирьям с Юсуфу попечалились бы, погоревали, скорее для приличия отругали бы сына, но — куда денешься — приняли бы в конце концов невестку. Они любят его, полюбили бы и ее тоже.

Рас старался выбросить из головы мысль о том, что Вилида может отказаться уйти с ним. Она любит его — уж он-то знает! Но тайные встречи в зарослях и уход навсегда из деревни — вещи разные. И хотя Вилида дорожит наслаждением, которое лишь Рас способен дать ей, сможет ли она отказаться от всего остального — навечно уйдя в Страну духов?

Однажды Вилида уже говорила, что может умереть без своего народа. Закроются ее глаза, остановится сердце — жизнь кончится. И с любым вонсу будет точно то же самое. Недаром изгнание из племени считается наказанием куда более страшным, чем пасти крокодилов или предание огню.

И другие его подружки, когда он, скорее в шутку, чем всерьез, предлагал уйти с ним вместе, отвечали примерно так же. Они жаждали его любви, но и только.

Рас прежде подумывал, уж не попытаться ли войти в племя, не стать ли одним из вонсу. Если бы такое оказалось возможным, Вилиде не пришлось бы рвать сердце на части — она смогла бы жить и с ним, и со своим народом. Тогда Рас даже и не предполагал, как глубока к нему ненависть. Его не приняли бы ни за какие коврижки, удержись он даже от прямых оскорблений, от демонстрации своего мужского превосходства над вонсу, от намеков на соблазненных женщин. Рас для них — чужак навсегда. И хотя ему удалось отчасти развеять их страхи, он всегда останется для них чем-то сродни привидению.

«Ерунда, — подумал он. — Если Вилида любит так же сильно, как я, она уйдет со мной. А вместе мы отыщем Игзайбера. В конце концов, я очень ее попрошу».

Рас уже почти выходил на поляну, где стоял его дом. Оставалось обогнуть всего лишь одно дерево, как что-то

его остановило. Малая птаха, пестрая, как большинство птиц в джунглях, как-то необычно поспешно вылетела на поляну.

Сердце бухнуло, замерло, затем забилося снова — медленно-медленно.

У подножия ведущей на веранду лесенки лежало, раскинув руки, маленькое коричневое тельце. Глаза распахнуты, рот приоткрыт — Мирьям. Со стрелой в сердце.

Какое-то время Рас чувствовал себя словно попавшее в клейкую смолу насекомое. Он двигался медленно, с трудом переставляя ноги. Рас поднял Мирьям на руки — она еще даже не остыла, и кровь из раны не заpekлась. Он качал ее, сам не понимая вполне — пытается усыпить или пробудить. Голова Мирьям безвольно колыбалась в такт покачиваниям. Рас страдал, но болью какой-то холодной, как вода в самой глубине озера. Он словно заморз изнутри, и боль его еще не начала даже оттаивать.

Затем, оставив попытки разбудить Мирьям, Рас принялся искать Юсуфу. Он звал его; он проверил оба дома; он обошел в поисках лес по кругу.

Так ничего и не обнаружив, на ватных ногах Рас вернулся к Мирьям и снова уселся с нею на руках. И снова стал укачивать.

Солнце уже пересекло зенит, когда он оставил ее в покое. Рас тщательно изучил стрелу, пронзившую сердце матери. Выточенная из лимонного дерева, раскрашенная в черный и красный цвета, оперенная четырьмя зелеными перьями, с медным наконечником, привязанным к древку ремешком из кожи полевки, — стрела определенно принадлежала вонсу.

Оцепенение прошло, кончилось. Поваяло мекстью. Рас взвыл от горя и залился слезами. Вонсу пришли сюда и убили его мать — лишь потому, что он дразнил их непристойными жестами и ехидными песенками. Они так разъярились, что, позабыв о страхе, явились за ним в Страну духов. Не найдя его самого, выместили злобу на беззащитной Мирьям. И, должно быть, увели с собой Юсуфу, чтобы обречь пыткам.

Возможно, что вонсу еще и не ушли. Возможно, бродят где-нибудь поблизости, в лесу — устраивают на него,

Раса, засаду. А может даже, подкрадываются прямо сейчас.

Рас встал и, потрясая окровавленной стрелой, яростно возгласил:

— Выходите, вонсу, если вы мужчины! Я убью каждого, убью вас всех!

Ответа он не дождался. Тишина, нарушаемая лишь воплями обезьян, птичьим щебетом да далеким скрипучим клекотом парящего орла, царила в лесу.

Рас стал изучать следы на утопанной почве под деревьями. И нашел лишь отпечатки своих ступней. Вонсу замели за собою следы. Рас не нашел их и за поляной. Похоже, вонсу опасались схватки с Расом на его земле и хотели усложнить преследование.

Солнце уже клонилось к верхушкам скал, когда Рас с телом Мирьям на руках отправился в лес — на поиски места, подходящего для захоронения. Неподалеку от подножия холма он обнаружил некогда вымытую потоком лошину, совершенно сухую сейчас; земля в ней оказалась достаточно мягкой. Рас расковырял ее ножом, выбросил руками. Он трудился, пока яма не достигла двух футов в глубину. Со слезами на глазах, поцеловав напоследок, уложил Мирьям в могилу, уложил как мог удобнее — на бочок, подогнув колени к животу. Затем засыпал землей. Засыпая, Рас надолго задержался с последней пригоршней. Еще виден был клочок ее тела, и казалось, она еще не ушла безвозвратно и есть еще какая-то безумная надежда.

Рас бросил последнюю пригоршню земли, и надежда развеялась.

Остаток вечера Рас посвятил сбору камней на могилу. Последний он уложил в густых сумерках. Зато был уверен теперь, что до тела матери не доберутся и не осквернят могилу вездесущие трупоеды.

В доме на дереве Рас очистил наконечник стрелы вонсу и заботливо уложил ее в колчан. Стрела должна вернуться к своим хозяевам.

Почти до самого рассвета Рас не сомкнул глаз. Он лил слезы, он звал Мирьям — словом, вел себя совсем не по-мужски. Поднявшись вместе с солнцем, Рас побрился, как делал каждое утро. Зеркало отразило его воспаленные глаза, обострившиеся черты. Рас заставил себя

съесть немного вяленого мяса и фруктов. Уложив гребень и зеркальце в мешок, Рас подточил нож и бросил оселок туда же. Прежде чем спуститься вниз, внимательно осмотрел окрестности. Даже в безутешном своем горе он не забывал об осторожности: коварные вонсу могли затаиться в засаде. Хотя весьма сомнительно, чтобы они осмелились провести ночь в Стране духов.

А вот захватить Юсуфу с собой и поджидать затем Раса, спешащего на выручку, было вполне в их духе. Вонсу могли ждать его где-нибудь сразу у подножия плато. Или утащить Юсуфу в деревню, под прикрытие родных стен, чтобы подвергнуть пленника истязаниям.

Пройдя всего лишь с милу, Рас обнаружил Джанхоя, крадущегося следом. Рас, не в настроении играть со львом сегодня в догонялки, грозно прикрикнул и шуганул того прочь. Джанхой очень расстроился; в его глазах читалась обида. Сжалившись, Рас позволил зверю подойти и ласково потрепал по загривку:

— Нельзя тебе со мной сегодня. Ты будешь мне обузой. Тебя могут поранить или даже убить. Я не переживу такой потери, Джанхой. Я очень тебя люблю.

Лев настаивал на совместной прогулке. Даже когда Рас стал спускаться с крутизны плато, попытался последовать за юношей. Расу пришлось орать и даже бросаться камнями, лишь тогда разобиженный Джанхой ушел с края плато.

Добравшись до подножия, Рас снова глянул вверх. Большой нос и угрюмые глаза Джанхоя все еще были видны над обрывом.

— Я скоро вернусь! — крикнул ему Рас.

Юноша беспокоился за льва. Хотя и он, и Юсуфу учили Джанхоя охотиться самостоятельно, добывать себе пищу — в том количестве, какого требовал его вместительный желудок, — лев этому еще не научился. Кроме леопардов, антилоп, свиней и горилл, крупной дичи на плато практически не водилось. Рас смолоду еще застал здесь зебр, но их скоро напрочь истребили леопарды. Джанхою еще удавалось время от времени убивать речных свиней. Загнать антилопу одинокому льву не под силу, леопарды тоже всегда оказывались проворнее. А к гориллам, в стаю которых Рас принес его еще котенком, он привык относиться почти как к людям. Наравне с

Мирьям, Юсуфу и Расом гориллы были табу, охотиться на них лев не мог.

И если бы не Рас и Юсуфу, частенько загонявшие для него антилоп, лев мог бы умереть голодной смертью. Каково-то ему придется сейчас, одному?

Как-нибудь выкрутится или потерпит немного, подумал Рас.

ГЛАВА 8

Аутодафе

Отойдя с полмили от скал плато, Рас остановился. Мысль о голодающем четвероногом друге не давала покоя. Еще не поздно было вернуться, взобраться на плато и убить антилопу или свинью, чтобы помочь Джанхою продержаться до своего возвращения. Но Юсуфу не мог ждать. Уже сейчас, сию минуту, могли начинаться его мучения у столба для пыток. Рас тряхнул головой и двинулся дальше.

От подножия плато, где разбивались струи водопадов, дающих начало реке, до деревни вонсу было по прямой пять миль. Река же, затейливо петляя и извиваясь в джунглях, увеличивала эту дистанцию вдвое. Рас решил идти напрямик. Ускоряя шаг, где джунгли позволяли это, замедляя, где смыкались наглухо и принуждали карабкаться с ветки на ветку, переплывая, когда приходилось, очередную излучину, он спешил к своей цели. Вместо пятнадцати миль, отделявших родительский дом от деревни вонсу, он наметил себе преодолеть двадцать две — из соображений безопасности, чтобы избежать встречи с возможной засадой, приходилось отклоняться от самого короткого пути. Солнце багровой огненной птицей уже садилось в свое ночное гнездо, когда Рас решил, что пора подкрепиться. Голод мог быстро обессилить его; это было бы совсем некстати перед предстоящим недружественным визитом.

Собираясь подстрелить обезьянку — дежурное походное блюдо, — Рас ступил на тропу, которой часто пользовались охотники вонсу. И сразу услышал шаги. Вовремя, не будучи никем замечен, юркнул в кусты. По тропинке торопливым шагом шел старый Габаду, певец и музыкант,

с луком и колчаном для мелкой дичи за спиной. В одной руке старик держал копье, в другой — убитую пятнистую крысу. Зажатые в зубах, на ветру трепыхались два клочка бумаги.

Старик нашел письма Бога — сразу два.

Рас выпрямился и заступил тропу в двух шагах впереди. Габаду замер как вкопанный. Его челюсть отвисла, глаза полезли из орбит. Листочки освобожденно порхнули к земле. Рас помахал ножом у старика под носом. И только лишь собрался спросить о судьбе Юсуфу, как тот, обронив и добычу, и копье, схватился руками за грудь. Лицо Габаду мучительно скривилось, голова запрокинулась — он начал медленно оседать, беззвучно шевеля губами. Затем испустил нечленораздельное кваканье и рухнул навзничь.

Рас преклонил колена:

— Я не хотел тебя обидеть, старик, и не собирался причинять вред. Я знаю, ты слишком стар и немощен, чтобы участвовать в набеге на мой дом. Тебя не было среди убийц моей матери. Я любил твои песни и часто, скрываясь в кустах, заслушивался ими. Запомнив, как ты натягиваешь струны, я даже изготовил собственную арфу и пробовал научиться играть на ней.

Он вонзил нож в шею мертвого старика.

— Но будь ты помоложе, ты мог быть среди убийц. Мог бы и сам спустить тетиву. Помня это, я должен быть к тебе беспощаден, я должен был сразить тебя, не дожидаясь, пока страх разорвет твое старое сердце.

Плоть легко уступала острому лезвию. Повозиться пришлось лишь с позвонками. Надрубив и распилив кость, Рас вытер лезвие и, достав из сумки оселок, подточил его. Безжизненным стеклянным взглядом голова Габаду пялилась на Раса.

— Не держи зла на меня, старик, — сказал Рас. — Ты бы сделал то же самое, если бы мог.

Он спрятал лезвие в ножны и поднял листки. Луна еще не поднялась, и прочесть текст было невозможно. Рас спрятал их в мешок. Подняв голову за коническую прическу, он быстро зашагал по тропинке. Но не успел пройти и десяти шагов, как услышал знакомый рык за спиной.

— Джанхой!

Рас развернулся и пробежал сотню ярдов назад. Да, это был он, его глупый лев, все еще недовольно взрывающийся.

— Тихо! — шикнул на него Рас. — Ты выдашь нас обоих!

Он потрепал льва по загривку, тот ласково потерся мордой о Раса и громко мурлыкнул. Затем отправился следом за юношей. Завидев тело Габаду, лев остановился. С его клыков побежала слюна.

— Как это тебе только удалось спуститься с плато? Ты, должно быть, все-таки наполовину козел, мой неуклюжий котище! Ну, и что мне теперь делать с тобой? Можно подумать, что это ты, а не я, дух, преследующий и мстящий! Да, без помехи не обошлось.

Было уже слишком поздно для охоты. Джанхою придется потерпеть до рассвета, а то и дольше. Прежде всего следует выручить, если удастся, Юсуфу. Если же не удастся — отомстить.

Джанхой тем временем медленно, по-кошачьи подвигался к обезглавленному телу. Рас немного поколебался, махнул рукой:

— Ешь, Джанхой. Больше есть все равно нечего, а это хотя бы займет тебя на время — пока я отлучусь.

Ох, как не хотелось Расу поощрять каннибальские наклонности Джанхою, но ничего другого сейчас не оставалось.

Джанхой, хоть и очень голодный, казался озадаченным, полным сомнений, неразрешимых и мучительных. Ему хотелось съесть лежащую перед ним плоть, природа к тому подталкивала, но ведь это было табу. Он обнюхал его, затем, оглянувшись на Раса и как бы проверяя реакцию, слизал кровь с раны. И тут уж голод взял свое — лев стал жадно рвать тело на части.

Рас, стараясь не подходить к Джанхою близко, скрылся за кустами. Не дай Бог, лев подумает, что у Раса есть какие-то виды на его добычу. Сейчас, пока Джанхой не утолил первый голод, он был небезопасен даже для друзей, в том числе и для Раса. Юноша шагал быстро, и скоро замысловатые извивы охотничьей тропки поглотили неприятные звуки терзаемой плоти.

Реку Рас пересек выше деревни — там, где в самом глубоком месте вода не поднималась выше груди. Река

была слишком холодна здесь для крокодилов, и все же Рас чуть было не потерял голову от страха, когда какая-то безмозглая рыбешка задела за ногу скользким хвостом. Подкравшись к стене через перешеек, он поставил наземь голову Габаду и снова нырнул в кусты. Два факела освещали платформу за стеной, и в их свете Рас разглядел сторожей: Тикаву, воина в летах, и Сазангу, его юного племянника. Видимый лишь выше пояса, Тикаву в белом оперении и в белой боевой раскраске, опираясь на гигантское копье, что-то тихо рассказывал своему племяннику. Лица обоих сверкали в свете факелов, словно смазанные жиром.

Рас осторожно натянул тетиву и тщательно прицелился. Звон спущенной тетивы заставил обоих сторожей подпрыгнуть; Сазангу слегка вскрикнул при этом. Тикаву, со стрелой в груди, выпрямился и рухнул на спину. Сазангу заорал что было мочи и юркнул за стену прежде, чем Рас успел вынуть из колчана следующую стрелу. Повесив лук на плечо, Рас полез на высокое дерево. С луком на плече это было не слишком удобно, тем не менее Рас вскоре уже поднялся выше платформы. Сазангу, скорчившись под стеной, продолжал громко вопить. Он напрочь позабыл о тревожном барабане, предназначенном как раз для подобных случаев. Тикаву уже не было — должно быть, свалился с платформы. Рас наложил на тетиву стрелу и окликнул Сазангу по имени. Тот, мгновенно смолкнув, подскочил и метнулся к краю. Стрела догнала его, как только он показался из-за бортика — вонзилась чуть пониже спины и смела с платформы.

В свете горевших у восточных ворот деревни факелов даже через поле было видно, что они распахнуты. В промежутках замелькали другие факелы, заплесали кругом и устремились на перешеек, к внешней стене. Рас быстро спустился с дерева, прихватил голову Габаду и, подняв ее вместе с оружием одной рукой над собой, вошел в реку. Чтобы обогнуть внешнюю стену, достаточно было проплыть всего лишь несколько ярдов. Выбравшись снова на берег, Рас пробрался сквозь заросли к большому дереву, в дупле которого давно устроил тайник. Оттуда юноша извлек моток веревки и повесил через левое плечо.

Факелы вспыхнули уже над всеми четырьмя воротами во внутренней ограде, и у каждого факела стоял на

страже воин либо подросток. Факелами был отмечен также и пост под священным деревом; наверняка вторжения опасались со всех сторон. Восточные ворота, впрочем, пока оставались открытыми — они ожидали возвращения воинов, помчавшихся на шум на перешейке.

Рас подкрался к стене с восточной стороны, приблизился почти к самим воротам и негромко позвал:

— Чафаджу! Эй, Чафаджу!

Сын вождя, всматриваясь в потемки, наклонился над стеной:

— Кто там?

— Лазазу Тайгади!

Стрела поразила Чафаджу в ключицу. Удар был так силен, что Чафаджу буквально смело со стены; не успев даже вскрикнуть, он рухнул на платформу. Рас с головой Габаду в руке метнулся вперед; мгновенно водрузив ее посередине, в проеме ворот, скользнул прочь. Его догнал истошный женский вопль; следом громко заорали воины. Рас добежал до северных ворот. Внимание сторожа, а здесь им был Кафану, было отвлечено переполохом, возникшим у восточных ворот. Рас тихонько окликнул его и, когда тот повернулся, всадил стрелу прямо в солнечное сплетение. Не издав ни звука, Кафану кувыркнулся с платформы.

Еще больше крику поднялось в деревне после его падения. А Рас уже мчался к западным воротам. Там, на свадебном островке, уже не было церемониальной клетки, и Биджагу не охранял более мост. А ворота сверху сторожил седовласый Шивигу, очень осторожный воин. Всегда осмотрительный, сегодня он, словно птица, — глядел во все четыре стороны одновременно. И заметил блеснувшую в свете факела белую кожу Раса. Заорав, он мгновенно сиганул через бортник стены прямо вниз, не страшась падения с двадцати футов. И стрела пронеслась мимо.

Рас выругался по-амхарски и помчался к самим воротам. Там на страже оказался Патапи, один из бывших приятелей. Упрежденный кем-то или просто соображавший быстрее прочих, он вовремя метнул свое копье и скрылся в потемках.

Увернувшись от копья, Рас метнулся назад, под прикрытие тени. На мостике задержался, чтобы подрезать

канаты — как со стороны деревни, так и с острова. Оставив мост висеть на нескольких тонких нитях, Рас испустил долгий, улюлюкающий вопль. Тишина сразу зависла над деревней, тишина, нарушаемая лишь ревом младенцев и кудахтаньем переполошенных кур. Прошла минута-другая. За воротами завозились, донеслась невнятная скороговорка Вавафу, затем заскрежетали засовы, и ворота медленно распахнулись. Шестеро воинов с факелами, высыпав из ворот, пялились во тьму.

— Я здесь! — ступив на конец моста, закричал Рас. — Я, Властелин Тигр!

Вавафу, приплясывая перед воинами, громко призывал их уничтожить врага. Никто не двинулся с места. Вперед выступил Тибасу, вождь, и воззвал к мужеству воинов. Те, переминаясь с ноги на ногу, продолжали поглядывать друг на друга с сомнением. Тогда Тибасу, выхватив у одного из воинов копье, выбежал на мост и метнул его в Раса.

Рас пригнулся, отпрыгнул назад и перерубил подрезанный канат. Тот лопнул со звоном и хлестнул Раса по щеке. Рас перескочил ко второму краю моста и быстро повторил процедуру. Тибасу, успев лишь вскрикнуть напоследок, вместе с рухнувшим мостом упал головой в воду.

Лишь теперь Рас заметил на противоположном берегу три крокодильи головы, насаженные на шесты. Это был знак, что акватория очищена от рептилий в честь свадебной церемонии. Мясо крокодилов пошло, должно быть, на свадебное пиршество.

Тибасу не угрожала участь быть съеденным заживо. Он доплыл до берега и тяжело, точно гиппопотам, пополз по обрыву. Воины прикрывали отступление вождя градом стрел. Это вынудило Раса уйти под защиту толстого ствола. Несколько стрел просвистело совсем близко.

Не мешкая Рас выступил из-за дерева и выстрелил в Тибасу. Скверное освещение и спешка сбили прицел; вместо того чтобы вонзиться точно в середину спины, стрела поразила Тибасу в левое бедро. Болезненно вскрикнув, тот на четвереньках выбрался на берег и моментально скрылся в воротах. Воины тем временем дали новый залп, снова вынудив Раса спрятаться за укрытием. Затем отступили вслед за вождем и захлопнули ворота.

Рас, перебросив копьё через канал, поплыл следом. Здесь он взобрался на дерево, с которого однажды в полдень, всего лишь две недели тому назад, распевал издевательские песенки и которое послужило ему тогда прекрасным наблюдательным пунктом. Все население деревни сгрудилось сейчас на площадке перед Большим домом. Вождь с поникшей головой восседал на троне, водруженном на земляную платформу. Он сжимал кулаки, пока Вавафу при помощи двух жен вождя возился со стрелой. Наконечник пронзил ногу Тибасу насквозь. Вавафу, обломив его, медленно вытягивал стрелу из раны. Тибасу, как и полагается великому воителю, не проронил ни звука.

Тела убитых Расом вонсу были уложены в ряд неподалеку от вождя. Толпа суеверно обходила их стороной; даже горько рыдающие вдовы не приближались вплотную. Плакали дети; домашняя скотина, разбуженная ночным переполохом, подключилась к общему хору. Свет множества факелов мерцал на лоснящейся коже людей, выхватывал из темноты двойные красные конусы причесок и белые зигзаги боевой раскраски воинов, поблескивал на медных наконечниках копий.

Рас сосчитал тела и смешался: вместе с головой Габанду, находившейся там же, выходило пятеро. А он убил лишь четверых. С такого расстояния и при мерцающем, неверном свете факелов Рас не мог опознать лишнего покойника. Он прекрасно помнил черты лица, форму тела, походку, жестикуляцию и голос каждого обитателя деревни, но покойники были слишком неподвижны и немногословны, чтобы это могло сейчас помочь. Расу пришлось дважды перечислить по именам всех уцелевших, прежде чем он догадался, кому принадлежит лишнее тело. Это был Вивику, муж Шатуны и отец шестилетней Фибиды. Должно быть, тоже умер лишь сегодня. Но почему он до сих пор не внутри Большого дома, а выставлен с остальными?

Биджагу, стоявший прямо перед вождем, потрясал копьём и что-то яростно выкрикивал. Остальные воины притихли; замолчали даже охваченные горем и ужасом женщины с детьми. Биджагу определенно побуждал соплеменников к действиям. В конце его длинного монолога воины взметнули копья и яростно завопили; среди выкриков Рас различил и собственное имя.

Биджагу захватывал власть. Он был и крупнее, и крепче остальных, а также одержим жадной действия. Для Раса он мог представлять настоящую опасность. Биджагу слишком хорошо знал Раса, чтобы бояться его, как духа. И был самолюбив и амбициозен. Рас частенько слышал от него в детстве о намерениях стать вождем племени. Рас тогда почитал это детскими мечтами, вроде своих собственных — сделаться Игзайбером. Но сейчас Тибасу, мучимый болью от раны, действительно терял контроль, и Биджагу не собирался упускать долгожданный момент.

Выступив из толпы, он подошел к трону и взвесил на руке прислоненный к трону жезл вождя. Тибасу сделал попытку приподняться, но рухнул обратно и беспомощно свесил голову. Биджагу что-то грозно выкрикнул, и обе жены вождя, подхватив мужа под руки, скрылись с ним в Большом доме. Биджагу коротко и властно переговорил с шаманом; наконец тот хлопнулся оземь и начал кувыряться и корчиться в конвульсиях.

Рас медлил покинуть свой наблюдательный пост — ждал развития событий. Больше всего его интересовало, где прячут Юсуфу. Выяснить это пока не удавалось, и Рас был разочарован. Рыскать по деревне сейчас слишком опасно. Утешало лишь, что и воинам сейчас не до пыток пленника — Биджагу затевал карательную экспедицию за пределы деревни.

Рас решил удалиться за реку и подремать до рассвета. Пусть вонсу порыскают в зарослях, пусть себе побегают. Вряд ли они осмелятся пересечь в темноте реку. Рас спустился с дерева, переплыл реку и добрался до дерева милях в полутора за рекой, где находилось одно из его ночных убежищ. Спал он беспокойно, несколько раз просыпался, один раз из-за отдаленного рева, похожего на рев Джанхоя.

С первыми лучами солнца Рас извлек из мешка найденные Габладу листки. Они были еще влажными после ночных приключений; многие буквы расплылись, но в целом текст прочитался без особых затруднений:

«— 139 —»

...единственное в Африке место, сохранившее свой первозданный вид. И, как большая часть Африки до

прихода сюда цивилизации, это здоровое место. Москитов нет, потому что нет застойных вод. Даже в гигантском болоте и то вода постоянно обновляется. Как следствие, нет малярии. Нет мухи цеце, тропических лихорадок, оспы, венерических заболеваний. Ни вонсу, ни шарикту не ведают простуд. Основные причины смертности: военные стычки, несчастные случаи, леопарды-людоеды, укусы змей, крокодилы (особенно среди шарикту) и инфекции от порезов и ран. Обычай обрезания у вонсу, помимо превращения мужчин в неполноценных особей, достаточно часто приводит к смерти от заражения. Похоже, вонсу это прекрасно сознают; но, подобно всем прочим людям, настаивают на соблюдении своего варварского обычая, такого пережитка. В более широком смысле, впрочем, обычай имеет некоторое значение для их популяции — он поддерживает ее на определенном уровне (50 плюс-минус 5), — хотя даже на уровне знаний вонсу о контроле за рождаемостью трудновато обосновать необходимость высокой смертности среди самцов поддержанием демографического баланса.

Я готов прямо и честно признать, что мне отвратительны эти вонсу — и не без причин, как смогут убедиться мои читатели. Этот порченный народец, эти моральные уроды — они вовлекли Раса в свой порочный круг. Каким-то образом он стал любителем этих омерзительных существ, подлинных йеху. Рас принимает участие в их дьявольских развлечениях, таких, какие мое перо просто отказывается описывать. Я должен щадить чувства читателя, даже если он появится, как указал я в своем завещании, лишь после моей смерти...

На втором листке стояло число « — 230 — ».

...мои сыновья, неблагодарные свиньи, выдались в свою мамочку, эту сварливую мегеру, с которой я, слава Богу, давно расстался. Она, впрочем, знала меня лучше и не пыталась претендовать на многое — понимала, видно, что может с ней приключиться. А сыновья позволили своей алчности возобладать над остатками добрых чувств и попытались вытеснить меня из бизнеса — преуспевающего предприятия,

которое я основал, имея в кармане всего тысячу занятых долларов, и довел до оборота в тридцать миллионов. Из дела, ради которого я трудился как каторжник, не спал ночами, терпел лишения, которое довел до нынешнего гигантского размаха! И все ради одного: ради этой долины, ради Раса Тигра, ради возможности воплотить Книгу в жизнь и доказать скептикам, как ничтожны и невежественны были их сомнения. Если я потратил на проект больше трех миллионов, так это мое и только мое личное дело. Они — мои сыновья — потребовали у меня финансового отчета; они даже детективов наняли, чтобы проследить, куда я направляюсь из Йоханнесбурга. Слава Богу, у меня не перевелись еще преданные слуги — очень неплохо оплачиваемые, разумеется, и прекрасно знающие, что ждет каждого перебежчика. Меня предупредили. И детективов больше никто никогда не видел. Их постигла та же участь, что и остальных, пытавшихся ставить палки в колеса. Они разделили судьбу также и тех, кто по незнанию хотел вторгнуться в мою долину.

Существование этого места известно, разумеется, давно, но никто, кроме меня и моих подручных, не постиг его подлинную сущность и не ведает, что там теперь осуществляется. Никто и не...

Снова Рас не понял почти половины из прочитанного. Сплошная тарабарщина: Африка, малярия, цивилизация, инфекции, демографический баланс, Йоханнесбург, детективы — и еще множество как будто знакомых слов, смысл которых все же ускользал от понимания. Не сгори вместе со старой хижинкой толковый словарь, Рас мог бы понять их значение. Мог бы помочь и Юсуфу — если только оставался еще в живых.

Рас сложил бумажки и присоединил их к первому листку в мешке. А сам мешок запихнул в дупло прямо над развилкой и замаскировал тайник листвой. Затем вернулся к реке, к точке, ближайшей от северной оконечности стены через перешеек. На платформе у ворот в этой стене сторожей больше не было. В деревне же бухали барабаны, трубили рога, тархтели сухие тыквы. Рас выбрал

позицию на прибрежном дереве к югу от деревни. Отсюда он мог видеть все, что происходило за частоколом.

Голова Габаду и тела остальных погибших накануне по-прежнему лежали в центре деревни. И снова Рас обнаружил лишнее тело, которого ночью не было. На этот раз с опознанием трудностей не возникло — громоздкое тело принадлежало Тибасу. Рана в бедре прикончила его за ночь, а может, и Биджагу поспособствовал. Все обитатели деревни столпились перед тронем, где восседал теперь новый вождь — Биджагу. За его спиной стояли две жены прежнего вождя и Вилида. Вавафу, голову и плечи которого скрывало коническое сооружение из дерева и соломы, отплясывал перед толпой свой магический танец, помахивая мухобойкой, сделанной из хвоста речного буйвола. Тряся ею, шаман скакал как заведенный, время от времени замирая в позе прислушивающегося.

Рас не сразу сообразил, что происходит. Разгадку подсказали тишина в толпе, напряженные позы людей, их глаза, пристально, с очевидным страхом следившие за манипуляциями колдуна, а в особенности его мухобойкой. Расу не доводилось еще быть свидетелем подобного ритуала, но от Вилиды он слышал описания. Вавафу выныхивал одержимого злым духом — охотился на ведьму.

Племя Вонсу постигла подлинная катастрофа. Половина взрослых мужчин погибла; ущерб был невосполним. Кто-то должен за него ответить, и ответить прежде, чем зло успеет натворить еще большие беды. Злу потакали все: мужчины, женщины, даже дети — но кто-то один являлся настоящим сосудом греха, сосудом, переполненным через край. Грех выплеснулся на остальных и многих убил. Виновника предстояло выявить до того, как зло расползется ядовитой змеей по деревне.

Вавафу, замахиваясь на толпу хвостом буйвола, продолжал свою неуклюжую пляску. Стоило ему приблизиться к первому ряду, как люди с поникшими взглядами стали отшатываться от посвистывающей над ними мухобойки. Шаман продвигался вдоль ряда, неся с собой ужас и оставляя позади вздохи облегчения. Он скоро обошел всех и каждого и ни к кому пока не прикоснулся хлыстом. Затем повернулся и, приплясывая, направился к трону.

Биджагу, единственный из всех в этой группе, не выказал страха. И бровью не повел. Его даже словно

забавляло, не много ли на себя берет колдун. Уж не вознамерился ли старый осел хлестнуть хвостом буйвола его самого, нового вождя племени? Три женщины за спиной вождя отпрянули, безуспешно пытаясь спрятаться за трон от надвигающегося ужаса.

Рас лихорадочно соображал, не произошел ли минувшей ночью конфликт между Биджагу и заклинателем духов? Уж не вызвали ли у старика протест поползновения юноши на трон? И не собирается ли он и в самом деле свергнуть Биджагу, объявив того источником зла? Или же у него на уме одна из женщин за тронном?

Вавафу, помахивая мухобойкой, завертелся перед вождем. Биджагу, стиснув жезл крепче, не отводил от него взгляда. Шаман немного попрыгал, затем наклонил башню у себя на голове в сторону. Обойдя Биджагу, он замахал хлыстом на женщин. Они следили за манипуляциями колдуна как замороженные, словно опасаясь — стоит лишь отвести взгляд, и именно тебя коснется смертоносная мухобойка. Лишь головы женщин подергивались, когда кончик хлыста посвистывал перед глазами. Тилаза первой не выдержала напряжения, ноги подогнулись, и она опустилась на колени.

Но Вавафу миновал ее. Он направлялся к Вилиде — теперь это стало очевидно. Колдун приблизился к ней справа, затем слева. Он кривлялся перед ней слишком долго. Он потрясал своим оружием над головой Вилиды, вокруг нее и даже провел между ног. Затем, словно обнюхивая, поднес кончик к деревянной маске.

Рас уцепился что было сил за ветку. Он уже понял, кому уготована участь ведьмы. Это вполне логично — по этой дьявольской логике Вилида и в самом деле во многом виновна. Она первой познакомилась с Расом; она была ему лучшим другом, а позже и возлюбленной. И беда случилась с племенем лишь потому, что она отказалась последовать за ним в Страну духов. Мальчик-дух перед всей деревней изъяснял свою великую к ней любовь. Мальчик-дух перебил половину вонсу-мужчин. Стало быть, из всех виновных Вилида самая что ни на есть первая.

Но Рас усмотрел в таком решении шамана еще один немаловажный аспект. Объявляя ведьмой жену нового вождя, он тем самым ставил юнца на место, осаживал.

демонстрируя, что мир духов сильнее самых могучих бицепсов. Это же утверждал некогда и Юсуфу, и теперь Рас имел горькую возможность убедиться в справедливости его слов.

Толпа испустила дружный вздох облегчения, когда хвост буйвола остановился на лице Вилиды. Девушка обмякла, колени ее подогнулись, руки безвольно обвисли. Биджагу, вскочив с трона, яростно заорал и вонзил свой жезл в землю. Вавафу это ничуть не смутило и не испугало. Он кликнул Табагу и Севату, которые, подхватив сомлевшую Вилиду под руки, поволокли ее в Большой дом. Женщины немедленно разбрелись собирать хворост — для сожжения ведьмы предстояло соорудить нечто вроде хижины-временки.

Мужчины же занялись более важным делом — стали усаживать покойных на низенькие скамеечки, подпирая их сзади шестью. Задача оказалась не из простых — тела уже были затронуты трупным окаменением. Голову Габаду тоже поместили на скамейку, чтобы и она смогла полюбоваться зрелищем.

На Раса накатил рвотный позыв при мысли о том, что ожидает его возлюбленную. Он чуть ли не скатился с дерева; одна из сборщиц веток, Селиза, приближалась сквозь заросли к его наблюдательному пункту. А в нескольких ярдах следом, вооруженный копьем, шествовал Тифаву, сын шамана. Зорко поглядывая по сторонам, он постоянно понукал Селизу, умоляя ее оборачиваться побыстрее. Похоже, что сегодня в зарослях, несмотря на яркий дневной свет, ему было не слишком-то уютно.

Пока Селиза, углубившись в кусты, рубила ветки медным топориком, Рас скользнул за спину ее телохранителя. Тифаву, должно быть, услышал шорох — он обернулся. Глаза полезли на лоб; он пытался развернуться полностью, перехватывая копье для удара, когда нож Раса, шагнувшего мимо деревка, вошел ему точно под челюсть. Рас подхватил осевшего Тифаву и плавно, чтобы не спугнуть Селизу, уложил тело на землю. Затем не без усилия извлек застрявший в позвонках нож, шагнул к Селизе, резко опрокинул ее носом в землю и придавил всем весом. Зажав ей левой рукой рот, ножом щекокнул горло.

— У тебя свидание со смертью, Селиза, — шепнул Рас. — Если ты совершь мне хоть словом, то в твоё тело войдет мой нож, а не что-либо иное.

Селиза сдавленно затрясла головой. Рас убрал руку и позволил ей сесть.

— Только правду, — ещё раз предупредил юноша. — Чьей стрелой была убита моя мать?

— Я... я... п-п-правда не знаю! — сквозь лязгающие зубы выдавила Селиза.

— Ваши воины не могли не расхвастаться тем, что совершили набег на Страну духов и убили обезьяну — мать Раса Тигра. Мать духа, который вовсе не дух, как ты и сама прекрасно знаешь. И мать моя не была обезьяной. Кто это сделал? Биджагу? Он единственный среди вас, кому достанет смелости.

Селиза непроизвольно кивнула, дальше её голова тряслась в кивках уже почти непрерывно.

— Это Биджагу! Я так и думал! Он умрет медленной смертью. Все ваши воины умрут, но без мучений — кроме одного Биджагу. Сейчас же отвечай, где прячут моего отца, Юсуфу?

Продолжая мелко трястись, Селиза переспросила:

— Юсуфу? Твоего отца? Я не знаю никакого Юсуфу, правда! В деревне нет посторонних.

— Низкорослый черный старичок с длинной седой бородой, — сказал Рас. — Мой приемный отец. Ты должна знать! Где он, отвечай! В Большом доме?

Селиза снова истерически закивала.

— Когда собираются сжечь Вилиду?

— С-с-сегодня. Как только будет готова хижина.

Рас встал и отодвинулся от Селизы, все еще не убирая свой страшный нож.

— Сейчас ты пойдешь и скажешь Биджагу, чтобы он отпустил Вилиду и Юсуфу, обоих вместе. Они должны немедленно выйти из северных ворот и переплыть реку в челноке. И чтоб никакой слежки!

А если он откажется, если хоть волос упадет с их голов, я перебью всех мужчин и сожгу дотла всю деревню вместе с частоколом, и женщины с малыми детьми останутся бездомными и беззащитными вдовами.

А еще скажи Биджагу, что даже если он отпустит Вилиду с Юсуфу...

Рас запнулся. Нельзя давить слишком сильно на Биджагу. Пусть он позже узнает об уготованной ему Расом участи.

Рас взмахнул ножом и спросил:

— Вивику? Кто убил Вивику?

— Желтоволосый дух убил его. Они вместе с Сазангу охотились и услышали в зарослях странные звуки. Подкравшись к источнику шума поближе, увидели духа — меньше тебя ростом, бледнее, с длинными желтыми волосами и одетого в неведомую коричневую ткань. Он держал в руке загадочный предмет, похожий на тупой топорик, и вроде направил на Вивику конец топорика, когда охотник замахнулся копьем. Раздался оглушительный звук, словно ветвь с дерева обломилась, и Вивику упал мертвым. А дух убежал. Кроме совсем крохотной дырочки в груди, на теле Вивику ран не осталось. Он...

— Достаточно, — перебил Рас. Оставляя кровавую отметину, он провел острым краем ножа по руке женщины и добавил: — Пшла!

Селиза со скоростью, на какую только оказались способны ее пухлые ножки, понеслась, рыдая, в деревню. Рас же отправился на берег, переправился через реку и, совершив обход, очутился напротив деревни. С верхушки дерева он увидел всю сцену.

Женщины провожали под руки все еще рыдающую Селизу к хижине. Биджагу расхаживал перед своим маленьким войском, включавшим всех, кто был в состоянии держать на весу копье. Покрикивая на них, он указывал жезлом в направлении джунглей, где пал Тифаву.

Рас пересчитал армию вонсу, затем, внимательно изучив окрестности, обнаружил одного из недостающих воинов. Зибеду, а это был именно он, прятался в кустах под деревом, с длинной ветки которого Рас прыгал в реку двумя неделями ранее. Неподалеку от дерева и тоже за кустом Рас разглядел еще одного — Фатсаку, двенадцатилетнего подростка. Биджагу оказался серьезным противником и времени даром не терял. Он отправил Фатсаку с заданием вызвать подмогу, если Рас снова полезет на дерево. А Зибеду, вооруженный двумя копьями и луком, должен был пресечь попытку Раса отступить старым маршрутом из засады.

Рас снова пересчитал воинов на плацу. Убедившись, что иных сюрпризов ожидать не приходится, соскочил с дерева и прокрался к Зибеду за спину. Вскоре тот, прижатый для надежности носом к земле, истекал кровью из яремных жил.

Когда Зибеду перестал дергаться, Рас снова переплыл реку, чтобы подобраться к Фатсаку с тыла. Мальчишка оказался очень чутким — как обезьяна, учуявшая приближение леопарда. Бросив взгляд за спину и заметив нечто светлое — кожу Раса, его природное проклятие! — Фатсаку заорал и, отбросив бесполезное копье, рванул к деревне. Рас метнул нож, но промахнулся. Подобрал оружие, вернулся за реку, к последнему своему наблюдательному пункту на дереве.

Хижина для аутодафе тем временем была уже выстроена. Переплетенная осокой, эта наспех сколоченная конструкция кренилась и, казалось, вот-вот завалится. Но для своей мрачной цели годилась вполне.

Вилиду вытащили из Большого дома в центр площади. Вавафу обратился к ней с речью из-под своей маски. Биджагу, подавшись вперед, молча сидел на троне. Вилида, свесив голову, тоже хранила молчание. Даже с такого расстояния Рас мог разглядеть залившую ее лицо бледность. Она даже не воспротивилась, когда ее подтолкнули вперед и запихнули в хижину. Со связанными за спиной руками она неловко упала вниз лицом; ноги остались торчать снаружи. Женщины запихнули ее полнотью.

Затем те же женщины накидали хворосту перед входом; груда быстро выросла и вскоре закрыла дверь целиком. Вавафу взял у своей жены факел и поднес его к хижине поочередно с четырех сторон. Биджагу, словно предполагая, что Рас откуда-то наблюдает за ними, встал с трона и сопровождал шамана в этом обходе; когда шаман останавливался приложить факел, Биджагу вонзал жезл в землю и что-то выкрикивал в сторону джунглей.

День стоял безветренный, но хижина, сложенная в основном из сушняка, занялась очень быстро. Пламя плеснуло к небу; столб дыма поднялся почти вертикально. Вилида страшно закричала и продолжала кричать беспрерывно, пока крыша не прогорела и хижина не обрушилась.

Расплата

Раса стошнило. После всего увиденного он долго лежал пластом на ветке — лицом вниз, бездумно разглядывая кусты и лопухи листьев слоновьего уха. Затем спустился с дерева и, отметив попутно, что следы рвоты уже облепили вездесущие насекомые, отправился к реке — умыться и прополоскать горло.

Рас ничего не мог сделать для Вилиды. Оставалось лишь горевать — и отомстить убийцам. Еще жив был Юсуфу, если верить словам Селизы. Рас уже засомневался, не услышал ли от нее то, что хотел услышать — не был ли ее ответ им же самим и продиктован? Никаких следов Юсуфу в деревне он пока не заметил. Может быть, вонсу убили его на обратном пути, а может, Юсуфу удалось вырваться и ускользнуть от них по деревьям — в искусстве верхолаза равных ему среди людей не было. Может, он укрылся от вонсу в холмах?

Происшедшее было слишком тяжелым ударом для Раса. Два самых любимых и близких человека, не считая Юсуфу, погибли в один и тот же день.

Бог любит троицу, часто повторяла Мирьям.

— Только бы не сейчас! — вслух воспротивился Рас.

Он вернулся к месту, где оставалось обезглавленное тело Габаду, в надежде отыскать там Джанхоя. От умершего старика мало что осталось — над разбросанными по полянке костями трудились два шакала, да с полдюжины воронов ожидали поодаль своей очереди. А беспечный лев устроился отдыхать сразу же за кустами. На спине, томно раскинув в стороны лапы, он спал сытым беспробудным сном.

«Будь я вонсу, твой живот уже пронзило бы копье и ты никогда не узнал бы, чем закончится твой львиный сон — если, конечно, львы видят сны, — подумал Рас. — Спи и дальше, Джанхой; надеюсь, с тобой ничего не случится. А я сейчас буду какое-то время очень занят».

Юноша извлек из колчана стрелу вонсу, пронзившую грудь матери, и тихо поклялся:

— А ты вскоре вернешься к тому, кто послал тебя в сердце матери. Ты вернешься в его сердце. Биджагу не пережить ближайшей ночи!

Остаток дня Рас провел на дереве, пытаясь выспаться перед трудной ночью. Вопли обезьян и птичьи трели мало тому способствовали. Но и без них он спал беспокойно; несколько раз, увидев во сне Мирьям и Вилиду, просыпался от слез. Последнее видение — о Юсуфу в клетке, посреди деревни вонсу — разбудило Раса окончательно. Поняв, что больше ему не уснуть, не уверившись окончательно в безопасности отчима, незадолго до сумерек Рас отправился к высокому дереву, что росло напротив деревни, через реку.

Уходящий день укутал лес в багрянец. Дневные обитатели готовились к ночи и затихали; звуковую эстафету принимали ночные охотники. Рас, услышав знакомые неприятные звуки, сообразил, что до тела Зибеду уже добрался леопард. Зверь волок свою находку в кусты, чтобы без помех попить. Скоро большая часть Зибеду, известного острослова и забияки, перекоцует в брюхо леопарда. А кости, обглоданные дочиста шакалами и вороньем, порастут травой. И не останется ничего. Так же, как от старого арфиста Габаду, который уже стал львиным дерьмом и разбросанными по траве костями.

«А я еще не забыл шутки Зибеду, его двусмысленные остроты, которые пересказывала Вилида. И хорошо помню звуки арфы старика, его мелодии, и могу сыграть эти песни на своем инструменте. А Мирьям и Вилида уже никогда...»

Рас заставил свои мысли переключиться — воспоминания о Мирьям и Вилиде терзали душу.

За стенами деревни уже загорались огни факелов, и в их свете Рас заметил, что покойников, снятых со зрительских скамеек, уже перенесли в Большой дом для отпевания. Несколько женщин возились у очагов перед хижинами, остальные участвовали в скорбном ритуале. Биджагу, сидя на троне, что-то хватал с подноса, который держала перед ним Селиза. Даже с набитым ртом он не прекращал разговора с Вавафу и сидящими рядом на корточках воинами.

Над каждыми из ворот тоже зажгли теперь факелы, и на каждой платформе над воротами Рас разглядел по мальчугану. То есть скорее догадался, чем увидел — в просвете между острями колев можно было заметить лишь их макушки и вихры. Неглупо, отметил про себя

Рас, воины больше не хотят служить легкой мишенью для моих стрел.

Но где же все-таки Юсуфу?

Чтобы изменить угол зрения, Рас перебрался на соседнее дерево. Как и следовало ожидать, под стеной у священного дерева он увидел засаду. Патапи, намеренный пресечь вторжение Раса этим путем, скорчился в тени под стеной.

Темнота сгушалась; луна еще не восходила. Кроме плакальщиц над покойными, все женщины с детьми разбрелись по хижинам. Воины столпились вокруг Биджагу — тот давал последние указания. Дети, отозванные с платформ, отправились по домам; все факелы, кроме одного, погасили. В свете последнего Рас скорее угадал, чем увидел, как воины рассредоточились и попрятались в тени хижин. Патапи скрылся под хижинной Вавафу. Биджагу открыто вошел в Большой дом, но никак не для сна — Рас нутром чуял, что тот сидит наготове у самого входа.

Последний факел зашипел в воде — в потемках над деревней повисла тишина. Стихли даже стоны плакальщиц в Большом доме.

Рас спустился с дерева и переплыл реку. Из тайника в дупле он извлек свои огненные палочки и уселся добывать огонь. Наконец, когда конец длинной сухой ветки занялся пламенем, Рас отправился к священному дереву. Преодолев неудобства подъема с головней в руке, он с ходу швырнул ее на крышу хижины шамана.

Немедленно кто-то — похоже, Вавафу — заорал, чьи-то босые пятки зашлепали по земле. Рас спрыгнул с дерева и побежал вокруг частокола по направлению к западным воротам. Забросив там веревку на ограду и зацепив петлю за кончики кольев, быстро подтянулся наверх и заглянул внутрь. В свете разгорающегося огня вокруг хижины суетились Вавафу с женой и кое-кто из соседей. Двое взобрались на крышу и пытались сбить пламя веслами. Остальные подавали советы. Все, что удалось в результате, — это разметать искры по всей поверхности крыши. Несколько женщин притащили горшки с водой. Биджагу не показывался.

Внезапно появился и он — из-за угла ближайшей к Расу хижины. Испустив воинственный клич, Биджагу

метнул в Раса копье. От неожиданности Рас разжал пальцы и успел пролететь немного вниз, прежде чем снова ухватился за веревку. Подтянувшись обратно и уцепившись одной рукой за вершину усеянного шипами частокола, он освободил свое лассо и только затем спрыгнул на землю. Копье Биджагу, проломив тонкую у вершины ограду точно у Раса над головой, грохнулось вниз. Рас подобрал его и помчался вдоль стены к северным воротам. Он предполагал, что вонсу выбегут из южных, а может, разделятся на группы и одну отправят наперехват к западным — в надежде окружить его между воротами. Но, оказавшись у северных ворот, Рас увидел, что их створки начинают медленно раздаваться. Совершенно автоматически Рас вильнул ближе к зарослям, затем спохватился и вернулся к воротам. Они уже распахнулись почти настежь, и Рас метнул копье в первого, поспешившего выскочить.

Копье поразило Гифаву — это был он — точно в живот. Опрокинув собой кого-то еще, воин рухнул навзничь. Сквозь распахнутые створки Рас успел заметить, что южные ворота тоже раскрыты настежь и за ними исчезают Биджагу с тремя воинами. Услышав вопли у северных ворот, они немедленно повернули и понеслись на подмогу.

Рас уже понял, что Биджагу не успокоится, пока один из них двоих не будет убит. Скрываясь в джунглях, Рас мог подстерегать воинов по одному, ускользать и возвращаться за очередной жертвой. Он мог продолжать такую убийственную охоту сколько угодно, и стены мало чем помогли бы вонсу. Им пришлось бы выходить наружу — хотя бы за водой. Кроме того, Рас мог, если понадобится, сжечь всю деревню. Биджагу, должно быть, объяснил это своим воинам. Иначе откуда у них взялось бы мужество для ночной охоты на духа. Даже смерть Гифаву не остановила облаву.

Рас помчался к реке и спрыгнул в воду. Стрелы вонсу свистели так близко, что пришлось нырнуть и плыть под водой. Рас избавился в воде от лука, стрел и веревки, — промокнув, они стали бесполезным грузом, — но сохранил стрелу, убившую Мирьям. Он заткнул ее за пояс, единственную свою одежду.

Рас вынырнул на мгновение, чтобы глотнуть свежего воздуха и бросить взгляд за спину. Три воина плыли следом. Шесть темных, чернее самой ночи, фигурок бежали вдоль берега, отрезая путь к возвращению. Рас снова, никем не замеченный, ушел под воду. Он поплыл сейчас назад, навстречу преследователям, кратко всплывая в темноте, чтобы уточнить направление. И когда оказался прямо под одним из преследователей, вытащил нож. Нанести резкий удар под водой было непросто, но Рас ухватился за ногу пловца и, используя ее как рычаг, выдернув, всплыл точно посередине между двумя оставшимися. Убитый недвижно распластался на поверхности.

Биджагу прикрикнул на пловцов, которые хоть и приближались к Расу, но явно не торопились. Рас нырнул, почувствовал на ноге чьи-то пальцы и устремился в глубину. Заломило уши. Наконец его руки зарылись в холодный донный ил. Над головой раздавались далекие приглушенные всплески. Может, воины с берега тоже включились в охоту? Если даже и так, Биджагу наверняка позаботился, чтобы по крайней мере один лучник оставался на берегу наготове, с натянутой тетивой. Правда, опасаться в такой тьме меткой стрельбы особо не приходилось. К счастью, сбегать за факелами никто пока не догадался.

Рас потерял направление. Он плыл по дну и продолжал плыть до тех пор, пока оно резко не пошло вверх. Значит, он ошибся берегом. Что ж, может, даже и к лучшему, что ошибся — вряд ли его появления ждали там, откуда он только что удирал сломя голову. А если и ждали, то все равно ничего не поделать — пора всплывать, от удушья темнело в глазах и словно чья-то жесткая ладонь сдавила горло.

Поверхность воды, чуть светлее царившей под нею крошечной тьмы, была прямо над головой. Подавив паническое желание резко вынырнуть, Рас перевернулся на спину и медленно-медленно приподнял над поверхностью лицо. Мелкая прибрежная волна перехлестывала через нос, но осторожно выдохнуть и набрать в грудь свежего воздуха Рас сумел без труда. Возгласы и всплески доносились, как сквозь затычки, — уши по-прежнему оставались в воде, Рас не рискнул приподняться выше. Затем он

снова плавно погрузился и, ощупывая дно, тенью скользнул дальше. Поверхность, всего лишь в нескольких дюймах над ним, вынуждала буквально ползти по дну. Под руки попадались коряги, обломок старого горшка, кость — по очертаниям свиная берцовая. Рас полз на ощупь до тех пор, пока не почувствовал, что попал в быстрину — похоже, добрался до узкой протоки между берегом и свадебным островком. Юноша проплыл еще немного. Лишь когда отсутствие воздуха начало выжигать легкие, а глаза заволокло розовым туманом, Рас осторожно приподнял над водой голову. Подавив в себе желание шумно отдышаться, он всасывал воздух медленными бесшумными глотками. Затем выполз на берег, но только в тени под стенами перевел дух по-настоящему.

Там, где Рас прыгнул в воду, сейчас уже было светло как днем и очень шумно. Рас ясно различил и женские, и детские голоса. Казалось, вся деревня собралась на берегу.

Что ж, вполне возможно, что и так. Биджагу вынужден был включить в поиски всех до единого. Их сила в количестве, и в нем же вонсу черпали храбрость.

Рас поднялся и не вполне еще твердой походкой отправился вдоль ограды к южным воротам. Те были распахнуты настежь. Рас осторожно заглянул вовнутрь. Хижина шамана пылала вовсю. Языки пламени жадно тянулись к ветвям священного дерева. И ни живой души — кроме Вавафу, который сидел на земле перед бывшим жилищем и с отсутствующим видом таращился на огонь. Похоже, в облаве участвовали поголовно все, даже ползунки.

Рас подошел и хлопнул старика по плечу. Тот вздрогнул, вздохнул и обернулся. Челюсть у него отвисла, глаза полезли на лоб.

— По твоей воле Вилида погибла страшной смертью, ты виноват в том, что она сгорела, — сказал Рас.

Вавафу затрясся, медленно приподнялся и — неожиданно резво дал стрекача. Но далеко не ушел — догнав его одним прыжком, Рас ударом мозолистой пятки по щеке опрокинул шамана навзничь. Вавафу лежал без сознания со свернутой набок челюстью; из разбитых губ вытекла струйка крови. Рас, спрятав нож, взвалил старика на плечи. Затем поднял над головой, подошел поближе

к пылающей хижине — насколько позволял огонь — и швырнул шамана в дверной проем. Через несколько мгновений рухнула крыша, следом стены, и все было кончено.

Сперва Рас осмотрел Большой дом. Единственными его обитателями сейчас были тела убитых и голова Габду. Юсуфу не было и в помине; никаких следов его пребывания в Большом доме Рас не обнаружил. Из груды у стены Рас выбрал факел и зажег его от огня в большой каменной чаше. Затем, опрокинув чашу, подпалил в нескольких местах стены и развешенные вдоль них циновки.

Быстро осматривая хижину за хижиной, Рас всюду повторял одно и то же действие: опрокидывал каменную чашу с углями и подносил к стенам хижины факел. Он спешил — вонсу вот-вот могли опомниться и заметить разгорающееся пламя. Если Биджагу достаточно сообразителен, то пошлет воинов к каждому воротам, прежде чем самому войти через северные.

Когда подступил огонь, всполошилась домашняя живность. Птицы с квохтаньем заматались во всех направлениях, кроме спасительного — за частокол. Козы оказались посообразительнее — сбившись в стадо возле неза тронутого огнем загона, помчались следом за старым вожакom к южным воротам. Свиньи отчаянно билась в стенки закутов. Рас подумал было освободить их, но махнул рукой — не до того, не было ни секунды лишней. Даже в этом бедламе он понял по крикам вонсу у реки, что они уже заметили пожар. Времени не оставалось.

А Рас еще не успел проверить три хижины. Заскочил в первую; заметив там лук с полным колчаном, он вспомнил о своем уплывшем оружии и закинул лук на одно плечо, колчан повесил на другое. В левой руке Рас держал факел, в правой — нож. И когда двинулся к выходу, был готов лишь к броску ножа. В этот миг в хижину с безумным ревом ворвался вонсу. Нимало не медля, он метнул в Раса копые.

Разгорающаяся хижина была не самым удачным для схватки местом — в такой тесноте не порезвишься. Рас швырнул в падении нож; тот по самую рукоятку погрузился Патапи — это был он — в солнечное сплетение. Копье все же задело голову Раса: острие надрезало скальп, а древко больно садануло по макушке. Рас мгновенно

поднялся, выдернул из противника нож и смахнул со лба кровь, заливающую глаза.

Патапи оказался столь нетерпелив потому, видимо, что стремился оправдаться в глазах друзей за давешнее бегство с поста. Хотел доказать, что не трус. Впрочем, это была его собственная хижина, а любой мужчина как лев будет защищать дом своей семьи. Так по крайней мере считал Рас. Но ярость сослужила Патапи скверную службу — вместо того чтобы подстеречь врага на выходе, он точно безумец вломился в дом и, разумеется, нарвался на нож.

Рас снова смахнул с глаз обильно текущую кровь, положил на тетиву стрелу и шагнул наружу. Пламя в хижине бушевало уже вовсю, и он не смог бы задержать там, даже если бы очень захотел. Снаружи клубился густой дым; разглядеть что-либо, кроме ярко пылающих хижин, было попросту невозможно. Дым затянул деревню вместе с окрестностями. Он разъедал глаза, раздираал легкие; Рас закашлялся. Распластавшись по земле, где дыма было чуть меньше, юноша попытался что-либо разглядеть и сразу же заметил ноги нескольких вонсу, бегущих со стороны южных ворот.

Кровь снова ослепила Раса. Он наковырял грязи — к счастью, кто-то опрокинул здесь горшок с водой — и залепил рану. Снова натянул тетиву и, щурясь полуослепшими глазами, прицелился в точку чуть выше ближайших ног. Рас не промахнулся; раздался душераздирающий вопль, и в поле зрения появилась уже вся фигура целиком — со стрелой в груди воин рухнул на спину. Остальные, не желая разделить участь своего товарища, бросились за ворота и захлопнули их за собой. Сквозь дым не разглядеть было других ворот, но Рас не сомневался — они тоже заперты. Он попался в элементарную ловушку.

Жар усиливался, дым стелился уже и по земле. Чтобы не задохнуться окончательно, Рас подобрался к частоколу и прижал нос к крохотной щели у самого основания. Так, в ожидании, он и провел остаток ночи. И дым, и жару перенести здесь было можно, так как хижины выгорели сравнительно быстро, а ограда устояла, лишь закоптелась. С головой дело обстояло хуже — под грязевой нашлапкой рану жгло невыносимо, но Рас, стиснув

зубы, не проронил ни звука. Безумно хотелось пить; в горле словно муравьиная орда устроила привал.

Взошло солнце. Дым почти рассеялся, бледно курясь теперь лишь над остывающими курганами пепла, в которые обратились недавние жилища. Кожа у Раса закоптилась почти дочерна; воспаленные глаза жгло точно углями из пепелища. Он скovyрнул с головы затвердевший пластырь из грязи — под слоем пепла тот багровел запекшейся кровью.

Солнце поднялось выше. Жажда усиливалась. Запах дыма и смрад горелой плоти витали меж обугленных стен, как дуновение смерти. Подстреленный Расом воин, не опознанный прежде из-за дыма, теперь и вовсе стал неузнаваем. Солнечный свет ничуть не помог — лицо убитого вонсу обуглилось и превратилось в жуткую серую маску.

Рас запер по очереди все ворота — изнутри. Если вонсу захотят его взять, пусть штурмуют собственные стены. Он слышал снаружи выкрики, звуки сбрасываемых под стены веток, стук топориков. Сперва Рас решил, что вонсу задумали докончить начатое пожаром и спалить стены, но, когда увидел голову Биджагу, приподнявшуюся над южными воротами, понял — строят подмости.

Стоя в самом центре бывшей деревни, перед почерневшим тронem вождя, Рас прицелился в Биджагу. Тот быстро спрятался. Крики усиливались. Рас уселся в ожидании на трон. Уже скоро. Они атакуют его с четырех сторон. Нескольких он убьет, затем настанет и его черед.

Сколько же воинов еще уцелело? Рас мысленно перечислил погибших по именам и ухмыльнулся. Оставалось всего пятеро. Когда они начнут атаку, то, как бы резвы ни были, у них не много шансов надругаться над его, Раса, телом. Возможно, к этому благородному занятию подключат позже женщин.

Солнце поднялось совсем высоко — близился полдень. Жажда становилась нестерпимой. Вонсу громко переговаривались за стенами, но имени Раса пока не поминали. Юноша вспомнил о близости прохладной реки; жажда от этого не стала меньше, напротив — усилилась. Биджагу и еще двое вскарабкались на деревья, чтобы оценить обстановку. Рас громко выкрикнул несколько издевательских замечаний; на большее его пересохшей глотки

просто не хватило — он почти осип. При этом Рас продемонстрировал свои трофеи: два копыя, топорик и запасной, снятый с убитого, лук со стрелами.

Наконец троица скрылась с глаз. На деревьях появились вооруженные луками женщины. Рас даже не поднялся с трона, когда по нему началась стрельба. Неприличные к боевому оружию, женщины промахивались. А с каждым их выстрелом у Раса стрел становилось больше, что было весьма кстати.

Затем из-за южных ворот снова высунулась голова Биджагу. Над западными показался Тайгалу, над северными — отец Вилиды, Джабабу; наконец из-за восточных ворот выглянул Вакабу, седовласый старик. Зайпагу, последний из пятерых, с луком и колчаном за спиной карабкался на дерево, почем зря чествуя на ходу женскую бестолковость.

Рас прицелился и выпустил стрелу в Зайпагу. Руки тряслись от усталости и жажды, и стрела воткнулась в ствол в футах над головой вонсу. Но Зайпагу испуганно вскрикнул и, разжав ладони, камнем полетел вниз. Женщина по имени Канати, оседлавшая ветку неподалеку, уронила лук и спряталась за толстый ствол.

Биджагу и остальные, каждый с натянутым луком, выжидали и изготовились к стрельбе.

Рас успел опередить их с первым выстрелом и сразу после него бросился на землю возле трона. Он целил в Вакабу, справедливо полагая, что старик, не столь проворный, как молодые, не успеет увернуться. Его расчет оправдался. Стрела Вакабу вместе с остальными просвистела мимо, хотя две зарылись в землю у самых ног, а одна, ударив вскользь по трону, отскочила неведомо куда. Вакабу, раненный в плечо, завертелся юлой и упал за стену. Остальные вонсу натянули луки снова; новый залп оказался уже не столь дружным. Рас, бросив лук, откатился от трона, затем подкатился обратно к луку. Новый залп оказался ничуть не успешнее первого, и снова наступил черед Раса — теперь у него было в запасе несколько мгновений.

Голова Зайпагу мелькнула в прицеле как раз вовремя, чтобы заслонить собой Тайгалу. Рас спустил тетиву с немислимыми спокойствием и аккуратностью, порожденными многими днями непрерывных упражнений под при-

смотром безжалостного ментора Юсуфу. Стрела, по самое оперение погрузившись в горло, смела Зайпагу со стены.

И снова ответные стрелы миновали Раса. Одна вонзилась в землю так близко, что упруго дрожащий конец щекотнул Расу лодыжку. Вонсу обескураженно завыли; женщины подбадривали их воплями. Биджагу выкрикивал что-то бессвязное при каждом выстреле. Рас поднял над головой стрелу, сберегаемую для него, и, невзирая на боль в охрипшей глотке, объяснил, кому она предназначена и за что.

Внезапно отбросив лук, Рас устремился на Джабабу с одним лишь копьем. Тот в ужасе вылупил глаза на приближающегося юношу. Затем, взяв себя в руки, прицелился. Рас продолжал бежать прямо на него до тех пор, пока стрела не отделилась от тетивы; тогда Рас чуть вильнул в сторону. Стрела Джабабу прошла мимо, зато едва не попали две других — просвистели всего в нескольких дюймах. Рас неумолимо приближался, но у Джабабу вполне хватало времени для еще одной попытки. Его движения, которыми он извлекал из колчана стрелу и накладывал на тетиву, вдруг стали неуверенными, как будто воздух вокруг приобрел неожиданную плотность. Возможно, виной тому была мысль, что мальчик-дух идет по его душу. Возможно, неуязвимость мальчика-духа, казавшегося заговоренным, повергла Джабабу в трепет. Но что бы там ни послужило причиной, стрелу он обронил. И нагнулся за ней, скрывшись на мгновение с глаз. А когда выпрямился, копье Раса уже завершало роковую траекторию.

Джабабу вскрикнул, обронил лук вместе со стрелой внутрь ограды и, вместо того чтобы снова пригнуться и скрыться за краем стены, повернулся с намерением убежать от стремительно надвигающейся смерти. Это была его последняя ошибка. Копье, проткнув ключицу и шею, сбilo его со стены.

Рас поднял с земли потерянный Джабабу лук и выпустил единственную стрелу в Тайгалу. Тот быстро присел. Стрела ударилась в острие бревна, за которым скрылся вонсу, и разлетелась на куски. Рас, тяжело дыша и привлекая натруженные пробежкой ноги, отправился обратно к трону — и к своему возле него арсеналу. Биджагу выстрелил дважды — Рас продолжал идти как ни в чем не бывало. Обе стрелы просвистели очень близко, но

Рас уже ощутил странную уверенность, что вонсу не в силах его остановить. Может быть, голод, жажда и усталость, вместе взятые, и одолеют его, но только не вонсу — им Рас не по зубам.

Тайгалу высунулся из-за стены и выпустил пару стрел — они даже близко к Расу не долетели. Похоже, Тайгалу тоже почувствовал, кто здесь победитель. Они остались всего лишь вдвоем с Биджагу против неуязвимо-го духа, и Тайгалу начал паниковать.

И тут издали донеслось чмокание, знакомое чмокание крыльев Птицы Бога. Биджагу, Тайгалу и Рас — все дружно возвели глаза к небу. Рас опомнился первым; взяв стрелу, убившую Мирьям, он натянул тетиву и тщательно прицелился. Но Биджагу, видимо, следил за ним уголком глаз; в самый неподходящий момент такая удобная мишень — фигура вонсу на фоне неба в обрамлении двух стволов — исчезла, Биджагу юркнул в укрытие. Рас разочарованно выдохнул, но лука не опускал, ждал.

Птица приближалась. Она летела над самыми кронами деревьев, чуть ли не задевая макушки своими лапами, летела вдоль реки. Возле самой деревни — теперь уже бывшей — Птица чуть взмыла вверх и зависла. Вонсу в ужасе закричали. Биджагу, выглянув на мгновение, выстрелил в Расу и снова спрятался за частоколом. Пущенная наспех, его стрела прошла высоко над головой.

Станный звук, какое-то незнакомое тарахтенье, вдруг перекрыл шум, издаваемый Птицей. Из бревен, за которыми укрывался Биджагу, брызнули щепки. Птица нырнула к земле, и Рас разглядел одетого в маску ангела, который держался руками за неведомое продолговатое устройство. Другой конец устройства, как сдвоенный факел, изрыгал два столба пламени.

Птица ушла за стену, затем полетела вокруг частокола. Странное тарахтенье не прекращалось, не иссякала и двойная струя пламени.

Но громче звуков, издаваемых Птицей, громче ее грозного рева, громче смертоносного тарахтенья — за стеной звенели безумные вопли женщин-вонсу и детей.

Наконец они затихли. Птица вспорхнула вверх и, тормозя ветром от своих крыльев листву, скрылась за деревьями. Рев и чмокание становились все глуше, и наконец наступила полная тишина.

Рас не сразу отпер ворота — что-то удерживало его, какая-то робость охватила вдруг. И все же пришлось. Медленно отворив створки, он осторожно выглянул из западных ворот. Сразу за частоколом взгляд наткнулся на трех женщин, на их тела, изуродованные страшными пробоинами. Кровь была повсюду. Голова одной из женщин, разбитая вдребезги, точно гигантским молотом, была совершенно неузнаваема.

Рас прошел мимо тел к реке — утолить жажду. Несколько больших пятен крови неспешно плыли с колыханием вниз по течению своеобразными парами смерти. Когда Рас нагнулся зачерпнуть воды, к нему лицом вниз подплыл мертвый младенец. Жажда сразу отступила куда-то. Рас поднялся и с болью в сердце обошел деревню. Часть вонсу недвижно лежала там, где прятались под кустами и где их и в укрытиях достали извергаемые Птицей невидимые посланцы смерти. Остальные, пытавшиеся скрыться за рекой, отправились теперь в последний путь по течению.

Проходя мимо восточных ворот, Рас заметил вдали, шагах в двухстах, выскочившего из-под кустов уцелевшего вонсу. Это был Биджагу. С ходу спихнув в воду челнок и запрыгнув внутрь, он бешено заработал веслом. Биджагу сгорбилась чуть ли не до уровня низких бортов челнока, точно придавленный дыханием смерти за спиной, но быстро уходил по течению.

Рас проводил его взглядом и не стал ничего предпринимать. Ничего, кроме несказанного изумления, Рас в тот миг не испытывал. Биджагу, человек, ответственный за все случившееся, сумел спастись. И после того что Рас повидал вокруг деревни, было очевидно — Биджагу единственный, кто уцелел в этой бойне.

Два ворона, спорхнув с высокой ветки, настороженно заковыляли к трупiku ребенка со страшной дырой в боку, почти черной от вездесущих муравьев. Один из любителей мертвечины пристроился выклевать малышу глаз, другому приглянулась свежая кровь на ране. Скоро, очень скоро с небес спустятся целые стаи пернатых пожирателей падали, а по земле, привлеченные смрадом разложения, набегут орды шакалов и гиен. Их ждет грандиозный пир. А потом явятся ночные гости — леопарды. Но даже после них мелким стервятникам останется чем

поживиться — мертвечины хватит на всех. Никто из них не уйдет отсюда голодным.

Рас уселся прямо на прибрежный мокрый песок. Ничто более не нарушало тишины, разве что карканье ворон да редкие хлопки крыльев. Рас чувствовал себя опустошенным — под стать тишине, окружавшей его. Никогда более говорливые вонсу не произнесут ни слова, рта не раскроют. А из ртов, что распахнуты сейчас в смертельных гримасах, кроме жужжания мух, не вылетит больше ни звука.

Рас вспомнил, с каким удовольствием, прячась за кустами, подслушивал разговоры вонсу. Как забавны, интересны и возбуждающи были беседы с Вилидой, Фьювитой, Биджагу и остальными. Какой чудный шум издавала густонаселенная деревня! Голоса мужские, женские, детские, плач младенцев, подобно дыму костра, струились к небу. Конечно же, Игзайбер должен был вдыхать этот запах, аромат человеческой речи, и, разумеется, Он им наслаждался, раз уж ему, Расу, это доставляло столько радости.

А сегодня не осталось никого в целом мире, не с кем перемолвиться словечком; не с кем, кроме одного только Биджагу. Но Рас не мог говорить с Биджагу. Он должен убить Биджагу. Впрочем, ненависть покинула Раса — он не в силах был теперь ненавидеть. Жажда мести прошла, осталось лишь чувство долга. Он просто обязан убить Биджагу.

Мысли перескочили на Игзайбера. Все-таки он, Рас, действительно любимое чадо Бога. Игзайбер увидел пожар в деревне и послал ангелов спасти собственного сына. Но Рас не испытывал благодарности за подобное избавление. Он и сам мог о себе позаботиться, даже раненный и окруженный. Более того, не вмешайся Игзайбер, не ушел бы и Биджагу. И не погибли бы женщины с малыми детьми. А он, Рас, смог бы стать вождем вонсу. Объяснив женщинам, почему ему пришлось убить их мужей, он бы взял их всех в жены. И им пришлось бы согласиться — должен же кто-то защищать их, охотиться для них, спать с ними. Как скоро они убедились бы, что напрасно принимали его за привидение! Одной ночи с каждой хватило бы для этого вполне.

А может, такой мечте и не суждено было сбыться. Она могла умереть вместе с ним, зарезанным во сне в отместку за мужчин. Может статься, женщины не сумели бы

забыть содеянное им, Расом, не сумели бы простить — даже после самых убедительных объяснений. Возможно, он тешил себя иллюзиями. Кто теперь разберет?

Юноша поднялся и снова утолил из реки непреходящую жажду. Теперь, когда в теле влаги снова хватало, он смог заплакать. И заплакал. Он плакал долго, плакал о Мирьям и Юсуфу, плакал о Вилиде, лил слезы по убитым женщинам и детям. И даже, не умея объяснить самому себе почему, по погибшим воинам. И по Биджагу, оставшемуся одиноким, как и он сам.

Но более всего, как ему казалось, рыдал о себе самом.

Всех прочих, кроме разве Биджагу, теперь миновали уже и боли, и горести. А он, Рас, так бесконечно одинок здесь в своем отчаянии — ничего, кроме горя, в нем не осталось, он стал живым воплощением скорби.

Когда он выплакал все слезы, все до последней капли — больше плакать просто было нечем, — рана на голове напомнила, что он еще жив. Расу хотелось усмирить эту боль, но только не ценой жизни. Даже на самом дне бездонной пропасти горя он не находил в себе желания присоединиться к умершим.

Рас промыл рану; заметив, что она снова стала кровоточить, замазал свежей глиной. Подобрал несколько утративших хозяев стрел, он переправился через реку. Сейчас Расу надо было как следует выспаться в гнезде на дереве, или хотя бы попытаться выспаться. Охоту можно отложить до завтра.

На полпути он был вынужден присесть и отдохнуть. Рас уселся спиной к толстому стволу; натруженные до предела мышцы дрожали, голова кружилась, мысли путались. И тут раздался шорох в кустах, и он увидел светлое лицо, глядящее на него сквозь просветы в листве. И ореол золотистых волос, вспыхнувший в лучах заходящего солнца.

ГЛАВА 10

Золотоволосый ангел

Ангел — а может стать, демон — вышел к Расу из-за кустов. Вышел с пустыми руками, без оружия. Вернее сказать, вышла. Она — это была именно она —

ослепительно улыбалась, демонстрируя чудесные белые зубы. И выглядела просто фантастически: такая светлая кожа, такие тонкие черты лица! Серые, почти того же цвета, что и Расов нож, глаза. И одежда, похожая на ту, что Рас видел на ангеле, выпавшем из Птицы Бога. Свободно облегающая коричневая ткань скрывала все признаки пола, кроме крупных, красиво очерченных грудей. Ноги там, где кончалась ткань, закрывала высокая прочная обувь из дубленой кожи какого-то животного. На ремне висели два кожаных футляра: ножны с ножом и второй, содержащий в себе какое-то металлическое устройство.

Она помогла Расу вскарабкаться на дерево — настолько обессиленным тот вдруг себя почувствовал — и устроилась рядом. Затем осмотрела рану на его голове, поцокала языком, вынула из оттопыренного кармана футлярчик, в котором были какие-то склянки. Из одной присыпала рану белым порошком.

Речь ее звучала как тарабарщина — Рас не понимал ни слова. Помотав отрицательно головой, он устало смежил веки. Если бы она замыслила недоброе, Рас был бы уже мертв или связан. Юноше казалось почему-то, что в смерти ангела из Птицы Бога виноват этот странный металлический предмет на ее поясе, он явно сродни устройству, уничтожившему племя вонсу. И наверняка именно из этой штуки убит Вивику.

Просыпаясь в течение ночи, Рас неизменно находил взглядом сидящего рядом ангела. Светила луна, и Рас мог видеть адресованную ему улыбку. Заметно было, что девушка дьявольски устала, а судя по бурчанию в животе — давно не ела досыта. Она что-то произнесла нежным своим голосом, и, хотя Рас опять не разобрал ни слова, ему показалось, что теперь она говорит с ним на каком-то ином языке. Рас спросил по-амхарски, как ее зовут. Она что-то неразборчиво ответила; язык был действительно другой. Тут Рас снова впал в забытие.

Выздоровление много времени не заняло. Уже через неделю Рас был как новенький. За это время юноша привык к белой коже ангела, тонким, словно сплюсненным чертам лица и золотистым волосам. Он даже начал находить в ней нечто привлекательное. Более того, однажды, когда она на седьмой день купалась в реке, Раса

охватило жгучее желание. Фигурка у ангела была куда стройнее, чем у Вилиды, ноги длиннее, а грудь ничуть не меньше и даже на вид покрепче. Пушок на лобке, чуть темнее, но тоже золотистый, подействовал на Раса возбуждающе.

Юноша вышел из-за куста, за которым укрывался. Она, казалось, была испугана его появлением, во всяком случае, забралась в воду по шею. Рас подивился — если она хочет заняться этим в воде и стоя, на какой-то неведомый ему манер, возражать он не станет, он не против экспериментов в любви. И вошел в воду, поглядывая кругом, не видно ли поблизости крокодилов. Но она, выскочив почему-то из реки, мгновенно закуталась в одежду. А когда Рас вышел следом, встретила его со своим железным устройством в вытянутой руке. Неприятно сухой голос резанул Раса по ушам, а отверстие в устройстве уставилось прямо в глаза. Памятуя, что случилось с Вивику, Рас судьбу испытывать не стал и остановился поодаль. Он стоял, натянуто улыбаясь, и виновато хлопал ресницами.

Отвращение, написанное на ее лице и звучавшее в голосе, было вполне красноречивым ответом.

Раса это равно обидело и привело в недоумение. До сих пор единственной отвергнувшей его женщиной была Мирьям. Вспоминать об этом было весьма неприятно — предложив Мирьям переспать, Рас получил самую жестокую в своей жизни трепку, в которой приняли участие сразу оба родителя. Лупцуя Раса от всего сердца, они честили при этом его гадким, испорченным, слабоумным и извращенным. «Чтобы тебе даже мысль такая в голову больше не приходила! Переспать с собственной матерью! Со времен Содомы и Гоморры такое не слыхано! Если Игзайбер откроет в тебе эти грязные, порочные помыслы, Он поразит тебя самыми страшными карами!»

Рас и тогда не понял, и до сих пор не вполне понимал, что скверного в проявлении приязни в самой откровенной форме к своей любимой матери. Но раз мать была так сильно убеждена в собственной правоте и порочности подобных наклонностей, Рас не стал с ней больше спорить на эту тему. Позднее, обнаружив, что вонсу точно так же — с омерзением и содроганием — смотрят на

подобные проявления чувств, Рас заподозрил, что с ним самим не все в порядке.

Но ведь эта женщина, ангел, ему не мать. Возможно ли, чтобы ангелам — или демонам — запрещалось испытывать величайшее из наслаждений? А может, она — подружка самого Игзайбера и боится навлечь на себя его испепеляющий гнев, разжечь пламя ревности. Во всяком случае, между ног у нее совсем не так гладко, как рассказывал, описывая ангелов, Юсуфу.

Так это или иначе, но она недвусмысленно дала Расу понять, что не желает его. И даже настояла, чтобы он прикрыл свою мужскую гордость. Казалось, она считает гениталии Раса отвратительными. Юноше трудновато было постичь, как подобные прелести могут оскорбить чьи-то чувства, кроме, разумеется, мужчин-вонсу. Ну, у тех-то действительно были достаточные основания для ревности.

Рас был вынужден отыскать свой тайник на одном из деревьев, где прятал набедренную повязку из шкуры леопарда, и облачился в нее. Женщина, казалось, удовлетворилась этим, хотя самого Раса смущал внешний вид повязки — красивый мех изрядно попортили грызуны и насекомые.

Уже тогда Рас понимал, что один из языков, на которых женщина пыталась с ним общаться, вроде бы похож на английский. Это прозрение мало чем ему помогло. Кроме нескольких искаженных, трудноразличимых слов, все остальное звучало по-тарабарски. Ей точно так же пока не удавалось постичь его произношение; максимум, что удавалось разобрать, — отдельные слова. Зато сразу после первой попытки она извлекла из бездонных своих карманов два полуобгоревших листочка — еще два письма Игзайбера.

Рас расправил и прочел их очень внимательно. Первое письмо гласило:

...подозреваю, что они, и, должно быть, уже весьма давно, игнорируют мои указания. С самого начала я тщательнейшим образом, до самых мельчайших подробностей проинструктировал их, что можно, а чего нельзя говорить в его присутствии, как себя вести при нем и особенно когда его нет, но существует хоть

малейшее подозрение, что он шпионит за ними из зарослей. Но эти олухи продолжают...

...неблагодарные, они ненавидят меня, своего спасителя...

...от постоянного надзора и неусыпных забот...

И второе:

...познакомился с вонсу... раннем возрасте. И, должно быть, навещал их... время, прежде чем я это обнаружил. Иначе он не знал бы язык вонсу так хорошо. Вот вам отличный пример того, что я имел в виду, когда говорил: «Как ни пытайся удержать ситуацию под контролем, природа берет свое». Уж я ли не старался, не следовал всем описаниям Мастера? Разумеется, как практичный человек и реалист — это вам подтвердит в Южной Африке любой, кто имел со мной дело, — я знал, что...

Рас перечитал обрывки несколько раз подряд. Затем извлек из собственной сумки найденные ранее письма и протянул их женщине. Читая, та порой тихо восклицала; закончив, вернула и пожала плечами. Миленькие плечики, отметил про себя Рас.

Этой ночью он снова попытал счастья и наткнулся на выставленный ствол ее оружия — она называла его «тридцать второй». Криво улыбаясь, Рас вернулся на место и нахально приспустил повязку, чтобы показать, каких радостей та себя лишает. Женщина сплюнула и затараторила что-то не по-английски. Но спиной к Расу повернуться не рискнула.

Позже в эту же ночь Рас спустился с дерева и отправился на разведку. Предметом его интереса были руины деревни. Шум оттуда уже заметно приутих. Несколько первых дней и ночей он был несмолкаем: рев леопардов заглушал тьякканье шакалов, над общим гомоном взмывал злорадный смех гиен. На вторую ночь до Раса донесся знакомый рык, голос Джанхоя. Джанхой определенно сражался, и сражался с леопардами. Но Рас был еще слишком слаб тогда, чтобы прийти на помощь другу. Кроме того, Джанхой никогда еще не отступал перед леопардами. Правда, кто знает, как дело обернется, если они навалятся на льва всем скопом?

Луна ярко освещала Расу путь через реку. Когда уже на берегу он проходил мимо человеческих останков, из-под ног с омерзительным писком выпорскнула здоровенная крыса. Разбросанные кругом кости в свете луны отливали серебром; череп, еще в лохмотьях плоти, провалами глазниц таращился на ночное светило. Прежде чем взобраться на дерево, Рас удостоверился, что на нем нет леопардов; затем сверху громко окликнул Джанхоя. Почти немедленно тот отозвался мощным рыком и выскочил на полянку. Беспокойно озираясь кругом, лев взревел снова. Рас спустился с дерева и вышел навстречу другу.

Уже под утро он вместе с Джанхоем вернулся к гнезду и к спящей в нем женщине. Рас тщательно подготовил мизансцену. Джанхой стал принюхиваться к женщине, точно собираясь ею позавтракать, Рас же схватил недоτροгу в охапку, как бы защищая от опасности. Спросонья она не сразу разобрала подвох, но, даже поняв, не оттолкнула Раса. Юноша тем временем успел засунуть руку ей за пазуху и пощупать правую грудь. Женщина от страха была точно деревянная. Лев продолжал подозрительно принюхиваться, словно намекая Расу, не делает ли тот ошибку, принимая в стаю такую чудесную еду — так по крайней мере думалось Расу. Когда женщина уверилась, что лев не причинит ей вреда, она вырвалась из объятий, правда, без резких и лишних движений. Рас вовсе скалился. Он успел нащупать сосок, тот набух и был тверд — стало быть, ее целомудрие не было вполне искренним. Притворство, как и нападение льва.

Но зачем ей прикидываться?

От этих мыслей через минуту-другую Раса отвлек шум — знакомое чмокание крыльев Птицы Бога. Та летела к востоку, и сквозь ветви юноша проводил ее взглядом. Вскоре Птица вернулась и начала описывать круги неподалеку. Похоже, она кого-то разыскивала и, может статься, именно его, Раса. Покружив над ними еще какое-то время, Птица удалилась к югу.

Интересно, зачем бы это Птице — или ангелам в ней — понадобилось разыскивать Раса? Может, Игзайбер велел убедиться, что он цел и невредим? Как бы там ни было, возможности этих ангелов, а также, впрочем, и самого Игзайбера, имели свой предел. Заглянуть за ветви и листву они не могли. Игзайбер не обладал всевидением,

какое ему приписывала Мирьям. Тем не менее их оружие, посылающего невидимую глазу смерть, следовало остерегаться.

Вскоре после того как Птица скрылась с глаз и шум ее стих, женщина, стараясь говорить медленно, обратилась к Расу по-английски:

— Майе имья Ййева Рантанен.

Рас, придя в полный восторг, очень разборчиво и медленно ответил:

— Я — Рас Тигр. Рас по-амхарски значит «властелин».

Мило улыбнувшись, Ева сказала:

— Ты можешь мийнье объяснить, почему говоришь на такой странный айглийский?

— Это у тебя странный английский, не у меня, — слегка обиделся Рас, гордившийся знанием нескольких языков. — Во всяком случае, мы сможем понять друг друга, если не будем тараторить. А почему ты до сих пор не пробовала?

Ева пожала плечами:

— Думала, что ты не поймимаешь айглийский сойсем. Когда ты смойтрел в бумагу, я считала, что ты происто так смойтришь. А сейгодня рейшиила еще рас попробовать. Ти пойнял мийнья?

— Да, понял. В одном ты права. В этих письмах много непонятных слов. Может, ты попробуешь объяснить?

Просьбу пришлось повторить дважды, прежде чем Ева разобрала, чего от нее хотят. Они присели на корточки, и Рас, водя по тексту пальцем, указывал ей на незнакомые слова. Когда закончили, Ева сказала:

— Ти найзивал ийето пийсьмами. Чито ти иймель в вийду?

Рас объяснил, что имел в виду. Женщина изумленно воздела брови:

— Ти дойльжен райсказать минье все о сибье.

Рас поднялся:

— Позже. Я смогу рассказать тебе все, пока мы будем плыть в лодке.

Они добрались до реки и переправились на другой берег. Джанхой поплыл следом. Рас держал путь к западным деревенским воротам, возле которых вонсу вытаскивали на берег свои челноки. Он забыл проверить их

накануне, и сейчас его постигло разочарование — челноки заточули все до одного. Оружие Птицы Бога легко пробивало даже твердую древесину; изрешеченные большими дырами, челноки были необратимо погублены.

Чтобы избежать возни с выдалбливанием нового челнока — это заняло бы целую неделю, если не больше, — Рас решил построить плот. Даже это отняло почти два дня. Покопавшись в грудах пепла, Рас насобирав достаточное количество металлических инструментов вонсу. Ко всем пришлось выстрогать и приладить новые рукоятки; не раз юноша был вынужден браться за оселок, чтобы вернуть своему ножу былую остроту. Затем Рас подкопал и повалил часть составлявших частокол бревен. Ева старалась во всем помогать, а Джанхой, устав наблюдать за скучными человеческими делами, отправился на прогулку в джунгли.

Назавтра к вечеру плот был готов. Двенадцати футов в длину, четырех в ширину, крепко связанный лианами, он имел спереди некое подобие носа. Рас заготовил шесты, чтобы отталкиваться от дна, и захватил три уцелевших в побоище весла.

Сейчас Рас уже знал, как выглядит «невидимая смерть», извергаемая Птицей Бога. Роясь в костях вонсу, он обнаружил много исковерканных пластинок мягкого серого металла. Рас самостоятельно сумел связать это вещество с серыми кончиками тех тускло-желтых катышей, которые Ева засовывала в вертящуюся часть — барабан — своего «тридцать второго». Он попросил Еву объяснить, что к чему, и она, как смогла, попыталась. Оружие Птицы Бога было крупнее «калибром» и «пули» имели надрез на острие, чтобы, входя в цель, разлетаться на части — это называлось «дум-дум».

Услышав знакомое слово, Рас вздрогнул. Оно напомнило ему о детстве, когда были живы еще все семеро лилипутов-«обезьян». В полнолуние все вместе, обнаженные, как самые настоящие обезьяны, они отправлялись на полянку, в центре которой был водружен барабан, и отплясывали там танец под названием «дум-дум». Пока Мирьям и Сара отбивали палками ритм, пятеро мужчин, непрерывно улюлюкая, выделявали вокруг дикие па и антраша. Танцуя вместе с ними, Рас всю веселился, ничего смешнее этих плясок в своей жизни он не помнил.

Но после смерти троих из них дум-дум прекратился. Юсуфу объявил, что теперь в нем нет никакого смысла. Рас пытался еще затеять дум-дум среди друзей-горилл, но потерпел фиаско. Несколько особей помоложе соглашались попрыгать с ним немного, но они были не в состоянии надолго сосредоточиться на чем-то одном и не увлеклись танцем по-настоящему.

Рас не стал рассказывать Еве об этом. Воспоминание причинило ему боль. Сердце юноши все еще саднило из-за потери родителей.

Утром третьего дня Рас с помощью Евы спустил плот на воду. Вытолкнув его шестью на самый стрежень, они уселись на палубе и подкрепились жареным обезьяньим мясом с фруктами. Ева поинтересовалась, куда делся Джанхой. Рас ответил:

— Я очень не люблю покидать его надолго, без меня он обычно ходит голодный. Но взять с собой тоже не могу. Он будет нам обузой — придется уйму времени тратить на охоту. Пусть себе гуляет пока.

В этот миг с южного берега реки донесся знакомый рев — Джанхой бежал следом. Рас замахал на него руками, закричал, чтобы тот убирался прочь, но лев не слушал — он уже бросился в воду и поплыл наперерез. Взбираясь на плот, увесистый зверь чуть не опрокинул его. Ругаясь на чем свет стоит по-амхарски и по-арабски, в глубине души Рас радовался привязанности Джанхой. Покидая его, юноша всегда ощущал смутную вину. Сейчас вес Джанхой слегка притопил плот, и по палубе загуляла мелкая волна. Расу стоило немалого труда уложить льва точно посередине и убедить не вставать без особой надобности. К тому же править потяжелевшим плотом стало сложнее.

Ева поинтересовалась, почему они направляются именно вниз по реке. Рас открыл было рот, но она продолжила:

— Мойжет, ти думайишь так выйбраться из долийны? Если так, то эйто будийт нелийхко, можийт даже, сойсем нивозможнжо.

— Какая такая долина? — удивился Рас. — Разве мы в какой-то долине?

Женщина удивленно воззрилась на него. Когда она наконец собралась что-то вымолвить, плот миновал поворот, и появились первые крокодилы. Рептилии резво

зашевелили короткими лапами, волоча по прибрежному илу длинные хвосты, плюхнулись в воду и устремились плоту наперерез. Их было удивительно много для одного места, не меньше двух десятков. Еще несколько, оказавшиеся на некотором удалении от берега, словно по тревоге повернули обратно к реке. Все вместе они издавали звуки, похожие на раскаты далекого грома.

Джанхой поднялся, вздыбил загривок и ответил своим, припасенным в глубине могучей груди для подобного случая, громовым рокотом.

— Не думаю, чтобы они взобрались на плот, — сказал Рас. — Но лучше перестраховаться. Если крокодилы даже только поднырнут под нас, Джанхоя уже не успокоишь — он запросто перевернет плот и сбросит нас в воду.

Как он сейчас сожалел, что поддался слабости и позволил льву плыть вместе с ними.

— Лучше пристать к берегу, — продолжал Рас. — Тогда, если придется, мы сможем убежать. Я никогда еще не видел крокодилов такими злыми и наглыми.

Ева налегла было на шест, но почти сразу отложила его в сторону. Рядом с плотом вынырнула темная гребенчатая спина. Нужно было спешить, и Рас прикрикнул на женщину. Но та извлекла из кобуры свой «тридцать второй» и прицелилась. Неожиданный грохот выстрела заставил Раса и Джанхоя подпрыгнуть. Крокодил забился, завертелся юлой; вода вокруг быстро покраснела, и остальные чудовища бросились к пострадавшему — определенно не с целью ему помочь. Спрятав «тридцать второй», Ева снова взялась за шест, и плот быстро вынесло за излучину.

— Ну и мрачная же у них подобралась компания, — отметил Рас и, вспомнив, что у крокодилов начался, похоже, сезон любви, добавил со смешком: — Мрачная, но брачная!

Расу понравилась собственная шутка — не так уж часто удавались рифмы на английском, — и он хихикнул еще раз. Ева, не поняв, в чем дело, удивленно на него оглянулась. Рас не стал ничего объяснять. Мысль, что Юсуфу оценил бы шутку по достоинству, внезапно обожгла Раса горечью.

Он растолковал женщине, почему выбрал для плота такой маршрут.

— А кто это — Икса... Игзайбер?

— Это Бог.

— Твой отец Бог?

— Так утверждала Мирьям, моя мать. Сама она была обезьяной. Вернее, уверяла меня, что обезьяна, но я не очень-то ей верил. И если лгала в одном, почему бы ей не солгать и в другом?

Ева пришла в замешательство, навряд ли объяснимое лишь трудностями произношения. Она попросила Раса рассказать всю историю с самого начала. Рас не совсем понимал, с чего следует начать, в чем честно и признался. Тогда Ева стала задавать вопросы. И почти сразу сама же начала перебивать Раса.

— Ты умеешь молчать ненамного дольше моей матери! — заметил Рас. И снова воспоминания сдавили сердце острой болью.

Рас, видимо, не удержался от болезненной гримасы — Ева успокоилась:

— Что с тобой? Что слюсий... случилось?

— Они духи теперь, мои родители, но не такие, как духи вонсу.

— Что?

— А Биджагу, который убил мою мать и моего отца...

— Твоего отца? Ты говорил, что отец... Бог.

— Биджагу убил моего отчима, приемного отца, мужа Мирьям.

— Мужа?

— Биджагу убил их обоих. Это он вел воинов; без него им никогда не набраться бы отваги для такого поступка. Они ведь считают... считали меня духом, привидением.

«И слава Богу, — подумал Рас про себя. — Если бы они не боялись меня, как черт ладана, если бы не боялись так сильно ночной тьмы, мне никогда бы не удалось убить столь многих. Их убило собственное... как же это? Суеверие! Вот что стало причиной их гибели. Или помогло мне одолеть их, что почти то же самое. Разумеется, я один стою троих самых лучших вонсу-воинов, я гораздо сильнее и проворнее любого из них. И все же, если бы они соображали головой, а не чем-то еще, я вряд ли осмелился бы напасть на целую деревню. А если бы не их

дурацкий варварский обычай — обрезать мальчикам яичко, — их жены, может, и не спешили бы так завалиться со мною в кусты и не изменяли бы своим мужьям...»

— Почийму ти не отвичайишь минье? — нетерпеливо произнесла Ева.

— Биджагу должен умереть, — сказал Рас. — Я думаю, что он догадывается об этом; знает, что я не отстану, пока не расквитаясь. Конечно, напуганный побоищем, которое устроила Птица Бога, Биджагу удрал уже далеко. Думаю, подался на юг; он уйдет в земли шарикту. Биджагу не сможет им открыться без риска погибнуть или попасть в рабство. Он станет держаться тайно поблизости от племени, как приходилось поступать и мне с вонсу. Он пойдет на это, даже рискуя собственной шкурой. Видеть других людей, слышать их голоса, пусть даже вражеские, лучше, чем слушать мертвую тишину или голоса умерших. Пожалуй, Биджагу может и сдаться шарикту добровольно, чтобы стать рабом. У них немало рабов, захваченных в плен вонсу. Биджагу мог прийти к выводу, что лучше стать рабом, чем в одиночку бродить по джунглям.

Рас смолк. Несколько минут он отталкивал плот от южного берега, куда тот прибило течением. Затем сказал:

— Если б не ты, мне не с кем было бы словом перемолвиться. Кроме шарикту. Но я не стал бы их рабом. Я отправился бы за Паучье болото, в земли племени шарикту, и убил бы Гилага. А сам стал бы их королем. Вот только... нравится мне этот Гилаг, хоть он и очень... высокомерный, что ли? Не хотелось бы его убивать. Не нравится мне это. Но как иначе королем станешь? Знаешь, Ева, есть вещи, которые трудно выразить словами. Чтобы получить что-либо, приходится идти порой на все что угодно и даже поступать вопреки собственному желанию.

— Я не совсейм... не совсем поняла, что ты сказал, — отозвалась собеседница.

Тут Рас задал вопрос, приведший Еву в полное замешательство.

— Что? — покраснела она. — Почейму я не позволяю тийбе делать мийне... что?

— Ты не знаешь такого слова? Ладно. Почему ты не разрешаешь мне любить тебя?

Слезы хлынули из глаз Евы.

— Мой муш... муж умер только три нейдели назад. И я не люблю тебя, — выдавила она сквозь слезы.

По мнению Евы, это все объясняло и должно было удовлетворить юношу полностью. Но Рас так не считал. На его взгляд, такое объяснение критики не выдерживало. Он мог понять ее горе, он мог понять, как горе убивает желания. Но беда случилась целых три недели тому назад. Желания наверняка уже стали возвращаться. Она, слава Богу, осталась в живых, и как же еще можно это отпраздновать? Есть ли способ избавиться от призраков лучше? Рас и сам любил и Мирьям, и Юсуфу, и Вилиду, и чувствовал порою глубокое горе, и долго еще будет скорбеть о них — он был уверен в этом. Но между тем не забывал, что сам-то живой. Не отказалась же в конце концов Ева от пищи после гибели мужа!

Не то чтобы любить и есть совсем уж одно и то же. Но и то и другое необходимо живым, чтобы жить.

Оба они долго безмолвствовали, а если и нарушали изредка молчание, так только на темы, далекие от опасной. Когда солнце поднялось над скалами на две ладони, Ева воскликнула:

— Смотри, карликофый пекемот!

Сопя и фыркая, на берег из зарослей вывалилась массивная туша. Рас знал, что это бегемот, но Юсуфу никогда не называл его карликовым.

Джанхой с ворчанием приподнялся на лапах.

— Ты голоден, бедняга, — посочувствовал ему Рас по-амхарски. Затем обратился по-английски к Еве: — Убей бегемота своим оружием!

— Нет. Я берейгу патроны на случай чрезвычайной необходимости, — ответила она.

Рас выглядел озадаченным. Ева пояснила:

— Чревычайные случаи. Опасность, которая требует применения револьвера.

— Чрезвычайная опасность? Вроде меня?

— Да. А также вроде твоих сарийкту.

Они вытолкали плот на мелководье. Здесь Рас привязал его к дереву, и все вместе они отправились по следам бегемота. Заслышав за кустами фыркание и возню, сбавили шаг и стали медленно подкрадываться к источнику звуков. Там, на полянке, паслись четыре взрослых бегемота и один малыш.

Джанхой почти на брюхе стал подползать поближе; Рас тем временем отправился севернее, намереваясь обойти

бегемотов с подветренной стороны и отрезать им путь к отступлению. Ева осталась на месте. Рас, наложив стрелу на тетиву, приготовился к выстрелу. И тут в дело вступил Джанхой — с грозным ревом он выскочил на поляну.

Бегемоты ударились в бегство. Рас быстро, одну за другой, выпустил две стрелы во взрослого самца; одна впилась ему в ногу, другая попала в брюхо. Бегемот споткнулся, упал и забился в конвульсиях. Джанхой сумел повалить малыша, но очень скоро пожалел об этом — его мамаша свирепо набросилась на льва и зверски укусила. Джанхой вырвался ценою двух глубоких отметин зубов на собственной шкуре. Тут и один из самцов, опомнившись от паники или, наоборот, перепугав со страху направление, бросился на подмогу; его туша тяжело вывалилась из кустов, он устремился прямо на Джанхоя. Лев увернулся, но тут же пришлось спасаться от разъяренной самки. Угрожающе мыча, двое взрослых бегемотов и малыш унеслись в сторону реки; Джанхой не отставал, отскакивая всякий раз, когда самец поворачивался и предпринимал контратаку.

— Он скоро вернется, — сказал Рас и занялся убитым бегемотом. Юношу интересовала только одна задняя нога животного. — У нас на ужин бифштекс, и Джанхой голодным не останется. Этого ему на неделю хватит, если, конечно, он отобьется от леопардов, шакалов, гиен и прочих любителей легкой поживы. А мы, пока он набивает брюхо, сможем спокойно удалиться восвояси. Я не хотел бы тащить его за собою и дальше.

Ближе к ночи, когда они, сидя у небольшого костра, ужинали, Ева сказала:

— Правда ли, что ты никогда не был за пределами этой долины?

Уши Раса быстро приспособлялись к ее чудному произношению; настолько быстро, что сейчас он воспринимал его почти как правильное.

— Если ты имеешь в виду, был ли я за скалами — не так ли? — то мой ответ: нет. Я пытался туда взобраться, хотя родители предупреждали, что Игзайбер прикончит меня, если заметит. Но больше, чем до середины, ни разу не удалось. А карабкаюсь я не хуже бабуина. Мирьям, кстати, уверяла, что за скалами ничего нет, а небо — это голубая твердь над миром. И остальной мир — сплошной камень. Но где тогда живет Игзайбер? Куда улетаёт

Птица Бога? Откуда явилась ты? И кто ты — женщина, ангел, демон, неведомое животное? Может, дух?

— Я женщина и одновременно все остальное, но только не дух, — ответила Ева.

Они поговорили еще немного; Рас в результате пришел в еще большее замешательство. Затоптав костер, отправились искать место для ночлега. Отойдя достаточно далеко от останков бегемота, Рас споро соорудил на двух ветках небольшую платформу, и они улеглись. Шум со стороны брошенной туши мешал уснуть даже здесь, на приличном расстоянии. Ева выразила обеспокоенность:

— Как ты думаешь, леопарды не убьют Джанхоя?

— Он может сам о себе позаботиться, — отвечал Рас. — В конце концов, кто из нас с ним двоих лучше умеет драться? Не могу же я ночь напролет стрелять по леопардам.

— Но ты хотя бы беспокоись о нем?

— Юсуфу называл Джанхоя царем зверей. Конечно, если леопарды навалятся скопом...

И Рас начал спускаться с дерева. Ева обеспокоенно спросила:

— Ты куда?

— Ну, поупражняюсь маленько с луком, — ответил юноша. — Может, это отпугнет леопардов, а может, поражение тех, кого удастся подстрелить, отвлечет от Джанхоя.

— Но ты рискуешь!

— Ну да, в какой-то степени.

— Пожалуйста, не уходи!

Рас вскарабкался обратно, улегся и сказал:

— Ты желаешь меня, но почему-то лишь отчасти.

— Так ты и не собирался уходить, — отметила Ева с обидой. — Просто попугать меня хотел. Чтобы я...

Она смолкла. Рас вставил:

— Подумай лучше о том, что может случиться с тобой без меня.

Ева не отвечала. Рас подождал еще немного, затем усталость взяла свое, и его сморил сон.

Они отбыли спозаранку, пока Джанхой не проснулся. Рас мысленно простился с другом, который дрыхнул мертвецким сном, привольно раскинув лапы. Между лап солидно бугрилось до отказа набитое брюхо. И хотя в этот раз юноша позаботился о пропитании льва, чувство вины

все не оставляло его. Что ж, дичи здесь, под плато, куда больше, чем наверху — при необходимости Джанхой сумеет выкрутиться. Бегемоты, речные буйволы, свиньи, да и крокодилы, в конце концов.

Рас отвязал веревку и столкнул плот с банки, на которую предусмотрительно посадил накануне, перед охотой. Позволив Еве самостоятельно управляться с плотом, юноша уселся посреди палубы. Ева странно глянула на него, но промолчала. Восходящее солнце, позолотив листву, стало прогревать воздух. Вода вокруг плота чуть отливала коричневым от поднимающейся мути — стало быть, проснулись уже и обитатели глубин.

Рас свесил меж колен голову, поднимая взгляд изредка, лишь когда рядом хлопали крылья случайных птиц. Затем извлек из мешка флейту и стал наигрывать меланхолическую мелодию, сочиненную довольно давно — под мимолетную грусть. Берега уплывали назад; плот спокойно дрейфовал, почти не доставляя женщине хлопот. Наконец юноша отложил флейту в сторону.

Ева первой нарушила молчание:

— Река просто свихнулась — так петлять по этой долине. Долина не больше тридцати пяти миль в длину, а по реке добрых шестьдесят набегит, если не больше.

— Река, словно змея в поисках подружки сердца в сезон любви, — рассеянно отозвался Рас. Мысли его, казалось, витали где-то далеко. Снова повисло долгое молчание. И вдруг Рас стал похлопывать по бревну ладонью. Два легких удара и один потяжелее. Еще два легких, затем тяжелый. Пауза — и снова.

Не прекращая барабанить, Рас сказал:

— Иногда мне хорошо. Иногда плохо. Когда плохо, я беру деревяшку и, чтобы выразить свои чувства, вырезаю из дерева фигурку. Сейчас у меня деревянные нет. Но флейта помогает мне вырезать образы из звуков. А порою удаются фигурки из обычных слов.

Юноша отер губы и, продолжая постукивать ладонью, продекламировал нараспев:

Белое — кости на зелени,
Зелень — трава на костях.
Души ушедших без времени
Не обращаются в прах.
Небом пределы отмерены,

Горю иссякнуть в годах,
Черные мысли поверены
В несовершенных словах...
Белое — кости на зелени,
Зелень — трава на костях.

Ладонь Раса продолжала отбивать ритм: бум! ду-ду-бум! ду-ду-бум!

Когда он смолк, снова установилось молчание. Берега реки, то сближаясь, то расходясь, но виляя постоянно, продолжали уплывать назад. Причудливо изукрашенный зимородок, точно восклицательный знак некоего говорящего крыльями птиц божества, спикировал к воде за добычей.

Наконец Ева нерешительно вымолвила:

— Это твои стихи? Ты их сам сочинил?

— Только что, — кивнул Рас. — Обычно я сочиняю на амхарском языке, я ведь лучше всего говорю по-амхарски. А сейчас пришлось на английском. Мне нужен слушатель, умеющий слышать сердцем.

Две скупые слезы скатились по щекам юноши. Он смущенно глянул на Еву — та тоже плакала.

— Ты горюешь о своем муже? — спросил Рас.

— И о себе тоже, — отозвалась женщина. — Я не знаю, как мне выбраться из этой западни. Как я успела заметить сверху, пролетая на самолете, река теряется в горах и, должно быть, выбирается из них лишь через очень, очень много миль.

— Я что-то не совсем уловил, — сказал Рас. — Объясни.

Юноша внимательно слушал, время от времени перебивая Еву вопросами. Ему даже после объяснений не очень-то во все услышанное верилось.

— Если бы я родилась и выросла в этой долине, — рассуждала Ева, — и всегда считала, что мир ограничен ею, а небо — голубой каменный купол над миром, и Бог живет на его краю возле устья реки, и все остальное в том же духе... Ладно, тут я тебя понимаю. А вот ты, сам-то ты как здесь оказался? Что тебя сюда занесло? Встретив тебя, я была весьма поражена. Впрочем, сперва меня повергло в шок нападение на нас вертолета.

— Птица Бога всего лишь... машина?! Летающее каное? А ты и не ангел, и не демон?

— Ты мне не веришь, — вздохнула Ева. — Что ж, я и сама не слишком поверила бы тому, кто объявил бы мою Вселенную химерой, иллюзией, декорацией из папье-маше.

— Вселенная? Иллюзия? Декорация?

Растолковать Расу эти слова оказалось весьма непросто задачей.

— Эти птицы... вертолеты... Ты их видела? Мне хотелось бы забраться в их гнездо, посмотреть, что и как. Но про Игзайбера Мирьям говорила, что тот живет на краю мира, в конце реки...

Рас запнулся. Если даже малая часть из рассказанного Евой — правда, то словам Мирьям вообще доверять нельзя.

Ева заинтересовалась Игзайбером. Ответив, Рас, в свою очередь, спросил:

— А пролетая над горами, ты разве Его не увидела?

Ева отрицательно покачала головой:

— Нет. Никто и никогда не видел Бога.

— Но Он мой отец, — сказал Рас.

— От кого ты слышал такое? — спросила Ева.

— От матери. Уж она-то должна знать.

— Прямо ума не приложу, с чего начать твое образование, — вздохнула Ева. — Ты настоящий уникум, феномен. Уверяю, тебя всю жизнь чудовищно обманывали. И полагаю, что бумаги — те, что ты называл письмами Бога, — из книги, которую пишет этот... эта личность. Он описывает в ней свой... как бы это поточнее?... эксперимент? Проект?

— Роект?

— Про-ект, — отдельно по слогам произнесла Ева.

Но это не помогло Расу понять значение слова. И опять Еве пришлось пускаться в бесконечные объяснения — настоящий лабиринт, где одно слово цепляет и влечет за собой несколько других, тоже непонятных.

Ева поведала юноше кое-что и о себе самой. Она была родом из Суоми, или, по-английски, Финляндии. Родилась в городе Хельсинки, где и провела большую часть жизни. Мать ее, шведка по происхождению, исповедовала лютеранство. Отец вел свой род из еврейской семьи,

покинувшей Германию два столетия тому назад. Дедушка по отцу был последователем Сведенборга, но сам отец, как и она, остался атеистом. В Швеции, в Стокгольмском университете, Ева защитила диссертацию на степень доктора антропологии.

Битый час отняло толкование новых выражений. Рас добивался понимания каждого незнакомого слова, и объяснения заводили порою довольно далеко. Солнце, вспыхнув напоследок, уже кануло за горизонт, когда они вспомнили о ночлеге. Пристав к берегу, нашли местечко, где нависающая скала укрывала бы сзади. Спереди же развели костер. Рас подстрелил обезьянку и как можно лучше прожарил. Он не забыл реакцию Евы на сырое мясо. А она между тем поинтересовалась, не опасно ли оставлять костер горящим. А вдруг этот Биджагу болтается где-нибудь по соседству?

Рас усомнился в этом. Биджагу, до смерти напуганный Птицей Бога, прилетавшей Расу на выручку, должен был теперь держаться подальше и от Птицы, и от Раса. Кроме того, вонсу вообще ночью не покидали своих укрытий — кроме как в самых экстренных случаях.

— Значит, антрополог — это ученый, который изучает людей? — уточнил Рас. — Я тоже должен стать антропологом. Я уже изучал людей — сначала моих родителей, затем вонсу, потом еще Гилага, короля шабрику.

— Ты занимался этим без научного подхода, бессистемно, — улыбнулась Ева. — Хотя, как сказать, твоя методика имеет свои преимущества — ты, пожалуй, мог бы описать жизнь вонсу куда глубже иного, да что там иного — любого антрополога.

Она вернулась к собственной биографии. Годы мировой войны, когда в Финляндию вошли войска Германии — вошли с целью помочь в борьбе с Россией, — Ева провела в Швеции. Ее отец, хотя финны и не заразились антисемитизмом поголовно и не позволили немцам осуществлять геноцид, все-таки отправил ее вместе с матерью в нейтральную Швецию. Сам же погиб, сражаясь на немецкой стороне.

В этом Ева усмотрела иронию судьбы — термин, который тоже пришлось истолковывать. Отец любил свою маленькую родину, и русских захватчиков ненавидел

даже больше, чем фашистов. А также знал, что, невзирая на официально провозглашенный интернационализм, многие русские — жуткие антисемиты.

ГЛАВА 11

Сближение

От обилия новых слов и их толкований у Раса голова распухла; ощущение, которое он испытывал, было чем-то сродни переполоху в термитнике, атакованном изголодавшимся муравьем. Мысли беспорядочно скакали, сшибая друг друга, и бешено колотились изнутри в черепную коробку.

Ева заметила, что с ним не все ладно.

— Ты злишься? — спросила она. — Но на что?

— Не знаю, — вздохнул Рас. — То, что ты мне рассказываешь, почему-то раздражает. Чувствую себя так, словно кто-то с ножом пытается на меня напасть. Или что-то отнять.

— Так и должно быть! Конечно, тебе не понравится слышать такое! Это просто страшно — когда все, во что ты верил, вдруг становится ложью. Может, хватит пока?

— Рассказывай! — мрачно изрек Рас.

Ее супруг тоже был антропологом, а познакомились они еще студентами. По возвращении в Хельсинки поженились. Преподавали в Хельсинкском университете, а позже в Мюнхене. Затем принимали участие в экспедициях — одна в бассейн Амазонки и несколько на африканский континент. Сейчас в Африку приехали по американскому гранту.

О существовании долины, где жил Рас, ученым было известно довольно давно. Предыдущая экспедиция, американская, намеревалась посетить долину на самолете-амфибии. Но потерпела неудачу — вскоре после взлета самолет разбился, и все участники экспедиции погибли.

— Причина катастрофы осталась загадкой. И я сомневаюсь теперь, что это был несчастный случай. Нам самим лишь после колоссальных усилий удалось получить разрешение властей на вылет. Это было так непросто, что мы пришли к выводу: кто-то очень старается помешать. Мика, мой муж, подозревал, что все кругом подкуплены,

только доказать не мог. И как только решил копнуть поглубже, сразу же получил добро на вылет. Но наши неприятности на этом не закончились. В ночь накануне вылета муж застукал неизвестного туземца за попыткой поджечь самолет; тому удалось скрыться. А затем... этот дикий обстрел с вертолета... кто-то очень не хотел видеть нас здесь. Я считаю, что это автор твоих божественных писем — некто, возомнивший себя Господом.

— Если то, что ты говоришь, правда, то... — задумчиво произнес Рас. — Ты говорила, что эта долина известна давно. Что ты имела в виду?

— А то, что авиаторы сообщали о ней. Однажды над нею пролетел также и военный самолет.

— Почему же я их не замечал?

— Они летели очень высоко. Тебе не доводилось видеть длинные тонкие облака, внезапно возникающие высоко в небе и быстро тающие?

Рас отрицательно помотал головой.

— Значит, прозевал. Если бы заметил — то заметил бы не облако, а шлейф водяного пара, конденсирующегося за струей реактивного самолета.

Последовали объяснения сказанному. В конце концов Рас зевнул:

— Думаю, пора ложиться спать.

Юноша был так расстроен новыми сведениями, что оставил ранее возникшую было мысль попытать с нею счастья снова. Ева выглядела сонной, но все никак не унималась:

— Значит, вертолеты базируются на верхушке башни посреди озера? И ты говоришь, что взобраться туда невозможно?

— Я сказал лишь, что мне это пока не удавалось.

— А не хочешь ли ты попытаться снова? Может быть, ночью, когда тебя не смогут заметить?

— Ночью будет гораздо труднее. Но я попробую — позже. Сперва я хочу рассчитаться с Биджагу. А затем найти Игзайбера. Пусть ответит на мои вопросы!

— Игзайбер не существует! И ты не найдешь его ни на каком краю своей долины. Не найдешь и в большом мире за ее пределами. Не найдешь нигде.

— Я сам должен в этом убедиться.

Рас поднялся:

— Пойду натаскаю еще немного хворосту. Биджагу мало меня беспокоит, а вот леопарды кругом так и рыскают.

Не успел Рас подбросить в костер пару здоровенных веток, как Ева уже провалилась в сон. И снова Раса охватило жгучее желание. Смятение чувств, в которое он был ввержен ее рассказами, и скорбь по ушедшим близким довели юношу до изнеможения. Но сейчас смятение оставило его, и тени покойных истончились — он мог вспоминать их без спазм в груди.

Ева, словно уловив его мысли, легко всхрипнув, проснулась. Ее взгляд, быстро прояснившись и став осмысленным, встретился с глазами Расы. Она приподнялась:

— Не надо думать обо мне, Рас. Я не хотела бы убивать тебя.

— Почему бы тебе и не лечь со мной?

— Потому что я недавно потеряла мужа и все еще скорблю о нем. Наша с ним жизнь не была слишком гладкой; какое-то время наш брак вообще находился на грани расторжения. Одна из причин этого — его бесплодие. Он комплексовал; ему казалось, что он не вполне мужчина. Я предлагала взять из приюта и усыновить приемыша — так много вокруг детей-сирот, — но он воспротивился: или у нас будет свой ребенок, или не будет вовсе! А еще... но это уже совсем другая история.

Но даже если бы мне не о ком было горевать сейчас, я все равно не смогла бы лечь с тобой. Я боюсь беременности, боюсь понести ребенка в этой дикости.

И даже это не все. Я просто не люблю тебя.

Рас изумился:

— Разве ты ненавидишь меня?

— Нет.

— Я тоже не любил всех тех горилл и женщин-вонсу, кроме разве Вилиды. Но ложился с ними. Почему же с тобой нельзя? Может, ты вообще не любишь мужчин?

— Ну как объяснить, чтобы ты понял? Ты же совершенное дитя — не в поступках, нет, в некоторых вещах. Напоминаешь мне Благородного дикаря Руссо, ну просто очень напоминаешь.

— Руссо?

Снова объяснения; слушая Еву вполуха, Рас прикидывал, как бы половчее на нее взгромоздиться. Пока она

спит, можно украсть оружие. И она наверняка об этом знает, но спокойно засыпает. Может, тем самым как бы предлагает отнять у нее оружие?

Насилие. Ева что-то рассказывала о злодеях, жестоко насилующих беспомощных женщин. Для Раса это была еще одна из многих головоломок. Ему никогда и никого еще не приходилось насиловать — даже в голову такое прийти не могло. Хотя, если вдуматься: а так ли это? Когда Рас ночью хватал ошеломленных женщин-вонсу, он ведь пользовался их трепетом перед бледными духами, чтобы добиться своего. Ведь Рас не предполагал отказать — даже мысли такой не допускал — ни по какой иной причине, кроме разве той, что он демон ночи.

— Не понимаю, почему ты не хочешь меня, — сказал Рас. — Прошли недели с тех пор, как ты была с мужчиной, и ты не больна. Может, я урод? Мои родители и подружки-вонсу находили меня привлекательным. И я, в отличие от мужчин-вонсу, не изуродован кремневым ножом между ног, я полноценный мужчина. И характер мой вроде ничего — я умею и шутить, и смеяться, люблю беседовать, умею внимательно слушать. Люблю ласку, люблю саму любовь. Люблю веселье и все земные радости. Пусть ты и не любишь меня, но ты ведь не говоришь, что я тебе омерзителен. Не понимаю...

— Ты обиделся, — вздохнула Ева. — Тебе кажется, что я обижаю тебя. Но ты напрасно обижаешься! Я ведь совсем из иного мира, из общества, которое ты даже вообразить себе не можешь. Не обижайся. Просто поверь мне на слово — без причины я бы не сказала тебе «нет».

— Короткое слово — «нет», а сколько за ним всего... — сказал Рас. — Целый мир.

— Мир, с которым тебе лучше бы и вовсе не иметь дела, — заметила Ева. — К несчастью, он не оставит тебя в покое. Мир с каждым днем становится все теснее, людям в нем не хватает места, и скоро они заполнят эту долину. Сначала придут искать меня с мужем, затем.. даже не знаю. Я ненавижу такие мысли. Что им потребуется от тебя, как они с тобой поступят?

Эти ее слова камнем легли на душу Раса. Словно нечто огромное, черное и смертоносное вздыбилось по ту сторону гор. И она говорила при этом так уверенно.

Может, и в самом деле небо — вовсе не купол из голубого камня?

— А сейчас ложись спать и постарайся позабыть обо всем, — сказала Ева.

— И что ты предлагаешь мне делать? — обиженно отозвался Рас. — Дрочить?

Ева произнесла несколько совершенно непонятных слов, по-видимому, на финском. Звучало это как ругательство.

— Меня не заботит, что тебе делать! Но попробуй только тронь меня! А сейчас — спать!

Луна уже поднялась высоко, когда Ева проснулась снова. Обеспокоенная, она приподнялась с пистолетом в руке и воскликнула:

— Что это? Рас! Кто трясет ветку? Рас, проснись — леопард!

Рас не остановился. Почти все его тело было скрыто тенью, и только один яркий луч лунного света падал на него, но падал именно туда, куда Еве лучше бы сейчас вовсе не смотреть. Брызнула серебристая струйка.

— Юмала! — произнесла она с отвращением. И затем, перейдя на английский: — Грязная скотина!

— Лучше уж так, чем мучиться, — ответил Рас с придыханием.

После продолжительного молчания Ева спросила:

— А о ком ты при этом думал?

— О Вилиде, — тяжело выдохнул Рас.

Ева брезгливо фыркнула и сказала:

— И ты еще хотел заниматься со мной любовью! Чтобы я прикидывалась твоей черномазой подстилкой! Ффу-у-у! От тебя разит. Поди к реке, умойся!

— Это возбуждает тебя? — заинтересовался Рас.

— Ты вынудишь меня выстрелить!

— Это возбуждает тебя?

Ответа он не дождался. Смежив веки, Рас незаметно уснул. Утро Ева начала с долгого молчания. С тенями, набрякшими под воспаленными глазами, она едва поворачивалась — точно отлежала бока за ночь. Рас улыбнулся и съехидничал — сказал, что сегодня ей можно дать сто лет от роду. Он ожидал, что Ева огрызнется, может, даже с кулаками набросится — как родители, когда Рас слишком уж досаждал им до завтрака.

Но она только расплакалась. Расу стало совестно; чтобы извиниться, он тронул Еву за плечо — женщина сердито отшатнулась.

Позже, увидев, как Рас орошает могучей струей зеленую стену зарослей, она не выдержала:

— У тебя что, вообще ни капли стыда нет?! Да я просто ненавижу тебя! Ты не человек, ты животное! Меня тошнит от тебя, от твоего поведения, от твоих мыслей, от твоей манеры жрать — просто наизнанку выворачивает! Особенно от поведения за едой! Ты хрюкаешь, чавкаешь, давишься и пускаешь пузыри — точь-в-точь как свинья. Да ты и есть свинья!

И Ева вновь ударилась в слезы.

— Дальше, полагаю, мне лучше идти одному, — объявил Рас. — Так будет спокойнее. И уж наверняка намного быстрее. К тому же, когда я на тебя не злюсь, хочется лечь с тобой — а это мешает. Мне так не нравится.

Ева зарыдала в голос. Между всхлипываниями ей с трудом удалось выдать:

— Мне так страшно, я так одинока...

— С чего бы это? Пока ты со мной, ты в безопасности. У тебя есть собеседник, а мог бы быть и любовник — кабы не твои чудачества.

— Это мои-то чудачества? — вспыхнула Ева. Но осеклась и замолчала. После паузы, высморкавшись и отерев глаза, продолжила тоном ниже: — Я всегда считала себя сильной. Я ведь очень способная. Но никогда не попадала в ситуацию, с которой не в силах совладать. Видел бы ты меня в экспедициях. Я выносливее любого мужчины. И не трусиха. А здесь все... как снег на голову, и все такое дикое, абсолютно чуждое. Мне тяжело. Начинает уже казаться, что я никогда не выберусь из этой долины. Бог знает, когда прилетят мне на выручку. А здесь кто-то хочет меня убить, и я даже не понимаю за что.

— Будь моей женщиной, будешь в безопасности.

— Я сама о себе могу позаботиться, — ответила Ева.

Рас приснул.

— Это была всего лишь минутная слабость, — холодно продолжила Ева. — Теперь уже все в порядке. Я чувствую себя значительно лучше.

— А выглядишь не очень — глаза красные, как у гиены.

— Юмала! А ты чего хотел? Косметики нет, питаюсь я чем попало и давно уже не спала больше чем полчаса кряду. Я вся в грязи, переодеться не во что, одежда почти сгнила, вместо прически — охапка соломы, а тут еще ты со своими...

— Юсуфу говорил как-то, — вставил Рас, — что Игзайбер пообещал мне в жены белую женщину с золотыми волосами. Блондинку-шмару, как выразился Юсуфу. У тебя как раз такие волосы. Может, ты и есть та самая шмара? Ведешь ты себя, правда, не по-женски, а скорее как демон, которым, по словам Мирьям, и являешься. Если и послал тебя мне Игзайбер, так только в наказание.

Ева недоуменно сморщила лоб; сообразив, кивнула:

— А, шмара — это слово означает, наверное, женщину. Мне кажется, оно уже вышло из употребления. И все равно я плохо поняла — ты с кем-то обручен?

Рас попытался растолковать, что имел в виду — но Ева, похоже, поняла не все. Объясняя, Рас поймал себя на том, что и сам он толком все не понимает. Разговор, однако, помог женщине взять себя в руки. Улыбаясь про себя чему-то из услышанного, она на время удалилась в кусты. Рас двинулся в другую сторону и спугнул вскоре золотистую крысу. Пригвоздив ее к земле одним метким выстрелом, вернулся с добычей к месту стоянки. Ева, умытая и кое-как причесанная, уже была на месте и, казалось, чего-то с легким беспокойством ждала. С сомнением и тенью брезгливости глянув на добычу, помогла тем не менее развести костер, а когда крыса изжарилась, не без аппетита поела.

Погасив костер, Рас попросил Еву осмотреть рану на голове.

— Заражения вроде нет. И зарастает чертовски быстро. У тебя, должно быть, потрясающая регенерация. — Она объяснила смысл слова «регенерация».

Возле реки Рас побрился. Ева наблюдала, как он доводит бритву на оселке, смягчает кожу водой с крошкой мыла и, присев на корточки возле зеркальца, соскребает щетину.

— Кто научил тебя этому? — спросила она.

— Юсуфу. Он заставляет меня бриться ежедневно, мол, так написано в Книге. В Книге много чего понаписано,

хватает и разной ерунды, но бриться я люблю. Ненавижу щетину на лице. Особенно потому ненавижу, что Джиб ходит весь заросший. Его не научить бриться — он туп, как горилла. Борода ниже пупа — вся в грязи и репьях. И воняет.

— Джиб? — удивилась Ева.

— Это гиена по-амхарски, — пояснил Рас. — Он живет со стаей горилл в холмах. Не с Негусом — с Миниликом. Джиб тоже белый человек. Сказать по правде, он мой брат — так уверяли Мирьям и Юсуфу. Мирьям говорила еще, что Джиб прогневил Игзайбера и тот лишил его разума. И вечно повторяла, что, если не буду слушаться Игзайбера, меня ждет та же участь. Отставала лишь после того, как я прикидывался чертовски напуганным и проливал слезу. Да еще Юсуфу грозил ее отдубасить, если не прекратит запугивать ребенка.

Ошарашенная новостью, Ева погрузилась в раздумья. Но когда сталкивали плот на воду, была снова в приподнятом настроении. Ева заплела волосы в некое подобие прически, названной ею «Узел Психеи» — она повторила название по буквам. После высказанного Расом одобрения просияла и защебетала без умолку. Рассказывала о европейских лыжных курортах. Рас решил, что это должно быть забавно — вихрем скатываться со склонов гор, взмывая в воздух на неровностях. Ева указала на одетую в белую шапку гору на востоке и попыталась объяснить связанные со снегом ощущения: как тот щиплет лицо, морозит пальцы, сводит ноги. Слово «снег» Расу было знакомо — Юсуфу как-то уже отвечал на расспросы о белых вершинах гор.

— Ты интересуешься моей жизнью, точно лиса заячьим следом, — заметил Рас. — И все, что ни расскажу, тебя поражает.

— Я уже говорила тебе, что ты уникам. И думаю, что ты действительно единственный в своем роде.

Рас забрался в самые свои ранние воспоминания. Оказалось, что он помнит себя чуть ли не ползунком.

— Потрясающе! — заявила Ева. — Очень немногие могут похвастать такой памятью. Может, тебе удастся заглянуть еще глубже? Лицо Мирьям — первое, что ты запомнил? Совсем ничего до этого?

Глаза Раса опять увлажнились при упоминании Мирьям. Никогда больше не увидеть ее дорогого сморщенного личика, не ощутить хрупких объятий, поцелуев, не услышать причитаний, упреков, смеха.

Ева, смущенная печалью Раса, продолжила расспросы лишь после перерыва:

— Ты не мог родиться в этой долине. Я в этом почти уверена. Совершенно точно, что вырастившие тебя пигмеи — а они пигмеи, то есть низкорослые люди, а не обезьяны — и сами не отсюда родом. Судя по тому что они тебе рассказывали, а особенно по оговоркам — они прекрасно знали внешний мир. Вот только зачем прикидывались обезьянами? И что это за хижина такая возле озера, с книгами и всем прочим? И откуда тут еще один белый мальчик, этот Джиб? Он что, действительно живет с гориллами? Ты ведь говорил вроде, что тоже жил с ними какое-то время? Значит, он не умеет разговаривать? Похоже на остановку в умственном развитии. А может, он глухонемой?

— Он слышит даже лучше, чем я, — усмехнулся Рас. — И может повторить пять-шесть слов, которым я его научил. Вода. Еда. Больно. Человек. Мое имя. Но сколько времени я затратил на это! Я надеялся научить его играть со мной, хотя мне это и запретили. Юсуфу, кстати, иначе объяснял его неумение разговаривать. Иг-зайбер, говорил он, тут ни при чем. Виноваты гориллы, с которыми он вырос. Юсуфу не любил много говорить о Джибе, его и злило, и огорчало, когда я расспрашивал о нем.

Ева достала из кармана рубахи письма и попросила Раса показать еще раз те, что хранились у него в сумке. Она долго их перечитывала.

— Кое-что проясняется, правда, не слишком многое. Был еще, оказывается, и третий ребенок. То есть он был самым первым. Господи! Что за чудовище!

— Ребенок?

— Ты что, совсем дурак?! Ой, прости, пожалуйста! Я так разозлилась! Не обижайся! Я имела в виду эту тварь, что провела эксперимент на тебе и на остальных двоих. Вас всех, должно быть, украли у настоящих родителей. А затеял это все бизнесмен из Южной Африки, который прежде жил в Северной Америке, это очевидно.

Но кто такой Мастер, который тут упоминается? И что за Книга такая?

— Не знаю, — угрюмо ответил Рас и так налег на шест, что вода захлестнула палубу. Слова Евы разбредили юноше душу; он злился, как злился бы на любого, кто вздумал бы высмеять его искусство резьбы по дереву или взялся бы поправить законченную статуэтку.

Прохладное утро сменилось между тем ясным солнечным полуднем. Рас же совсем раскис — все эти вопросы, ясно давшие понять, что с ним и с его миром не все в порядке, мало сказать не радовали — просто бесить начинали. И он собрался было объявить об этом Еве. Но тут они услышали рокот вертолета. Птица Бога вылетела вдали из-за джунглей и пошла вдоль реки. Ева ахнула, на мгновение обмерла, а затем бросилась в воду. Быстро — в десяток взмахов — доплыв до берега, вскарабкалась по склону и нырнула в заросли.

Рас решил остаться на плоту — ему-то зачем прятаться? Птица Бога никогда еще не причиняла ему вреда. Более того, в опасной ситуации даже помогла. И пока не было повода думать, что ее отношение как-то вдруг изменилось. Тем не менее ее появление над верхушками деревьев, сопровождавшееся ревом и солнечными зайчиками, посланными стеклянным колпаком кабины, вызвало у Раса на этот раз тягостное ощущение. Внутри Птицы сидели двое: один за штурвалом, как назвала это Ева, другой — за спиной пилота возле спаренного пулемета. Оба — Ева уверяла, что они самые обыкновенные люди, — были одеты в коричневую форму, лица — под белыми масками.

Вертолет пронесся так низко, что Раса оглушило и ударило ветром; плот закачался на поднявшихся волнах. Когда Рас через несколько мгновений обернулся вслед вертолету, тот уже завис над рекой чуть ниже по течению, затем повернул обратно — пулеметчик разглядел следы Евы на берегу. Вертолет еще раз развернулся, и пулемет, направленный на джунгли, выплюнул бесконечную очередь — в зарослях посыпались ветки вперемешку с листьями.

— Стойте! Стойте! Прекратите! — заорал, подпрыгивая, Рас.

Вертолет двинулся, взмыл над деревьями и, держась над макушками на высоте в человеческий рост, скрылся

из поля зрения. Но скоро стал виден снова — не слишком удаляясь от берега, он поднялся теперь на высоту ярдов сто—сто пятьдесят. Блестящий предмет, размером с человека и напоминающий формой каплю, неожиданно отделился от днища вертолета и полетел вниз. В джунглях вспыхнуло яркое зарево, над верхушками деревьев вырос гигантский столб пламени, раздался страшный грохот, он ударил по ушам внезапной мощной волной. Затем дохнуло испепеляющим смрадным жаром. Джунглей на берегу больше не было — они превратились в сплошную стену огня.

Рас подогнал плот к берегу в полусотне ярдах ниже по течению, выскочил на берег и, подтянув край плота на отмель, чтобы не унесло течением, бросился в джунгли. Быстро, как только мог, он пробивался сквозь заросли вдоль огненной стены. Объятая пламенем птица, безумно вереща, врезалась в ствол дерева и пала к ногам юноши. Запах паленых перьев вызвал у Раса острый приступ удушья.

Снаряд Птицы выжег круглый участок джунглей диаметром с сотню ярдов, и вверх пламя вздымалось примерно на такую же высоту. Оно вырвалось сперва далеко за пределы этого круга, но затем, задушенное густой и влажной зеленью, напоенной две ночи назад ливнем, отступило, оставив мрачный пепельный след на всем живом. Прошло немало часов, прежде чем Рас смог приблизиться к этому кругу вплотную, и даже тогда пепел обжигал его босые ноги. Лишь к рассвету он остыл достаточно, позволив Расу пройти до самого центра пожара. Джунгли исчезли. Устояли лишь стволы самых могучих деревьев, но и они, лишившись всех ветвей и дочерна обуглившись, были безнадежно мертвы. Повсюду из пепелища, точно гнилые зубы смерти, изглоданными угольками торчали пеньки.

На краю мертвой зоны Рас заметил бесформенную кучку, которая еще недавно была, похоже, обезьяной. От нее мало что оставалось — лишь по костям черепа, просвечивающим сквозь обугленные лохмотья плоти, Рас сумел определить, кому принадлежат останки. Рас ощутил дурноту. Могла ли Ева уцелеть в этом адском котле? И хотя она уверяла Раса, что Птицей управляют обычные люди, простые смертные, им все же было подвластно нечеловеческое оружие — божественное по своей мощи.

В результате упорных поисков Рас раскопал еще несколько кучек испепелившейся плоти, все ближе к краям выжженного пространства. Если Ева оказалась близко к центру, то от нее и костей не осталось.

Как только взошло солнце, Птица вернулась — совершить контрольный облет обработанной накануне территории. Рас укрылся в зарослях и не выходил, пока слышался ее рокот. Затем, медленно переставляя одеревеневшие ноги, вернулся к реке.

Плот исчез. На мгновение Раса охватила радостная уверенность, что это Ева, избежав чудом смерти, взяла плот. Но никаких следов на песке, кроме своих собственных, не нашел. Значит, просто плохо закрепил плот накануне, недостаточно вытащил его на отмель, и течение распорядилось им по своему усмотрению.

Угрюмо скорчившись, Рас долго сидел под сенью прибрежных зарослей. Даже в мрачной своей ярости он находил новые образы. Рас видел себя подобным солнцу на закате, склоняющемуся за горизонт. Ярость его пылала багровым диском; наступающий следом мрак был словно страх одиночества. Рас противился, но утопал в нем; вместе с ним тонули пестрые краски прежней беззаботной жизни. Вот розовая кайма вечерних облаков; вот бездонная синь потемневшего на востоке неба. Следом голубым крохотным облачком вспыхивает сердце; бледно-зеленая, местами желтая лента обрамляет кровотокающий диск. Если Рас утонет во мраке, он оборвет последние нити жизни. Все вокруг почернеет, как глаза шакала, как мысли голодного леопарда.

Смерть Евы Рантанен стала последней каплей, последним толчком, толкающим солнце его жизни в бездонную пропасть отчаяния.

ГЛАВА 12

Паучье болото

Рас не успел полюбить бледнолицую так, как любил Мирьям, Юсуфу или Вилиду. Чувство к ней только зарождалось, пусть и вопреки всем мучениям и обидам, которые Ева ему причинила.

Сейчас его ярость горела ровно, как нависшее над горизонтом, но все еще багровое солнце, и Рас не мог позволить ей кануть в никуда, умножая скорбь. Пусть садится на небе настоящее солнце; внутреннее солнце его не покинет. Рас жаждал мести. Первый на очереди Биджагу, следом — Игзайбер. Это он послал Птицу охотиться за Евой, он приговорил ее к смерти. Значит, надо разобраться с Биджагу побыстрее — этот должок требует неперменной и безотлагательной оплаты, затем добраться до устья и прижать Игзайбера. А уж после всего забраться на башню — и Птица, и люди, что были в ней, обречены.

Багровый шар над горизонтом его сознания — Рас видел его как бы воочию — набухал и разгорался. Краски внутреннего небосвода стали ярче — воображаемое солнце покатилося вспять, с запада на восток, выворачивая ночь наизнанку, сбрасывая ее, точно змеиную кожу. Такое могло случиться только во внутреннем, воображаемом мире — реальное солнце всегда неумолимо скатывалось за горизонт.

Юноша вернулся на берег. По крайней мере, он не оставил на плоту свою сумку и два топора вонсу; вынув их из-под кустов, куда ранее зашвырнул в спешке, Рас занялся делом. Срубая деревца подходящего размера, зачищая их от веток и снося к берегу, он возился почти целый день до вечера. Связав затем шесты лианами, отправился за пропитанием. Охота, разведение костра и приготовление ужина — Рас испек подстреленного попугая — отняли еще час; стало смеркаться. Отплывать было уже поздно.

Но через полчаса Рас понял, что до утра на месте не выдержит, и оттолкнул новый плот от берега. Река бережно приняла его в свои объятия и понесла, плавно покачивая. Берега сблизились, течение усилилось — плот увеличил теперь скорость. Внезапно берега, столь долго соседствовавшие, раздались, разошлись в стороны — реки больше не было. Болото, Паучье болото растилалось перед Расом. Шест, которым юноша толкал плот, на глубине всего нескольких футов увязал в иле — чтобы не потерять его, приходилось соблюдать осторожность.

Солнце уже скрылось за верхушками гор. Небо в просветах листвы еще голубело, но под ветвями сгушался мрак. Точно хвосты бесчисленных змей, повсюду свисали, тянулись к воде лианы. Гроздь огромных мясистых кувшинок неохотно расступались перед плотом. Необыкновенно большие насекомые, едва не задевая щеки крыльями, злобно жужжали вокруг Раса с недвусмысленными намерениями.

Вода, плеснув, омыла палубу и на миг обогрела ноги. Нечто тонкое и длинное шлепнулось Расу на лицо; не успев разобрать что, он смахнул это в сторону. Подняв взгляд, увидел огромного, с голову человека, паука, озабоченно спешащего вверх по паутине. Он показался совсем черным в наступивших сумерках, хотя по предыдущему своему путешествию Рас помнил пауков пурпурными с желтой полосой поперек туловища и четырьмя парами кроваво-малиновых фасеточных глаз.

Вонсу говорили, что укус обеденных желтой полосой челюстей заставляет душу человека исходить в крике до самого конца агонии. И хотя Рас не был вполне уверен в правдивости рассказней вонсу, проверять лживость этой байки на себе отчего-то не захотелось. Пауки действительно выглядели зловеще и наверняка могли быть ядовитыми.

Что-то плеснуло серебром рядом с палубой. Рас ахнул с размаху шестом в темноту — и угодил во что-то неподатливое; что-то затрепыхалось в воде. У Раса заныла вдруг старая рана на ноге, след давнего укуса гадюки; он поспешил увести плот подальше.

А через несколько мгновений по его плечу скользнуло нечто твердое и холодное. Вскрикнув, Рас бросился плашмя на палубу. Плот тихо скользил сам по себе, пока юноша, слегка подрагивая, лежал лицом вниз. Но ничего не произошло. Взяв себя в руки, Рас снова заработал шестом. Теперь уже он стоял на коленях и внимательно поглядывал по сторонам. Рас, должно быть, совершенно поседел от паутины, стряхивать которую было нетрудно, но бесполезно — так много ее висело кругом. В очередной раз пальцы наткнулись в волосах на иссохшую мумию большой бабочки. Рас смахнул трупик в воду; медленно кружась, бабочка поплыла прочь.

Ночи стояли еще теплые, но юношу покалывал озноб — словно водяные жуки, выскочившие из холодных, как ледниковый ручей, глубин, карабкались по его коже. Чувство было таким реальным, что Рас, не сумев удержать себя в руках, шлепнул ладонью по плечу. Это казалось похуже леопардов в джунглях. И, в отличие от джунглей, никакой красоты. Одни лишь змеи и пауки, закутавшись в покровы ночи и сочась смертельным ядом, терпеливо поджидали во влажной тишине. Мрачные арки, нарисованные взбудораженным воображением из нависших над водой ветвей и искривленных стволов по бокам, одна за другой вставали впереди — вратами, ведущими к смерти. Паутина хватала Раса своими хрупкими, но настойчивыми лапками. Он уже весь был покрыт ею — закутан сверху донизу, как большая, приготовленная для паучьей трапезы куколка. Даже на шесте вырос набалдашник из клейкого паучьего пуха, и шест представлялся теперь духом, длинным духом окоченевшей змеи. Рас тряхнул головой и запретил себе думать о змеях.

Когда же выйдет луна? Будь небо посветлее, что-то пробилось бы сквозь листву и сюда. Тогда, по крайней мере, он видел бы пауков, а не шарахался от каждой тени. И лианы не принимал бы за змей.

Рас оттолкнулся. Тут же нечто темное устремилось по ветви над головой прямо на него. Юноша взмахнул шестом, но промазал. Плот, двигаясь медленно, уткнулся в ствол дерева. Рас замер, но расслышал лишь собственное дыхание. Затем — осторожные, скребущие дерево и душу звуки.

Он резко повернулся — ничего, кроме отдаленного бесконечной чередой лохматых темных арок мерцания. Рас глубоко вдохнул, успокаиваясь. Местечко не из самых приятных, но стоит ли так бояться, так себя накручивать? Вот уж воистину следствие страшных сказок, которыми пичкала его Мирьям с самого раннего детства. Или это память тела о страшном гадючьем укусе, который чуть не свел Раса в могилу? А может быть, что-то столь же древнее, как и сама смерть?

Болотные испарения терзали обоняние Раса. Водяные цветы, сейчас невидимые, испускали аромат сдохшей с

неделю тому назад крысы. Зловоние усиливали гниющие стволы и разлагающиеся мертвые черви. Вода в болоте, пусть медленно, но двигалась — стало быть, не застаивалась и вонять вроде не могла. Тем не менее воняла, да еще как! Напитанная тиной и густым илом, она двигалась медленно, словно кровь в жилах умирающего. И даже припахивала кровью. И еще множество составляющих открывал Рас в этом букете миазмов.

«Все это фантазии, — решительно и твердо объявил себе Рас. — Вода не пахнет кровью, тут мой нос расшатался. И пауки не ждут момента, чтобы свалиться на голову, не подстерегают за каждой веткой. Наоборот, они боятся меня. Если один и угодил в меня, так только по ошибке. И змеи приблизиться могут лишь по недоразумению. Зачем им нападать на меня? — они ведь не могут меня съесть и прекрасно об этом знают. Остерегаться следует лишь случайных столкновений — от них, впрочем, тоже никто не застрахован».

Когда шесть лет назад Рас впервые посетил Паучье болото, гадюка укусила его почти сразу же после вторжения. Тогда Расу почудилось, что змея именно его и поджидала — как посланец Игзайбера, мстящего за ослушание.

Если Игзайбер действительно хотел закрыть от него болото, он мог бы сбросить Расу на голову одного из гигантских пауков прямо сейчас, не откладывая.

— Ну давай, начинай! — громко выкрикнул юноша. — Я раздавлю их, одного за другим, и все равно пройду к своей цели!

Ничего не произошло. Рас продолжил плавание. Наконец луна, словно выпущенная болотным дьяволом из заточения, воссияла на небе. Ее долгожданные лучи заплескали по листве, колышущейся под слабым ночным ветерком. Внизу, под деревьями, ночной воздух оставался по-прежнему темным, будто затаившийся перед прыжком хищный ночной зверь. И все же часть лунного дождя пролилась сквозь листву; бледные лучики выкрасили серо-зеленым несколько кочек и кувшинок на пути, выхватили из тьмы длинный ползучий стебель, забравшийся по трещине в стволе дерева и триумфально распустивший в ней свой мертвенно-желтый цветок.

В лунном свете паутина обернулась струнами фантастической арфы; перебор этих струн мог быть беззвучен любому, но только не Расу. Округлое мохнатое тельце, метнувшееся со всей своей дюжины ног по паутине вверх, полыхнуло Расу темным пурпуром и скрылось из глаз. Сама же паутина, совершенно несимметричная, кривобокая, странно выдающаяся гранями в одном направлении и только лишь намеченная в остальных — словно алмаз, отшлифованный безумным ювелиром, — была, как отметил Рас про себя, сплетена пауком либо больным, либо свихнувшимся.

Какой манией может быть одержим сумасшедший паук? Какие болезненные, куцые мысли теснятся в его маленькой головке? Должно быть, ковыляют на кривых костылях крохотными красными уродцами, бредут по черному ноздреватому полу сознания. Куда? К просвету, к сияющему в самой сердцевине крошечного мозга образу бриллианта-выродка, поклониться ему или согреть в его холодном сиянии скрюченные лапки? А сверху на них сочится скудный свет, пролившийся прежде сквозь узор паутины и лишь затем совершивший путешествие по заковыристому лабиринту фасеточных глаз.

Раздался громкий всплеск; Рас от неожиданности подпрыгнул и выругался по-амхарски. Затем, увидев в лунном луче голову большой болотной лягушки, звонко рассмеялся. Громкое кваканье — а к первой лягушке присоединились и другие — развеяло ночные страхи, и болото из средоточения опасностей превратилось в обычную грязную лужу. Рас поплыл дальше, успокоенный. Лягушка плыла впереди к своей лягушачьей цели — за подружкой или в поисках пропитания, решил Рас.

Внезапно ее головка исчезла. И она не нырнула, как этого можно было бы ожидать; ее перепончатые лапки еще панически дернулись над поверхностью, прежде чем окончательно исчезнуть. Мелькнул на мгновение толстый черный хвост неведомого обитателя болотных глубин, и на воде остались лишь ленивые круги. Затем вырвался большой пузырь и довольно долго держался на поверхности, пока наконец не лопнул.

Над головой стало еще больше обрамляющей живые арки паутины. Сейчас, когда стало светлее и Рас мог

вовремя заметить паутину, он сбивал ее концом шеста, затем гнал плот до следующей. Выскакивали потревоженные встряской сетей пауки, добегали до оборванных нитей и застывали в недоумении. Рас сбивал и их или шугал шестом, и они ударялись в паническое бегство. Один паук с перепугу шмякнулся на плот, и Рас едва не перевернул свое утлое суденышко сам. Паук метался по палубе и уже примерялся к прыжку в сторону Раса, когда конец шеста размазал его и смахнул останки в воду.

Так продолжалось весь остаток ночи. Ближе к рассвету паутина, порою весьма поврежденная, встречалась все реже и реже. И деревья расступились. Болото сильно обмелело, и в конце концов плот безнадежно увяз в иле. Пришлось бросить его, и дальше Рас побрел пешком. Вода, сменившаяся жидкой тинистой кашей, не доходила и до лодыжек. Наверное, здесь можно было отыскать фарватер, ведь и вонсу, и шарикту в своих набегах пересекали болото на лодках, но Бог знает сколько времени это отняло бы. Быстрее добраться пешком, хотя такая прогулка не слишком радовала юношу. В осоке могли скрываться змеи, и теперь, прежде чем сделать шаг, Рас шарил впереди себя шестом. Такой способ ходьбы, довольно медлительный, действовал Расу на нервы.

Ил хватал Раса за лодыжки, порою дотягивался и до икр. С громким чавканьем ноги выскальзывали из его цепких объятий. Казалось, болото мечтает засосать Раса целиком, а пока лишь пробует на вкус. И осока ошетичилась зелеными зубчатыми лезвиями, способными исполосовать в кровь ноги. Разок юношу цапнуло какое-то невероятно кусачее насекомое. Подпрыгнув от боли с невольным вскриком, Рас раздавил его в лепешку, но боль прошла далеко не сразу. А утихнув, оставила на плече след — фиолетовое пятно размером с ноготь большого пальца.

Пройдя милю такого утомительного пути, Рас стал встречать участки почвы повыше и посуше. По ним юноша передвигался еще осторожнее — ему казалось, что край болота, а с ним и новые опасности, уже близко. Встретив в траве змею футов четырех длиной, юноша огрел ее шестом по матово-алой спине и съел в сыром виде, отрезав прежде ослепительно черную голову и выпотрошив.

Он еще не вполне завершил трапезу, когда услышал впереди человеческие голоса. Отбросив остатки змеи в сторону, распластался в грязи, затем внимательно огляделся. Перед глазами, за небольшим водным пространством, возвышался холм или островок, и крики доносились именно оттуда. Вода, в самом глубоком месте Расу по пояс, к берегу стала мелеть, и вскоре Рас, никем не замеченный, выбрался на островок. Заросли на нем имели почти привычный для Раса вид: увитые лианами деревья росли достаточно часто, чтобы при необходимости пробираться по верху, и подлесок был густым.

С высокого дерева на краю островка Рас увидел впереди песчаную косу, не слишком длинную. За нею лежал еще один островок, пониже. И хотя ветви мешали обзору, Расу удалось разглядеть двух мужчин, облаченных в белые одеяния. Оба — худые, очень высокие, длинноногие — были черны как смоль. Наскакивая с криками друг на друга, они сражались, причем один работал копьем, другой же отмахивался мечом.

Воином с мечом в руке был Гилак, король шарикту и старый знакомый.

ГЛАВА 13

Тюремщик, кто твой пленник?

Три года тому назад один из частых визитов Раса в окрестности деревни вонсу совпал с третьим днем пленения Гилака. Со своего излюбленного дерева за рекой Рас разглядел клетку перед Большим домом. Бамбуковое сооружение, высотой в семь, а шириной фута четыре, висело на перекладине, каждый конец которой был уложен на высокий деревянный треножник. И клетка, и ее необычная опора были выстроены по такому случаю специально, в чем Рас и убедился, подобравшись поближе и подслушав разговоры обитателей.

Об этом говорили все: и женщины на прополке, и подростки, и сторожа северных ворот. Казалось, вся деревня охвачена тревожным ликованием. Пленение короля шарикту было событием, достойным легенд и песен для многих поколений вонсу. Им случилось брать в плен шарикту — последний попался около четырех лет тому

назад, — но никогда еще не попадал им в руки сам король. Ему готовились царственные мучения; пытки должны были длиться по меньшей мере месяц; затем намечалось сожжение заживо.

Это и послужило причиной всеобщего ликования. Тревогу же вызывала опасность вооруженного нападения шарикту с целью отбить короля. Следовало принять дополнительные меры по охране: увеличить число стражей на стенах и послать разведчиков для слежки за передвижениями противника. А это было нелегко — маленькое племя не могло позволить себе надолго такую роскошь. И часовые, и лазутчики должны были по мере возможности совмещать свои обязанности с охотой. Недостаток дичи и так уже вызывал нарекания и ропот среди вонсу; поэтому Тибасу, вождь племени, обратился к воинам с речью, в которой призвал их к самообладанию и терпению. Им следовало также утихомиривать собственных жен, если те начнут вслух жаловаться. Время сейчас непростое, говорил вождь, но это и время нашего величайшего торжества. Ничто не дается даром, и такой наш успех требует от всех и каждого самопожертвования, тяжкого труда, непрерывных молений и неослабевающей бдительности.

Лишь соединив усилия, вонсу смогут, как случалось и в прошлом, отразить любое вооруженное вторжение, продолжал вдохновенно ораторствовать Тибасу. Вонсу — великий народ, люди, что и означает само слово «вонсу», и, естественно, их ждет победа над этими погаными шарикту — двуногой разновидностью крокодила. И так далее в том же духе.

Раздавались одобрительные возгласы. Народ, потрясая копьями, повторял самые пылкие и меткие выражения. Пиво лилось рекой. Вся деревня: воины, женщины, дети и даже часовые на стенах — попросту упилась. Если бы шарикту предприняли освободительный рейд в первую же ночь, они потревожили бы в худшем случае лишь кур и свиней. Рас слышал это собственными ушами от смеющихся женщин, обсуждавших события той ночи.

На следующее утро вождь, воссев на трон, сделал воинам строгое внушение и велел блюсти трезвость до тех пор, пока не минует опасность нападения. Сам же

при этом, ссылаясь на жажду и похмелье, прихлебывал пиво.

Расу не составило труда узнать, как попался Гилак. И женщины, и стражи обсуждали великое событие множество раз и в мельчайших подробностях. Оказалось, что раз в году, непременно на седьмой день, седьмой с начала года луны, шарикту совершают набег. Поэтому два подростка-вонсу устроились на дереве рядом с местом впадения реки в болото и увидели, как перед самыми сумерками в реку скользнуло каноэ с семью воинами-шарикту. Милей выше по реке шарикту разбили лагерь на ночь, юнцы же проскользнули мимо них в потемках часом позже.

Наутро, когда шарикту подкрадывались к деревне, их поджидала засада. Тяжелый брусok красного дерева ударил короля по голове. Вонсу посыпались с деревьев, полезли из всех кустов, чтобы захватить бесчувственное тело Гилака. Шарикту, уступающие вонсу числом (трое из них были ранены первым же залпом), предприняли тем не менее мужественную попытку отбить тело. Один из них при этом погиб, еще двое получили ранения. Лишь тогда они отступили и обратились в бегство. Вонсу преследовать не стали, хотя с легкостью, как сами же и утверждали, могли захватить всех до последнего. Они уже одержали замечательную, славную победу, не потеряв при этом ни одного воина даже раненым, зачем же испытывать судьбу?

Хотя шарикту и не сумели спасти Гилака, они прихватили с собой, отступая, «бибаду», как называлось это на языке вонсу. Рас, услышав немало описаний, в конце концов сообразил, что собой представляет королевское оружие. По-английски оно называлось мечом. Очевидно, меч был единственным — даже у шарикту, — и лишь король удостоивался права носить его. А по убеждению многих вонсу, меч этот и был настоящим королем шарикту. Воин, который завоевывал право ношения меча, был просто его хранителем, королем же величался из простой учтивости.

Стоящий в клетке Гилак был так же черен, как и вонсу. Но в отличие от своих низкорослых и коренастых тюремщиков — высок и строен. Длинные волосы пленника казались не курчавыми, а просто волнистыми — для

полной уверенности Расу следовало рассмотреть их поближе, — и были аккуратно уложены в узел на макушке. Рас рассматривал узкое и худое лицо Гилага, его гладкий высокий лоб, большие темные глаза, орлиный, как у матери Раса, нос, выступающие скулы, тонкие губы и выдающийся вперед подбородок. Такой одежды, как у пленника, за исключением короткой накидки из шкуры леопарда на плечах, Рас еще не видывал — белая мантия с длинными рукавами закрывала тело почти до колен. И, что уж совсем необычно, она была изукрашена по кромке орнаментом из красных и черных то ли букв, то ли знаков.

Сжав руками прутья, Гилак стоял в клетке и изучал своих тюремщиков. Те глумились над пленником, тыкали в него острыми колючими. Гилак стоял недвижно, точно изваяние, и лишь когда колючая угрожающе приблизилась к глазам, отвернулся.

Рас легко мог сообразить, как вонсу собираются поступить с пленником. Еще совсем ребенком, в компании Вилиды и остальных он наслушался восторженных рассказов о пытках, которым был подвергнут последний из захваченных в плен. Описывая муки пленного шарикту, дети закатывали глаза, цокали языками, нервно хихикали и содрогались в притворном ужасе. Казалось, лишь Вилида немного сочувствовала жертве. И это еще сильнее привязало Раса к ней. Он не мог себе объяснить, как сочувствие девушки к бедняге может так сильно влиять на его чувства. К тому же, не вмешайся этот шарикту в дела вонсу, не лезь он на их территорию, он и не пострадал бы. Что мешало ему заниматься в болоте собственными делами и не соваться куда не просят?

Возможно, по той же самой причине, объяснял себе Рас, по которой он и сам не упускает случая пошпионить за вонсу. Это проявление храбрости, это любопытно и нервы щекочет. Но если уж попался, пеняй только на себя!

На похищение короля Раса подвигло не сочувствие к нему — лишь любопытство и дерзость самого предприятия. Ко всему еще примешивалась обида на вонсу, грубо отвергших его, и желание насолить им за это. И Бог знает что еще! Это будет чертовски занятно, и Рас вздрагивал

от нетерпения в предвкушении предстоящего рискованного развлечения.

Юноша долго выбирал подходящий момент. В первую ночь он лишь забрался на священное дерево, чтобы тщательно разведать обстановку. Возле клетки постоянно горел костер, и один часовой неотлучно бодрствовал при нем. Смены происходили примерно каждые два часа, и всякий раз сменяющий довольно долго болтал возле костра с прежним караульным.

Рас изучил клетку: одна из ее стенок служила дверью и была заперта лишь на узел из сыромятного ремешка. Ничто, кроме бдительности стражей, не мешало Гиладу развязать ее самостоятельно.

Еще четверо часовых на платформах охраняли ворота — каждый свои. Предполагалось, что они должны следить за происходящим снаружи; часовые, однако, больше тарасились на пленника.

На следующий день деревня вернулась в основном к привычному ритму жизни. Лишь стражей стало больше обычного. Женщины спозаранку подались в поле, двое охотников с двумя подростками-подручными ушли в джунгли на охоту либо на разведку. Тибасу, восседая на троне, попивал пиво и разглядывал свой знатный трофей. Заклинатель духов, облаченный в высокую ритуальную шапку и с закрытым деревянной маской лицом, отплясывал вокруг клетки, вращая вокруг головы на бечеве деревянный ревун. Его глуховатый вой, накладываясь на журчание струн арфы старого Габаду, звучал весь день напролет.

В полдень небольшими группками удалились почти все остальные — вероятно, на разведку, предположил Рас. Вонсу, отправляясь на охоту, лиц обычно не раскрашивали, лишь когда дичь вызывала особое почтение и, следовательно, имела прозвище. Но в таких случаях они отправлялись на нее целым отрядом.

Из взрослых в деревне оставались лишь подвыпивший с утра Тибасу, шаман Вавафу, старик Габаду да три старухи с грудными младенцами. Остальные женщины с детьми постарше трудились на прополке. Один часовой стоял у западных ворот деревни, второй — на стене через перешеек.

И снова Раса посетила мысль, что, наблюдая сейчас за деревней из джунглей отряд шарикту, спасение короля было бы для них минутным делом. Но вонсу не выглядели озабоченными подобными опасениями — вероятность нападения представлялась им сейчас минимальной. Действительно, сбежавшим шарикту, чтобы вернуться к себе и собрать спасательную экспедицию, требовалось как минимум еще несколько дней.

Рас, проводив взглядом разведчиков, буквально задержался. В голову пришла идея, ошеломившая наглостью даже его самого. Почему бы прямо сейчас не войти через северные ворота и не забрать короля? Пока поспеет караульный от западных ворот, если он вообще осмелится подойти ближе, Рас уже справится с запорами. Он может вооружить короля копьем и ножом, и если часовой все-таки нападет, придется его прикончить. Жирный Тибасу и старый шаман не в счет. Рас с королем заберут на берегу один из челноков и переправятся через реку. Может быть, Гилаку не очень-то придется по душе направление на север — из-за всяческих суеверий, связанных с белой кожей Раса, — но выгода самого освобождения из плена наверняка будет ему очевидна. Если же нет, если он так туп, что упрется и не захочет выходить из клетки, так не стоит с ним и возиться, рисковать ради него.

С другой стороны, не безопаснее ли проделать все это ночью, под покровом темноты? Главную трудность ночью составит путь по ветке священного дерева и по крыше хижины шамана. Если из-за неизбежного шума поднимется тревога, вся деревня вскоре будет на ногах. В своей собственной резвости Рас был уверен, он-то ускользнет, а вот как насчет короля? Попытка может быть лишь одна, у второй слишком мало шансов на успех — охрана пленника значительно усилится. Кроме того, выйдя на свет костра возле клетки, никак не укрыться от глаз часовых на воротах.

— Я сделаю это прямо сейчас, — сказал себе Рас. Он не мог объяснить себе, почему решил, что более подходящего времени не найти — словно черт за язык дернул!

Спустившись с дерева и скрываясь за кустами, юноша подкрался к северным воротам. Они были прикрыты, но не заперты изнутри на засов и скрипнули, когда Рас

слегка налег плечом на створки. Приоткрыв их, Рас скользнул внутрь. Скрип ворот затерялся в гуле ревуна, завываниях шамана и звоне арфы и никого не всполошил. Рас притаился на мгновение за углом хижины Вавафу. Все было спокойно. Чафаджу, страж западных ворот, стоял к нему спиной, а Сазангу, охраняющий далекую восточную стену, как раз утолял жажду из большой тыквенной бутылки.

Сердце у Раса подпрыгивало и бухало, как вонсу, отплясывающий неуклюжую ритуальную пляску. От волнения он дрожал, но рука крепко сжимала копье, а грудь вздымалась ровно. Он вышел из-за хижины и под ярким полуденным солнцем направился к центру деревни. Рас шел спокойно, не спеша, словно всю жизнь провел внутри этих стен. И почти до самой цели добрался никем не замеченный.

Когда Рас был всего в нескольких шагах, Вавафу замер и прервал декламацию. Деревянный ревун на конце бечевы совершил по инерции несколько оборотов вокруг его головы и с унылым свистом, напоминающим последний вздох умирающего, замер. Детишки с воплями брызнули по деревне во всех направлениях. Тибасу, уронив в пыль деревянную чашу с пивом, с трудом приподнялся. Затем он взвыл и попытался забиться под трон. С северных ворот его вой подхватил Чафаджу. Гилак, сжав прутья, стоял, казалось, совсем спокойно; лишь широко распахнутые глаза да мелкая дрожь всего тела выдавали его истинные чувства.

Вавафу, выйдя из оцепенения, шлепнулся оземь и забился в конвульсиях с шакальным повизгиванием. Через него Рас просто перешагнул, но вот пройти спокойно мимо торчавшего из-под трона могучего зада не сумел, просто не удержался. Отвесив вождю изрядного пинка — тот с тихим воем пытался втянуть под трон и огузок, — Рас захохотал, подошел к клетке и одним резким движением ножа разрубил запоры.

— Выходи оттуда, Гилак! Медлить опасно! У нас совсем мало времени, — произнес он на языке вонсу.

Если Гилак и понял, то ничем этого не выказал. Зубы у него клацали; кожа под глубоко-коричневым пигментом посерела. Но когда Рас вытащил его из клетки за руку,

противиться не стал — вообще вел себя как человек, по душу которого собственной персоной явилась Костлявая.

— Я не призрак, я сын Бога, — сказал ему Рас. Гилак промычал что-то в ответ, но явно не успокоился. — Ты не понимаешь языка вонсу? Ну, не беда.

Рас решил не давать королю оружия — очухавшись, тот чего доброго нападет на своего спасителя.

Подталкивая Гилака перед собой, Рас спешил к западным воротам. Чафаджу, слабоумный сынок вождя, плотно зажмурил глаза и пуская слюни, стоял на платформе и бешено отмахивался копьем от невидимых нападений. Рас с Гилаком уже прошли под ним, а он все никак не мог уняться, все тыкал и тыкал копьем в воздух.

Погони не было. Рас греб, Гилак же сидел на носу. Рас решил, что можно подняться на несколько миль по реке, прежде чем бросить челнок. Когда еще вернутся разведывательные команды! А из оставшихся сейчас в деревне никто даже не потрудился проследить, в каком направлении они отчалили. Так что сразу прятаться в джунглях, а затем шагать лишнее было вроде незачем.

Когда, покинув челнок, они с Гилаком шли к заготовленному заранее укрытию, Рас не мог удержаться от смеха. Он был счастлив. Сейчас, когда опасность миновала, все происшедшее представляло исключительно в забавном виде. Внутренне он корчился от хохота. Рас то шел, то приплясывал. И всякий раз, когда приближался к королю, тот вздрагивал.

Так король шарикту и стал его пленником-гостем на долгие шесть месяцев. У Раса, неподалеку от скал, с которых начинались земли вонсу, хранилась бамбуковая клетка, изначально задуманная как ловушка на леопардов. Король безропотно влез в нее лишь по мановению руки Раса. Запоры, рассчитанные на леопарда, человека сообразительного не могли задержать дольше чем на минуту-другую. Поэтому Расу пришлось сконструировать самострел, приводимый в действие дверью клетки. Если, спасаясь от стрелы, Гилак пригнулся бы или лег на пол, то в такой позе ему было бы непросто приподнять тяжелую дверь. В то же самое время механизм двери опускал еще одну, внутреннюю дверь — из заостренных внизу кольев. Они вонзались как раз туда, где должен был лежать открывающий дверь пленник. Стоило приподнять

наружную завесу лишь наполовину, и немедленно вылетала стрела, а следом в пол вонзались колья внутренней решетки. Рас так гордился своим изобретением, что порою просто испытывал искушение подбить Гилага на побег и увидеть механизм в действии.

Он объяснил королю, что может случиться с ним при попытке к бегству. Казалось сперва, что тот не понял, но несколько мгновений спустя Гилак кивнул и произнес что-то на языке вонсу. Это был не совсем вонсу, во всяком случае не тот, на котором говорили в деревне и к какому привыкло ухо Раса. Разница вскоре получила объяснение: Гилак немного говорил на языке рабов племени шарикту. Рабы же вели свое происхождение от вонсу, захваченных в плен много поколений тому назад, и говорили потому иначе.

Рас, слегка обжарив на костре кусок обезьяньей тушки, протянул ее королю, но тот отказался наотрез. Расу было невдомек пока, то ли это мясо табу для шарикту, то ли король попросту боится отведать пищу духов. Рас пожал плечами и предоставил королю самому беспокоиться, когда и что есть и есть ли вообще.

Следующим же утром Рас приступил к изучению языка шарикту. Гилак сперва отказывался от содействия, но, когда Рас пообещал королю свободу при условии сотрудничества или смерть в противном случае, тот мгновенно поумнел и разомкнул уста. В полдень он не отверг уже и пищу. Рас же в награду позволил Гилаку выйти из клетки ненадолго — на расстояние вытянутого копья, — перспектива загадить клетку экскрементами пока откладывалась.

На следующий же вечер Рас вернулся к деревне вонсу — оценить последствия своей проказы. Он вскарабкался на любимый свой насест на ветке священного дерева и наострил уши. Все взрослое население деревни, кроме часовых, сгрудилось возле костра перед треном вождя.

Биджагу с копьем в руке держал речь.

— Этот дух вовсе не дух!

— Аххх! — выдохнула толпа. — Этот дух вовсе не дух!

— Этот дух вовсе не дух, — уточнил Биджагу — Он явился к нам из Страны духов.

— Он явился из Страны духов?

— Да, он явился из Страны духов. Но этот дух вовсе не дух!

— Этот дух вовсе не дух!

Биджагу, потрясая во тьму копьем, мерил пятачок шагами.

— Этот дух вовсе не дух. Он не призрак. Он сын матери-обезьяны и высокого божества.

— Он сын матери-обезьяны и высокого божества? — загудело собрание.

— Он сын матери-обезьяны и высокого божества! — повторил Биджагу. — Дух сказал мне это сам!

— Дух сказал тебе это сам?

— Дух, который вовсе не дух, сказал мне это сам. Я тогда был еще ребенком, а не воином. И Вилида, и Сатину, и Фьювита, и Патапи, и я — мы все играли с ним, когда были детьми. Мы играли с ним в кустах на берегу.

— Аххх! — дружно выдохнули все вместе.

— Сейчас Сатину умер и стал духом. Мы не можем спросить его без помощи Вавафу. Но если вы мне не верите, спросите Вилиду и остальных, которые еще живы.

— Спросить Вилиду и остальных, которые еще живы? — повторили воины.

— Они подтвердят, что я не лгу! Этого духа зовут Лазазу Тайгади!

— Этого духа зовут Лазазу Тайгади!

— Этот дух вовсе не дух!

— Этот дух вовсе не дух!

— Из него течет кровь!

— А-а-а! Из него течет кровь!

— Я сам это видел! У него красная кровь!

— У него красная кровь? А-а-а!

— У настоящих духов кровь белая! Белая!

— У настоящих духов кровь белая!

— А из этого течет красная!

— А из этого течет красная!

— Этот дух вовсе не дух! Этот дух сын матери-обезьяны и высокого божества!

Прежде чем воины снова взвыли, вмешался Тибасу, вождь племени:

— А разве сын божества это не дух?

— Этот дух может умереть! — громко парировал Биджагу. — Значит, он вовсе не дух!

— Этот дух может умереть?

— Гм, гм! — откашлялся Тибасу. — Но этот дух живет в Стране духов. Может ли простой смертный осмелиться на это?

— Шабагу, — воскликнул юноша, — наш великий предок Шабагу поведет нас туда за собой!

— Наш великий предок Шабагу поведет нас туда за собой!

— Шабагу был сыном высокого божества! — добавил Биджагу. — А его матерью была Задафа, простая женщина вонсу.

— Шабагу был сыном высокого божества. А его матерью была Задафа, простая женщина вонсу!

— Шабагу умер! — выкрикнул Биджагу.

— Аххх! Шабагу умер! Он и вправду умер!

— Лазазу Тайгади — сын высокого божества! Шабагу тоже был сыном высокого божества! Шабагу умер! Лазазу Тайгади может умереть!

— А-а-а! Он может умереть! Он может умереть!

Воины, размахивая копьями, повторяли вновь и вновь:

— Он может умереть!

Поднялся старик Вавафу и принялся отплясывать, потрясая жезлом, на кончике которого гремели наполненные горохом пустые тыковки.

— Он может умереть! — поддвигал шаман. — Мальчик-дух может умереть!

Включились в пляску и остальные; скоро все вместе скандировали:

— Он может умереть! Он может умереть!

Тибасу грузно поднялся с трона и вонзил в насыпь скипетр. Воины смолкли и прекратили танец.

— Кто же в таком случае убьет духа?

— Этот дух вовсе не дух, — отозвался Биджагу. — Я готов убить сына матери-обезьяны и высокого божества! Я, Биджагу, убью его копьем моего отца!

Мгновение спустя в землю у ног Биджагу вонзилось копьё, пущенное рукою Раса; его древко упруго вибрировало. Воины оцепенели; их глазки воровато забегали — они поглядывали друг на друга. Тут Рас выпрямился во

весь рост и испустил долгое пронзительное улюлюканье, которому его некогда научил Юсуфу. Воины подняли глаза и в отблесках костра увидели на ветке священного дерева светлую фигуру духа.

Поднялась мгновенная паника; через несколько мгновений всех с площадки как корова языком слизнула; народ рассыпался по хижинам и позапирался. На площадке в одиночестве остался Вавафу; старик лежал подергиваясь, с распахнутыми широко глазами, и обильно пускал слюни.

Рас испустил еще один клич и ретировался.

В следующий свой визит Рас обнаружил, что Биджагу, присвоивший Расово копье, сулится убить Лазазу Тайгади именно им. Это Расу не понравилось.

Поздно ночью он проник в деревню и выкрал свое копье. Возвращаясь по кругу к священному дереву, остановился в раздумье: не заглянуть ли по пути к Вилиде?

Чем дальше Рас думал о девушке, тем сильнее возбуждался. Наконец подкрался к ее хижине, стоявшей неподалеку от западных ворот, отогнул край циновки, которой был прикрыт дверной проем, и бочком скользнул внутрь. Постоял, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к темноте. Хижина состояла из двух помещений, разделенных бамбуковой перегородкой. Родители Вилиды спали в дальней комнате, а Вилида с братом семи лет — на циновках у стены прихожей.

Рас осторожно улегся рядом с девушкой и тихим шепотом окликнул ее. Услышав сонное мычание, прижал к ее губам ладонь. Тут она наконец проснулась и попыталась подняться. Рас мягко придавил ее к циновке и шикнул на ухо. Вилида дергаться перестала, но все еще вздрагивала. Второй ладонью, лежавшей на груди девушки, Рас ощутил, как тревожно бьется ее сердечко.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, любимая, — шепнул Рас. — Если ты не станешь кричать, я уберу ладонь.

Девушка кивнула, и Рас освободил ее уста.

— Ой, Рас, зачем ты здесь? — нежно шепнула она.

— Я хочу тебя, Вилида! Я так долго тосковал по тебе! А ты хоть немного тосковала?

Вилида поцеловала его и, прежде чем юноша успел вернуть поцелуй, поднялась:

— Подожди немного!

Она прошла через комнату и завозилась с горшками. Звон посуды действовал Расу на нервы.

— Я приняла средство от беременности, — сообщила она, вернувшись к ложу.

— Почему — ты не хочешь от меня ребенка?!

— Все поймут, что это твой ребенок, и бросят его на корм крокодилам. А меня сожгут заживо.

Спустя час братец Вилиды сел и громко заплакал. И неудивительно, подумал Рас, удивительно, что так долго не просыпался.

Мать окликнула Вилиду, и девушка ответила ей, что брату приснился дурной сон и сейчас она его убаюкает. Рас попытался укрыться за телом Вилиды, но та тотчас же поднялась, и юноше осталось полагаться лишь на темноту и рассеянность Тизаби, матери Вилиды.

Вилида быстро укачала малыша и, вернувшись к Расу, попросила его поскорее уйти, пока не случилось еще что-нибудь непредвиденное. Ей было страшно и за себя, и за Расу, и она пообещала при первом же удобном случае прийти на свидание, но только лишь за частоколом.

А затем добавила:

— Я слыхала разговор двух женщин. Им кажется, что Селиза встречается с тобой в джунглях. Это правда?

Искушенный во лжи с самого детства, когда пользовался увертками, чтобы избежать очередной порки, Рас нашелся мгновенно:

— Ох, да разве я прикоснулся бы к ней, если бы не эта штука, которая от тоски по тебе стала длиннее копья! А страдаю я только по тебе, моя Вилида!

Рас убрался из деревни лишь за час до рассвета, как только из хижины Биджагу раздался вопль. Со всех сторон туда сбегался народ. По словам Биджагу, он проснулся и сразу обнаружил исчезновение копья. Кто посмел забрать его?

Биджагу не успел повторить свой вопрос дважды, как получил ответ — ясный и недвусмысленный. Копье вылетело из темноты и вонзилось в землю в самом центре деревни, рядом с тронном вождя. А следом донесся клич, от которого в жилах застыла кровь. И уже через несколько

мгновений все, не исключая и Биджагу, снова попрятались по хижинам.

Рас спокойно спустился со священного дерева и отправился к своему подопечному шарикту. Гилак тем временем начал уже свыкаться со своим положением и явного страха перед Расом не выказывал. Они занялись языком; Рас схватывал все на лету, и уже недели через три они могли вести непринужденный разговор на простую тему. Гилак, смекнув, что его знания можно продать и подороже, стал жаловаться на тесноту и неудобства. Рас выстроил клетку побольше.

Спустя месяц Гилак снова начал охать. Рас расширил бамбуковое сооружение до размеров настоящего дома: двадцать на двадцать футов, и в высоту десять, тростниковая крыша и циновки, из которых можно было ставить перегородки.

Гилак пожаловался, что не любит недожаренное мясо. Рас стал тщательнее готовить еду для него.

Гилак стал сетовать, что ему недостает женщины. Дома он имел трех жен и ублаговлял их каждую ночь, кроме, разумеется, нечистого женского времени. А еще...

— Еще что? — не выдержал Рас.

— А еще меня сочтут неудачником, а неудачливый король означает слабое королевство. И я отправлюсь на корм нашему богу, крокодилу Бастмаасе.

— Вряд ли я смогу помочь тебе с женщинами, — ответил Рас. — Придется тебе поработать ручками.

— Это не по-королевски! — воскликнул Гилак. — Так делают лишь мальчишки.

— В самом деле? — удивился Рас. — Может, это и правда так у шарикту? Но лично я никогда не видел смысла в воздержании, хотя родители и принуждали меня к нему. Знаешь, ты мне в чем-то их напоминаешь. Расскажи еще о ваших любопытных обычаях.

Однажды, когда Рас обратился к Гилаку с королевскими почестями, тот объявил:

— Увы, я больше не король. С момента когда я обронил Тукаат, мой божественный меч, я утратил королевские полномочия. Но я смогу стать королем снова, когда нынешний король, обладатель меча, на седьмое новолуние года явится в Великое болото, чтобы в течение семи дней сразиться один на один с любым претендентом.

Гилак пояснил, что любой, в жилах которого течет королевская кровь, убив в эти дни короля, наследует престол. Гилаку удавалось убивать кандидатов в короли в течение целых семи лет — и все же меч покинул его.

— А что ты станешь делать, если я тебя освобожу? — спросил Рас.

— До начала седьмого новолуния придется скрываться в болоте. Затем убью короля, кто бы он ни был, и вернусь в свою деревню. Если же вернусь раньше, король вправе убить меня. И будет глупцом, если так не поступит. В нашем роду нет воина лучше меня.

— А у многих ли, как ты выразился, течет в жилах королевская кровь?

— Все шарикту до единого королевской крови.

— Вот, скажем, я. Я сын Бога, — заинтересовался Рас. — Шарикту примут меня королем, если я убью меченосца?

Гилак, ошарашенный вопросом, надолго задумался. В конце концов изрек:

— Это неслыханно, чтобы нешарикту стал королем шарикту!

— Почему бы и нет, не понимаю? — сказал Рас.

— Такого еще никогда не случалось.

— Но отсюда же не следует, что и не может случиться!

— Мой ум не в силах представить себе такое, — пробормотал Гилак.

— Вообрази, что я, убив короля, вхожу в вашу деревню с мечом в руках. Что будет?

— Не знаю. Может, убьют тебя, может быть, разбегутся, а может, просто не обратят на тебя внимания.

— Не так-то это легко — не обратить на меня внимания, — усмехнулся Рас.

Через пару недель Гилак снова стал жаловаться на тесноту.

— Но у тебя две комнаты, — удивился Рас. — У тебя больше места, чем у любого вонсу, кроме разве их вождя. Но тот живет в доме, служащем одновременно и молельней для всех.

— В моем собственном доме много комнат, — печально отозвался король. — Столько, сколько пальцев у меня на руках и ногах. Дом каменный, в три этажа. Широкая

деревянная веранда вокруг всего дома по второму этажу. И большой двор в центре.

— Ну, тогда ты был королем и жил в королевском доме, — заметил Рас. — Теперь-то ты уже не король.

— Да, но осталась привычка жить по-королевски.

По причине, самому себе непонятной, Рас все-таки выстроил Гилаку еще одну комнату. Король повеселел немного, но по-настоящему довольным назвать его было нельзя. А Раса, помимо иных соображений, увлек сам процесс строительства, да еще интересовало, как далеко осмелится зайти Гилак в своих требованиях. Поразмыслив, юноша пристроил еще пару комнат.

Гилак назвал результат трудов Раса «домом что надо», хотя и посетовал на отсутствие веранды, с которой можно было бы дышать свежим воздухом.

Рас соорудил ему и веранду. Король следил за ходом работ и давал советы. Когда Рас закончил веранду, пришлось расширять и клетку. Чтобы Гилак не сбежал во время прогулок по веранде, Рас сплел ее из прочных прутьев и покрыл сверху тростником; теперь король мог дышать воздухом, не опасаясь промокнуть под дождем.

Немало времени отнимала охота и приготовление Гилаку еды. Раз в несколько дней Рас навещал родителей. Кроме того, спускался до деревни вонсу, чтобы быть в курсе событий и встречаться с Вилидой. Когда позволяли обстоятельства или не удавалось заполучить на свидание Вилиду, встречался с Селизой или с Фьювитой. Однажды столкнулся с младшей женой вождя Тилазой, когда та возвращалась от берега с горшком воды. Тилаза была на грани обморока, пока Рас, приставив ей к горлу нож, объяснял ей, чего от нее хочет. То ли говорил он ласково, то ли она оказалась чересчур напуганной — во всяком случае, возражений Рас не встретил. Позднее она, смеив страх на пыл, сама искала с ним встреч. Время от времени случались и другие любовницы.

Рас делился с Гилаком своими похождениями. Король, выслушивая подробности, впадал, казалось, в полный восторг — до того ему нравилась мысль, что кто-то за него насолил мужчинам вонсу. Затем снова погружался в уныние.

— Полагаю, ты по-прежнему желал бы получить женщину вонсу? — участливо поинтересовался однажды Рас.

— Конечно! Если уж ты не можешь привести мне соплеменницу, так приведи хотя бы вонсу! — загорелся Гилак. — Черт, когда я был королем, я каждую ночь имел всех трех своих жен, а уж сколько раз за день ложился с рабынями или незамужними — просто не упомню!

— Если я приведу тебе женщину, ей придется здесь остаться. Я ведь не смогу ее отпустить. Она приведет за собой воинов, и ты снова попадешь в плен к вонсу.

— Ну так и не отпускай! — ответил Гилак бодро; таким оживленным Рас давно его не видел.

— Она может стать здесь несчастлива, а это несправедливо, — заметил Рас. — Видишь ли, так уж получилось, что у меня нет ненависти к вонсу. Более того, я люблю их женщин, почти всех до единой. Почему же, чтобы доставить тебе удовольствие, я должен причинить одной из них горе?

Король не ответил. Тогда Рас снова заговорил:

— Две вещи изумляют меня. Первая — почему это я так стараюсь доставить тебе удовольствие, тружусь для этого как каторжный? А вторая — почему ты ни разу не пытался сбежать? На твоём месте я давно уже был бы свободен. Думаю, что и ты бы справился.

— А куда еще мне сейчас податься? — угрюмо ответил Гилак. — До седьмой луны должно пройти целых полгода. Что же, прикажешь мне жить до тех пор в Великом болоте? Не очень-то хотелось.

Округлив глаза и присвистнув, Рас сказал:

— Стало быть, ты еще побудешь здесь немного в неге и покое. Извини уж, что уход за тобой не вполне достоин столь царственной особы, как ты.

— Но и ты не внакладе! — сказал Гилак. — Ты учишь мой язык, узнаешь наши обычаи. Кроме того, получаешь удовольствие от моей компании.

— Я мог бы иметь все это и с меньшим трудом, — возразил Рас.

— Вряд ли. Если со мной по-плохому, от меня и слова не дождешься.

— Небольшой костер под твоей тощей задницей разговаривал бы тебя, точно мартышку.

— Не думаю. Шарикту и под пытками не сдаются. Они смеются, поют и оскорбляют врагов, пока не прогорит плоть и не займутся кости. Тебе меня не принудить.

Наконец Гилак признал дом достойным по размерам даже короля шарикту. Но сразу начал сетовать на пустоту внутри, на полное отсутствие мебели. Мысленно простонав, Рас поинтересовался, какой мебели хотелось бы Гилаку. Тот детально описал множество предметов привычной для себя обстановки.

— Господи! Но чтобы изготовить столько мебели, тебе придется трудиться больше месяца! — поразился Рас.

— Мне?! Я не умею делать мебель. Король ничего не делает собственными руками. Это занятие для ремесленников. Король же властвует над людьми, лепит их по своему подобию — это его работа.

— Мне ты не король. Но так уж и быть — я сделаю тебе мебель. Пойми лишь, что я займусь этим не из любви к тебе или почтения; мне просто нравится делать разные вещи, особенно из дерева. Мне нравится брать кусок сырой древесины, бесформенный брусочек и открывать, что кроется у него внутри.

— А мне нравится брать сырых, несложившихся людей и открывать, что кроется, если, конечно, кроется, внутри у них.

— Мне тоже, пожалуй, но только не таким, как у тебя, способом, — сказал Рас. — Я действую словами, а не ножом, как в случае с деревом. При помощи слов я могу открыть людей себе и себя людям. Ты же, если я понял правильно, оболваниваешь их, чтобы служили только лишь твоим целям. А у меня нет иной цели, кроме моей любознательности и восхищения всем новым.

— Я изменяю людей для их же собственного блага и на благо всего королевства в целом, — возразил Гилак.

— Мне кажется, что для королевства куда полезнее было бы позволить людям самим добираться до собственной сути, до своих подлинных наклонностей. Вот тебе пример: эта деревяшка скрывает свою истинную форму, но я беру в руки нож, и скрытое выходит на свет Божий. Но это форма, открытая мной. Если за ту же деревяшку

возьмется вонсу, он откроет совсем другое. Шарикту — третье. Ты же стремишься подстричь всех под одну гребенку — если я верно уловил смысл твоих королевских обязанностей. Это неправильно. Творцом собственной судьбы каждый должен быть сам.

— Тогда королевство перестанет быть королевством и станет похожим на стаю бабуинов.

— С бабуинами ты выбрал как раз не самый удачный пример, — улыбнулся Рас. — Любая их стая напоминает описанное тобой королевство.

— Ты совершенный невежда в государственных делах! — отрезал Гилак.

— Не спорю, — сказал Рас и уселся мастерить королю мебель.

Когда же позвал наконец короля — полюбоваться первой обставленной комнатой, — не прочитал на его лице признаков одобрения.

— Эта обстановка не совсем такая, к какой я привык у себя дома. Впечатление, что ее замыслил шарикту, а осуществил замысел некто с причудами. Мебель в моем королевском дворце квадратная и тяжелая; она внушает ощущение прочности и безопасности. У тебя же все получилось воздушным и затейливым, от этих узоров у меня в глазах рябит. Вроде и стулья похожи на стулья, и лежанка на лежанку, и вазы на вазы — но это сходство улавливаешь не вдруг.

— А мне нравится. — Рас чувствовал себя задемым. — Пусть мебель немного и странная, но это вдохновляющая странность. Я делал ее с радостью, как всегда, когда удастся что-то очень красивое. А та мебель, что описывал ты, кажется мне просто чудовищной.

— Ну а скульптура? — сказал Гилак. — Неужели ты видишь меня таким?

— Только не теми глазами, которыми я вижу солнце и землю. Внутренним взглядом. Он видит тебя именно таким. Но если тебе не нравится, я могу все унести — мастера мебели по собственному вкусу!

— Лучше уж это, чем ничего, — сдался Гилак. — Надеюсь, подо мной ничего не развалится. Полагаю, теперь ты собираешься изготовить мне кровать?

— Да, я как раз собирался за нее взяться, — подтвердил Рас. — А ты не станешь критиковать снова?

— Постараюсь, — пообещал Гилак. — Но что мне в кровати, если в ней не лежит женщина!

Рас поднял руки вверх, как бы сдаваясь, и покинул чудовищно разбухшую клетку. Ему уже начинало казаться, что, если целиком пойти на поводу у короля и потакать всем его прихотям, дом скоро заполнит собою долину — от скал до скал, от северных водопадов до устья реки в южных горах. Придется вырубить джунгли на мебель до последнего дерева, да и тогда он вряд ли дожидется одобрения Гилака.

Рас решил, что скоро отпустит короля на волю. Седьмая с начала года луна должна была взойти недели через три. Тогда Рас и завершит строительство своего дворца. Получалось великолепное местечко для отлучек из родительского дома. Придется выкопать еще несколько подземных выходов, чтобы дворец не стал однажды ловушкой, но в остальном дом был просто чудом из чудес. Рас представил себе изумление родителей, когда он покажет им однажды творение собственных рук. Он, как наяву, слышал их восхищенные восклицания, восторженные отзывы. Ему не терпелось перед ними похвастаться. И в то же время хотелось сохранить дом в тайне, оставить лишь для себя. Одно противоречило другому. Поразмыслив, Рас решил, что вряд ли родители пойдут так далеко, чтобы оценить его жилище. Если верить их словам, они никогда еще не спускались с плато.

Сомнения Раса были решены в один прекрасный день за него. Рас не успел освободить Гилака — когда он явился, чтобы сделать это, птичка уже упорхнула. Более того, и дом, и вся мебель обратились в пепел.

Чертовски раздосадованный, Рас сперва хотел отомстить королю, затем поостыл и одумался. Подвернись даже удобный случай, вряд ли Рас бы им воспользовался. Невосприимчивому к красоте Гилаку это не помогло бы, а долгов особых за ним не числилось. Да и за что он мог быть у Раса в долгу? За то, что Рас использовал его как вздумается? Знакомство с королем дало куда больше самому Расу, чем Гилаку. Да и дом он строил не по принуждению; строил, потому что нравилось строить. И пока хотелось строить. Точно так же и Гилак — оставался в плену, пока желал этого.

Очередь хода

Шум на мгновение стих, затем снова раздался крики. Опять тишина. Рубящий удар — и короткий пронзительный вопль. И снова тишина. И снова звуки сечи.

Рас соскочил с дерева, скользнул с крутого илистого откоса. Ноги мгновенно увязли в почве, казавшейся на вид вполне твердой. Вырывая их из цепкой хватки ила, Рас с трудом побрел вперед, надеясь, что чавкающие звуки, издаваемые болотом, не привлекут внимания сражавшихся. А у тех хватало пока и своих забот. На полпути к островку и Рас оставил посторонние заботы — полужидкая грязь добралась до пояса, а под ногами ничего твердого и не намечалось. Юноша начал тонуть.

В первый миг Рас был охвачен паникой. Затем, вспомнив наставления старого Юсуфу, подавил желание трепыхаться и вырываться из смертельных объятий силой, опрокинулся, широко раскинув ладони, на спину. Брошенное Расом копье затонуло мгновенно. Зато ноги начали освобождаться. Рас стал загребать ладонями, стараясь освободить ноги до конца, чтобы затем их выпрямить на поверхности. Его тело продолжало тонуть, но теперь, слава Богу, куда медленнее.

Следующим движением Раса стала попытка избавиться от лука с колчаном, особенно от колчана, который, наполнившись жижей, камнем тянул на дно. Голова юноши почти скрылась под поверхностью, пока он скидывал со спины амуницию. Колчан канул в бездну за мгновение, лук отстал от него ненадолго. Потеряв устойчивость, Рас сильнее ощутил жадную хватку топи и стал погружаться быстрее. Отчаянно извернувшись, он снова оказался на спине и сумел раскинуть руки и ноги. Вмятина в трясине, из которой он едва вырвался, быстро затянулась.

Липкая пленка болотной жижи покрывала тело юноши полностью. На зубах скрипел песок, легкие задыхались от смрада сродни запаху смерти. Это покойники со дна топи посылали Расу свой гнилостный привет.

А над головой вовсю сияло солнце. От бесконечно далеких теперь деревьев доносились птичьи трели и неумолчная болтовня обезьян, занятых обычными повседневными

делами: поиском пропитания, испражнением, любовью, присмотром за детворой и извечной перебранкой. Большой черный ворон летал над Расом кругами и злобно каркал. С мрачным удовлетворением Рас уголком сознания отметил, что на обед этому трупоеду уж точно никак не попадет.

Но не погибать же в самом деле!

Сумка из шкуры антилопы, плотно привязанная к поясу Раса, несмотря на содержимое, служила неплохим поплавком. Нож на поясе, правда, тянул Раса вниз, но от него юноша мог избавиться и позже, когда вовсе никакого выбора не останется.

Он снова перекатился, выдернув притонувшее тело и стараясь держать при этом к берегу. Распластался, перевел дыхание, снова перекатился, и еще раз, и еще — пока не добрался до мест, на вид более надежных, где малость передохнул. Сумка слегка затрудняла движения, но с этим следовало мириться.

Вот когда Рас и услышал адресованный ему оклик. Приподняв голову, увидел справа в отдалении Гилага, шагающего по поваленному стволу — своего рода мостику между болотными кочками. В правой руке тот держал окровавленный по самую рукоять меч, в левой болталась отрубленная голова.

Рас удвоил усилия и, когда был уже в состоянии подняться на ноги, обнаружил Гилага стоящим на берегу, прямо над собой.

— Рас Тигр! — улыбаясь, воскликнул король.

— Гилак, король шарикту! — улыбнулся в ответ Рас.

— Нет, еще не совсем пока король — пока не убью претендентов, всех до последнего, — сказал Гилак. — Из четверых, стремившихся получить мою голову и волшебный меч в придачу, мертвы лишь трое. Две головы я спрятал в дупле. Ты видишь третью. Остался последний. Что-то он припозднился.

Рас оказался в невыгодном положении. Почти по колено в трясине, он не мог ни отпрыгнуть, ни как следует уклониться от удара. Оставалось выхватить и метнуть нож, но Гилак вполне мог успеть залечь при первом же движении руки к липкой и скользкой рукоятке. И тогда безоружного Раса на косогоре будет точно ожидать встреча с мечом. Можно было еще сделать вид, что собираешься

метнуть нож, а затем, пока король не раскусил розыгрыш, поспешить на берег. Но и на это недоставало времени — слишком вязким был путь на сушу.

— Что ты собираешься делать? — спросил Рас.

Гилак задумался. Голова, свисавшая за длинные волосы из его руки, очень походила чертами на самого короля: такой же узкий череп, такое же вытянутое лицо, пушистые брови, огромные, точно цветочные лепестки, ресницы, тонкий орлиный нос, выступающая верхняя губа и долгий раздвоенный подбородок. С закрытыми глазами и — на удивление — захлопнутым ртом, лицо это своим удрученным выражением напоминало мыслителя, ввергнутого в раздумья о неизбежности смерти. Капли крови из рассеченной шеи все еще падали на траву.

Наконец Гилак очнулся от раздумий:

— Что же мне делать с тобой?

Что бы там король себе ни решал, ему следовало поспешить — топь продолжала затягивать Раса. И хотя скорость, с которой он погружался, уступала давешней, дальше от берега, через несколько минут Рас мог скрыться с головой.

Гилак не мог этого не видеть, но процедил неторопливо:

— Эта топь поглотила множество животных и немало людей. На дне ее живет ужасный и могучий бог со своими двумя женами. Он редко позволяет жертве ускользнуть. Ты, похоже, выбрался — по крайней мере жив до сих пор. Или же ты любимец богов, или из породы счастливых. А может, и то и другое разом. Ты, помнится, говорил, что твой отец — божок... как его там?

— Игзайбер, — ответил Рас. — И не божок, а Бог!

— Конечно, Бог ведь един, — сказал Гилак. — Но он принимает столько обличий и во всех существует одновременно. Ты способен это понять? Этот меч, например, — бог. И я тоже бог, хоть и смертен. Однако я здесь не затем, чтобы вести с тобой религиозные диспуты.

— Зачем же ты здесь в таком случае? — спросил Рас.

— Если тебя зарубить и прихватить твою голову, мой народ будет поражен моим могуществом. Меня признают воистину величайшим из королей. Менестрели сложат обо мне песни, а народ будет распевать их до самого конца света, когда небо расколется на куски голубого льда и Великий крокодил уведет благочестивых за лед и

пламя, в край изобилия и вечных войн, где можно весь день биться всласть и даже пасть мертвым, а к вечеру восстать из павших и насладиться райской пищей и любовью искуснейших женщин.

— Любопытная мысль, — отметил Рас.

— Ни один король со времен Табуката Великого не убивал демона, — провозгласил Гилак.

— Но вонсу называли меня духом, — сказал Рас.

— Ты смертен, стало быть, демон, а не дух! — уверенно заявил король.

— А какая между ними разница? — спросил Рас. — И откуда тебе знать, что я смертен? Ты видел меня мертвым? Разве не выжил я после укуса зеленой болотной гадюки, разве не задушил леопарда голыми руками, разве не уцелел после удара молнией? С чего ты взял, что я смертен?

Рас болтал, чтобы выгадать время, хотя и знал, что ни затянуть беседу надолго, ни уклониться от нее не удастся. Он лихорадочно оценивал шансы попасть в Гилака ножом — единственное, что оставалось. Но, хотя он и был сейчас почти что на ногах, провоцировать Гилака на ответные действия не хотелось. Лучше потянуть минуту-другую.

Гилак улыбнулся:

— Я видел, как ты порезался, когда строил мне дом. Духи не кровоточат, лишь демоны, и кровь у них зеленая и кипящая.

— Но у меня кровь красная и не кипит.

— Это наваждение, чтобы одурачить меня. Тебе просто не хватило волшебства, чтобы скрыть от меня и сам порез.

Рас пожал плечами. Все, кого он только знал, всегда придумывали оправдания собственным поступкам.

— А вот что тебя занесло сюда? — продолжал Гилак. — Может, скрываешься от вонсу, которых допек своими похождениями? Или же на болото привела тебя нелепая идея стать королем шарикту?

— Все вонсу, кроме одного, погибли, — ответил Рас и описал случившееся.

Это потрясло Гилака.

— Все погибли? — недоверчиво пробормотал он. — Невероятно. И очень печально. С кем мы станем теперь воевать? У нас не осталось больше врагов — кроме одного тебя.

— Я не враг вам, — бросил Рас. — Разве что станешь на этом настаивать. Но лучше бы тебе не забывать о Птице Бога. Думая, что вонсу хотят меня убить, она истребила их всех до единого. Игзайбер, мой отец, присматривает за мной. Заметь Он, что какой-то шарикту собрался убить меня или даже просто замыслил подобное, или хочет взять меня в плен...

Гилак видел Птицу за последние двадцать лет множество раз, но никогда близко. Он не называл ее Птицей Бога. Для шарикту это был сам бог — воздушный бог Фаалтанх.

Рас заметил, что ворон, летавший над головой, пока он барахтался в трясине, вернулся и уселся на ветке над Гилаком. Видимо, его надежды отведать Расовой плоти ожили вновь, а может быть, он вожделем голову, болтавшуюся в руке короля. Как бы там ни случилось, чем бы ни закончился разговор, кто бы ни победил, ворон никогда не останется внакладе. Жизнь у пожирателей падали вообще в джунглях легка, их беспокоят разве что другие трупеды — покрупнее.

— Что-то не верится, — протянул Гилак, — что боги могут печься о тебе сильнее, чем о любым из шарикту, а в особенности о короле. Кроме того, у меня в руках божественный меч — уж он-то защитит от любой напасти.

— Не защитил же он твоего предшественника! И не помог тебе избежать плена у вонсу, — парировал Рас. — А вдруг он изменит тебе и сейчас, вдруг он решил сменить хозяина?

Гилак, ошарашенный таким предположением, призадумался глубоко и надолго. Рас незаметно вытащил ноги и чуточку передвинулся. Сейчас трясина была лишь по шиколотку, но быстро наверстывала упущенное.

Гилак объявил непререкаемым тоном, как нечто раз и навсегда установленное:

— Ты не шарикту. Божественный меч никогда не дастся тебе в руки.

— Позволь мне выйти на берег, и мы это обсудим, — предложил Рас.

— Нет. Это было бы смешно и нелепо. Полагаю, мы сделаем вот что...

Над головой Гилага оглушительно каркнул, взлетая с ветки, ворон. Гилак вздрогнул и запнулся.

— Обернись, быстро! — воскликнул Рас. Он еще не увидел там никого — просто знал: ворон не из тех птиц, что тревожатся понапрасну.

Гилак нырнул в сторону. Где-то за ним раздался воинственный клич шарикту, и король скрылся за косогором. Рас не стал терять даром время; выбравшись из трясины, поднялся по склону и осторожно выглянул за край. Гилак бился с воином, вооруженным гигантской дубиной. Густо покрытый металлическими шипами, ее набалдашник был выточен, казалось, из древесины самой твердой породы — меч, ударяясь о него, оставлял лишь едва заметные зазубрины. Обладатель чудовищной палицы был ростом с Гилага, но моложе и как будто покрепче. Чертами он напоминал и короля, и срубленную голову. Та, брошенная в спешке Гилагом, валялась теперь на краю откоса. Веки от удара приоткрылись, и она бессмысленно пялилась в небо.

Рас подумал, что, будь он на месте Гилага, он бы и голову использовал как оружие — метнул бы во врага, прежде чем броситься в атаку. Или, дождавшись, когда тот приблизится, швырнул бы голову тому точно в лицо.

Рас, очистив от тины руки и нож, а затем и ноги, принялся терпеливо ждать исхода. Поединок принял тем временем характер некоего ритуала — так, во всяком случае, казалось Расу. Претендент на престол взмахивал дубиной, Гилак отражал удар мечом. Затем претендент, вместо того чтобы нанести прямой колющий удар в незащищенную грудь противника, отступал и вежливо ожидал. Теперь наступала очередь короля — он поднимал меч, противник подставлял дубину, и все повторялось.

Оба бойца глухо вскрикивали при каждом ударе. Темная их кожа лоснилась, некогда белые одежды потемнели от пота. Через какое-то время Расу стало очевидно, что король уступает — его измотали предыдущие схватки, отняли слишком много сил; и неудивительно — при таком-то методе поединка.

— Да заколи ты его! — не выдержал Рас. Гилак не обратил на совет никакого внимания. — Вспомни, что у меча есть острие! — добавил Рас.

Но прислушиваться к советам было уже поздно — противник прижал Гилага к дереву. Еще два-три удара дубиной, и его слабеющие руки выпустят меч. Тогда, мелькнула у Раса мысль, Гилак выпрямится, точно дерево за его спиной, чтобы достойно принять последний, смертельный удар. Это казалось Расу отвратительным. Смертельный поединок — не время для соблюдения ритуала или иных условностей. Тут следует пользоваться любой возможностью выжить и победить и пускать в ход любые уловки.

Наконец меч вывернулся из кисти Гилага, и король замер как замороженный. Он стоял, не уклоняясь и глядя прямо перед собой в ожидании смерти. Если его благородная поза и могла вызвать восхищение, так только не у Раса. Юноша не мог позволить экзекуции свершиться.

Рас схватил тяжелую ветку и стал подкрадываться со спины к победителю. Юноша передвигался бесшумно, противника встревожил не шум — переменившееся лицо короля. Извернувшись, претендент взмахнул дубиной и бросился в атаку. Уронив бесполезную ветку, Рас перебросил нож из левой ладони в правую и мгновенно метнул. Сдавленно вскрикнув, шарикту рухнул на бок. Перевернув его на спину, Рас выдернул из-под ложечки лезвие.

— Я мог бы убедить его и словами, будь у меня чуть больше времени, — виновато сказал Рас.

Гилак не отозвался. Рас объяснил себе его молчание шоком, в который поверг короля неожиданный исход поединка. Видимо, возвращение из тех мест, где Гилак уже стоял одной ногой, требовало времени. А может, король просто не представлял пока, как быть и как действовать дальше. Он даже не попытался подобрать меч, а когда это сделал Рас, лишь пробормотал что-то невнятное.

— Еще будут претенденты? — поинтересовался Рас.

Гилак кивнул. Такое движение головой означало у шарикту отрицание.

— Я спрашивал тебя недавно, что ты собираешься делать?

Король соскользнул спиной по стволу дерева на корточки:

— А разве ты не собираешься меня убить?

— Отнюдь нет, разве что вынудишь!

— Я не могу вернуться назад королем. Я вообще не могу вернуться назад. Я утратил меч снова и я...

— Но теперь-то он опять у тебя, — сказал Рас. Он повертел меч, взвесил его, восхищаясь длиной, упругостью и остротой, всмотрелся в загадочные письмена на эфесе, затем вонзил меч в землю перед Гилагом. — Вот ты и король!

— Это не по закону, — отозвался Гилак.

— По закону, не по закону! Что ты каркаешь, точно ворона! — рассердился Рас. Он присел на корточки лицом к лицу с Гилагом. Глаза короля блеснули от слез. — Да не горюй ты так! Посмотри на дело иначе. Ваш волшебный меч — это бог, верно? И он определяет, кому стать королем, точно? Так теперь он в твоих руках, а все соперники мертвы. Стало быть, меч и определил тебе оставаться королем.

— Я плачу совсем о другом. Я оплакиваю гибель моего любимого младшего брата Танапа. А также, — Гилак указал на отрезанную голову, — гибель моего двоюродного брата Гапака. И смерть двух других — они мои племянники. Я так любил их всех. А пройдет совсем немного лет, и мой сын Тинап покусится на мою жизнь.

— Если они любили тебя так же, как ты их, зачем же им пытаться тебя убить? — удивился Рас.

Вздохнув, Гилак тяжело поднялся на ноги и выдернул меч из земли.

— Таков обычай шарикту — воин должен идти на болото, чтобы попытаться убить своего короля. Я сам убил моего отца, почти на этом же месте, много лет тому назад.

Гилак поднял меч и обрушил его на шею Гапака. То ли лезвие затупилось, то ли Гилак был еще слаб от горя и поединков, то ли все вместе взятое — понадобилось еще два удара, прежде чем голова отделилась от туловища. Гилак поднял за волосы обе головы и, с головами в одной руке, а мечом в другой, зашагал прочь. Рас отправился следом. Они обогнули топь, перебрались через поваленный ствол и вышли на открытое пространство. Здесь лежали бок о бок еще два обезглавленных тела. Гилак, все еще со слезами на глазах, достал из ближайшего дупла их головы. Затем связал их все вместе за волосы,

перекинул через плечо свою страшную ношу и отправился на запад. Рас шагал слева от него, беспокоясь, чтобы не оказаться в пределах досягаемости меча.

— Ты не станешь хоронить тела погибших? — поинтересовался Рас. — Так хотя бы утопи их в болоте.

— Я отправлю за ними рабов. Затем возглавлю похоронную церемонию — я ведь еще и верховный жрец, — после которой тела принесут в жертву Бастмаасе.

— Ах да, вашему крокодилъему богу.

— Богу в крокодилъем обличье, — строго поправил Гилак. — Помнится, я тебе немало о нем рассказывал, когда... гостил у тебя.

Гилак сопровождал свои слова таким особенным взглядом, что Рас задумался, уж нет ли тут скрытого смысла. Затем сказал:

— Я веряю себя под твою защиту.

— Можешь не сомневаться, я буду вести себя, как подобает королю, — отозвался Гилак.

— Ты, по-моему, не слишком-то благодарен мне за спасение собственной жизни, — заметил Рас. — Знай я заранее, что причину тебе столько хлопот и огорчений, то не стал бы и вмешиваться.

— Это все лишь потому, что подобного еще никогда не случалось. Но я как-нибудь выкручусь. А ты, пожалуй, лучше пока никому не рассказывай, как все происходило на самом деле. Не хотелось бы лгать своим подданным, даже для их же собственного блага. Сейчас в этом нет необходимости. Я просто покажу голову Гапака — выводы пусть делают сами.

Пройдя с милю вброд по болоту, они достигли более высокой сухой местности. Дальше пошли по извилистой тропке через густой лес. Выйдя на более открытое пространство, оказались неподалеку от берега реки, вытекавшей из болота. Отсюда местность начала плавно понижаться.

Пришлось пройти еще через одну густую рощу, прежде чем снова оказаться у реки, продолжавшей откалывать свои причудливые коленца. Рас с королем взобрались на высокий холм, с которого открывалась чудесная панорама на несколько миль окрест. Река неожиданно раздавалась вширь, образуя озеро в форме сердечка. По голубой глади скользило множество лодок с рыбаками, обла-

ченными в белые одежды. У дальнего берега розовым облаком колыхалась большая стая фламинго. Единственный небольшой, но холмистый остров, расположенный ближе к северному берегу, нарушал симметрию озера. Вершину островка-горы венчало круглое каменное сооружение без крыши, выбеленное в этот безоблачный день яркими солнечными лучами.

— Дом Бастмаасы, — указал на него Гилак. — Покойные будут перенесены туда, Бастмааса их съест, и в его чреве их души совершат переход в подземный мир.

Справа от берега на крутом холме стояло здание, крупнее которого Рас в своей жизни не видывал. Сложенное из больших темно-серых каменных плит, округлое по форме, из крыши вздымались к небу четыре высокие башни — сообразно сторонам света.

Между восточным склоном холма и берегом озера располагалось множество строений поменьше. Гилак пояснил, что это город, в котором живут мастеровые, рыболовы и рабы шарикту. Возделанные поля простирались на несколько миль вокруг холма с замком. Зелень посадок пересекали темные дорожки и голубые оросительные каналы, соединенные с озером.

Рас был потрясен. Он представлял себе небольшую огороженную деревушку с полем, подобную деревушке вонсу. Гилак, будучи пленником, много чего порассказывал о шарикту, но, видимо, далеко не все. И теперь Рас сообразил, почему Гилак добросовестно отвечал на все вопросы, а те, по существу, касались лишь языка и обычаев шарикту, взаимоотношений с окружающим миром. О том, как выглядят жилища и иные плоды трудов шарикту, Рас спрашивал мало, разве что речь заходила об искусстве или музыкальных инструментах.

Спустившись по склону, Гилак с Расом оказались вскоре перед сторожевой вышкой — платформой, воздвигнутой на высоких бамбуковых подмостях. Два воина в белых балахонах и конических оранжевых шлемах свиной кожи, вооруженные копьями и большими круглыми щитами, обитыми кожей гиппопотама, при виде короля скрестили в знак приветствия копья, но, заметив Раса, вытаращили глаза и разинули рты. Гилак раздраженно поинтересовался, не утратили ли они разум. Как следует

встречать короля-триумфатора, возвращающегося с Великого болота со славной победой?

Часовые вмиг ожили, глаза вернулись в орбиты, а рты захлопнулись. Один принялся бить в большой барабан, другой ссыпался по лесенке и, преклонив перед королем колено, бросил к его ногам копье. Поднимаясь, воин снова метнул взгляд на Раса, и его снова затрясло. Подавить кланицы зубов и успокоиться ему удалось далеко не сразу. Лишь после резкого окрика Гилага воин развернулся и возглавил триумфальный марш короля к замку.

Часовые, словно метисы, походили разом и на шарикту, и на вонсу. Ростом пониже Гилага, но выше и крепче большинства вонсу, они напоминали их толстыми губами, широкими плоскими носами и мелкими кудряшками. Гилак подтвердил догадку Раса. Действительно, чистокровные шарикту остались только в королевской семье, среди управляющих и жрецов, и только лишь они одни и признавались настоящими шарикту. Вольные вели свое происхождение от смешанных браков. Объяснения Гилага звучали почти виновато. Изначально, поведал он, в мир этот явились шарикту лишь чистых кровей. Они напали на вонсу, которые жили тогда на этом самом месте, частью уничтожили их, частью поработили, частью обратили в бегство за болото. И вначале кровосмешительные связи между шарикту и вонсу строго карались — шарикту, виновный в рождении у рабыни ребенка, подлежал казни. Тем не менее рабыни продолжали рожать своим господам детей, а наказание постепенно перестало практиковаться. Король, у которого родилось с дюжину таких детей, и вовсе отменил его. Со временем родилось так много метисов, особенно среди земледельцев и мастеровых, что многим пришлось дать вольную. Это было связано с какими-то историческими событиями, о которых Гилак помнил мало.

Чистокровная аристократия была невелика числом: тридцать пять настоящих шарикту, точнее, теперь, после событий на Великом болоте — тридцать один. Человек восемьдесят насчитывалось вольных земледельцев и мастеровых и около шестидесяти рабов. Какая-то часть вольных допускалась к оружию и могла служить стражниками, солдатами и надсмотрщиками. Но к участию в

военных походах допускались только чистокровные шарикту. Это проясняло озабоченность Гилага гибелью племени вонсу. Куда теперь направят аристократы свои стопы, чтобы испытать мужество и военные навыки молодых да потешить сердца ветеранов?

— По традициям вонсу юноша, прежде чем стать полноправным воином, должен был убить слона, буйвола или леопарда, — вставил Рас.

— Так то вонсу! — презрительно процедил Гилак. — У нас охота на леопарда лишь первая ступень посвящения. Затем нужно в настоящем военном набеге убить или хотя бы подранить вонсу — на глазах у двоих свидетелей. Лишь тогда юноша приобретает титул наследника престола и может претендовать на него, если пожелает.

Да, кстати, сними свою набедренную повязку! Только шарикту вправе носить одежды из шкур леопарда. Народ мой будет в замешательстве, если увидит.

— Если я сделаю, как ты просишь, — расхохотался Рас, — то каждый мужчина в твоём королевстве побежит запирать жену на замок.

Хмуро, если не угрожающе, глянув, Гилак сказал:

— Пожалуй, ты прав. Ладно. Отложим это — пока.

— Да я просто пошутил, — удивился Рас.

Они ступили на дорогу посреди полей, где их немедленно окружили женщины с детьми, отдающие королю знаки почести; подходили мужчины — взглянуть, в честь чего переполох. Большинство при виде Раса замирало поодаль. Детишки прятались за подолами материнских юбок — лишь глазенки из-за укрытий посверкивали. Рас ухмыльнулся, оскалив зубы, что заставило детей взвизгнуть и зарыться в подолы полностью.

— Вижу, что мой народ нуждается в просвещении, — отметил Гилак. — Им придется усвоить, что ты обыкновенный бледнокожий человек, а не дух.

— Я тоже на это надеюсь, — согласился Рас. — Мне надоело пугать людей своим видом.

— Думаю, что разрешу твою проблему, — сказал король. Что-то в его тоне насторожило Раса, хотя слова прозвучали вроде бы невинно. Вроде тех загадочных реплик, каких Рас наслушался по пути с Паучьего болота немало.

— Держись позади, — велел Гилак. — Никому не дозволяется идти со мной даже рядом, а уж впереди меня вправе шагать только королевский глашатай и носильщики трупов на церемонии похорон. Да, еще и труп может находиться впереди.

Рас приотстал. Вдоль дороги собралось множество народу. Фермы здесь располагались тесно и поближе к дороге, и в загонах Рас мог заметить изобилие скотины: свиньи, козы, прирученные шарикту буйволы. Во дворах обитала домашняя птица. Поля густо зеленели побегами ямса, сорго, просо и иных, незнакомых Расу растений.

Этот народ значительно превосходил вонсу и численностью, и богатством. Если бы им взбрело в голову, они могли бы снарядить армию, которая в два счета разгромила бы вонсу. А Рас еще когда-то воспринимал всерьез хвастливые заверения вонсу — устроить шарикту в один прекрасный день настоящее побоище и решить вопрос с ними окончательно.

Когда они наконец приблизились к замковому холму, десяток вольных работников под командой королевского кузена (это Рас узнал позже) присоединился к процессии, составив почетный караул. Три жены короля, каждая при мальчике-паже с большим солнечным зонтом, встречали короля у подножия холма. Женщины преклонили колени, Гилак же поцеловал кончики своих пальцев и приложил их ко лбу каждой. Все три обладали чрезвычайным сходством с королем; как Рас узнал позднее, две были кузинами короля, а старшая жена — так даже родной сестрой.

Жены поднялись с колен, чтобы следовать за повелителем. Присутствие Раса не позволило им держаться за мужем, как полагалось, вплотную — они отстали на добрых двадцать шагов.

Навстречу два дюжих раба несли вниз по склону кресло, в котором восседала мать короля, седовласая женщина почтенных лет. По щекам ее струились слезы — радости, что сын ее жив, и горя, что сын ее — младший сын — умер. Жрец, облаченный в трехъярусный головной убор с чучелом крокодильего детеныша на макушке и в белую мантию, полы которой мели землю, низко склонился перед королем и завел долгую заздравную речь.

Солнечные лучи изрядно припекали затылки, а речь жреца продолжала журчать монотонно и нескончаемо. У Раса от голода и жажды подвело желудок, и он, пустив ветер, вставил в речь жреца своеобразную ремарку. Жены короля прыснули. Гилак наградил их взглядом, вмиг оборвавшим все смешки. Наконец священник выговорился, и процессия по широким каменным ступеням поднялась наверх. Король, возглавив шествие, привел его к огромному арочному входу в здание — его размер просто ошеломил Раса. На самом деле за высокой дворцовой стеной оказалось два больших здания, просто издали они сливались в единое целое. На платформе между зданиями стояло несколько клеток из бамбука.

В одной из них Рас увидел Биджагу.

Рас вздрогнул. Он открыл было рот, чтобы спросить, как попался Биджагу и почему Гилак умолчал об этом, но не успел. Король, указав страже на Раса, отдал команду — юношу вмиг окружили воины с копьями. Ошеломленный таким поворотом, Рас не стал сопротивляться.

Когда Рас был препровожден в свободную клетку, он спросил у Гилака, зачем тот поступил так подло.

— Элементарная справедливость, — ответил король. — Ты ведь держал меня полгода в клетке, теперь моя очередь.

— А что будет через полгода?

— Пока не знаю. Ты — это моя головная боль.

— Но почему? — удивился Рас. — Почему бы не позволить мне жить с шарикту как шарикту? Я никому не причиню вреда.

— Ладно, оставим. Я пока не решил, что стану делать с тобой, — сказал Гилак. — Только быть принятым в качестве божественного шарикту тебе не угрожает. С другой стороны, как раб ты можешь быть слишком опасен. Удерешь в джунгли и объявишь нам оттуда такую же войну, как против вонсу. А вольным тебя сделать — так ты ни на земле работать не умеешь, ни приказам подчиняться.

Но поскольку ты не вредил пока ни мне, ни остальным шарикту, я, невзирая на то что ты простой дикарь, поступлю с тобой сейчас сообразно моим представлениям о справедливости. Трудно сказать, что случится через

полгода. А пока — расплачивайся-ка за свое гостеприимство!

Гилак засмеялся и добавил:

— Тебя будут содержать неплохо, не хуже, чем ты меня. Увы, женщина пленнику не полагается. Помнишь, как я тебя просил? Ты же не захотел тогда помочь мне.

— Я не мог, даже если бы захотел.

— Мог, запросто мог — именно не хотел!

Рас указал на Биджагу:

— Мой долг убить его, отомстить за родителей. Как быть с этим?

— Поразмислим, — протянул Гилак. — Он попался в ночь накануне моего похода на Великое болото — пытался подбить молодую рабыню к побегу. Она отказалась — у нее здесь хороший муж, а у нас, кстати, вонсу не кастрируют. Биджагу же не предлагал ей ничего, кроме опасностей и полуголодного существования. Она отвергла его, и он, точно взбесившаяся гиена, зарезал женщину. Затем еще и солдата убил, прежде чем был схвачен. Вообще-то за подобные преступления полагается публичная экзекуция. Но я еще не решил. Разве что сравить вас... Это может оказаться любопытным зрелищем. Мы изредка устраиваем здесь бои между пленными воинами вонсу. Они вынуждены драться, иначе умрут оба. В данном случае, однако, оба участника и так с удовольствием прикончат друг друга, так как тебе даже больше, чем нам, хочется серьезного поединка со смертельным исходом.

— А какова участь победителя? — спросил Рас.

— Ну, если вонсу будет ожидать пыток после победы, он может легко уступить тебе, позволить убить себя сразу и сделать бой неинтересным. Скажем, я посулю ему в случае успеха жизнь, но жизнь слепого — ему выколют оба глаза. А вот тебя в случае победы ждут мучения. Это ведь справедливо? Ты ведь лишишь нас удовольствия помучить вонсу.

Рас не увидел в этом никакой логики, о чем и сообщил Гилаку, не утруждая себя выбором особенно лестных выражений. Король хладнокровно рассудил, что ничего иного от светлого кожей, но темного рассудком дикаря ожидать и не приходится. Однако, добавил король, Расу грех жаловаться — его ждут шесть месяцев совершенно

беззаботной жизни, в том числе и без женских забот и ласки, разумеется.

— А может, я еще и раздумаю устраивать вам поединки, — добавил король. — Кто знает? Может, подарю тебе жизнь, а может, и свободу.

— Сохранив зрение?

— Кто знает? — Улыбка Гилага означала долгую шестимесячную пытку неопределенностью. — Ты думаешь, мне нравится так поступать с тобой? Ты мне симпатичен. Но я государь и должен блюсти правосудие независимо от собственных чувств. У тебя есть ко мне просьбы?

— Пришли мне еды, — сказал Рас. — Я голоден. А сам ступай прочь — твое лицо отбивает мне весь аппетит.

ГЛАВА 15

Мертвый, умирающий, живой

— Что еще тебе от меня понадобилось? — нетерпеливо спросил Гилак.

Рас не мог ответить на вопрос в двух словах, так как в языке шарикту такого понятия, как «беличье колесо», не существовало. Он детально описал, что ему понадобилось и как это может быть изготовлено.

— Я уже выстроил по твоей просьбе большую клетку с брусьями для твоих упражнений, — сказал Гилак. — Установил тебе там большое корыто, провел трубы, изготовил водяное колесо и назначил рабов крутить его. Ты можешь пить и купаться теперь, когда вздумается. Это, кстати, отняло у моих людей немало времени и потребовало чертову уйму материалов...

— А разве тебе не понравилась моя идея? — возмущился Рас. — Разве не развеяла она твою царственную скуку?

Гилак насупился, откашлялся и улыбнулся:

— Твоя правда! Я собираюсь провести водопровод в свое жилище. Но зачем тебе понадобилось такое огромное крутящееся колесо? Что ты с ним станешь делать?

— Мне не хватает места для нормальной разминки. Я должен много и быстро бегать, милью за мильей. Без такого колеса в этом гробу я бегать не смогу. Взамен,

правда, можно выстроить клетку длиной в милю, тогда места хватит. — Рас хихикнул.

— Почему бы не построить тогда клетку размером с весь мой край? Ты был бы доволен, — съехидничал король.

— Думаешь? Я ведь все равно остался бы в клетке, — сказал Рас.

— Ладно, — решил Гилак. — Я сделаю для тебя, что ты просишь, так как ты, когда я был пленником, обращался со мною вполне терпимо. Но не зарывайся — не проси достать тебе Луну с неба.

— А разве ты не сможешь? — удивился Рас. — Я так понял, что один из твоих титулов — это «Властелин Луны».

— Да, как верховный жрец я имею над ней юрисдикцию, — невозмутимо отвечал король. — Иногда мне начинает казаться, что ты как-то недооцениваешь ситуацию, тебя порой заносит в твоих шуточках. А ведь я в любой момент могу отдать приказ, и тебя подвергнут пытке, а то и убьют.

— Ты обещал мне шесть месяцев! Неужели королевское слово уже ничего не стоит?

— Иногда государственные соображения вынуждают короля взять слово назад. Благодеяние народа превышает всего, и если оно потребует... — Гилак мановением руки пресек попытку Раса вставить хоть слово. — Тем более что ты по-прежнему носишь шкуру леопарда. Знаю, что сам временно разрешил, но я передумал. В народе уже ходят кривотолки об этом.

— Скажи своим людям, что я сын Бога и, стало быть, как божественный достоин такой одежды.

— Народ бы не понял меня, поскольку ты не шарикту. Даже мне это объяснение не кажется убедительным, а уж на благо моего народа оно не послужит наверняка.

— Но ты ведь не станешь отрицать, что я сын Бога?

— Не в том смысле, что ты подразумеваешь. В том, что все твари земные суть Божьи дети — Он их создатель. Шарикту более, чем иные прочие — Господь зачал их на ложе с их божественной матерью-Землей. А ты, по собственному твоему признанию, отродье гориллы-матери. Стало быть, ты — побелевший вонсу, так как именно они произошли от случки гиены с самкой гориллы.

— Вонсу считают — то есть считали — иначе. Лишь себя полагали они подлинными людьми. Слово «вонсу» так и переводится — «истинные люди».

— Шакал тоже пыжится стать леопардом, — отрезал Гилак. — Но хватит болтовни, я сыт этим по горло! Ты отдаешь шкуру?

— А если нет?

— Оставлю без воды и пищи.

— Я-то ничего у тебя не отнимал, — укорил Рас. — Разве заставлял тебя снять твою дурацкую белую мантию? Угрожал тебе чем?

— У тебя не было для этого веской причины.

Рас колебался. Отдать повязку — значило поступиться принципами. С другой стороны, на кой ляд она Расу, когда этот упрямец того и гляди заморит голодом. Однако Рас рисковал потерять остатки уважения — и особенно самоуважения, — если согласится без сопротивления. Но выжить следовало любой ценой. Покойники побегов не совершают.

— Ну! — поторопил пленника Гилак.

— Тебе придется забрать ее силой, — сказал Рас. — Пришли своих воинов — пусть попробуют.

Гилак иронически улыбнулся:

— Тебе хотелось бы кого-нибудь убить? Возможно, что сначала и удалось бы. Но нет! Ты отдашь мне шкуру через решетку.

— Тем самым ты признаешь мое превосходство над воинами шарикту, — сказал Рас. — Но если это так, то я тоже божественный — даже больше, чем шарикту. Стало быть, достоин леопардовой шкуры.

Гилак нахмурился:

— С тобой трудно спорить. Но у меня есть аргумент покрепче твоих неуязвимых рассуждений. Право силы. Посмотрим, как ты станешь противиться и рассуждать, когда твой язык присохнет к небу, а тело от жажды покроется язвами и пылью.

Рас с силой вцепился в прутья. Спустя несколько томительных минут, скрипнув зубами, выдавил:

— Вот. Можешь забирать.

И он швырнул набедренную повязку сквозь прутья клетки. Улыбающийся Гилак жестом послал рабыню поднимать ее. Жены короля, стоявшие у него за спиной, о

чем-то зашептались и захихикали. Улыбка исчезла с лица короля; помрачнев, он одной резкой фразой отослал их прочь.

— Я же предупреждал, — сказал Рас. Схватившись за прутья руками, юноша прижался к решетке лицом. — Ты получил шкуру леопарда. Но она по-прежнему на мне.

Гилак вздрогнул. После паузы спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Рас попытался подобрать на языке шарикту слово, соответствующее английскому «духовный». Но ничего похожего в голову не приходило. И вдруг Раса осенило:

— Ты можешь снять с меня шкуру леопарда. Ты можешь даже убить меня. Но ты не сможешь отобрать у меня идею — мысль, уверенность, — что я достоин носить шкуру леопарда. Даже убитый, я с тобой не соглашусь. И идея, идея моего права на шкуру, останется — она не умрет вместе со мной.

— Однако... — протянул Гилак. Лоб его разгладился, но взгляд был направлен куда-то внутрь. — Мне надо поразмыслить об этом, — сказал король. — Ты постоянно вызываешь зуд у меня в мозгах. И чем больше я их чешу, тем сильнее он становится. То же самое было со мною у тебя в клетке. Теперь в клетке ты, а мозги мои зудят, как и прежде.

— А идея моей свободы существует, даже когда я заперт, — подбросил дровишек в костер Рас.

Гилак, тряся головой, отправился восвояси. Это было очень кстати — новые мысли были чистой воды экспромтом, и Расу самому хотелось их сперва хорошенько переварить. Они свалились на него, как перезревший фрукт с дерева.

Идеи были как тени. Они возникали так же внезапно, как падает на землю тень, когда ее обладатель делает шаг за порог дома.

Рас был возбужден. Имели ли идеи свое отдельное от людей, самостоятельное существование? Не были ли они как бы духами или демонами, захватывающими людей, а затем ускользавшими куда-то, когда человек умирал или изгонял идею? Если так, идеи, должно быть, весьма разборчивы в выборе — ведь не приходят одни и те же мысли в головы всем людям одновременно. Почему эта

идея об идеях, к слову сказать, посетила Раса и не пришла в голову Гиладу?

На следующее утро к Расу пришли мастеравые за инструкциями. Гилад и два копейщика стояли рядом, приглядывая, чтобы никто не подходил к пленнику вплотную и чтобы разговоры велись лишь о сооружении «беличьего» колеса. Позже, когда мастера вернулись с охапками бамбуковых кольев, сторожа присматривали, чтобы инструменты: ножи, пилы, рубанки, стамески, коловорот и топоры — оставались за пределами досягаемости светлого заключенного. Мастера соорудили небольшую пристройку к клетке для установки там колеса. Пилами на длинных ручках они прямо сквозь прутья выпилили вход в пристройку из большой клетки. Затем вежливо попросили пленника удалить мусор из клетки — Рас любезно повиновался.

Строительство заняло неделю. За это время мать Гиладка и его жены неоднократно навещали Раса под предлогом наблюдения за ходом работ. Жены больше глазели на пленника, чем на мастеровых, хотя короля при этом остерегались и старались оказаться у него за спиной. Гилад запретил им общаться с заключенным; он попытался запретить и матери, но той было начхать на запреты сына. Жизнь, сотканная из горя, физической боли и скуки, казалась ей невыносимой, и королева-мать не собиралась упускать такое развлечение. Уже немало лет она страдала подагрой, была почти неподвижна. От бесед с дочерью и племянницами ее уже просто воротило, а разговоры с рабынями раздражали обыденностью. Так мало интересного происходило в жизни двора, что появление Раса в качестве нового аттракциона привело ее в восторг. Сперва она тихо сидела на подушках в своем деревянном кресле в тени двух опахал, которыми два пажа отгоняли мух, и прислушивалась к разговору сына с пленником. Затем вмешалась и стала задавать Расу вопросы.

Рас чувствовал к старухе расположение, особенно после того как обнаружил в ней острый, пронизательный ум — такой же, как у сына. А уж по части чувства юмора, когда ее не очень мучили боли, она давала королю немалую фору.

Именно с ее помощью Расу удалось вернуть себе мешок из шкуры антилопы с большей частью его содержимого. Уже на второй день своего заключения Рас попросил Гилага выдать бритвенные принадлежности. Король отказал, заявив при этом, что не может позволить Расу пользоваться бритвой и зеркальцем. Мол, бритвой тот разрежет запоры сыромятной кожи, а что до зеркала, так это вообще дьявольский предмет. Может похитить душу, если смотреться достаточно долго.

Рас предложил возвращать бритву часовым сразу после бритья. Но без зеркала он бриться не сможет. Какая Гилаку забота, если даже Рас и рискует провалиться в зазеркалье? Но Гилак был непреклонен. И Рас начал обрастать. Непривычная щетина противно зудела, и Рас стал раздражительным. Кроме всего прочего, он планировал использовать зеркальце не для одного лишь только бритья.

Шикут, мать Гилага, очарованная бородой пленника, тоже сперва отказала. Но Рас сумел объяснить ей, как он обычно выглядит, какие неудобства причиняет растительность на лице и, самое главное, что родители заповедали ему бриться каждое утро в знак богобоязненности. И на следующее же утро пришел с кислой физиономией Гилак, швырнул через прутья сумку и приказал забирать у заключенного бритву после каждого бритья. Остальное разрешил оставлять в клетке.

Он удалился, даже не ответив Расу на вопрос, что заставило его передумать. Часом позже появилась Шикут и все объяснила. Она обратилась к сыну с просьбой вернуть пленнику принадлежности. Когда мягкие доводы оказались бесполезны, безжалостным язычком стала поднимать короля на смех. Гилак всегда чувствовал себя неуютно, мрачнел, становясь мишенью ее острот. И в конце концов сдался.

Рас, поблагодарив ее от всего сердца, продолжил беседу. И с удовольствием разговаривал с ней всегда, в каком бы настроении она его ни заставляла. Большую часть сведений об устройстве дворца и о топографии страны шарикту он получил от королевы. Тем более что Гилак запретил кому бы то ни было разговаривать с Расом, кроме как по делу.

Невзирая на запрет, Расу удалось разговорить ночных сторожей.

Он пытался обратиться и к Биджагу, но тот не отвечал ни Расу, ни кому-либо другому. Вонсу сидел на корточках в углу клетки и менял позу крайне редко.

Однажды над замком пролетела Птица Бога. Рас не мог увидеть ее — мешали и дворцовые стены, и крыша клетки. Но лишь глазам, не ушам. Шарикту с воплями ужаса попрятались по комнатам. Снаружи остались всего двое: дневной страж, которому за отлучку с поста независимо от причины грозила казнь, и король, защитник своего народа. Размахивая перед аркой входа божественным мечом, Гилак во всю силу своей луженой глотки бросал Птице вызов — демонстрировал готовность отдать жизнь за народ. Вскоре, ко всеобщему облегчению, Птица, не принимая королевский вызов, удалилась вниз по реке. Но через полчаса вернулась, и вся сцена повторилась в точности.

Позже Гилак спросил Раса:

— Думаешь, она искала тебя?

— Откуда мне знать? — сказал Рас. — Общаться с ней мне еще не доводилось.

Рас знал, что Гилак встревожен, да и немудрено — судьба вонсу была еще свежа в памяти.

Два дня спустя король объявил, что возглавит экспедицию вверх по реке с целью изучения окрестностей деревни вонсу. А также надеется поймать или убить Джанхоя. Рассказы Раса о льве заинтриговали Гилака.

Рас смолчал. Гилак добавил:

— Я оставил сторожам подробные инструкции, так что не надейся сбежать.

Рас невинно улыбнулся.

Однако вскоре убедился в неосуществимости планов побега. Слишком много людей окружало его днем, а ночная стража была увеличена до трех воинов. Рас снова перенес свое внимание на Биджагу, надеясь того растормошить. Вонсу сидел неподвижно, точно гигантская эбеновая статуэтка лягушки, изготовившейся к прыжку. Сходство с лягушкой усиливали сгорбленные плечи, отвисшая челюсть и немигающие глаза. Мухи ползали по его лицу, залетали в нос и рот и даже лезли в глаза. Шевелился он крайне редко — лишь попить-поесть да

воспользоваться посудиною. На ночь засыпал сидя. Через четыре дня после отбытия короля в поход Рас заметил, что Биджагу почти совсем ничего не ест. На пятый день он опорожнился, не поднимаясь, под себя. И это уже не было ленью или безразличием — Биджагу просто не заметил, что приключилось.

Тогда Рас и понял, что вонсу приговорил себя сам. Его народ погиб, и его попытка основать новое племя с помощью рабыни шарикту провалилась. Он сдался. Сейчас жизнь истекала из него словно ручеек, который, удаляясь от родника, испаряется на раскаленных солнцем камнях. Биджагу впал в состояние, какое испытывал бы любой шарикту, будучи заколдован или изгнан из племени. Оцепенев под гнетом таинственных черных сил, они позволяли душе незаметно расстаться с телом.

Когда Рас понял это, он пришел в неистовство. Он выкрикивал проклятия, оскорбления, угрозы. Рас брызгал слюной, сравнивал Биджагу с шакалом, гиеной, слизняком, клопом вонючим. Рас бушевал долго, но безуспешно — вонсу, казалось, ничего не слышал.

— Твой народ погиб, да! — кричал Рас. — Но мои родные тоже все умерли! Юсуфу и Мирьям, единственные в целом свете, кого я любил — да еще и Вилида! Она тоже умерла! И это на твоей совести! Ты, червяк, обитающий в жопе у дохлой гиены, почему ты позволил сжечь ее? Как ты мог?! Почему ты, кастрат бесхребетный, не заступился, не сразился за нее? Почему ты убил моих родителей? Они-то уж точно тебе ничего не сделали! Ты не смел убивать их, грязный шакал!

По щекам Раса текли слезы горя и ярости.

Мать Гилака, сидящая поодаль под зонтом, окликнула его:

— Что ты шумишь так громко? Неужели ты не видишь, что его с нами нет, что его душа уже на полпути к Царству теней!

— Он не посмеет вот так умереть! — всхлипнул Рас. — Он должен выздороветь и сразаться со мной не на жизнь, а на смерть! Как он смеет ускользать от меня?

— Я полагаю, что ты хочешь вернуть его с полпути в иной мир совсем по иной причине, — сказала Шикут. — Ты все еще любишь его или хотел бы любить, поэтому страшишься его смерти.

В изумлении Рас с минуту собирался с мыслями, затем бросил:

— Как я могу любить того, кто убил моих родителей и позволил сжечь живьем мою возлюбленную? Я хочу убить его!

— А прежде любил?

— Да, очень, — признался Рас. — Но он первый предал меня!

— Тогда ты все еще любишь его, хотя и ненавидишь при этом.

Рас в последующие дни немало поломал голову над этим замечанием королевы-матери. Ему непросто было разобраться в себе; правота Шикут, если в ее словах и была истина, не казалась Расу очевидной. Понять ненависть к Биджагу было проще — для нее вполне хватало оснований. А для любви?

Биджагу иссыхал по-прежнему — на боках проступили ребра и череп прорывался на воздух сквозь туго натянутую кожу. Он уже не поднимался больше, ходил только под себя, после чего тюремщики с трудом стаскивали его с места длинными колыями, чтобы очистить клетку. Ведро воды, которым обдавали Биджагу, не производило на него никакого впечатления — он был нем и недвижим. Затем целых три дня он не опорожнял желудок — видимо, уже нечем было, — но еще мочился. Глаза Биджагу, словно прячась от света, глубоко ввалились в глазницы.

Королева-мать заметила:

— Мой сын не успеет предать его пыткам. Если Гилак не поспешит вернуться, то и Бастмааса не получит пленника живьем.

— Если он умрет, он что, останется разлагаться и вонять в клетке до возвращения короля? — спросил Рас.

Королева-мать пожала плечами:

— В любом случае у меня нет права что-то предпринимать. Прошли времена, когда племенем шарикту правили женщины и не было ни одного жреца, только жрицы. Однажды в незапамятные времена могучий принц-консорт Танус убил властвовавшую королеву Факук и, опираясь на весьма немногочисленных сторонников, стал правителем. Случилось это еще до того, как шарикту нашили проход в горах и поднялись сюда из подземного

мира. С тех самых гор шарикту попадают только лишь в ад.

Дословно последняя фраза звучала, как «шакалам на обед»; по-английски, подумал Рас, это будет «псам на съедение».

— Все это очень интересно, — заметил Рас. — Однако, что делать с Биджагу?

— Ничего.

— Я не в состоянии его понять. Мои потери и горе тоже безмерны, но не ложусь же я помирать!

— Ты не вонсу, — ответила Шикут. — А также не шарикту. Мне кажется, ты не удержишься в этой клетке надолго и когда сбежишь — горе шарикту! Особенно моему сыну Гилаку.

— Только между нами, — сказал Рас. — Скажи мне честно, ты его любишь?

— Люблю, и даже очень.

— Думаю, ты и ненавидишь его очень, — сказал Рас. — Ведь он убил твоего мужа и младшего сына, собственных отца и брата.

Вздвогнув, Шикут оцепенела, но затем быстро пришла в себя:

— Может быть, ты и прав. Но Гилак вынужден был убить их. Таков наш обычай... О чем, бишь, мы? Ах да, я говорила, что клетка тебя не удержит. Гилак совершил простительную ошибку, не казнив тебя сразу.

— А ты не могла бы помочь мне выбраться? — Рас хитро прищурился.

— Ни за что! — всплеснув руками, возмутилась женщина. — Никогда! Но мне небезынтересно будет узнать, как ты осуществишь побег. Говорю это потому, что веду свой род от великих королей и жриц прошлого. Мы обладаем знаниями многих поколений, знанием, недоступным простым смертным. Мы видим, что сокрыто под человеческой плотью и под внешней оболочкой вещей.

Рас промолчал. Он размышлял о том, сознавала ли королева, принуждая сына вернуть пленнику сумку, что обеспечивает Раса средствами для побега. Может, ощущала себя орудием Провидения? А может, ею руководило чувство, коренящееся в желании более глубоком, чем жажда познания? Сомнительно, чтобы, устраивая сыну головоломку, королева-мать ведала, как именно собира-

ется Раса воспользоваться зеркальцем и оселком. Просто где-то, в самых потаенных уголках ее души, крылась надежда, что пленник причинит ее сыну неприятности.

Через восемь дней после отбытия в поход Гилак вернулся. О возвращении экспедиции загодя возвестили барабаны, флейты, волынки и маримбы. Спустя несколько минут в замок примчался гонец и громко возгласил уже и без того известные новости. Слуги, рабы, королевские жены, его мать в кресле — все поспешили вниз с холма навстречу королю. Кроме Биджагу, Раса и двух стражников, во дворе замка не осталось ни единой души. Один из караульных, стоя под аркой, описывал приятелю церемонию. Второй не оставлял пост — но, чтобы лучше слышать, повернулся к пленникам спиной.

Раса давно замышлял использовать в своих целях этот момент — суматоху, связанную с возвращением короля. Но, рассудив, пришел к выводу, что ситуация далека от идеальной. Захлопнув сумку, он подошел к ближайшей от входа в замок стене клетки. И вскоре увидел глашатая, а за ним и Гилака. Король вышагивал, держа божественный меч обеими руками прямо перед собой, эфесом на уровне глаз.

Следом из-за склона холма вынырнула голова. Огромная, окруженная пышной золотисто-коричневой гривой голова льва с безжизненными зелеными глазами и красным языком, вывалившимся из пасти. Затем стал виден и шест, на котором ее несли.

Горестный вопль Раса перекрыл гул барабанов. Юноша бешено рванул бамбуковые прутья решетки.

За воином, несущим голову Джанхоя, показались и другие участники рейда. Четверо несли на плечах тело человека. Следом двое демонстрировали шкуру льва. Едва не наступая им на пятки шагал почетный караул. Один из замыкающих тащил за собой привязанного за шею пленника. Точнее, пленницу. В лохмотьях, грязная, с лицом, распухшим от укусов насекомых, она едва волочила ноги. Волосы, когда-то сиявшие золотом, свалились и потускнели.

При виде женщины, которую мысленно уже давно схоронил, Раса впал в оцепенение.

В следующей шеренге несли в кресле Шикут, за нею шли королевские жены, следом — дяди, тети, кузены,

племянники и прочая королевская родня. Замыкала парад приплясывавшая за оркестром толпа вольных и рабов.

Гилак остановился перед клеткой Раса. Он молчал, пока шествие вливалось во двор замка, но торжествующее выражение лица было красноречивее любых слов.

— Твой зверь и вправду оказался велик и страшен, — вымолвил король наконец. — Но, когда мы его обнаружили, беспечно дрыхнул с набитым до отказа брюхом и проснулся, лишь когда мы с копьями наготове подступили вплотную. Он едва успел подняться на лапы, как в нем уже сидели три копыя. А закончил работу я сам, моим божественным мечом. Да, это воистину был большой кот, недаром ты называл его царем зверей.

— Так это не Джанхой убил его? — Рас указал на тело, уложенное на землю неподалеку от клетки.

— Нет. Это ее рук дело. — Король подразумевал Еву Рантанен. — Татнис наткнулся на нее, когда мы рыскали в окрестностях деревни вонсу, она пряталась там в кустах. Татнис пытался поразить ее копьем, но был слишком напуган для хорошего удара. Я пытался убедить своих людей, что ты вовсе не дух, но ты ведь знаешь — мать единственная, кто мне вполне поверил. Ну, Татнис и замешкался, а женщина, пользуясь его замешательством, сумела вырвать копые. Он даже сбежать достаточно быстро не сумел, до того был напуган, вот и получил удар в спину. А затем, когда мы ее окружили, похоже, поняла, что я собираюсь взять ее живьем, сложила оружие и сдалась в плен.

— Разумный поступок, — одобрил Рас, — для женщины, конечно.

— По-моему, ты тоже в подобной ситуации не стал сражаться, — сардонически улыбаясь, сказал король.

— Вас было слишком много, и стояли вы слишком близко, — ответил Рас. — Если бы вы наткнулись на меня в лесу, я показал бы вам, на что способен. Но она, как я уже отметил, повела себя совершенно правильно.

— Лучше остаться живым, чтобы после сбежать, не так ли? Брось даже и думать. Ты просидишь в этой клетке ровно шесть месяцев, а там посмотришь.

Тело покойного Татниса в сопровождении причитающей родни было препровождено в храм Бастмаасы на острове. Еву поместили в пустующую клетку, а Гилак

разместился среди подушек и леопардовых шкур в гигантском кресле красного дерева. Прихлебывая пиво, король наслаждался нестройной игрой своего оркестра. Караул тем временем вытеснил всех, кроме шарикту и ремесленников, за пределы дворца. Очистив двор от черни, шарикту пустились в пляс; остальные хлопали в такт барабанам.

Голова и шкура Джанхоя лежали у ног короля, и два раба с опахалами просто из сил выбивались отгонять от властителя привлеченных поживой мух. Спустя какое-то время Гилаку надоели и мухи, и запашок, исходивший от останков животного, и он велел убрать трофеи. Двое мастеровых, явно раздосадованные необходимостью покинуть веселье в самом разгаре, подхватили их и понесли прочь. Рас провожал взглядом покачивающуюся на шесте голову друга, пока она не скрылась за косогором.

— Полагаю, ты захочешь отомстить мне за льва? — перекрыл шум голос Гилака.

— Непременно! — крикнул Рас в ответ.

Гилак захохотал; насмеявшись всласть, отхлебнул пива из тыквенной бутылки и что-то сказал своим женам. Те, поглядывая друг на дружку, расцвели в улыбках и завилыли бедрами. Гилак, уловив внимательный взгляд Раса, ухмыльнулся. Рас скорчил в ответ гримасу.

Пиво, подносимое постоянно из замка, лилось рекой. Когда запасы его во дворце истощились, послали в нижний город. После нескольких часов непрерывной пляски близкие короля уселись отдохнуть и наверстать упущенное обильным возлиянием. Продолжающие веселиться мастеровые время от времени падали перед королем ниц и лобызали ему ноги. Мать Гилака, притомившись от празднества, отправилась в свои апартаменты. Биджагу, свесив набок голову, был по-прежнему недвижим. Ева сидела на полу своей клетки и грызла свиные ребрышки, запивая их водой из кувшина, и часто поглядывала в сторону Раса. Очевидно, ей хотелось поговорить.

Расхрабрившись от возлияний, толпа подступила поближе к клеткам «духов». Отдельные смельчаки, подойдя вплотную, принялись дразнить пленников непристойными жестами, выкрикивать оскорбления. Биджагу обратил на них внимания не больше, чем на ползающих по телу мух. Один храбрец окатил его водой; толпа заржала. Еще

один, просунув в клетку руку, попытался пощупать Еву — та его укусила. Все, кроме пострадавшего, покатились со смеху. Еще кто-то попытал счастья, и еще — пока женщина, которой Ева вывернула руку, не вскрикнула от боли. Гилак поднялся из кресла и гаркнул на толпу, велел убираться от пленных прочь. Его увещевания припоздали самую малость — один беспечный гуляка уже прислонился спиной к клетке Раса. Рас не зевал; прежде чем гуляка понял, где он и что с ним, подхваченный сзади за шею, он взлетел в воздух и с размаху грохнулся лицом в прутья. Без сознания, с кровотечением из сломанного носа его уволокли подальше. После этого королю не пришлось повторять свой приказ — толпа вмиг протрезвела.

Расу стало немного легче. Король тоже как будто не рассердился. И на толпу небольшое кровопускание не произвело гнетущего впечатления; напротив — все, кроме раненого, развеселились пуще прежнего. Оркестр грянул с новой силой; танцы длились до восхода луны. Когда ночное светило показалось над горизонтом, Гилак встал и велел прекратить музыку. Танцоры отправились по домам, а король в сопровождении жен — в опочивальню. Рас, хоть и обрадованный наступившей тишиной, подавить зависть к королю все же не сумел.

— Оставь мне хотя бы одну! — крикнул он Гилаку в спину, но тот будто не услышал.

Луна залила мертвенным светом затихающий замок и отходящий ко сну городок у подножия холма. Постепенно двор окутала тишина, нарушаемая лишь далеким воем шакала. Сторожа, тоже изрядно поднабравшиеся, слегка пошатывались, опираясь на древки копий. Серебристомолочное тело Евы за решеткой было так неподвижно, что Рас подумал, уж не заснула ли она от усталости.

— Ева! — негромко позвал юноша.

Она зашевелилась, села и откликнулась хрипловатым спросонок голосом:

— Да?

— Я был уверен, что ты погибла.

— Ты почти угадал, я уцелела буквально чудом, — ответила Ева. — Я тоже решила, что ты погиб. Мне показалось, что пилоты недооценили мощь напалмовой бомбы и ненароком убили тебя. А может, и хотели твоей

смерти. Совершенно не представляю себе, чего добивались те двое из вертолета.

Ева поведала все, что с ней происходило после прыжка с плота. Чтобы укрыться от пулеметного огня, она постаралась убежать как только можно дальше в джунгли. Она бежала, падала, поднималась и, пробиваясь сквозь чащу, бежала дальше, и ей удалось до взрыва преодолеть добрых сто ярдов зарослей. К счастью, Ева оказалась не в эпицентре; взрывной волной ее зашвырнуло в какую-то низинку, и она успела задержать дыхание. Ей опалило волосы, руки, затылок; ожоги мучили ее несколько дней, но главное — вовремя задержав дыхание, она уберегла легкие. Может, Ева оказалась в момент взрыва и достаточно далеко, чтобы ее легким не угрожал смертельный ожог, но в таких случаях невредно перестраховаться — и она, крепко сжав зубы, удерживалась от вдоха, пока над головой бушевало пламя.

Оружие она обронила еще до взрыва.

В миле от места пожара Ева нашла неглубокий ручей; погрузившись в воду, попыталась оценить степень поражения ожогами. Ожоги — вещь коварная; в первый момент из-за шока их можно недооценить, умираешь от них после. Но ее ожоги оказались вполне терпимыми, шок-овое состояние было вызвано иной причиной — дыханием близкой, чудом скользнувшей мимо смерти.

Вертолет несколько раз проходил над ее укрытием. Однажды пули изрешетили кусты всего в нескольких ярдах. Ева не двигалась, она знала, что невидима сверху. Пилоты палили вслепую, в надежде выманить дичь — если та избежала напалма — на открытое место.

— Мне невдомек, отчего они так привязались ко мне, — продолжала Ева, — ведь я не представляю для них никакой угрозы. У меня нет почти ни единого шанса выбраться из долины. Может, они хотят воспрепятствовать нашему с тобой общению — по известной причине? Похоже, что так. Другого объяснения мне не придумать.

— Возможно, мы получим точный ответ на этот вопрос от Игзайбера, когда доберемся до него, — вставил Рас. Ева фыркнула то ли с презрением, то ли считая такую возможность несбыточной.

К месту, где они разлучились, Ева вернулась лишь два дня спустя. По пути она безуспешно попыталась отыскать

потерянный револьвер. Не увидев плота, решила, что либо Рас отправился дальше вниз по реке, либо Раса достал напалм, и плот уплыл без него.

Плутая в джунглях, переплывая речные излучины, Ева сумела не заблудиться и нашла обратную дорогу к стойбищу вонсу. Несколько раз по пути ей пришлось огибать скопища крокодилов. Ева долго питалась одними крокодильими яйцами, которые случалось выкопать на берегу. Затем удалось пришить палкой небольшого питона, и его сырого мяса хватило Еве, чтобы дотянуть до полей вонсу, где она надеялась разжиться овощами. Но обезьяны, виверры, зайцы и птицы уже всю там похозяйничали, оставив за собою полный разор.

Осматриваясь в окрестностях, Ева нашла в силке мертвого зайца, уже слегка затронутого разложением. Несмотря на вонь, изголодавшаяся женщина съела все до последней косточки и, тяжело после этого захворав, три дня была на грани смерти. Чуть окрепнув, сумела зашить палкой поросенка, но была загнана на дерево разъяренной мамашей. Ее надежды поест свинины ухнули — прожорливое стадо сородичей убитого не оставило ей ни косточки.

— Мне казалось, что я единственная в джунглях помираю с голоду, — жаловалась Ева. — Куда бы я ни бросила взгляд, повсюду звери и птицы либо ели, либо готовились к трапезе. Я же все худела и слабела, чтобы самой стать вскоре чьей-то добычей. И вдруг удача — я нахожу олененка, детеныша антилопы, со сломанной ногой. Мне не составило труда прогнать антилопу-мать; та хоть и храбрилась, но была слишком мала против меня. Сложнее оказалось отогнать двух шакалов, но и это мне удалось. Я избавила малыша от страданий и испекла мясо на костре. Мне было так плохо от сырого мяса и так хотелось есть, что уже не заботило, увидит ли кто-нибудь дым от костра. После этого я долго питалась одними фруктами, которые, я заметила, приходились по вкусу обезьянам. Потом в силочек — тот самый, на котором я так обожглась сперва, наевшись тухлятины, — снова попался заяц.

Я вернулась к стойбищу поискать инструменты и накопленные копии. Мне пришлось в голову самой построить плот и попытаться достичь болот. Я подумала: а вдруг ты

все еще где-то в стране шарикту — если остался жив, конечно. К тому же предполагаемый маршрут спасения все равно вел в низовья реки. Мне слабо верилось в удачу, но я обязана была хотя бы попытаться. Затем появились шарикту, и вот я здесь.

Ева зевнула и, прежде чем Рас успел задать хотя бы один вопрос, провалилась в сон. Он пожелал спокойной ночи стражам, с тревогой прислушивавшимся к непонятной беседе. Проснувшись на рассвете, долго ждал запоздавшего завтрака — похоже, рабы, пользуясь отсутствием накануне хозяев, тоже не упустили случая гульнуть в свое удовольствие. Ева спала еще несколько часов; разбудили ее неугомонные мухи. Нимало не смущаясь присутствием Раса, она воспользовалась посудиной — куда только подевалась давешняя стыдливость? Нормальная еда и сон уже пошли ей на пользу — круги под глазами почти сошли на нет.

Рас задал Еве вопрос, с вечера вертевшийся на кончике языка:

— Когда Гилак захватил тебя, он уже несколько дней обходился без женщины. И он достаточно бесцеремонен по сравнению со мной. Ты спала с ним?

— Нет. Хотя я и не понимала, о чем они говорят, но по некоторым признакам догадалась, что Гилак обсуждал это со своими людьми. Думаю, солдат мне нечего было опасаться — они сами меня боялись. А возможные такого сорта поползновения со стороны Гилака я предвосхитила, дав им понять, что нечиста. Мне казалось, что шарикту, как все отсталые народы, соблюдают подобное табу. И я не ошиблась. Увидев, что я пользуюсь клочком рубашки как тампоном, они начали сторониться меня, стараясь вообще не прикасаться. А в конце каждого дня Гилак устраивал церемонию очищения — из-за меня, похожему. Вот так вот.

ГЛАВА 16

Побег

Черная лужица под Биджагу сперва была почти незаметна. Она росла помаленьку, словно душа капля за каплей, подобно струйкам дождя с края крыши, покидала тело. Эти черные капли были беззвучны как тени. И с

каждой каплей, казалось, испаряется плоть под кожей Биджагу, и кости прорываются наружу, на ясное солнышко. Глаза, потеснив уже, наверное, мозг, ввалились еще глубже. Лучик каждого нового рассвета согревал Биджагу все слабее и слабее, не порождая в нем никакого отклика.

— Биджагу! — зывал к нему Рас. — Не помирай! Не уклоняйся от поединка! Я должен своими руками убить тебя, свернуть тебе шею живому!

Биджагу не подавал признаков жизни. Его нижняя челюсть отвисла, и мухи спокойно заползали в рот, путешествовали по немигающим глазам.

— Что ты говорил сейчас? — спросил, подходя ближе, Гилак. Рас повторил, и король милостиво улыбнулся: — Ладно. Сегодня я добрый. Я позволяю тебе прикончить твоего врага.

Гилак хлопнул в ладоши и отдал приказ. Копейщики выстроились дугой возле клетки Раса. Раб долго возился с тугими узлами запоров, и Гилак, отослав того в нетерпении прочь, разрубил веревки мечом. Распахнув дверцу, король отступил за спины воинов.

Рас медленно выбирался из клетки. Ошеломленный, он никак не мог взять в толк, что получил вожденную возможность убить Биджагу.

— Ты должен радоваться — теперь ты можешь осуществить свою месть! — сказал король.

— Это как-то неожиданно, — промямлил Рас. — И Биджагу... он ведь даже не почувствует. Я надеялся сразиться с ним, полным сил, чтобы он понял: настал час расплаты... Но сейчас...

— Так ты не хочешь его убивать?

— Это мой долг... — ответил Рас нерешительно.

Гилак, закатив глаза, расхохотался.

— Это ведь не похоже на убийство леопарда, задравшего твоих близких, — рассудил Рас. — Когда убиваешь зверя, нет к нему ненависти. Зверь есть зверь, и он делает, что ему назначено природой. Биджагу сейчас даже и не зверь. Он ничто, пустое место.

— Почему ты не сказал мне этого раньше, пока я не испортил отличные веревки? — спросил Гилак. — Зачем ты пружужал мне все уши своей жадной мести?

— Знаешь, это похоже на спуск с крутого песчаного обрыва, — заметил Рас. — Ты уже передумал, ты хочешь вернуться назад, но тебя все несет и несет вниз.

Гилак нахмурился и закусил губу. Затем улыбнулся и отправил Раса назад в клетку. Запоры на двери заменили на новые. Зрители, включая мать короля и его жен, выглядели разочарованными в своих ожиданиях. Гилак продолжил разговор уже через решетку:

— Я давал тебе шанс. Больше не получишь, даже если снова передумаешь. Мне казалось, тебе нужна смерть вонсу, чтобы успокоить души родителей. Ты отказался. Я беру твой долг на себя.

Гилак отдал приказ, и в клетку Биджагу вошли два воина.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Рас короля.

— Увы, Бастмааса еще не проголодался, — ответил Гилак. — Всего три дня, как он получил Татниса. Но если потянуть еще немного, вонсу попросту не доживет.

— Вы швырнете Биджагу в бассейн? — заключил Рас.

— Завтра. До того, как солнце коснется гор на закате. Но сначала мы проведем установленную церемонию, а на ночь оставим вонсу на платформе над бассейном. Пусть Бастмааса хорошенько рассмотрит наше приношение.

Четверо королевских родичей с трудом вынесли из покоев резной трон лимонного дерева, трон, весь изукрашенный барельефами крокодилов. На него усадили Биджагу; тот почти завалился набок.

Грянули барабаны, завизжали волынки; воины ударили по щитам копьями. Парадный строй сформировался по-походному быстро, но в строгом соответствии с регламентом. Королевский глашатай возглавил марш сквозь большие ворота; в двенадцати шагах за ним с мечом, крепко сжатым двумя руками прямо перед лицом, печатал шаг король.

Следом подняли трон с Биджагу. Когда трон почти поравнялся с воротами, Биджагу вдруг конвульсивно задержался и невероятным усилием выпрямил спину. Его крик был так страшен, что волынки и барабаны, сбившись с ритма, смолкли. Гилак резко обернулся.

Голос Биджагу был негромок и слаб по сравнению с ужасным криком. Но Рас расслышал его.

— Лазазу Тайгади! Ты слышишь меня?

Голова Биджагу откинулась на высокую резную спинку, глаза уставились прямо на солнце.

— Я слышу тебя, Биджагу! — крикнул в ответ Рас.

Голос Биджагу пресекался от слабости, и если бы не гробовое молчание — словно перед шарикту предстал во плоти сам дьявол, — Рас так бы ничего и не услышал.

— Я не убивал твоих родителей! Никто из вонсу не убивал их! Ты должен...

— А кто убил? — выкрикнул Рас. — Кто убил их, Биджагу?

Ответа он не дождался. Биджагу обмяк с громким стоном, точно волынка, из которой выпустили последний воздух. Все четверо носильщиков пошатнулись от страха, но трон удержали.

Гилак в нарушение ритуала вернулся назад, к клеткам.

— У вонсу, по-моему, не оставалось уже причин для лжи, — сказал он.

— Он солгал, — выдохнул Рас, — он не мог не солгать!

Гилак коротко хохотнул:

— Ты перебил вонсу в отместку за то, чего они вовсе и не делали!

Рас внимательно взгляделся сквозь прутья решетки в лицо короля. И Гилак, и все, кто стоял за ним, внезапно подернулись сумеречной пеленой, как при солнечном затмении. В ушах зашумело, грудь сдавило удушье.

— Этот смех будет стоять тебе жизни, — процедил Рас.

— Ты еще не устал от убийств? — поинтересовался король. И, продолжая смеяться, он мановением руки возобновил прерванное шествие.

Только королева-мать приняла всерьез угрозу Раса. До тех самых пор пока стул, на котором ее несли рабы, не скрылся за косогором, она не отрывала взгляда от пленника.

Наступила тишина, изредка нарушаемая отдаленным шумом городка у подножия холма.

— О чем вы тут говорили? — любопытствовала Ева.

Рас грубовато отмахнулся от нее — ему сначала самому хотелось обо всем как следует поразмыслить, но Ева оказалась настойчива.

И Рас вкратце перевел все на английский.

— Не переживай ты так сильно! — посочувствовала Ева. — Ты же не виноват. Откуда ты мог знать, что тебя провели? Что еще ты мог предположить, имея на руках такую улику?

— Я убил их всех, — глухо вымолвил Рас. — Даже тех, кого не убивал собственными руками.

Он глянул себе под ноги, словно ожидая увидеть там черную лужицу. Ничего, кроме тени от решетки, на полу не было. Но ощущение, что он теряет душу, не оставляло его.

— А теперь наступила очередь Биджагу. И тоже из-за меня. — Помолчав, Рас добавил: — Но кто же тогда сделал это? Кто убил мою мать стрелой вонсу? И за чем?

— Единственный, кто мог сделать все это, — не знаю, правда, зачем, — это автор тех листков, которые ты называл письмами Бога. Полагаю, его трюк должен был рассорить тебя с вонсу, что и произошло. Только вот зачем?

— Ты думаешь, что это сделал Бог, Игзайбер?

Ева досадливо помотала головой:

— Нет, это не Бог! Человек! Который зашвырнул тебя сюда, в эту забытую Богом долину, и позаботился, чтобы из тебя вышел настоящий Тарзан.

— Тарсан?

Ева повторила это слово тщательно; теперь явственно прозвучал звук «зэ»:

— Тар-зан. Персонаж длинного цикла романов о...

— Персонаж? Романов?

Ева, стараясь избежать углубления в лабиринты, попыталась пролить свет на эти два понятия.

— Очень трудно объяснять тебе что-либо, выходящее за рамки твоего мира, — просто не на что опереться. К тому же я и сама не читала толком эти книги о Тарзане, в детстве видела фильм — тайком от матери, — но фильм это ведь не книга, он может сильно отличаться. Разумеется, все же я кое-что о Тарзане знаю — что-то из фильма,

что-то из других книг, что-то даже из газет. Тарзан был белым человеком, воспитанным в африканских джунглях какой-то разновидностью горилл. Своеобразный архетип свободы от табу и условностей цивилизованного мира. Благородный дикарь.

— И что все это значит?

— Это значит, что автор твоих листков, человек, ответственный за твою судьбу, одержим манией. Психопат, чокнутый, ненормальный, взбесившийся то есть. Он похитил тебя у родителей еще совсем малышом и доставил сюда, назначив на роль Тарзана. Только вот события сейчас выходят из-под его контроля.

Рас надолго замолчал. Даже если забыть о шоке, вызванном откровением Биджагу, переварить все сказанное Евой было непросто. Ему, по выражению Евы, было «не на что опереться».

Внезапно замычав, как от приступа зубной боли, Рас грохнул кулаком по решетке. Караульные строго прикрикнули, но он не обратил на них внимания.

— Я убью его! — закричал Рас. — Я убью Игзайбера!

— Ты только одно не забывай, — сказала Ева, — он не Бог, обычный человек.

— Я уничтожу его! — прорычал Рас, опустил на пол и разразился слезами.

Подождав, пока юноша успокоится, Ева осторожно сказала:

— Этот тип наверняка прячется на вершине озерной башни.

Рас тяжело вздохнул и отвернулся от нее. Караульные, Такиш и Гамум, таращась на Раса, стояли бок о бок с копьями на изготовку, но поджилки у обоих слегка дрожали.

— Если у тебя есть план побега, — сказала Ева, — самое время пустить его в ход. Они ведь все сейчас на острове, ты мне сам рассказывал об их ритуалах.

Рас промычал что-то невнятное.

— Ну, так как же? — настаивала женщина.

— Вообще-то я планировал бежать темной дождливой ночью, так больше шансов.

Рас раскрыл свою сумку и, достав из нее зеркальце и оселок, ударил точильным камнем в середину стекла. Зеркало покрылось сетью трещин. Стукнув еще разок,

Рас вытряхнул один осколок и с его помощью выковырял длинную полоску стекла.

Гамум, подойдя вплотную к решетке, резко бросил:

— Ты это что там такое затеял?

— Готовлю магию — для собственного освобождения, — улыбнулся Рас, подняв на мгновение взгляд.

Глаза у Гамума округлились, он шарахнулся было назад, но, взяв себя в руки, заорал:

— А ну, прекрати, не то убью!

— Можешь попробовать, — мягко откликнулся Рас. Он уже закончил доводить оселком края стекла до нужной остроты и принялся перепиливать кожу запоров.

Гамум сделал выпад копьем, чтобы отогнать Раса от двери. Ожидая этого, Рас не зевал — перехватив копьё у самого наконечника, резко дернул на себя. Вцепившийся в копьё стражник саданулся лицом об решетку, из носа брызнула кровь, глаза закатились, и он осел на землю. Копьё тут же сменило владельца. Такиш набежал с воинственным криком и метнул копьё сквозь решетку; Рас, успевший перехватить свой трофей, увернулся и ответил тем же, но поточнее — его удар поразил Такиша в плечо. Тот упал, но сразу же поднялся, выдернул из себя копьё и снова подступил к решетке. Из развороченных мускулов хлестала кровь.

Рас подхватил копьё Такиша и тут же заметил, что очнувшийся Гамум пятится назад; не желая оставаться безоружным, Рас сделал короткий выпад копьём и всадил полдюйма медного наконечника Гамуму в бедро.

Тот с визгом откатился от клетки, поднялся и захромал к выходу из замка. Всхлипывая и всплескивая руками, верзила-охранник улепетывал с поля битвы.

Рас вонзил наконечник в кожу дверного запора; Гамум успел уже скрыться из виду, когда тот наконец лопнул.

Такиш окликнул Гамума; сообразив, что остался один на один, собрался с мужеством и принял бой. Распахнув дверь ударом ноги, Рас в один прыжок оказался снаружи. Такиш был искусен в копейном бое, но истекал кровью и сражался с могучим духом, который на его глазах с помощью чар преодолел стены, казавшиеся до сих пор непреодолимыми. Рас парировал несколько выпадов, оттеснил бойца назад, сделал обманное движение и всадил копьё прямо под ложечку. Такиш упал на колени и,

схватившись за живот, сложился пополам. Рас стукнул его для верности древком по голове и оставил в покое.

Следовало поторопиться; выскочив за порог замка, Рас увидел Гамума уже почти на полпути с холма. Семифутовый верзила подпрыгивал на бегу, как подраненный аист. В городке у подножия холма царило безлюдье; кроме нескольких малышей под присмотром пожилой седовласой матроны, Рас никого больше не заметил. Почти вся флотилия шарикту скучилась у острова-горы; голова процессии, растянувшейся от лодок на берегу до сооружения на вершине, уже вливалась в темноту высокого храмового портала. К берегу пришвартовывалась последняя запоздавшая лодка, переполненная одетыми лишь в белые юбки рабами.

Копье, брошенное Расом издалека, поразило Гамума точно в спину; прокатившись несколько ярдов по инерции, он замер уже окончательно. Копье еще даже не долетело до цели, как снизу донесся пронзительный вопль — женщина, приставленная к детям, всплеснув руками, застыла от ужаса к холму лицом. Затем опомнилась, повернулась и сломя голову бросилась к берегу. Некоторые из малышей заковыляли следом; остальные продолжили свои младенческие забавы.

Женщина углядела Раса издали, и надежды остановить ее не было никакой. Четверть мили озера, отделявшие ее от островка, потребуют совсем непродолжительной гребли. Расу не оставалось ничего иного, кроме как поспешно вернуться и выпустить из клетки Еву. Он разрубил запоры медным ножом, позаимствованным у поверженного Такиша.

— А что сейчас? — спросила Ева. Сквозь плотный ее загар проступила от волнения молочная бледность, но серые глаза лучились решимостью.

— Сначала я верну себе свой нож, — ответил Рас, — затем, как и Гилак в свое время, сожгу все дотла — и клетки, и дворец.

— У нас мало времени! — запротестовала она. — Если убежим прямо сейчас, опередим шарикту и успеем скрыться за болотами.

Рас упрямо мотнул головой, повернулся и нырнул в ближайшие двери.

Истертые за многие поколения гранитные, в блестях кварцевых прожилок ступеньки вели в длинный коридор, по обе стороны которого располагались покои. В коридоре царил полумрак — дневной свет почти не пробивался сквозь занавешенные тростниковыми циновками входы комнат. Выдернув из гнезд в стене коридора несколько незажженных факелов, Рас велел Еве сделать то же самое и, оттолкнув дверную циновку, шагнул в большую залу. Несколько кроватей красного дерева с травяными матрацами и одеялами из шкур составляли почти всю ее обстановку. Вдоль одной из стен до самых потолочных балок вздымались каменные полки, заполненные сотнями черепов: как предков Гилага, прямых и побочных, так и более округлых, с выступающими вперед челюстями черепов вонсу — жертв военных походов шарикту. Встречались также черепа горилл и леопардов.

Возле огромного окна стоял высокий резной трон, покрытый крокодильей шкурой, рядом с ним — деревянная стойка для копий и палиц. На ней Рас и обнаружил висящим свой ремень с ножнами.

Последний предмет обстановки — небольшая медная жаровня с мерцающими углями — стоял в самом центре комнаты.

Перепоясавшись, Рас раздул угли и зажег факелы. Ева последовала его примеру.

— Почему мы теряем время? — забеспокоилась она.

— Потому что Гилак должен понять, что я не чета обычному пленному. Он должен поплатиться.

Рас объяснил, что ей следует делать. Срывая занавески, они стали сваливать их под гигантским стропилом; груды увенчали кровати. Рас сунул в нее горящий факел, затем стал смахивать копьем черепа с полок, ногами подгребая раскатившиеся к огню.

Закончив с залой, они вдвоем обежали этажи, повсюду сажая огненные цветы. Перед возвращением во двор Рас выглянул из окна: излившись из храма, поток белых фигур шарикту уже устремился к челнокам и бамбуковым лодкам.

Пока Ева обкладывала клетки припасенными циновками, Рас при помощи тяжелой медной треноги-жаровни в несколько взмахов разрушил решетку своей клетки. Рас освобождал колесо.

— Что такое ты еще задумал? — досадливо произнесла Ева. Ее лицо и волосы припорошил пепел, а глаза, широко от возбуждения распахнутые, покраснели от дыма и напряженных усилий. Но, завидев диковатый взгляд Раса, испугалась: — Молчу-молчу! Не обращай внимания!

Рас, действительно не обращая на нее пока никакого внимания, прошел сквозь занимающиеся огнем руины клетки в пристройку, мощным усилием мышц снял с основания колесо, которое устанавливали с превеликим трудом четверо одновременно, опустил и, тараня им остатки решеток, выкатил на свободу.

Дым, полностью уже пропитавший воздух во дворе замка, заставлял беглецов мучительно кашлять. Рас выкатил колесо за порог замка, немного развернул и утвердил перед самым гребнем холма.

Бросив в этот момент взгляд на берег, увидел, что три челнока и военное каноэ короля уже пристали к городскому берегу, а остальные быстро подтягиваются. Гигантская, облаченная в белую мантию фигура короля скачками неслась по улице, меч сверкал над головой; следом, поблескивая копьями, бежали телохранители. За королевскими родичами спешила толпа вольных копейщиков.

Рас еще немного подправил колесо, установив его у северо-восточного угла дворцовой стены. Когда волна горького дыма накрыла их и здесь, они с Евой легли на землю и продолжили наблюдение за приближающимся воинством.

— Я хотела бы узнать, что ты собираешься делать, — робко вымолвила Ева, коснувшись плеча юноши, — но уже боюсь и спрашивать.

— Колесо докатит нас отсюда до городка, — невозмутимо откликнулся Рас. — Если повезет, так прямо и до озера, где стоят челноки.

Ее ногти произвольно впились Расу в бицепс.

— Ты хочешь... — Женщина не решилась договорить.

— Вот именно! У нас будет в результате немалая фора, — просиял Рас. Он просто лучился от удовольствия. — Мы дождемся, когда преследователи почти поднимутся на холм. Затем пересечем озеро и уйдем в холмы, а оттуда — в болото. Мы могли бы отправиться на лодке и вниз по реке, но, боюсь, шарикту опередят нас по суше,

как только поймут, куда мы направились. А в холмах, я уверен, им нас не найти.

— Но мы уже давно могли отступить и скрыться в холмах по эту сторону озера, — почти простонала Ева.

— Вряд ли. Здесь до холмов три мили голой равнины. Я, разумеется, успел бы убежать, но вот ты...

После короткой паузы Рас прибавил:

— А кроме всего прочего, мне хотелось проверить побег именно таким способом.

— Что ж! — Ева оставила Расов бицепс в покое и нервно рассмеялась. — Юмала! Видели бы меня сейчас мои ученые коллеги! Они бы просто не поверили своим глазам! Никто и никогда мне не поверит!

Рас следил сквозь клубы дыма за Гилагом, спешащим вверх по ступеням лестницы. Родичи короля отставали всего лишь на пару шагов. Копейщики же, разделившись на две примерно равные группы, цепью охватывали холм понизу, чтобы не дать уйти беглецам, если те все еще на холме.

Из города высыпала толпа мастеровых, крестьян и рабов и тоже устремилась на пожар, обгоняя по пути отставших женщин-шарикту. Кресло королевы-матери опасно накренилось в спешке на плечах рабов; Шикут, самостоятельно держа над собой зонт, беспокойно вертела головой.

— Ради всего святого, разве еще можно ждать? — взмолилась Ева.

Рас ослепительно улыбнулся и поднялся на ноги.

— Пора! — бросил он коротко.

Дым так сгустился, что Ева порой теряла Раса из виду, хотя разделяло их от силы два-три фута. Закашлявшись, она снова опустилась на землю, где дым был реже, и быстро поползла к колесу. Рас был уже внутри и тоже надсадно кашлял.

— Быстрее! — скомандовал он.

Ева нащупала вход между прутьями, забралась вовнутрь и выдохнула:

— Я почти ничего не вижу!

Рас повис на руках на верхних прутьях, затем сквозь кашель выдавил:

— Похоже, так ничего не выйдет.

Спрыгнув на деревянную дорожку, он разбежался и, подпрыгнув, снова вцепился руками в верхние перекладины.

— Это будет непростая прогулка, — предупредил Рас. — Держись покрепче, что бы ни случилось!

Убедившись, что Ева как следует вцепилась в бамбуковую стенку колеса, снова взбежал по дорожке, пытаясь сдвинуть сооружение своим весом. Колесо качнулось, слегка сдвинулось и замерло. Рас упорно карабкался, все выше и выше по замкнутой дорожке. Колесо двигалось медленно, вес Евы тормозил его.

Рас испустил яростное рычание, захлебнувшееся в кашле. Толкнув колесо вперед, он резко бросился назад. Колесо качнулось, помедлило — и перевалило через гребень холма.

Ева взвизгнула. Рас, продолжая захлебываться кашлем, набегал на дорожку. Начав отставать от нее, бросился в сторону и закрепился на стене. Холм огласился дружным воплем испуганных шарикту. Рас повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить Гилага, замеревшего шагах в сорока с опущенным мечом. Затем все перевернулось, солнце оказалось внизу, Гилак мелькнул и исчез. Вертящийся за спицами колеса мир: черные фигуры в белых мантиях, широко распахнутые глаза, разинутые рты, мелькающие ступени и солнце, поменявшиеся местами с землей, — оглушая криком, пронеслись мимо. Колесо, взмыв в воздух на небольшом трамплине, грянуло оземь, едва не сбросив своих пассажиров со стенок.

Угрожающе накренившись после прыжка — Ева опять в ужасе завизжала, — оно все же устояло и, слегка изменив направление, помчалось дальше. А может быть, Расу это просто почудилось — составить представление о том, куда занесет их колесо, сейчас было уже невозможно.

Внезапно замелькали каменные стены с тростниковыми крышами, — с направлением пока везло, отметил Рас, — испуганные лица зевак в окнах, снова крики, заполошное кудахтанье брызнувших в стороны кур, еще удар, кружение в воздухе перьев, затем медленный крен и плеск воды. Озеро накрыло беглецов прохладой, освобождая онемелые от напряжения пальцы, затем отпустило — и вот уже Рас лежал на бамбуковой дорожке по горло в

воде и весело смотрел на Еву, облепленную мокрыми водорослями собственных волос.

Чтобы выбраться из колеса, пришлось снова нырять в воду — выход оказался вниз. Добравшись до берега, беглецы поспешили мимо отпечатавшейся в песке дорожки — точно следа чудовищной змеи — к ближайшему челноку. К счастью, весла оказались внутри. Из ближайших домов уже выглядывали обитатели и указывали на беглецов пальцами.

Гилак с прочими, прыгая через две ступеньки, был пока лишь на полпути с холма. Король, размахивая над головой мечом, снова мчался первым; остальные, испуганные было колесом, подтягивались. Ориентиром для всех служили светлокожие фигуры на берегу.

— Быстро в лодку! — скомандовал Рас и, не дослушав невнятного возгласа у себя за спиной, бросился в ближайший к берегу дом. Из дома с заполошным воплем выскочила женщина с двумя детьми; Рас не обратил на них ни малейшего внимания. Он быстро отыскал в доме оружие: два коротких копья, охотничий лук и полный колчан. Прежде чем оставить дом, Рас ударом ноги опрокинул медный треножник с углями; сверху метнул несколько циновок. Подпалив от огня факел, ткнул им в тростниковую крышу. Дома здесь стоят тесно, рассудил Рас, и, коль уж заполыхает один, сгорят многие, если не все — тут и бриз, дующий с берега, не поможет.

Ева, стоя в челноке на коленях и оглядываясь через плечо, ждала с веслом наготове. Ее рубашка и лифчик, и так уже повидавшие виды, окончательно разорвались при сумасшедшем спуске с холма и не скрывали исцарапанной нежной кожи.

Рас на мгновение замешкался, затем бросил в челнок одно из копий и оттолкнул Еву от берега:

— Давай греби вперед, и побыстрее! Я догоню в другой лодке.

Забросив оставшееся копьё в соседний челнок и повесив колчан на плечо, Рас с луком в руке принялся сталкивать в воду остающиеся лодки. Челноки не вызвали никаких затруднений, а вот чтобы сдвинуть два военных каноэ, пришлось отложить лук и потрудиться — приналечь плечом. На его счастье шарикту в спешке не вытащили лодки как следует.

Отпихнув последнюю, Рас помчался к своему челноку. По пути глянул на главную улицу и, заметив Гиلاك с двумя десятками подручных уже совсем неподалеку, выстрелил на бегу из лука. Король, вовремя заметив опасность, нырнул за ближайшую хижину; стрела со звоном впилась в бамбуковый шест рядом с ним. Остальные воины рассыпались и залегли.

Запрыгнув в челнок, Рас бешено заработал веслом. Ярдах в тридцати бросил взгляд за спину: Гилак с криком метался по берегу, а воины бросались в воду — вдогонку за дрейфующими лодками. Ближний угол дома полыхал вовсю и метал искры на соседние жилища. Обитатели выстраивались в цепочку к озеру — подавать воду пожарным. Больше Рас не оборачивался.

ГЛАВА 17

Божье око

Остров вырастал на глазах, вздымаясь из воды, словно полузатопленный панцирь гигантского черепашьего бога — увенчанный храмом Бастмаасы, точно короной. Впечатляющий своими габаритами, сложенный из больших светлых блоков известняка, храм не имел ни единого окна и всего лишь один входной портал, достаточно широкий для прохода двоих одновременно. Храм сиял на солнце, единственными черными пятнами на белом фоне выделялись тени сразу за дверью да воронье гнездо на одной из стен.

Рас попросил Еву, выскочившую из челнока на берег, захватить весла и оба копья. Оттолкнув один челнок подальше, юноша взвалил второй на спину и зашагал вдоль глубокого канала, ведущего к дыре под основанием храма.

Возле входа Рас прислонил челнок к стене и вошел внутрь. Ева начала было фразу:

— А ты не собираешься... — но осеклась и замолчала.

Внутри храма причина существования канала становилась очевидной — вода из него наполняла большой квадратный бассейн, расположенный в центре. Бортики бассейна, все из того же известняка, возвышались на фут над уровнем пола. С одной стороны в бассейн вдавался выступ, своеобразный каменный язык двадцати футов

длинной. Бассейн был повсюду, кроме входа, окружен рядами каменных сидений, отделенных от воды пространством утоптанной земли футов с десять шириной. Здесь, на скамьях, и размещались, должно быть, зрители церемоний, проводимых верховным жрецом Гилаком. А с окончательности выступа он, должно быть, швырял крокодилу жертвы.

Крыши у здания не было; когда солнце в зените, тени в храме не найти. Но сейчас солнце уже скатилось к западу, и тень западной стены храма достигла края бассейна. А в дальнем конце на плите, залитой водой, распростерся сам бог Бастмааса.

Воистину крокодил мог быть столь древним, как утверждали шарикту. И уж наверняка был обитателем здешних мест, когда они пришли в эту долину. Датамы, населявшие эти земли до вонсу, — строители и храма, и замка на холме, и городка у подножия, — передали вонсу, а те, в свою очередь, шарикту, что крокодил уже был здесь, когда они явились в этот мир. Датамы признали его своим главным богом и выстроили для него храм — с тех самых пор он и поселился в нем. Вонсу переняли у датамов религию; затем шарикту, изгнав вонсу, признали крокодила богом и дали ему имя «Бастмааса».

Крокодил этот рос всю свою долгую жизнь, если верить словам Гилака. Король утверждал, что и крокодилы, и змеи растут до самой смерти. По хронологии Гилака Бастмаасе было как минимум пятьсот лет — и, достигая длиной сорока футов, он вдвое превосходил самого длинного крокодила из встречавшихся до сих пор Расу.

— Древний, как скалы, как первый в мире стук сердца, — прошептал Рас. И добавил: — Но и скалы точит безжалостное время, и сердцу бессмертного бога назначен конец.

В храме царила тишина, абсолютная тишина — и Расу казалось, что он различает биение сердца гигантской рептилии. Сквозь темную, почти непрозрачную воду Рас все никак не мог разглядеть тело Биджагу. Юноша обходил бассейн в поисках тела вонсу, но, не в силах устоять перед искушением, остановился рассмотреть Бастмаасу с близкого расстояния.

Ева, осматриваясь по сторонам, тихонько брела вдоль стен храма и вдруг, негромко ахнув, позвала Раса. В полу

у основания дальней стены зияло отверстие. На дне темной глубокой ямы с трудом угадывался силуэт человека.

— Думаю, что церемония была прервана в самом начале, и шарикту просто не успели скормить вонсу крокодилу, — сказала Ева. — Вот они и сунули его на время в эту дыру.

Рас снял с себя предусмотрительно намотанную трофейную веревку и привязал конец к небольшому колышку рядом с ямой; вытащить Биджагу из ямы не составило труда. Но он был недвижим и, казалось, уже и не дышал; биение сердца не прослушивалось. Если Биджагу еще и не умер, то был очень близок к смерти.

— Ты уже ничем ему не поможешь, — вздохнула Ева. — Подумай лучше о нас!

Она двумя руками вцепилась в плечо Раса и умоляюще заглянула в лицо:

— Рас! Ты, похоже, вообще никого не боишься, но я трушу, я боюсь этих людей! Они же вот-вот будут здесь! Ну, давай уйдем отсюда, умоляю! Какого черта мы здесь еще ждем?

Рас отстранился и небрежно бросил:

— Я должен убить бога.

Дойдя до дальнего края бассейна, юноша склонился над парпетом. Узкий темный зрачок на желтом фоне открытого глаза показался ему похожим на росток, нераспустившийся побег, рвущийся сквозь броню из самого мозга рептилии. Этот глаз пять столетий наблюдал крохотный мирок внутри храма. Его хозяин, питаемый чело-вечиной, впадая в неистовство в брачный сезон, непременно получал самок. Шарикту утверждали, что все крокодилы в мире — его потомки. Стало быть, Ева, поедая крокодильи яйца, питалась божественной пищей.

Рас натянул тетиву и прицелился. Бастмааса не двигался; его немигающий взгляд оставался безразличным к окружающему.

Стрела, пройдя сквозь глаз и пронзив комок мозга, убьет Бастмаасу; вместе с ним умрут и пять долгих столетий.

Неожиданно, как звон лопнувшей тетивы, раздался голос Евы:

— Ну пошли уже!

Рас едва не подпрыгнул. Что-то слишком уж долго он стоял с натянутым луком. Слишком долго. Юноша опустил оружие. А стоит ли убивать Бастмаасу? Уничтожив его, не уничтожишь шарикту. Они придут в бешенство, но нарекут Бастмаасой другого крокодила. А эта тварь живет так давно, что просто грех ее убивать. Она чем-то напоминает его самого — они оба уникамы, они оба сумели пережить многое и многих. И Рас вложил стрелу в колчан.

— Уходим, — бросил он. Ева помчалась вперед, к узкому входному нефу, между возвышающихся вокруг рядов скамей. Рас поспешил за ней и чуть не сбил с ног, когда она внезапно замерла. Звук, который остановил Еву так резко, был еще очень далек, но и Рас уже различил его без ошибки — так чмокать могли только лопасти вертолета.

Рас мягко отодвинул Еву в сторону и прошел к выходу. Высунув голову за угол, он увидел каноэ Гилака входящим в канал, ведущий к храму; остальные лодки подтягивались неправильным полукругом. Вертолет, летевший в пятистах футах над поверхностью озера, был еще далеко.

Все восемь гребцов военного каноэ прекратили греблю. Вместе с королем, сидящим на кормовом возвышении, они дружно повернули головы и уставились на вертолет. В остальных лодках тоже замерли.

— Они увидели большой дым, — сказала за спиной Ева. Подойдя вплотную, она тронула Раса за плечо — рука женщины мелко вздрагивала. — Они же убьют меня.

Гилак что-то выкрикнул. Его люди ожили и принялись торопливо разворачивать лодки. Вскоре все они устремились к берегу. Где они думают спрятаться? — подивился про себя Рас. Ведь замок сгорел дотла, и в городке полыхают уже четыре дома, угрожая пожаром и остальным.

Ева, сняв руку с плеча Раса, встала рядом.

— Что мне делать? — жалобно спросила она. — Они наверняка заметят меня — сразу же, как только я выйду отсюда, заметят!

— Может быть, они сюда и не долетят, — возразил Рас. — Что им здесь может понадобиться?

— Но не могли же они не заметить всю флотилию шарикту, плывущую к острову. И должны были удивиться, почему шарикту, бросив горящие замок и город на произвол судьбы, всем скопом устремились сюда.

Аргумент Евы звучал логично, но, подтвердив ее сообщения, Рас не облегчил бы женщине жизнь на ближайшие минуты. И он промолчал. Молча наблюдал Рас парение вертолета на небольшой высоте над полыхающим городком. Могучие крылья мели пыль по улицам и раздували пламя, бросая искры на соседние дома. В кабине вертолета сидели двое; их далекие профили казались черными против солнца.

Шарикту, разбегавшиеся от вертолета, пытались укрыться на западной окраине городка.

Вертолет широкой сходящейся спиралью поднялся к догорающему замку, несколько раз облетел дымящиеся руины и, нацелившись на остров, взял резко вверх.

Беглецы прижались к стене рядом с выходом в ожидании. Когда звук вертолета достиг точки прямо над головой, они нырнули в колодец портала. Вертолет завис над храмом; Бастмааса своим низким недовольным мычанием перекрыл на мгновение рев моторов.

Ева дернула Раса за руку, как только колеса вертолета, опускавшегося к поверхности бассейна, оказались в их поле зрения. Но Рас не нуждался в подсказках; они вовремя покинули проем и, пока из него вырывался ветер, поднятый мощными лопастями, прижимались к стене храма снаружи. Затем, когда с подъемом машины вверх шум стал уменьшаться, беглецы вернулись под своды портала.

Но вот рев усилился снова. Вертолет снижался и на этот раз снаружи, прямо перед входом в храм. Ева прокричала что-то, за шумом неразличимое, и побежала внутрь, Рас следом.

— Отсюда нет второго выхода! — вскричала она. — Мы попались!

Рас сжал ей плечо, придвинул поближе:

— Им придется сперва иметь дело со мной! И я не думаю, что им позволено убить меня. Да, я так не думаю.

Он увлек Еву за руку вверх вдоль каменных скамей. За последним рядом возвышалась футов на десять стена храма.

— Я подсажу, — сказал Рас. — Там тебя можно заметить лишь из центра храма, и то если тебе стукнет в голову встать на стене в полный рост, ну, и из вертолета, конечно, — взлети он прямо сейчас.

Рев стал глуше и скоро смолк совсем.

Рас поставил женщину лицом к стене, пригнулся, подхватил за бедра и поднял. Ева уцепилась за край, подтянулась; Рас подтолкнул ее напряженные лодыжки. Перевалив через край, женщина обернулась и опустила руку за копьём.

— Ляг у внешнего края стены и не шевелись! — скомандовал Рас.

— Я поломаю себе ноги здесь, — прохныкала Ева, но, заметив выражение его лица, поспешно добавила: — Хорошо-хорошо! Я все сделаю как надо!

Рас резко развернулся и бросился к выходу. Он не рискнул выглянуть из двери — снаружи могли заметить; пусть продолжают считать, решил Рас, что внутри никого нет. Иначе вернутся в вертолет и атакуют с воздуха.

Человек, подошедший ко входу, двигался неторопливо, но далеко не беззвучно. Конец его вытянутой тени упал на порог и замер на целую минуту — пришелец вслушивался в тишину. Рас ничуть бы не удивился, если бы ко входу подошли оба — это казалось логичным, один мог бы прикрыть тогда другого. Но другой, рассудив, видимо, иначе, остался в летающей машине.

Тень двинулась внутрь. Рас с ножом в руке затаил дыхание. Сам он никогда не рискнул бы войти в столь удобное для засады место, но он никогда и не держал в руках оружия этих людей — оружия, порождающего высокомерие и самонадеянность. А возможно, после облета сверху пришелец поверил, что храм и вправду пуст, и теперь просто желает в этом удостовериться.

Винтовочный ствол показался за краем портала и, точно вынюхивающая угрозу змея, покачался вправо-влево. Рас резко выбросил руку и рванул за ствол, вытянув вместе с винтовкой и ее обладателя — того понесло по кругу. Выстрелы заложили Расу уши; что-то свистнуло совсем рядом с ухом — от каменных скамей брызнули осколки. Однако нож уже совершил свое кровавое дело в горле белого человека, и Рас стал обладателем оружия, которым не мог, не умел пока пользоваться.

Снаружи долетел крик на английском:

— Эл! Что там у тебя, случилось что?

Рас вынул из кобуры покойника пистолет и, прихватив винтовку, беззвучно скользнул вдоль скамей наверх, к стене. Он забросил трофеи на стену; без клада не обошлось — человек внизу, услышав, видимо, эти звуки, вновь обеспокоенно закричал. Рас подпрыгнул, подтянулся и перевалил через край. Ева, послушно распластавшаяся у внешнего края, подала ему знак, что с ней пока все в порядке.

— С одним разделался, — тихо сказал Рас. — Смотри!

Он бросил ей пистолет; хватая оружие обеими руками, Ева ненароком столкнула копье со стены — удар древка о землю не был слишком громким. Рас понадеялся, что этот шум не привлеч внимания за углом здания. Но винтовку опустил уже осторожнее. Ева схватила ее с вождением. В этот момент двигатель вертолета чихнул, откашлялся и взвыл.

— Убей второго, пока не смылся! — приказал Рас.

Что-то делая с винтовкой на ходу, Ева побежала вдоль по стене храма. Рас спрыгнул обратно вовнутрь и помчался к забытым возле входа луку со стрелами. Когда он, натянув тетиву, выступил из портала, вертолет как раз, взмыв футов на десять, наклонял свой тупорылый фюзеляж в сторону канала. Грохот винтовочных выстрелов, хотя и ожидаемый, заставил Раса вздрогнуть.

Колпак кабины усеяли отверстия. Человек внутри — тоже белый — резко дернулся. Машина тем не менее взмыла к небу и полетела в сторону болота. Ева прекратила бесполезную пальбу.

— Черт! Черт! Черт! — выкрикнула она и разрыдалась от бессилия.

— Я видел, что ты попала, — утешил Рас женщину.

Ева, повесив винтовку на плечо, спрыгнула со стены; Рас подхватил ее. Женщина спрятала лицо у него на груди. Плечи тряслись, она захлебывалась рыданиями.

— Если бы только мне удалось подстрелить этого типа на земле! — всхлипывала она. — Я умею управлять вертолетом! Я бы справилась! Мы улетели бы отсюда вместе!

— Ты жива, и у нас есть теперь оружие, — утешил ее Рас. — Если бы ты не ранила его, он мог бы вернуться и

сбросить огненную бомбу. Ты должна обязательно научить меня из этого стрелять. Но попозже. Сейчас надо убираться отсюда. Этот человек скажет другим, что ты жива, и они возобновят охоту на тебя. А может, и на меня теперь тоже.

Рас указал через пролив:

— Смотри, шарикту выходят из домов.

Уже восемь домов было охвачено огнем. Горожане, составив три цепочки между горящим поселком и озером, быстро подавали ведра с водой. Гилак с родичами совещались на берегу. Они часто и поглядывали, и указывали жестами в сторону острова.

— У этой винтовки есть оптический прицел, — недобро произнесла Ева. — Я могу застрелить Гилака прямо отсюда.

Рас предполагал, что пули могут лететь далеко. И все же был потрясен словами женщины. Что-то в подобном оружии показалось юноше нечестным. И применявшие его были сродни чудовищам.

— Не нужно, — сказал он. — Гилак нескоро теперь соберется с мужеством, чтобы гоняться за нами.

Ева поглядела через какое-то устройство на винтовке и, что-то в нем подкрутив, объявила:

— Я могу достать как минимум пятерых, прежде чем они попрчутся по домам.

Рас раздраженно бросил, что хотел бы размозжить такое оружие о стену.

— С чего бы это вдруг такая сентиментальность? — удивилась Ева. — Сам-то вон как с вонсу разделался!

— Я действовал своими руками, я не пользовался машиной!

— Твой лук — тоже машина! А также копье! И нож тоже!

— Есть разница, — заупрямился Рас. Они вернулись в храм, подошли к убитому. Ева, пошарив по карманам, обнаружила три обоймы с патронами калибра 7,5 миллиметра — для винтовки, уточнила Ева, — и двадцать патронов тридцать второго калибра россыпью — для револьвера. А также, сняв с покойного, надела на себя ремень с ножом в ножнах.

Кроме того, в результате обыска обнаружили пачка сигарет, зажигалка и конверт. Рас повертел находки в

руках, конверт раскрыл. В нем лежало письмо, написанное от руки по-английски. Рут Биванс, женщина из английского города Ливерпуль, посылала любовную весточку Элу Листеру, который лежал сейчас бездыханным в храме бога Бастмаасы и должен был скоро пополнить собой содержимое ненасытного крокодильего чрева. Рут тосковала о том дне, когда вернется ее возлюбленный, и выражала надежду, что он не будет так ревнив и несдержан, как в последний раз. Он должен ей доверять — кроме него, она не взглянет ни на одного мужчину.

Письмо снова слегка взволновало Раса — впервые юноша действительно почувствовал, что за скалами, за синим сводом небес и впрямь существует неведомый большой мир. Должен существовать.

Выводы Евы несколько отличались от его собственных.

— Письмо отправлено из Англии с месяц тому назад и вручено в Аддис-Абебе, столице Эфиопии. Кому-то пришлось за ним съездить, — сообщила она.

Щелкнув зажигалкой и добыв из нее огонек, Ева заставила Раса подпрыгнуть от изумления. Она зажгла сигарету и глубоко затянулась. Блаженное выражение мигом слетело с ее лица — вместе с мучительным кашлем. Скорчив гримасу, Ева отшвырнула сигарету:

— Дьявол, ну и мерзость! Это, пожалуй, даже к лучшему: когда меня снова потянет курить все подряд, надо лишь вспомнить об этом.

И она метнула следом всю пачку. Затем, вздохнув, сказала:

— Думаю, у пилота был радиопередатчик. И полагаю, что наш неведомый враг навряд ли так уж стеснен в средствах, чтобы ограничиться одним лишь вертолетом на башне — так любая случайность может превратить в робинзона. Лучше бы нам поторопиться.

Рас швырнул мертвеца в бассейн. Тело с громким всплеском исчезло под водой. Гигантская рептилия скрывалась сейчас в глубине бассейна. Рас снова пощупал Биджагу и убедился, что если тот даже и не переступил еще порог между жизнью и смертью, то разницу ему, Расу, не уловить. Он отнес вонсу к парапету и сказал:

— Прости меня, Биджагу! Я и вправду верил, что именно ты убил моих мать и отца. Клянусь тебе, что

отомщу тому, кто виноват в моем заблуждении; убью его, будь он даже бог, а не человек!

Рас поднял бесчувственное тело над головой и забросил его подальше. Биджагу, погружившись вначале, через мгновение показался лицом кверху — словно хотел бросить прощальный взгляд на Раса — и снова скрылся под водой, уже окончательно. Почти сразу же в дальнем конце бассейна всплыл Бастмааса, ударом чудовищного хвоста послал себя вперед и нырнул следом за уходящим в глубину телом.

Выйдя из храма, Рас подхватил челнок с веслами и поспешил к восточному берегу острова. Ева несла следом винтовку и револьвер. Гилак, заметив, что они отбывают, ничего не стал предпринимать, лишь проводил беглецов внимательным взглядом. Обойдя храм, они подобрали под стеной копьё и вскоре уже плыли по озеру. После высадки на его дальнем, восточном берегу Рас захватил с собой челнок и спрятал его, лишь когда беглецы отмахали с полмили от озера, в глубокой ложине. Прежде чем они добрались до холмов, пришлось долго продираться сквозь густые прибрежные заросли. Там, в холмах, и устроили привал — Рас отправился на охоту, Ева собирала хворост. Часом позже Рас вернулся с добычей — панголином. Ева поинтересовалась, не попался ли Расу на глаза вертолет. Рас ответил, что не видел его, но слышал — должно быть, крутится в окрестностях озера.

Утомленная, Ева прилегла и, пока Рас разделявал тушку пожирателя муравьев, а затем с помощью зажигалки разводил костер, вздремнула. Рас, совершенно очарованный новой игрушкой, никак не мог нащелкаться, налюбоваться на мгновенно вспыхивающий язычок пламени. Костер немного дымил, но Раса это мало тревожило. Он прожарил мясо, затоптал угли и только затем разбудил Еву. Они подкрепились. После еды Ева убедила Раса поспать, сама же осталась на карауле.

На землю пала ночь. Высыпали звезды, но до восхода луны оставалось еще несколько часов. Беглецы закусили остатками мяса, и Рас сменил на посту женщину. Звуки, издаваемые в джунглях ночными охотниками, стали брать верх над затихающими дневными. Пора, решил Рас. Прихватив по пути челнок, они вернулись к озеру. На противоположном берегу, где днем полыхал пожар, Рас не сумел

углядеть ни единой искорки. Либо все там выгорело дотла, либо шарикту все же сумели справиться с пожаром.

Большая часть плавания по озеру к речному устью прошла при свете одних только звезд. Небо чуть светлело на востоке, выдавая ночное светило, медлящее перед тем, как выглянуть украдкой из-за горизонта. Впереди, на северном берегу озера, мрачными пятнами непроницаемо темнели рощи. Где-то посреди них находилась протока, еще невидимая. Рас угадывал направление не глазами — чутьем. Эта протока была их первой целью на пути к болоту несколькими милями к северу.

Рас сидел на носу челнока и загребал не часто, но мощно. Западный ветерок совсем улегся. Юноша почувствовал — а может, ему лишь почудилось — прикосновение к веслу рыбьего хвоста. Нечто чешуйчатое, зевающее, пучеглазое скользнуло по веслу и кануло во тьму. Во тьму и холод, царившие в глубине. Тьма и холод там царили. Никогда там слез не лили — слишком холодно и сыро там для слез. Если ты живешь в печали, дышишь только лишь слезами — не заплачешь ты от боли, от угроз...

Тяжело дыша, Ева взмолилась:

— Давай остановимся хоть на минутку! У меня уже руки весла не держат — просто отваливаются! И спина прямо одеревенела — сейчас треснет!

Сам-то Рас мог еще долго продолжать грести в том же темпе, но предпочел воспользоваться случаем и прислушаться к окружающей тишине. Челнок, замедляя ход, скользил еще по инерции, затем стал тихо разворачиваться по течению — его нос как бы принюхивался к востоку. Рас слушал. Самым громким звуком было дыхание Евы. Между ним и берегом — зона безмолвия. На берегу — затухающее курлыканье ночной птицы. Далекий, едва различимый стон крокодила. И почти неуловимый за ним, как отпечаток ноги в жидкой трясине, еще какой-то хорошо знакомый звук. Он стих прежде, чем Рас сумел опознать его. Осталось легкое беспокойство, но вскоре прошло.

Осторожно, чтобы не опрокинуть утлую посудину, Рас склонился ухом к воде. Он слышал лишь плеск мелкой волны о борт челнока. Больше ветер не доносил ни

единого звука. Пахнуло плесневеющей древесиной, гнильцой прибрежного ила; ветер принес запах перезревших плодов, волну свежего аромата неведомого ночного цветка с быстро ускользающим намеком на менее приятный запах — чего-то вроде протухшего крокодильего яйца.

Рас выпрямился. Ева сообщила, что снова может взяться за весло — пока еще в состоянии. Челнок снова устремился вперед, и вскоре покровы тьмы впереди распались на части, приоткрыв неясный просвет между космато темнеющими глыбами леса. Течение усиливалось, пришлось Расу приналечь — устье было уже неподалеку. И когда до входа в него оставалось совсем немного, случились два события одновременно. Луна выставила наконец над скалами стыдливый краешек сияющего диска, а ее молочный свет отразился от металлического предмета, несущегося по воздуху. Наконечник копья, — мгновенно сообразил Рас, — и траектория его полета может закончиться в груди у Евы. Предупреждающий вскрик юноши был подхвачен воплями из засады. К счастью, копьё, отколов щепки от носа челнока, ударилось ricochetом о борт и булькнуло в воде.

Пять челноков и большое военное каноэ вынырнули из-под тени деревьев по обе стороны устья. Лунного света хватало, чтобы увидеть по четыре фигуры на каждом челноке и девять на флагмане. Двадцать восемь весел ударили синхронно, как бы движимые невидимым кукловодом. Гилак, стоя на корме каноэ, поднимал для броска очередное копьё. Наверняка он уже упрекал себя за нетерпение, за то, что не дал Расу подойти ближе, совсем близко. Видимо, его поторопил восход луны — Рас мог при свете заметить засаду.

— Поверни лодку бортом! Быстрее! — крикнула Ева.

За спиной Раса клацнул металл — она готовилась применить против шарикту свое страшное оружие. Гилак метнул с криком копьё — и тут же звуки, казалось, Расом еще неслыханные, разорвали в ночной тишине реальность пополам. Он почти совсем оглох, он не слышал ничего, кроме этого грохота, он был опален жаром, извергаемым из адского жерла. Длинные ослепительные линии, словно духи — вестники смерти, исполосовали ночную тьму.

Ева называла их трассирующими пулями.

Снова луна блеснула на наконечнике копья; на этот раз Гилак взял неверный прицел — копье булькнуло рядом с челноком, и по воде разбежались серебристые круги.

Звук, знакомый звук чавканья лопастей, сопровождаемый ревом моторов, быстро заполонил все окрест, поглотив крики людей и эхо выстрелов. Вместе с ним пришел свет — ослепительный луч, бьющий из глаза, безжалостного, как гнев Божий. Вертолет, летящий футах в двадцати над поверхностью реки, появился из-за излучины. Его слепящий глаз заливал оба берега; свет пронзал листву и скользил по буровой поверхности — река внезапно стала ярким проспектом с деревьями вместо домов по обочинам. Вертолет быстро вырвался из устья на озерный простор и пролил свет на сцену разыгравшегося сражения.

Глаз замер, заметив под собой нечто интригующее; затем скользнул дальше. Ощупывая темные днища перевернутых челноков, высвечивая причудливые позы мертвецов, дрейфующие тела, луч неуклонно приближался.

— Ложись! — скомандовала Ева. — Я открываю огонь! Ложись, говорю!

Рас подался вперед. Над ухом снова, громче рева самой Птицы, заговорила винтовка. Огонь пролетал прямо над ним; огненные прожилки, с воем раскраивая полотно ночи, неуклонно ползли вверх и добирались до своей цели — до вертолета, Птицы Бога.

От чудовищного глаза брызнули осколки; подмигнув во тьму напоследок, он погас. Сквозь равномерное чавканье крыльев явственно донеслось недовольное дребезжание, а из темного корпуса вертолета вырвалось пламя. Сполохи, застывая серебристую лунную дорожку, побежали по поверхности воды — прямо к Расу и Еве. Вот они уже скрестились с факелом, разгорающимся в воздухе, — мгновение спустя, точно джинн из бутылки, из озера вырвался огненный шар. Грохот взрыва поглотил даже собственный Расов крик, а вспышка на мгновение лишила зрения. Тут же вынырнув из воды, куда Рас спрыгнул ни секунды не колеблясь, он встряхнул головой, убеждаясь, что не ослеп. Вертолет уже скрылся под водой, но его горячая кровь огромной лужей полихала на поверхности озера — всего лишь в нескольких ярдах от Раса.

Для шарикту — для тех, что уцелели — этого было более чем достаточно. Большинство уже давно плескалось в воде. Только на большом каное оставались люди — все убитые или раненые, кроме одного Гилага. Король, стоя в полный рост на кормовой платформе, замерев точно статуя, всматривался в Раса сквозь бушующее на воде пламя. Неожиданно он ожил, спрыгнул на палубу и схватил весло. Тяжелое каноэ нехотя стало разворачиваться.

Ева держалась на воде рядом и буквально захлебывалась словами на родном языке. Догадка Раса подтвердилась, когда она перешла на английский — это были ругательства:

— Я посеяла винтовку, черт меня раздери! О, дьявол, дьявол, дьявол!

Челнок, дном кверху, дрейфовал рядом с ними. Каноэ Гилага, перегруженное бесполезным балластом из мертвецов, приближалось медленно, но неуклонно, точно слон, шагающий по незнакомым лужам. Гилак, перебегая с одного борта на другой, бешено работал веслом, чтобы заставить каноэ идти прямо. Заметив, что попадает прямо в край огня, и поправляя курс, он поднял с одной стороны каноэ настоящий бурун. Рас, подтолкнув к Еве одно из плавающих на поверхности весел и велел держаться за него, сплавал за другим. Поручив спутнице и его, взялся переворачивать челнок обратно. Гилак вскрикнул, заметив это.

Рас аккуратно забрался в челнок, взял у Евы весла, затем подобрал и саму женщину. Пламя вспыхнуло рядом с новой силой, словно раненое озеро истекало последними горячими слезами. Ветра не было, и дым, распускаясь над водой гигантским плюмажем, рассеивался медленно, слишком медленно. Гилак скрылся из виду в его клубках. Рас перевел дыхание и попытался привести в порядок мысли. Можно было направить челнок направо прямо к берегу, а оттуда уже в устье. Можно было взять влево и неожиданно из-за дыма атаковать Гилага, схватить его, прежде чем он воспользуется копьем. Или все же попытаться обойти огненный круг справа, чтобы оказаться у Гилага в тылу?

Рас обернулся и сообщил Еве о своем решении. Она запротестовала:

— Вот-вот появится еще один вертолет, чтобы выяснить судьбу первого! Думаю, нам следует сейчас же убираться от озера подальше и где-то отсидеться! Что за дело тебе до Гилага?

Пламя, подгоняемое потихоньку течением недалекой реки, постепенно приближалось. Жар быстро высушил мокрые тела и вынудил отвернуть от огня лицо. Дымный протуберанец коснулся глаз, щекотнул в носу и заставил обоих кашлять. Рас попытался сквозь огонь и дым разглядеть каное, но снова вынужден был отвернуться.

— Больше всего на свете я жажду теперь поквитаться с человеком или богом, застрелившим мою мать и заставившим меня убить вонсу, — сказал он. — Но Гилак убил Джанхоя, пытается убить и меня, и если оставить его за спиной, у нас не будет спокойной жизни. Сейчас до него рукой подать, и будет глупо позволить ему уйти. Мы огорошим его прямой атакой — вырвемся из клубов огня и дыма и победим, прежде чем он поймет, что случилось.

— Ты упрямый, упрямый, упрямый осел! — простонала Ева.

Рас был слегка удивлен эпитетом. Он знал за словом «осел» лишь единственное прямое значение и не мог сообразить, почему Ева употребила его сейчас. Отложив расспросы на потом, мощным гребком Рас направил челнок вдоль расползающегося огненного фронта. Уже через несколько секунд жар заставил его откорректировать курс чуть в сторону. Продолжая для маскировки держаться как только можно ближе к огню, Рас напряженно выглядывал могущую появиться в любой момент лодку Гилага. Последнее, что Рас мог предположить, так это симметричные действия противника, намерение Гилага самому броситься в атаку.

А вдруг Гилак-то как раз и осмелится? Он-то достаточно хорошо знает Раса и может предполагать, что Рас постарается напасть неожиданно. Может, как раз за поворотом и ждет?

А может, Гилак сам решил зайти с тыла?

Рас пожал плечами — мысленно, руки были слишком заняты греблей. Будущее переходило в настоящее всего лишь одним из множества возможных путей и способов — и было скрыто в тумане, подобном этому клубяще-

муся над озером дыму. Дыму, скрывающему луну на небе и дерущему Раса за горло. А может, противник как раз и спрятался в дыму и видит Раса? Может видеть...

ГЛАВА 18

Сердце крокодила

Тьма рассеялась, уступив место свету и острой боли.

Голову страшно саднило. И в спину вбивалось что-то колючее. Во рту было совершенно сухо, в горле — ком. Рас закашлялся и сел, вернее, попытался сесть — голову точно молнией пронзило. Ком в горле начал выходить, и Рас едва не задохнулся. Опираясь на левый локоть, он с трудом отхаркнул его. Сразу стало полегче. Рас лежал на земле под невысоким кустом. Вокруг высились густо переплетенные лианами деревья.

— Лежи, не вставай, — подала голос Ева.

Рас благодарно последовал совету, сморщился, застонал и спросил:

— Что со мной?

Ноги Раса лежали на сырой земле, а спина — на колкой зубчатой травке. Коснувшись рукой правого виска, юноша ощутил под пальцами запекшуюся на волосах кровь и солидную впадину на коже. Снова пронзило вспышкой боли.

Простонав, Рас хрипло повторил:

— Что случилось?

— Копье ударило тебя в голову, — ответила Ева. — Оно прилетело из дыма; не знаю уж, как Гилак разглядел нас. Может, просто бросил наудачу и попал, хотя вряд ли — он не похож на человека, сорящего копьями.

— Он видел, должен был видеть, — сказал Рас. — А я нет. Даже копыя не заметил.

— Если бы оно попало прямо, то пробило бы череп и вонзилось в мозг, — заметила Ева. — Но оно летело под углом и отскочило от твоей головы. Чуть не в меня. Кстати, — пронеслось всего в дюйме над плечом и упало в воду. Я не сумела его подобрать.

— А где мы сейчас? — поинтересовался Рас.

После того как юноша был ранен и лишился чувств, Ева развернула челнок на юг. Зона пламени продолжала

расширяться, а Ева даже не представляла, откуда может вынырнуть каноэ с Гилагом. Рас, без сознания, истекал кровью на носу челнока, и женщина чувствовала себя совершенно незащищенной. Постоянно оглядываясь, она гребла изо всех своих слабых сил. Гилаг, к счастью, так и не появился. При лунном свете Ева гребла не покладая рук, стараясь забраться как только удастся дальше; мимо острова с храмом, и еще целых две мили на юг. Сейчас они находились на левом берегу реки, к югу от озера, достаточно хорошо укрытые от возможных взглядов и с воды, и с воздуха.

Замычав сквозь стиснутые зубы от боли, Рас снова прилег. Он был совершенно немошен, ни на что непригоден. А желудок уже начинал требовать пищи.

Ева смахнула мух, жужжащих над раной.

— А где челнок? — поинтересовался Рас

— Рядом, под деревом. Не так-то просто было дотащить досюда и тебя, и челнок. Да еще следы замести. Та еще работенка, к тому же мне было страшно — я слышала голос леопарда где-то неподалеку.

Ева явно напрашивалась на одобрение, и Рас похвалил ее. Женщина, просияв, взяла Раса за руку.

— Мне было очень страшно, — пожаловалась она. — И я ужасно устала! И так переживала! Если бы ты умер...

Не было нужды заканчивать эту сентенцию — и без того у Евы по щекам уже текли слезы.

Рас, сжав Еве руку, подождал, пока она успокоится, затем сказал:

— Как только мне удастся чего-нибудь поесть, я снова смогу взяться за весло. И мы отправимся на север.

И вновь они услышали чавканье лопастей вертолета. Робкое сперва, оно разрасталось и усиливалось — до тех пор, пока машина не зависла, казалось, прямо над головой. Беглецы тревожно поглядывали вверх, где за сплошным зеленым покровом не видно было ни клочка чистого неба; минуту спустя рев начал ослабевать, пока наконец не удалился к югу.

— Нам придется ждать ночи, чтобы повторить попытку прорваться к болоту. А здесь мы сможем покамест поохотиться — в столь густых зарослях невелик риск обнаружить себя.

Ева не сильно вдохновилась идеей Раса. Худая и бледная, она вздрагивала то ли от ночных переживаний,

то ли от прохлады, еще не развеянной поднимающимся солнцем.

По реакции Евы Рас понимал, что ей не хотелось бы оставаться одной, но, зная, что в этих джунглях добытчик он, женщина промолчала. Даже серьезно раненный, Рас был лучше приспособлен к выживанию в этом мире — его собственном.

Рас показал Еве, как отыскивать под камнями и замшелыми бревнами личинки насекомых, мелких грызунов, безобидных змеек и все, что могло служить пищей. Она должна быть при деле, пока он не вернется, и при деле достаточно серьезном. Рас предупредил, что ее находки, может статься, и будут их единственной едой, так как охота — это игра случая. Ева, содрогнувшись от омерзения, ответила, что ей как антропологу всякого приходилось пробовать и есть всякое, но она как-то не очень успела к этому привыкнуть. Сейчас, однако, она достаточно голодна — почти достаточно, — чтобы смаковать жуков и червей как жареными, так и сырыми. Стоя под деревом, Ева провожала уходящего Раса взглядом. Юноша, оглянувшись мельком, отметил безотрадные перемены в ее облике: всклокоченное и побуревшее золото волос; перепачканное сажей лицо, глубокие тени под глазами, полуобнаженная исцарапанная грудь и кожа сквозь прорехи в штанах — местами белая, местами обожженная солнцем, местами покрытая грязью. И над всем этим — взгляд побитой собачонки.

Смахнув напоследок мух, во что бы то ни стало вознамерившихся обосноваться на его голове, Рас окунулся в зеленый лабиринт. Но ненадолго. Неожиданно он понял, что охота для него в нынешнем состоянии — воистину игра случая и добыть что-нибудь удастся лишь при невероятном везении. Ни сил, ни терпения, чтобы выслеживать дичь часами, осторожно и бесшумно подкрадываться к ней, молнией вылетать из засады или метать в последний момент нож, у Раса теперь не оставалось. Он попытался подманить несколько любопытных обезьянок на расстояние броска, но неудачно, хотя каких только ужимок Рас не пустил в ход, чтобы завоевать их доверие.

Тогда он направился назад к реке. По пути услышал необычные для джунглей звуки. Замер, затем сообразил, что это Ева шуршит в зарослях, исполняя свое задание,

неподалеку от места, где он и оставил ее. Юноша прошел мимо и, устроившись на корточках под кустом, внимательно обозрел илистые склоны берегов. Если бы чуть пораньше, можно было бы поискать зарытые крокодильи яйца, но сейчас уже не сезон.

Единственным живым существом в поле зрения был пегий зимородок, метнувшийся к воде с ветки на другом берегу.

— О, мамагу, мамагу, мамагу! — стал негромко и ласково призывать Рас. Это слово было крокодильим заклинанием вонсу, заклинанием подманивающим. Рас надеялся, что оно долетит вдоль поверхности до бронированных крокодильих ушей и заставит рептилий заинтересоваться его источником. Но после получаса непрерывного повторения решил, что даром теряет время, и перешел на слово из языка шарикту. Здесь была их территория, и, может статься, крокодилам был лучше известен этот язык.

— Тишшуш, тишшуш, тишшуш! — без устали зывал Рас. И без всякого успеха. Наконец, покинув укрытие, спустился к воде, зачерпнул ладонью и промыл рану на голове. Убедившись, что кровотечение возобновилось, опустил ненадолго голову в реку. Кровь мгновенно растворялась и исчезала в мутном потоке, но Рас прекрасно знал, что мимо чутких ноздрей крокодилов не проскочит даже ничтожное ее количество, будь они хоть с милю отсюда. Через пару минут он разогнул спину и дал солнышку подсушить рану и волосы. Мухи вились над ним, как над покойником, и, обнаружив, что их не отгоняют, как на мертвеце и устраивались. Рас неподвижно лежал на животе лицом к течению реки, правой рукой прижимая к бедру обнаженное лезвие ножа. Когда укусы мух и мошек раззуделись до нестерпимости и Рас уже собрался было отогнать насекомых, из-за излучины показалось бурое пятнышко и, рассекая воду двумя бурунчиками, направилось к нему. Ноздри, точно пустые глазницы, и шишки глаз, точно зрячие ноздри, быстро приближались, держа курс несколько в сторону, и вот уже Рас смог различить под тонким поверхностным слоем тупое, почти прямоугольное рыло.

Юноша наблюдал краешком глаза из-под полуприкрытых век и, хорошо зная крокодильи повадки, не удивился,

когда тот исчез, растворился в глубине. Если вообразить разум небесным сводом, то человеческий пригрел много звезд, в темном же черепе крокодила тускло мерцали всего лишь две-три крошечные холодные звездочки. Но и они проливали кое-какой свет, и его хватало, чтобы крокодил не пытался плыть к лежащему на берегу телу открыто, без утайки. Нет, хищник собирался всплыть у самого берега, внезапно — так, чтобы шутник, пытающийся его провести, больше уже никого не смог бы обмануть. Так, во всяком случае, Расу это представлялось.

Юноша чуть шевельнулся, сдвинулся, чтобы не прозевать появление крокодила, уверенный, что тот сквозь мутную толщу не может сейчас заметить его маневра. Так оно и было, и, когда вода вскипела и раздалась всего в нескольких футах, Рас снова изображал покойника. Юноша не шевелился, даже когда усеянная острыми зубами пасть рептилии приблизилась почти вплотную и продолжала быстро надвигаться. Старый мамagu терял резвость в холодные зимние утра, но сейчас ясно светило почти полуденное солнце, разгоняя его стылую кровь, и он ничуть не мешкал. Он вырвался из-под воды так, словно сама река изрыгнула свою отверженную часть, словно реку вырвало от омерзения.

Из-под полуприкрытых век Рас видел, что бурый цвет от спины к брюху чудовища переходит в более светлый. Раздалось голодное урчание, и на Раса пала тень. Размеры тени говорили о солидных габаритах рептилии. Капли, падающие на Раса, холодили кожу. Челюсти, нависшие было над ним, отодвинулись и опустились — тварь собиралась нижней челюстью словно лопатой ухватить Раса за плечо, чтобы затащить в воду.

Тогда Рас и зашевелился — откатился малость. Челюсти захлопнулись на пустоте почти с металлическим лязгом. Левый глаз рептилии был совсем рядом — лишенный века, с узкой щелью зрачка, почти рыбий, он скользнул мимо Раса. Юноша снова подкатился поближе к крокодилу, чтобы избежать страшного удара хвостом. Пятипалые лапки прошуршали мимо самого носа, забрызгав подбородок грязью. Крокодил обиженно и зло заревел, начал поворачиваться как будто к реке, затем мгновенно извернулся мордой к Расу. Его змеиные движения,

делавшие рептилию неожиданно проворной, должны были, по идее, служить и рулем, и тормозом. Что бы там ни послужило причиной его корчей, они продолжались, постепенно закапывая крокодила в ил.

Когда передняя лапа крокодила выбралась из грязи, Рас снова перекатился, забросив на этот раз руку с ножом на спину чудовища. Прижав ее к твари, Рас мгновенно был сдернут с места. Свободной рукой юноша крепко ухватился за основание крокодилийей лапы. Это позволило Расу, уловив момент, забросить на спину крокодилу еще и ногу, обосновавшись там окончательно. Крокодил вдруг замер — возможно, соображал, куда подевалось внезапно ожившее мясо. Хотя вряд ли, Рас так не считал. Пусть спина рептилии и выглядит твердой, точно броня, — к давлению сверху крокодил должен быть чувствителен. А может, ему и действительно невдомек, куда исчез Рас?

Независимо от причины остановки, она длилась с полминуты, не больше. Рас ждал — точно муха, примостившаяся на свежей ране и в любой момент ожидающая нетерпеливого карающего взмаха. Он ожидал чего угодно — вплоть до попытки крокодила перевернуться на спину, чтобы раздавить нежданного седока. Тогда только лови момент! Хотя это было бы необычно для твари с устоявшимися привычками, пусть она даже попала в новую для себя ситуацию.

Ситуация и для Раса была необычной, но он четко осознавал, что собирается перевернуть крокодила и вонзить нож в менее твердое брюхо. Не знал пока, правда, как осуществить подобное намерение.

Сквозь собственное хриплое, затрудненное дыхание Рас слышал лишь клокотание в чреве крокодила да пронзительные стоны зимородка, взмывшего к голубому небу темно-синей кляксой и вдруг камнем панически рванувшего в сторону. Только тогда до ушей дошло знакомое чавканье, уже очень близкое. Рас не услышал его вовремя за шумными аккордами концерта для крокодила под аккомпанемент собственных легких да флейты зимородка.

Вертолет с ревом и солнечным блеском на фюзеляже вынырнул из-за поворота реки. Крокодил, взревев в ответ небесной твари, с решимостью поднялся на лапы, повернулся и быстро пополз к воде. Рас продолжал цепляться

за него по причинам, которые осознал лишь позднее. Соскочи он с крокодила, рвани к кустам — и не миновать быть замеченному пилотами! А цепляясь за спину рептилии, он еще имел шанс ускользнуть от наблюдения. Даже если заметили бы, глазам своим не поверили бы — что может делать человек на спине у крокодиальной твари?

Но сильнее всех этих соображений были упрямство и голод Раса. Если отпустить крокодила сейчас, потом не вернешь. А ему и Еве необходимо мясо.

Крокодил ввинтился в воду с креном и всплеском, своей мощью едва не выбившими Раса из «седла». Тварь сразу пошла на глубину, и последним перед погружением взглядом Рас успел заметить нырнувший к земле вертолет. А затем почти по-братски — обнимая рукой за шею — сцепился с рептилией. После десяти секунд братских объятий Рас, не давая крокодилу опомниться и вывернуться, переместился вокруг него, спустился ниже и пустил в ход нож. Работенка оказалась не из легких: кроме воды, пришлось одолевать еще и сопротивление бронированной шкуры. Однако острая сталь взяла свое, и вот уже крокодил бешено завертелся, пытаясь оторваться от Раса. Наконец ему это все-таки удалось; несмотря на неимоверные усилия, удержаться Расу не удалось — он был камнем отброшен в непроницаемо черную муть.

Рас никогда не верил байкам вонсу, что крокодилы чувствуют под водой запахи. Вот слышать могут наверняка. Поэтому Рас старался плыть без резких движений, но не от твари, а, хотя он и потерял всякое представление о направлении и мог сейчас его лишь угадывать, наоборот — к ней. Ледок страха трогал слегка селезенку, но от паники Рас был далек. Он был зол и голоден и не собирался легко расстаться с ускользнувшей добычей. И все же, когда юноше чудилось движение рептилии за спиной или в непроглядных потемках внизу, или над головой, он с трудом урезонивал себя, с трудом удерживался от резких разворотов с вытянутыми руками. Несколько размашистых гребков — и кончики пальцев левой руки действительно ткнулись в шишковатую шкуру. Непроизвольно отдернув руку, Рас тут же снова простер ее — убедиться, что не ошибся, — и попал в пустоту. Тварь снова куда-то ускользнула. Попытка нащупать ее тут же, пока не ушла далеко, успеха не принесла.

Расу уже остро не доставало воздуха. После еще двух гребков сдавило уши; юноша извернулся и поплыл в противоположном направлении, надеясь, что теперь не ошибся. Чтобы захлебнуться вскоре, ему уже не нужно было плыть прямо ко дну — хватило бы и просто неудачно выбранного, не самого короткого пути наверх.

Когда легкие уже разрывались на части, Рас поймал глазом легкое просветление в непроницаемой прежде мгле. Еще несколько взмахов вынесли его на поверхность, к ослепительному солнцу, голубому небу и пронзительной зелени над желто-коричневой полоской берега. Из черного царства, оставшегося внизу, к поверхности поднималось облако кровавой мути. Вертолета уже не было видно; шум его крыльев, изрядно ослабев, доносился из-за излучины. Зимородок, сидя на ветке ярдах в тридцати выше по течению, визгливо жаловался на жизненные неурядицы и невзгоды. Река припахивала рыбой, крокодилами и глиной; в этот букет вплетались запахи гниющей древесины и палой листвы. И был еще один слабый запах, не запах даже, лишь неясный намек на него — смесь крови рептилий с птичьим пометом. Рас всегда думал — никто такого ему не говорил, — что птицы с рептилиями в некоем родстве, как-то связаны. Чудовищная, покрытая броней рептилия и легкий, причудливо изукрашенный природой зимородок казались юноше дальними родичами, имеющими общего прародителя — какого-нибудь холоднокровного летающего ящера времен Творения. Сейчас его догадка получила неожиданное подтверждение, внятное только ему одному, — птичий помет определенно не был принадлежностью лишь птичьего племени. Он, равно как и кровь вокруг Раса, принадлежал также и крокодилам. А по запаху был, несомненно, птичьим.

Когда Рас уже рассекал реку вниз по течению, собирая дыхание для второго погружения, вода позади него вскипела кровавыми пузырями почти черного цвета, а в центре этого месива всплыло бледное, цвета человеческого глаза, брюхо. Четыре крокодилий лапки торчали вверх, словно флажки капитуляции — подходи и делай со мной все что заблагорассудится!

Ох, нелегкая это была работа — буксировать чудовище к берегу. Еще тяжелее Расу пришлось, когда он

выволакивал тушу в несколько сот фунтов на берег и оттаскивал за кусты. Когда, ослабленный полученной накануне раной, голодом и встряской подводного поединка, он пыхтел и отдувался под тяжелой ношей, с реки стали доноситься алчные крокодильи голоса. Наткнувшись на кровавую волну, рептилии расшумелись не на шутку.

Всю жизнь, в любой момент приходилось совершать выбор. Требовалось выбирать среди маршрутов, предметов, поступков — из этого и было соткано время. Без необходимости предпочесть один из возможных способов действия другим Рас просто не осознавал бы хода времени. И остался бы навечно в подвешенном состоянии.

Сейчас юноша должен был либо ценой невероятных усилий отволочь крокодила сквозь джунгли на более высокое место, где и разделать его с относительным комфортом и в большей безопасности, либо попытаться справиться с разделкой прямо здесь, где с любой стороны к нему могли приблизиться незамеченными голодные хищники и где дым костра мог привлечь внимание шарик-ту, а то и Птицы Бога.

Расу хотелось съесть огромный кусок мяса сейчас и закоптить побольше, чтобы хватило на несколько дней пути. Не так-то уж часто удавалось ему убить большое животное. Крокодилов, буйволов, слонов, гиппопотамов и леопардов не так легко было прикончить, как повстречать. Они не очень-то скрывались — достойных противников им почти не попадалось.

Голодное крокодилье мычание приблизилось, и вот из-за куста высунулась длинная зеленовато-коричневая морда большого самца; за мордой медленно тащилось все его бесконечное туловище на четырех коротких кривых лапках. Рас не ожидал, что твари заберутся так далеко от реки. Видимо, запах свежей крови совсем лишил одного из них разума. Пожав плечами, Рас взвалил тушу на плечо; она сложилась пополам — морда уткнулась в грязь, а хвост волочился сзади по земле. Рас чуть приподнял ее, чтобы поправить; это потребовало от него такого усилия, что стало ясно — сил хватит ненадолго. К тому же каждая встречная ветка и лиана, цепляясь за крокодильи лапы, претендовали, казалось, на львиную долю добычи. Чуть ли не на каждом шагу выпутываясь из зеленых

силков, а дважды едва не рухнув от тяжести, он прошагал совсем немного и с невыразимым облегчением сбросил ношу. Дальше Рас тащил крокодила за хвост, практически не отрывая от земли.

Сидя на подгнившем, трухлявом стволе, Ева горько плакала. У ног ее копошилась гряда белых червей, личинок, полураздавленных жуков с конвульсивно дергающимися лапками, сидела бледно-зеленая в крапинку древесная лягушка с выпученными точно в шоке глазами и валялась на спине с разбросанными в стороны лапками небольшая ящерица — точь-в-точь уменьшенная копия твари, которую Рас выволок на полянку.

— Мне так жалко себя! — всхлипнула Ева, заметив юношу. — Докатиться до того, что вся эта мерзость выглядит почти аппетитно. Питаться этим... этим!

Ее плечи затряслись от рыданий.

— Тебе следовало бы шумно радоваться, что удалось раздобыть так много, — отдышавшись, заметил Рас. — Я, например, так весьма рад твоему улову. Если бы вернулся без добычи, нам пришлось бы довольствоваться малым и благодарить небо, что тебе так повезло.

И Рас выпустил из рук хвост крокодила, который звучно шлепнулся на сырую землю. Утерев слезы, Ева поинтересовалась, где Рас нашел рептилию. Несмотря на порезы в брюхе крокодила, она, похоже, не сомневалась, что он издох сам по себе на берегу реки и, может быть, даже как следует разложился, а Рас просто подобрал его. Ева сообщила, что, услышав вертолет, перепугалась за Раса, но, когда звук миновал их стоянку без задержки, успокоилась, решив, что теперь юноша в безопасности.

— В безопасности! — фыркнул Рас. — Я оседлал крокодила и нырнул с ним вместе на дно, как раз когда над нами пролетал вертолет. А когда крокодил сумел все-таки меня сбросить, один Игзайбер знает, что могло случиться! Мне просто повезло, что я убил на глубине крокодила, а не наоборот, а ты говоришь — «в безопасности»! Это мясо, отличное мясо — что ты об этом скажешь?

— Я действительно сожалею, — тихо вымолвила Ева каким-то бесцветным голосом. — Понимаю, ты совершил настоящий подвиг, и в любое иное время захотела бы услышать подробный рассказ о нем. Но только не сейчас.

Я так устала и проголодалась, что ничто, кроме пищи, не волнует меня.

— Тогда тебе тем более следует кричать от радости, — заметил Рас. — Здесь столько пищи, что стае шакалов хватило бы на неделю.

Юноша раздумал тащить добычу неразделанной до подножия холмов. Он решил отрезать столько мяса, сколько они вдвоем в состоянии унести, завернуть его в большие листья и лишь тогда подаваться в холмы. Пока Рас возился с тушей, Ева отправилась собирать листья. Работая ножом, Рас время от времени отправлял куски аппетитнее прямо в рот и к окончанию разделки чувствовал себя гораздо лучше, чем вначале.

Расу на удивление, Ева не отказалась, когда он предложил ей кусок сырого кровоточащего мяса. Жевала его, правда, не без усилий, гримасничала, но, проглотив без остатка, попросила добавки.

Рас завернул в листья также и часть ее добычи: лягушку и ящерицу, — и тяжело нагруженные, беглецы побрели к холмам. К полудню они достигли подножий, а получасом позже нашли удобное местечко на скальном выступе. Ключья шерсти, экскременты, груды изглоданных мелких косточек да витающий вокруг запах под-сказали Расу, кто ночной хозяин этой стоянки — козырек, нависающий над головой, делал ее удобной для бабуинов, при известном мужестве они могли здесь отражать даже атаки голодных леопардов.

Ева, услышав такое, забеспокоилась. Рас заверил ее, что бабуины им не страшны, здесь легко защищаться и от более опасных хищников, а если развести костер, так ни один зверь даже и не сунется. К тому же, помимо всего прочего, бабуины тоже неплохая еда.

После некоторых колебаний Рас все же решился развести огонь. Вряд ли шарикту уже собрались с силами для погони. Рас попытался прикинуть, сколько же шарикту уцелело в сражении возле устья реки. Оценить потери в точности было трудно, но то, что для шарикту они были опустошительными, не вызвало сомнений. Адское оружие поразило каждую или почти каждую лодку. Всего взрослых шарикту, так называемых божественных, было человек двадцать. Двоих Рас прикончил перед побегом. Из восемнадцати оставшихся минимум половина

погибла или получила серьезные раны в бою. Уцелевшие должны жаждать мести, но пока они об этом могут лишь мечтать. Пожар в замке и в городе, гибель немалого количества аристократов создавали проблемы, требующие на время всей энергии короля Гилака и неперемennого его присутствия. Он, в первую очередь, монарх и как таковой должен печься о своем народе.

Кроме того, даже будь шарикту где-нибудь по соседству, Расу все-таки хотелось развести костер и испечь мясо. Он еще недостаточно окреп, чтобы переносить еще одну промозглую ночь без живительного пламени, к тому же сырое мясо уже набило ему оскомину.

Сидя спиной к скале, Ева как будто клевала носом. Время от времени она вскидывала взгляд, озиралась сквозь грязно-желтые локоны и снова роняла голову на колени. Рас, почти уверенный, что она дремлет, был удивлен, когда, хлопоча о месте для костра и оказавшись к ней ближе, увидел розовые дорожки на ее грязных щеках. Там, где слезы смыли с лица копоть, кожа напоминала цветом крокодилье сердце, валявшееся тут же на большом плоском камне, среди прочих деликатесов. Длинное и заостренное, оно медленно и нерегулярно пульсировало.

Встав перед Евой на колени, Рас положил руки ей на плечи. Она прижалась лицом к его могучей груди; слезы оросили юноше живот и достигли лобка. Видно, тогда Ева и открыла глаза — иначе чем можно было объяснить, что она напряглась вдруг, вырвалась из объятий Раса и отпрянула назад.

— Это все, о чем ты способен думать? — воскликнула женщина. — К тебе нельзя прикоснуться без...

Ева давилась словами, выпускала клокочущие звуки и разразилась под конец совершенно неразборчивой тирадой — видимо, снова на финском.

— Да нет, это у меня уже давно, — кротко ответил ей Рас.

Покинув стоянку, Рас спустился со скал за дровами и вернулся с большой охапкой. Воспользовавшись зажигалкой, которую любезно предложила Ева, быстро развел костер. Молчаливая женщина, успокоенная, казалось, возвращением Раса в обычное состояние, подседа поближе к огню. Мир под скалами быстро погружался во тьму; вот на небе уже высыпали первые звезды. Насадив солид-

ный кусок на прочный сук, Рас вертел его над огнем, пока из мяса не стал сочиться на угли жир, а поверхность куска не покрылась аппетитной корочкой. Ева раздула ноздри и придвинулась еще ближе. Сбросив кусок с вертела на камень, Рас разрезал его пополам. Мясо было горячим; схватив свою долю, Ева охнула и обронила, но тут же подобрала и, даже не отряхнув, принялась рвать зубами.

Откусывая от своего ломтя, Рас свободной рукой одновременно держал над огнем насаженную на тонкий прут крокодилю печень и, когда Ева закончила есть первый кусок, сразу предложил добавку. Кровь стекала у нее по подбородку, испачкала даже волосы. Теперь, казалось, предубеждение против крови ушло, улетучилось — Ева слизывала ее даже с рук.

Сердце крокодила, лежавшее неподалеку от огня и впитавшее толику его тепла, снова запульсировало, но уже не так энергично, как прежде. Рас задумался, продолжало ли бы оно жить, если проглотить его целиком. Разумеется, вопрос был чисто умозрительным — сердце было так велико, что не стоило и пытаться, — но воображение уже заработало. Мысль о биении этого сердца внутри в унисон с собственным возбуждала, и это возымело своеобразные последствия.

Ева, случайно уронив взгляд на Раса, вернее, на его определенную часть, замерла с открытым ртом. Затем, звучно сглотнув, возмутилась:

— Опять?!

— Почему бы и нет? — ответил Рас, не утруждая себя подбором более веских аргументов.

— Давай даже говорить об этом не будем! — сказала Ева, поднимаясь.

— Ты меня не хочешь! — ворчливо констатировал Рас. — Ты мертвая, ты не лучше, чем призрак, ты бледнокожий и бледноволосый дух мертвой женщины!

— Не надо! — попросила Ева. Она мало-помалу отодвигалась от него. Блики костра плясали на ее лице, высвечивая белые дорожки, промытые слезами, окровавленные губы и подбородок, испачканные волосы и по-прежнему серые глаза.

Рас встал и дотянулся до крокодильего сердца. Взвесив его в руке, бросил на камень и рассек ножом вдоль,

на две половинки. Затем, спрятав нож, поднял одну из половинок. И та, что была в руке, и та, что оставалась на камне, продолжали биться.

— Ты не хочешь меня? — повторил Рас. — Тогда получи вот это!

Быстрым движением он схватил Еву за руку, притянул к себе и поставил на колени. Отложив сердце в сторону, обеими руками опрокинул на спину и начал раздевать. Ева боролась, но силы были слишком неравны, и скоро она осталась совсем без одежды.

Молча, с искаженным от напряжения лицом и расширенными глазами, она пыталась вырваться. Но Рас, крепко прижав ее одной рукой между грудей, другою подхватил сердце. Хотя он и не объяснял своих намерений, по гримасе и движению руки с органом рептилии женщина обо всем догадалась. Ее попытка не позволить раздвинуть себе ноги была тщетной — Рас без труда с этим справился: придавив телом одну ее ногу, локтем занятой сердцем руки отпихнул другую в сторону. Затем отвел руку и, прежде чем Ева успела что-то предпринять, всадил в нее острый конец кровотокающего органа.

Сердце крокодила было недостаточно жестким, а влагище женщины — сухим. Тем не менее Рас сумел запихнуть первое, во второе до конца, да так плотно, что женщина была попросту парализована.

Он нависал над нею лицом к лицу. Сердце у Евы колотилось о ребра, как птица в клетке. Но она по-прежнему хранила молчание.

Продолжая кривовато ухмыляться, Рас спросил:

— Ну и как ощущеньице?

Ева закрыла глаза. Губы ее немного раздвинулись. Рас не стал повторять вопрос — Ева стала слегка содрогаться как бы в такт пульсации внутри, вздрагивать от внутренних ударов в стенки собственной плоти.

Она содрогнулась, расслабилась, снова содрогнулась...

Вдруг на ее прикрытые веки навернулись слезы; всхлипнув несколько раз, Ева смолкла.

— Когда надоест, скажи! — произнес Рас негромко.

— И тогда ты сам...

— А как же! Если только ты не захочешь нас двоих одновременно.

Застонав, Ева воскликнула:

— Юмала!

Это было единственное знакомое Расу финское слово, означавшее, видимо, Бога, а может, и Дьявола.

— Черт, что это за мир такой, откуда ты явилась? — сказал он. Вопрос был чисто риторическим; Ева понимала, что Рас имеет в виду.

— Не захочу, — ответила она на предыдущую реплику Раса. Затем умоляюще шепнула: — Вынь это, пожалуйста! И оставь меня в покое!

— Не могу, — ответил Рас.

Открыв глаза, Ева одарила Раса многообещающим бешеным взглядом, снова зажмурилась. И просто-напросто:

— О если бы я могла умереть! Как я хочу смерти!

— Ты и так мертва, — буркнул Рас. — И даже не пытаешься ожить. Это мертвое сердце живет тебя. Особенно сейчас.

Рас провел рукой у нее между ног и заулыбался. Женщина оказалась столь влажной, что ему с трудом удалось извлечь сердце обратно. Оно продолжало пульсировать, словно, обманутое теплом и сыростью влагиалища, приняло его за возвращенное крокодилье тело. Извлеченное наружу, сердце сразу замедлило биение и стало быстро умирать. Конвульсивно сжавшись, оно замерло; Рас швырнул его на камень возле костра, от которого оставались уже одни угли. От удара сердце снова заработало; сделав три удара, замерло окончательно.

— Не надо, — взмолилась Ева. — Ничего хорошего не выйдет. Я холодна, холоднее этого куска мяса, холодна как...

Ее голос иссяк. Женщина медленно, словно не веря, что свободна, перевернулась на живот. Содрогаясь, как если бы сердце рептилии все еще билось внутри ее, поднялась на четвереньки и несколько мгновений, трясая головой и постанывая, оставалась в такой позе. Рас снова провел пальцем по ее интимным местам — она все еще была влажной.

— Ты хочешь меня низом. Но не хочешь верхом, — удивленно отметил юноша и встряхнул головой. — Прекрасно. Можешь сказать «да». Можешь сказать «нет». Я стану беседовать лишь с той частью, которая говорит «да».

Прекратив встряхивать головой, Ева поползла прочь. Прежде чем она успела дважды переставить колени, Рас припечатал ее к земле и вошел в нее сзади — женщина только охнуть успела.

Рас взвыл в пароксизме почти сразу и затрясся, как Ева, когда внутри у нее было сердце. Он так давно ждал этого — и сгорел в собственном пламени.

Рас не стал выходить из Евы и вскоре попросил ее перевернуться. Она молча подчинилась, без особого, впрочем, энтузиазма, как бы давая понять, что уступает насилью. Но вскоре начала тяжело дышать, постанывать, крутить головой по сторонам, выгибать спину, кусаться, царапаться — пока наконец не закричала по-фински.

Они уснули лишь перед самым рассветом. До этого Рас успел снова раздуть костер и поджарить еще немного мяса. Он нашел какое-то изысканное удовольствие в том, что, поджарив сердце, предложил часть Еве. Она поколебалась мгновение, затем откусила. Съев все до крошки, улеглась и заснула. Когда Рас прилег рядом, поцеловала его и сонно пробормотала что-то неясное, но определенно нежное.

ГЛАВА 19

Мудрость мертвых

Настырные мухи разбудили обоих, когда солнце уже на три ладони поднялось над скалами. Ева еще дулась на Раса за случившееся накануне. Если забеременею, сказала она, просто убью.

Рас весело улыбался ей, хотя при свете дня внешний вид женщины оставлял желать лучшего. Вся в грязи, ребра можно сосчитать, точно на его черепашковом гребне, все тело в ссадинах и кровоподтеках — и от грубого обхождения, и от сна на каменных циновках, — нежная кожа в десятках багровых пятен от укусов насекомых и расчесов и жутковатое спросонок лицо с глазами в темно-синих обводах.

Ева и выглядела несчастной, и была несчастлива. Чуть позже ее скрутила такая острая желудочная колика, что она едва успела отбежать в сторону. Начавшись с утра, эти болезненные позывы продолжались весь день напро-

лет и совершенно измучили женщину. Совершенно ослабев, Ева была не в состоянии куда-либо идти, и они провели в укрытии весь день и еще одну ночь. Женщина практически не вставала, но сил время от времени поносить Раса ей еще хватало. Не обращая на ругань внимания, Рас заботился о Еве, подчищал за ней, принес воды, устроил подстилку поудобнее. Сдирая с нее накануне ветхую одежду, Рас изорвал ее окончательно — она годилась теперь лишь на тряпки, которыми он теперь и обтирал ей тело.

Сходяв на разведку, Рас убедился, что шарикту нет поблизости и в помине; с прогулки вернулся с травкой, которую Мирьям советовала заваривать от подобных хворей. Приготовив травяной настой, напоил Еву; ей как будто полегчало. Поддерживая за плечи, Рас помог Еве дойти до реки, там искупал ее, как ребенка, вымыл волосы; затем и себя привел в порядок. Ева обругала Раса за то, что его заботами совершенно лишилась одежды; жаловалась, что может замерзнуть ночью до смерти.

— Днем одежда тебе не нужна, — заметил юноша. — А ночью я о тебе позабочусь. Не волнуйся. Путешествие к концу реки отнимет всего лишь несколько дней. Не хотелось бы болтаться здесь еще неделю, откармливая тебя и добывая шкуры. Одна их выделка займет несколько дней. Мы задержимся здесь лишь на день-другой и тронемся в путь. Ты не переживай — все тяготы пути я беру на себя. А когда узнаем от Визузу, как добраться до Игзайбера, я похлопочу об одежде.

Вечером накануне выхода Рас достал из сумки черепаховый гребень — подарок матери — и причесал Еву. Она пыталась сопротивляться, но он был настойчив и нежен и делал это не спеша, с удовольствием. Ева старалась держаться при этом как только можно дальше и постоянно вздрагивала. Длинные золотистые волосы струились водопадом; перебирая их, Рас стал нашептывать ей на ухо нежную чепуху, затем обнял, и, хотя губы Евы говорили «нет!», тело не упиралось.

Позже она призналась, что испытывала оргазм — до сих пор — всего лишь трижды за всю свою жизнь. Однажды, когда напилась допьяна (но больше и на дух вина не переносила); еще раз — накурившись марихуаны; следующая попытка с наркотиком ни к чему не привела; и

последний, когда они с мужем впервые заговорили о разводе всерьез.

До сих пор, повторила она. Но все равно она не любит Раса — она ненавидит его за то, что он с ней сделал. И боится забеременеть. Но как могла она, слабая женщина, остановить его?

Рас сказал, что она могла лишь убежать или убить его.

Больше Ева о чувствах не заговаривала, на случайные и не вполне случайные прикосновения Раса как будто бы вовсе не реагировала. Красноречивее, чем ее уста, оказались жестокие царапины, которыми покрылась вся спина юноши и которые приходилось замазывать от мух на день грязью.

Незадолго перед полуднем третьего дня пути берега реки неожиданно сблизились и стали круче, превратились почти в отвесные скалы. Течение усилилось, но для тревоги не было пока оснований. Рас постоянно подыскивал взглядом возможные места стоянки; когда решил, что пора бы сделать привал, оказалось слишком поздно — стены выровнялись и не позволяли пришвартовать челнок.

За поворотом скалы вознеслись на совсем уж недостижимую высоту — русло глубоко врезалось в камень. Поток сузился, вспенился, лодку понесло — Рас едва управлялся с веслом.

— Я должна была это предвидеть, но прошло так много времени, и с высоты самолета все выглядело иначе, — сказала Ева.

Каньон, перестав петлять, выпрямился; ноздреватые черные стены почти сомкнулись в вышине. Даже бросив челнок, они не сумели бы здесь выбраться.

— Впереди должен быть остров, — сообщила Ева. Словно ища защиты перед окружающим мраком, она подсела ближе к Расу и, перекрикивая шум потока, говорила в самое ухо. Река, впрочем, пока лишь просто ворчала; настоящий рев ждал их где-то дальше.

Впереди поток неожиданно разделялся на два, омывающих невысокую грудку валунов шириной не более сорока шагов. Заостренный подобно наконечнику копья навстречу реке, остров черепахой вздымался к самой середине.

Уже недалеко за ним в основании отвесной стены чернела огромная дыра, настоящий грот, куда и стреми-

лась в своем беге река. Похоже, тут и находился конец Мира, о котором так много слышал и так долго помышлял Рас — настолько мрак в этой пещере пахивал концом света.

На макушке острова стояла большая крытая тростником хижина, окруженная множеством деревянных и каменных статуй.

Раса, несмотря на крайнюю занятость выбором места для швартовки, пронзило холодком. Он сумел причалить точно к намеченной точке, загнать челнок в некое подобие крохотного фиорда, обозначенного на входе белыми бурунами. Остановка получилась резковатой; и Рас, и Ева повалились навзничь, но не расшиблись. Спрыгнув в воду, они чуть не надорвались, вырывая из жадных объятий реки свою лодку; лишь вытащив челнок на пологие камни, перевели дыхание.

Когда Ева снова смогла говорить, она поинтересовалась:

— Интересно, кто в целом мире согласился бы здесь жить?

— Древний кудесник Визузу — так называли его вонсу. Шарикту называют его Виш-шуша, — ответил Рас. — Я уже рассказывал тебе. Вонсу уверяли, что он жил здесь еще до того, как татаму — на языке шарикту датамы — пришли из подземного мира в эту долину.

— Сомневаюсь, чтобы эта лачуга тоже простояла здесь так долго, — многозначительно протянула Ева. — А также, что кто-либо мог пройти здесь. Как, в конце концов, им удалось бы выгresti против течения?

— Гилак говорил, что здесь некогда существовала тропа, выводящая через пещеру в горы. Вела она вдоль реки и кое-где даже над нею. Правда, река тогда была мельче.

— Возможно, — сказала Ева. — Но сейчас-то здесь нет никакого мудрого мага.

— Тогда непонятно, с кем здесь беседовали Вавафа и Гилак — они-то приплывали сюда в юности, с целью разжиться мудростью и силой, — протянул Рас.

— Неужели? Как же им удалось вернуться против течения? — поинтересовалась Ева.

— Не знаю. Но путь существует. Визузу, взяв с них клятву молчания, объяснил, как отсюда выбраться.

— Все это пустые разговоры, — нетерпеливо потрянула головой женщина. — Пошли лучше посмотрим, что в хижине.

— Ты останешься на месте, пока я не подам знак, — решительно объявил Рас. — Визузу не выносит женщин — они лишают его силы и мудрости. Он уничтожает их, как только учует.

Ева скорчила недовольную гримаску, но послушно уселась на плоский камень. А Рас отправился по тропе, ведущей прямо к хижине. Внизу, в каньоне, заглушая его шаги, шумела река. Ни единой птицы, ни травинки Рас здесь еще не заметил. И хотя солнце в зените щедро заливало каньон лучами, ощущение царящего здесь извечного мрака не оставляло Раса.

Высокие — вдвое выше Раса — скульптуры, вырезанные из целых стволов, изображали лягушек, крокодилов, леопардов и других, неизвестных Расу жутковатых тварей. Большинство имело в чертах человеческие признаки. Встречались и отдельные резные головы на высоких шестах.

Сейчас, когда Рас подошел поближе, он увидел, что обращенная к нему округлая стена хижины сколочена из тонких дощечек. Большой дверной проем в ней был занавешен какой-то необычной тканью, сквозь которую просвечивало нечто темное и массивное.

Гилак рассказывал, что древний маг беседовал с ним через занавеску громоподобным голосом, громче рева Бастмаасы.

И еще он поведал, что его дядя отправился сюда в надежде разжиться силой и хитростью, чтобы убить Гилакова отца, но назад уже не вернулся. Когда Гилак сам добрался до острова, он обнаружил дядины останки — их можно было опознать по вооружению — прямо напротив хижины. Виш-шуша велел Гилаку сбросить и дядины, и прочие кости в воду. Грозный маг не соизволил объяснить Гилаку причину дядиной смерти, а спрашивать юноша не решился.

Если Гилак говорил правду, он очистил остров от останков. Но сейчас поперек тропы, шагах в десяти от хижины лежал целый скелет — по всем признакам вонсу. Оружия рядом с ним не наблюдалось.

Рас нерешительно скользнул мимо страшилища из красного дерева, изображавшего лягушку с головой гориллы. Вес такой статуэтки мог составлять целую тонну, это впечатляло, и Рас задумался, как без помощи чар она могла бы попасть на остров.

Оставив ее за спиной, юноша шагнул дальше. Чем ближе он подходил к занавеске и скрытой за нею темной массе, тем больше нервничал. Рас разок оглянулся — убедиться, что Ева не начала чудить и не выкидывает какой-нибудь фортель, а также удостовериться, что в этом таинственном и мрачном месте он не одинок.

Женщина по-прежнему послушно сидела на камне, и Рас сделал еще шаг. И замер. Его пронизал холод, волосы на макушке зашевелились. Взгляд гориллоподобной статуи был обращен к земле, когда Рас проходил мимо. А сейчас она смотрела ему вслед! Туловище статуи осталось на месте, но голова определенно повернулась.

С минуту Рас стоял без движения, затем пошел дальше. Он ожидал, что столкнется здесь с непостижимым, чему же теперь удивляться?

Услышав вопль Евы, резко обернулся. Женщина бежала за ним, на что-то указывая рукой. Рас сердито махнул ей, чтобы возвращалась на место, но она не подчинилась. И с шагов двадцати снова завопила:

— У статуи повернулась голова! Она повернулась, Рас!

— Знаю, — холодно отозвался Рас. — Я видел. А теперь возвращайся на место, пока жива!

— Ты не понимаешь! Это же...

Голос, даже не голос, а гром, который, как показалось Расу, мог бы принадлежать самому Игзайберу, ударил по перепонкам. Он ревел куда громче Бастмаасы. Он мгновенно заполнил собою весь каньон и отдался эхом от скал. Раса пронизал ужас, он оцепенел.

Голос вещал на языке, который Рас распознал не сразу. Он так же отличался от английского, на котором говорил Рас, как Расов от английского Евы.

— Рас Тигр! Убей женщину! Я, Визузу, приказываю тебе сделать это!

Рас вышел из оцепенения — точно вынырнул из глубоких вод озера. Обратившись лицом к хижине и к ее таинственному обитателю за занавеской, крикнул:

— Визузу! Почему я должен убить женщину, которая спасла мне жизнь и которую я люблю?

Голос молчал мгновение. Ева успела вставить:

— Рас, да это же просто...

Голос унес ее слова, как водопад щепки.

— Рас Тигр! Хочешь ли ты увидеться с приемными родителями, с твоей Мирьям и твоим Юсуфу? Я, Визузу, в силах вызвать их тени — ты сможешь видеть их и говорить с ними!

— Это все трюк! — взвизгнула Ева. — Взгляни на верхушку скалы! Там телемачта! В статуе наверняка скрыта телекамера, и должны быть еще другие! А голос — это просто обычный громкоговоритель! Рас!

Рас не знал, что такое телемачта, телекамера и громкоговоритель. Но, взглянув в указанном направлении, действительно увидел странное тонкое дерево без веток, с несколькими голыми прутьями на макушке.

Снова загремел голос:

— Не тяни, Рас! Убей ее сейчас же! Она не для тебя! Другой женщине предназначено стать твоей подругой! Она уже готовится стать твоею, эта прекрасная, достойная тебя непорочная дева! Убей эту суку, этот сосуд греха и нечистот! Убей немедленно!

— Что ты имеешь в виду, великий Визузу, — откликнулся Рас, — когда говоришь, что другой предназначено стать мне подругой и что она уже готовится? И что значит сосуд греха и нечистот? Ева не больна. Я знаю, я лежал с нею. Если вымыть как следует, покормить и дать выпасться, она очень даже ничего, сладенькая! Хотя сердце крокодила при этом и не помеха!

— Не смей больше произносить подобные мерзости, Рас! Иначе тоже умрешь! Выполняй, что я велел! Я знаю, что для тебя лучше! Не пререкайся! Убей эту женщину!

— А если нет? — крикнул Рас.

— Тогда я, Визузу, могу убить тебя! Я сурово накажу тебя, можешь не сомневаться! И уж во всяком случае не позволю увидеться и поговорить с духами твоих приемных родителей!

— Что значит твое «увидеться и поговорить с духами»?

Рас, даже в испуге от угроз могущественного мага, обратил внимание, что приемными родителями были на-

званы оба, и Юсуфу, и Мирьям. Но если уже и Мирьям — приемная мать, где же тогда настоящая?

— Ты что, действительно умеешь вызывать мертвых из загробного мира?

— Я слов на ветер не бросаю, — прогремело из хижин.

— Докажи! Если ты сумеешь сделать это, я убью Еву! Краем глаза Рас наблюдал за Евой, пробирающейся по грудь в воде вдоль края острова. Приложив палец к губам, она медленно скользнула мимо. Похоже, женщина собиралась атаковать Визузу с тыла голыми руками. И хоть подобная невероятная отвага заслуживала всяческого восхищения, у Евы, похоже, было не все в порядке с головой.

— О Визузу! Дай мне повидаться с родителями и с Вилидой, тогда и посмотрим, придется мне убивать Еву или нет. Я должен убедиться, что ты можешь сделать это!

Визузу приутих и молчал долго. Массивная тень за занавеской не сдвинулась ни на дюйм. Ева исчезла из поля зрения Раса. Как ему хотелось бы сейчас вернуть ее к челноку! С Визузу он так или иначе и сам разберется.

В ожидании ответа Рас потел под прямыми лучами полуденного солнца. Белые камни острова и черные стены каньона усиливали, казалось, жару. Слабый ветерок сзади почти не спал. Когда тишина стала совсем невыносимой, Рас приоткрыл рот, чтобы произнести хоть что-нибудь — лишь бы не молчать. Но не успел.

— Хорошо! — снова захрохотал голос. — Не играет роли, умрет она сейчас или позже, с твоей помощью или без нее! Ты увидишь драгоценных для тебя покойных! Ты убедишься в моем могуществе и поймешь, что никто не в силах противостоять мне!

— Даже Игзайбер?

После короткой паузы Визузу ответил:

— Игзайбер наделил меня мощью и мудростью, чтобы я поступал по собственному разумению. Я представляю здесь Его самого!

— Мне необходимо повидаться с ним! — сказал Рас. — У меня к нему немало вопросов.

— Спросишь у мертвых! — прогрехотал голос. — Смотри же, Рас!

— Куда смотреть?

— На большой валун слева от тебя!

Рас повернулся к ближайшему гранитному валуну. Темный и гладкий, выше человеческого роста, тот казался монолитным, пока в нем не появилась вдруг щель; валун, словно орех, раскрылся пополам, демонстрируя внутри себя валун поменьше, со стоящей на макушке резной каменной чашей в форме птицы. За малым валуном виднелась высокая изогнутая трубка серебристого цвета; из нее еще капнуло что-то в чашу, и, сверкнув напоследок, она исчезла в глубине ниши.

— Испей из чаши, Рас Тигр! — сказал Визузу. — Пей, и вскоре увидишь своих незабвенных родителей.

Рас не колебался ни секунды. Подойдя, схватил птицу за каменные крылья, заглянул в полую спину — там плескалась жидкость, — поднес клювиком к своим губам и осушил до дна.

Юноша ожидал какого-либо необычного вкуса, но жидкость, выглядевшая как вода, и на вкус показалась обычной водой. Осушив чашу, Рас опустил ее на валун и, как велел Визузу, отступил назад. Каменные створки с тихим шелестом повернулись, и взору Раса снова предстал гранитный монолит.

Рас стал ждать. Он не ощущал пока ничего, кроме тревожных предчувствий; через несколько минут его посетило разочарование. Визузу прикрикнул, чтобы Рас набрался терпения и вспоминал тех, кого хочет увидеть, получше — тогда они не замедлят явиться.

Рас терпеливо ждал, пока солнце не начало сползать из зенита к своему ночному ложу. И вдруг заметил за хужиной мага, там, где поверхность острова круто обрывалась к воде, желтое пятнышко. Оно медленно росло, за ним вынырнули сначала лоб, потом серые глаза, а следом и нос Евы. Рас хотел бы подать какой-то предостерегающий знак, заставить Еву вернуться, но не решался. Уверенный, что Визузу вот-вот ее заметит и обрушится всею мощью, юноша был просто в отчаянии. Головы нескольких статуй опять ожили, обратив взоры на этот раз к Еве.

Неожиданно из входа в хижину со стороны Евы высунулся ствол пулемета и стал медленно опускаться вниз.

С криком Рас рванулся вперед.

— Назад, Рас! — грянул голос. — Тебе запрещено подходить ближе!

Это не остановило юношу. Тогда в стене по обе стороны от входа открылись небольшие проемы — и из каждого на Раса смотрел ствол пулемета. Невидимая туша за занавеской даже не шелохнулась, но голос стал еще громче, интонации — требовательнее:

— Вернись, Рас, немедленно вернись! Я не хочу убивать тебя! Но ты вынудишь меня это сделать, ты даже не представляешь, что творишь сейчас!

И тут заговорили пулеметы со стороны Евы — их тоже там оказалось два. Из стволов вырвалось пламя, фонтанчики каменных брызг и пыли побежали навстречу Еве, точно по острову зашагал невидимый двуногий монстр с железными когтями на лапах.

Ева успела пригнуться. Ожидавший в любое мгновение огня и со своей стороны хижины, Рас тем не менее с пути не свернул. На бегу он метнул в занавеску нож; пронизав зыбкую преграду, тот погрузился в гигантское туловище, сидящее — теперь Рас это видел — на огромном металлическом стуле. Он разглядел наконец и голову мага: черная, раза в четыре больше нормальной человеческой головы, с рогом вместо носа, она злобно щерилась гигантскими, как ножи, клыками.

Вывав нож из мягкого тряпичного тела, Рас одним прыжком оказался в центре хижины. Здесь пулеметы его больше не пугали — повернувшись за ним до отказа, они уставились стволами друг на друга и огня не открывали.

От воя Визузу у Раса чуть не лопнули перепонки:

— Пошел вон! Вон, говорю! Я убью тебя! Ты что, совсем не боишься смерти?

Голос исходил почему-то не из ужасающей пасти, а из большой металлической болванки, прикрепленной над дверью в серебристого цвета доске.

Неведомый кукловод, кто бы он ни был и где бы сейчас ни находился, бессилен был причинить Расу вред. Впрочем, как и наоборот. Хотя нет, Рас как раз кое-что мог — мог разрушить весь этот иллюзион, устроенный, по-видимому, тою же персоной, что подвигла юношу на сражение с племенем вонсу, и собирался приступить к этому немедленно.

Юноша, мало что понимая, осмотрел хижину и нашел ящик кое с чем более знакомым — с инструментами. Захватив лом и кувалду, сокрушил сначала стреляющие

по Еве пулеметы, затем опрокинул все остальные — по два с каждой стороны хижины — и разбил все стеклянные глаза в черных коробочках. Первый глаз громко лопнул, забрызгав острыми осколками весь пол, но Рас удачно оказался сбоку; с остальными он уже был осторожнее. Ева, вовремя подоспев, пресекла его попытку перерезать большими ножницами толстый кабель.

— Внутри его прячется молния, — объяснила женщина. — Она убивает не хуже небесной.

Ева отыскала дверцу люка, распахнула и спустилась вниз. Присев на корточки, Рас следил за ее действиями, видел, как, щелкнув какой-то кнопкой, Ева залила ярким светом гудящий посреди подвала механизм, чем-то воняющий — как пояснила женщина, соляркой. Еще увидел, как заискрился рычаг на стене, когда Ева рванула его вниз. После этого гул в подвале быстро затих.

Завершили они разгром тем, что, опрокинув чучело Визузу, изодрали в клочья набивку и расплющили хитрое внутреннее устройство.

Рас выскочил наружу, чтобы разобраться со статуями, но дойти до них уже не успел. Жуткий треск, точно звук сломанного ураганом гигантского дерева, остановил его. Подняв взгляд, Рас увидел, что полыхает небо, — солнце померкло на фоне его ослепительно багрового сияния. А над скалами, крупнее полной луны, висела в воздухе огромная старческая голова. Седовласая, длиннородая, она принадлежала самому Игзайберу — в точности как описывала того Мирьям.

Уверенный, что Игзайбер явился наконец по его душу, юноша ахнул. Всю самоуверенность и гордость как ветром сдуло — что может противостоять такому монстру?

Небесная голова таранилась на Раса недобрым крокодильим взглядом. Гигантская десница, вынырнув из-за скалы, дернула небо за край, точно занавеску — открылось ослепительное мельтешение цветов, невиданное Расом буйство красок. Затем чудовищные пальцы разжались, и полыхающее багрянцем небо пало на место.

Рас понимал, что трясется от ужаса, но, будучи не вполне в ладах с собственным телом — с ним происходило что-то непонятное, — ощущал ужас этот только лишь как тень чужого кошмара.

Черепаший панцирь острова вдруг точно ожил под ногами, вздыбился на мгновение и опал, обратившись вновь обычной мертвой скалой.

Но земля вокруг вспухала нарывами; они быстро созрели и лопались, являя фигуры людей и животных. И впереди всех — Мирьям, Юсуфу и Вилида. За ними — остальные черные коротышки, знакомые Расу с самого раннего детства. Дальше выстроились все вонсу во главе с Биджагу. И убитые Расом шарикту. И леопарды, и обезьяны, и речные свиньи, и крокодилы, и лани, и виверры — добыча Раса за всю его недолгую жизнь. Точно привязанные невидимыми нитями, носились по кругу бесчисленные убитые им птицы.

Вот, раздвинув ряды зверей и вонсу, выступил вперед Джанхой, величавым шагом подошел к Юсуфу и улегся на землю рядом. Его зеленые глаза ярко светились.

Зарывав от счастья, Рас бросился к ним, но они ускользали, недвижно отступали назад. Ноги, погруженные в землю по шиколотку, не ступали и не шевелились — они, казалось, росли из земли, или, скорее, утопали в ней. Тени близких предпринимали, казалось, отчаянные усилия, чтобы удержаться на поверхности. Точно колымаемые невидимыми подземными волнами, они медленно погружались и снова всплывали.

— Оставайся там, где стоишь, сынок! — прошелестела Мирьям. Ее крохотное сморщенное личико исказила судорога. — Мы не можем дотронуться до тебя, хотя мечтали бы прижать к груди и расцеловать. Мы мертвы. А ты живой.

— Если я вижу вас, так почему не могу дотронуться? — смешался Рас.

— Расстояние между мертвыми и живыми больше, чем между солнцем и звездами, — вымолвила Мирьям. — Это самый долгий в мире путь.

— Вилида! — крикнул Рас, отчаянно надеясь, что она не подтвердит сказанное матерью. Но и Вилида ускользнула.

— Забудь ее, сынок, — нежно сказала Мирьям. — Она мертва, а ты должен любить живую женщину. Забудь нас всех, поскорее забудь.

— Я не могу! — захлебнулся слезами Рас. — Я тоскую о вас дни и ночи!

— Это не дело, сын мой! — вмешался Юсуфу. — Так ты скоро окажешься среди нас и поймешь тогда, как славно быть живым.

— Но вы хоть что-нибудь мне расскажете? — вскрикнул Рас. — Мы не можем коснуться друг друга, но можем поговорить. Мне кое-что хотелось бы узнать — необходимо узнать. Вы мертвы теперь; вам открылась вся правда мира, перед вами пали завесы — вам ведомы ответы на измучившие меня вопросы. Поделитесь со мной!

Юсуфу улыбнулся тенью своей земной улыбки; в ней мелькнуло на миг нечто демоническое. Вилида, стоявшая до сих пор с очами долу, уставилась на Раса взглядом, полыхающим ненавистью.

За всех ответила Мирьям:

— Увы, сынок! Мертвые не могут поведать живым того, о чем не говорили при жизни.

— И это все, что вправе мы сказать тебе, — добавил Юсуфу.

Рас услышал зовущий откуда-то издалека голос Евы и обернулся, но никого не увидел. А когда снова обратил взор к теням близких, они безвозвратно уходили под землю. Мирьям по шее, Юсуфу по грудь и Вилида по пояс — они отчаянно цеплялись за поверхность, боролись беззвучно, но сила, призвавшая их к себе, была неодолима. Джанхой попытался встать на дыбы, но вскоре исчез, мелькнув напоследок косматой гривой, и он.

Рас бросился к ним, но безжалостная сила земли действовала куда проворнее — когда юноша пал на ватные колени, пальцы ухватили лишь пустую землю, пыль и камни. Рас стал отчаянно копать руками и, казалось, нащупал жесткие волосы Мирьям, но ошибся. Зарыдав, забился о землю лицом; он призывал тени вернуться, вернуться хоть на мгновение — затем словно впал в забытье.

Тьма, сродни подземной и ее наследница, целиком поглотила Раса.

ГЛАВА 20

Охота

Место, где очутился Рас, звенело в ушах тишиной и безмолвием. Он стоял на камне по щиколотку в воде; простертые руки ничего не могли нащупать кругом.

Рас застонал, сообразив, что тоже умер, что уходящие тени прихватили его с собой.

Щелчок, сопровождаемый язычком пламени, заставил Расу охнуть от неожиданности, чуть ли не подпрыгнуть. Огонек выхватил из темноты бледную вытянутую руку и озабоченное лицо Евы, за нею — шероховатые каменные стены и мрачные валуны, теряющиеся в потемках. Вода под ногами оказалась мелким узким ручейком.

Ева, погасив зажигалку, прикоснулась к Расу и мягко спросила:

— Как ты себя чувствуешь, Рас? Ты в порядке?

— Не знаю. А где это мы? Как сюда попали? Что...

— Сперва расскажи, что с тобой произошло, — перебила Ева. — Ты выскочил наружу и, когда я увидела тебя, уже вел себя точно безумный: говорил сам с собою, ползал по земле и рыдал как ребенок.

Рас рассказал ей. Ева сперва никак не могла взять в толк, что послужило случившемуся причиной; но когда Рас упомянул о каменной чаше-птице из распахнувшегося валуна, сообразила:

— В этом питье содержался, должно быть, ЛСД или еще какой-нибудь сильнодействующий наркотик. Это единственное объяснение и твоим галлюцинациям, и последующему провалу в памяти. Кстати, теперь мне понятно и то, что происходило там с вонсу и шарикту, которые осмеливались предстать перед этой вашей визузой. Вот из какого источника они черпали религиозное вдохновение и силу.

...А этот тип, что воздвиг все эти статуи и оборудовал остров... Не понимаю, зачем он это сделал? Ведь все его фортели в конечном счете связаны с тобой! А может быть, ему просто захотелось поиграть перед туземцами роль Господа и заодно уж воспрепятствовать попыткам выбраться по реке из долины, хотя такая идея — плыть по реке — может прийти в голову лишь окончательно свихнувшемуся.

Как бы там ни было, ты получил наркотик и впал во внушаемое состояние, стал легко управляемым. Знаешь, люди под воздействием ЛСД часто приосрегают фантастическую внушаемость. Впрочем, откуда тебе было это знать? Думаю, он собирался внушить тебе необходимость

расправиться со мной — после того как ты вышел бы из-под прямого действия наркотика. Он и внушил тебе духов, которых ты видел. Это все игра твоего воображения, Рас! Но ты тоже не промах — огородил его атакой, прежде чем подействовал наркотик...

Я знала, что этот тип, увидев нас через телекамеры, наверняка вышлет со своего каменного столба вертолет, чтобы прикончить меня. Мы попались в ловушку — так он, во всяком случае, думал.

Как только ты пришел в себя — я имею в виду, смог передвигаться самостоятельно, — я усадила тебя в лодку. Ты стал очень послушным, но ни на чем не мог сосредоточиться. Я просила тебя грести — ты греб, но уже через минуту бросал. Вывести лодку против течения самостоятельно я не могла, была не в силах. Думаю, кстати, что и вдвоем мы бы не справились.

Но я даже и не пыталась, так как услышала звук приближающегося вертолета. Оставалось лишь одно, я этого не хотела, но иной возможности спастись не увидела. И сейчас не вижу. Останься мы на острове, я уже давно была бы холодным трупом; что предполагалось сделать с тобой, не знаю — может быть, пилоты имели на твой счет другие распоряжения.

Пустив лодку по течению, я только помогала ей не удариться о стены, и это тоже оказалось не так-то просто. И когда из-за поворота вынырнул вертолет, только направляла ее в пещеру. Нас, должно быть, сразу заметили; вертолет, не задерживаясь у острова, рванул прямо за нами. Но в пещеру влетать пилот не рискнул; не то чтобы не мог — пещера достаточно велика для вертолета, — именно не рискнул. Он осветил нас прожектором. Это было ужасно. Русло резко сузилось, и река под нами закипела и забурилась. Тут нас внесло в поворот, и от удара о скалу мы чуть не опрокинулись. Лодку бешено швыряло, и я почти ничего не видела — нас буквально заливало волнами.

Я взмолилась Господу, хоть я и неверующая, но лодка на что-то наткнулась, и нас выбросило. К счастью, там оказалось совсем неглубоко, и я сумела вытащить тебя на сушу, точнее, на невысокую скалу. Засветив зажигалку, которая, тоже к счастью, сохранилась в твоей сумке, я

увидела вход в боксвой туннель, довольно большой. Это оказалось русло другой реки, теперь пересохшей. Нашу лодку унесло течением, но я о ней даже не думала — у меня абсолютно не было желания возвращаться назад. Нам еще повезло; во всяком случае, мы оба пока живы. Мы можем идти по этому старому руслу, пока... кто его знает?

Голос Евы, до того довольно спокойный, дрогнул на последней фразе, и вдруг, зарывав, она прильнула к Расу. Юноша обнял ее, приласкал, успокоил; когда женщина выплакалась, предложил двигаться дальше. После свидания с духами Рас чувствовал себя не в своей тарелке, но пройти долгий путь был пока способен.

— Не забудь сказать мне, если увидишь или почувствуешь что-либо необычное, — сказала Ева. — Наркотики нередко имеют повторный эффект, своего рода эхо.

Рас и вправду чувствовал себя не совсем обычно — как будто разум не вполне сошелся с телом, — но после того, что он повидал, вряд ли кто чувствовал бы себя намного лучше.

Рас обнял подругу за плечи, и они двинулись в темноте. Еву непрерывно била дрожь — не от одного лишь холода и сырости, пояснила она, больше от страха — как перед тем, что уже пережила, так и перед тем, что поджидало еще впереди. Она часто шелкала зажигалкой, чтобы проверить путь. Огонек высвечивал многочисленные валуны, которые забросило в русло некогда могучим течением подземной реки.

Они шли долго, плохо представляя себе как пройденный, так и оставшийся путь. Вода, которой они время от времени утоляли жажду, оказалась довольно чистой. Рас признал, что дело обстоит не так уж плохо, могло быть и хуже, не будь здесь воды совсем — они просто умерли бы от жажды. Еву такое утешение ничуть не позабавило.

Прошло время, и Ева объявила, что не в силах передвигать дальше ноги, что смертельно хочет спать. Изможденная до предела, она улеглась на жесткие и холодные камни и забылась мгновенно, несмотря на муки голода. Рас прилег рядом. Часто просыпаясь от озноба, они все же немного отдохнули. Когда, не в силах больше сомкнуть глаз, отлепились друг от друга и встали, пришлось

разминать застывшие члены, прежде чем двинуться дальше. Затем они медленно побрели. Не будь здесь ручья, пояснил Рас, им пришлось бы идти еще медленнее, опасаясь провалов. А так хоть и с замерзшими ногами, но идут по безопасной дороге. К тому же, хоть и не слишком быстро, вода все же течет под уклон; стало быть, они поднимаются. Это их почему-то вдохновило. Логического объяснения тому не находилось, но все же верилось, что путь, ведущий вверх, обязательно выведет на поверхность, к солнцу. Тем более что выбирать было особенно не из чего.

И лишь самому себе Рас признавался, что не очень верит в успех подземного похода. Заблудиться они не могли, это правда, но... Если речушка к истоку сузится и ее русло станет норой в камне, они не смогут двигаться дальше. Тогда... Впрочем, лучше дожидаться, пока такое действительно случится. Все же Рас в глубине души надеялся на благополучный исход.

Они волочили ноги, пока Ева снова не потребовала передышки. Она коротко, чтобы сберечь остатки газа, щелкнула зажигалкой и тут же с криком ужаса метнулась Расу в объятия — на макушке валуна в нескольких шагах от них лежали, точно скелет великанской ладони, останки большой летучей мыши.

Рас испустил радостный вопль и, велев Еве светить, не жалея газа, бросился за поворот. И сразу же услышал далекий знакомый рев, столь любезный его сердцу. Рас нетерпеливо окликнул приотставшую Еву, и последние сто ярдов они почти пробежали. Рев усилился, впереди забрезжил свет, воздух затуманился сыростью — и наконец они оказались на краю большого грота. Истоком спасшей их реки оказалась лужа у входа в грот, лужа, в которую со стены стекали бесчисленные струйки. Они оказались в самом эпицентре оглушительного рева, прямо за дымчато-белой стеной низвергающейся откуда-то сверху воды.

Рас склонился к уху Евы и крикнул:

— Я бывал здесь прежде! Наша пещера находится за одним из водопадов! Я обнаружил ее еще ребенком, но дальше дохлой мыши не забирался. Мы дома! Мы почти дома! Вот так кружок мы описали!

Спустя семь дней, в полдень, они лежали под кустом на краю высокого холма. Крутой каменистый склон под ними не изобилует растительностью, лишь самые неприхотливые деревья и кусты умудрились выжить на нем. Зато дальше, за немалым открытым пространством у подножия, всклокоченно сгущался лес, из которого до них доносились сейчас отдаленные крики и редкие выстрелы.

Оба — и Рас, и Ева — отъелись и уже совсем оправились. И избавились от кругов под глазами. Одетые в шкуры антилоп, они больше не мерзли, а в пещере, где устроили свое ночное убежище, поджидали целые охапки выделанных шкур самых разных зверей, даже леопардов — для уютного ночлега. Оба были вооружены луками, которые Рас в числе прочей утвари притащил из родительской хижины на дереве. Ева сильно опасалась подобной экспедиции, резонно полагая, что тип с озерной башни мог установить за хижинкой наблюдение, окружить ее телекамерами или чем-нибудь в этом роде. Прежде чем войти в нижнюю хижину, они несколько часов скрытно наблюдали за ее окрестностями, но никаких следов слежки не заметили. Телекамер тоже вроде бы не было. И все же внутри, выбирая необходимую утварь, соблюдали полное молчание — Ева предупредила, что подслушивающие устройства гораздо меньше подсматривающих и могут быть спрятаны где угодно или даже замаскированы под что-нибудь безобидное.

Первые четыре дня у беглецов ушли на поиск теплого и безопасного убежища, добычу пропитания и шкур. Рас удачно поохотился, и голодать им больше не приходилось. А последние три дня беглецы провели, наблюдая за постоянными вылетами с башни двух вертолетов и блуждающими по лесу и в холмах несколькими поисковыми партиями.

Ева считала, что переполох этот не без причины — что-то заставило обитателей башни суетиться и спешить, что-то их подгоняло. Один из вертолетов целый день вертелся у беглецов перед глазами, второй — где-то южнее плато. Был и еще один, куда более громоздкий — тот появлялся лишь раз в день из-за гор, доставляя, как предположила Ева, топливо и прочие необходимые припасы, а также, судя по количеству поисковиков в лесу у

подножия холма, и новых врагов. Ева усомнилась, чтобы так много народу постоянно жило на вершине башни — это стеснило бы хозяев и создало дополнительные проблемы по снабжению.

Сейчас внизу рыскал сразу целый десяток новобранцев. Пятеро были неграми, похожими на вонсу, только значительно выше ростом. Трое, при такой же точно темной коже, имели тонкие черты лица и прямые волосы. Руководили поисками двое белых. Один, значительно светлее другого, был ростом с Раса и бросался в глаза копной рыжих волос; его правую щеку уродовал большой шрам. Он возглавлял одну поисковую группу, его более смуглый коллега — другую. Каждый день они начинали с разных концов навстречу друг другу и к заходу солнца сходились.

У каждой из двух партий имелось по два зверя, в которых Рас, припомнив иллюстрации из книг, что сгорели вместе со старой озерной хижиной, признал собак. Ева назвала двух из них немецкими овчарками, двух других — доберманами.

Расу было совершенно невдомек, что же такое они ищут в лесу. Не его же с Евой — они должны были поверить, наверняка поверили, что беглецов поглотила подземная река.

— Если он поверил в твою смерть, а я надеюсь, что так, то должен вскоре вернуться туда, откуда явился — в Южную Африку, полагаю. Но, видимо, пока еще не может — пока существуют хоть какие-то доказательства. А скорее всего еще жив кто-то, знакомый во всех подробностях с его экспериментами.

— Кто бы это мог быть? — задумался Рас.

Ева пожала плечами:

— Не имею понятия. Может быть, кто-то, не сумевший скрыть своего отвращения к происходящему и попытавшийся выйти из игры, а может, просто сбежавший пленник. По намекам твоих родителей, о которых ты мне рассказывал, и со слов этого манекена Визузу я поняла, что тебе готовилась подружка в подарок. Вот, может, она и сбежала, а теперь ее ловят. А может, еще какие-нибудь исследователи залетели в долину, и их постигла та же судьба, что и меня с мужем. Мы с тобой не находили обломков самолета, но это ничего не значит — их не так

трудно спрятать в лесу на плато. А если самолет упал в озеро, так даже и прятать не придется.

Крупные животные, обеспокоенные непривычным шумом в джунглях, перебрались в другие места плато или ушли в холмы. Тем не менее загонщикам удалось подстрелить леопарда и трех горилл — без всякого смысла, просто для развлечения, в этом Рас был совершенно уверен. Леопард, если только не загонять его в угол, никогда не нападет сам на такую многочисленную ватагу, да и гориллы при их чутком слухе постарались бы избежать столь шумного соседства.

Ева нашла этот вандализм существенным. Они не стали бы разорять животный мир долины, если бы собирались остаться здесь надолго.

— Если этот тип заинтересован в убийстве, а не в поимке беглеца, кто бы там он ни был, то стоит охотникам лишь засечь жертву, как прилетит вертолет, сбросит напалм — и дело с концом.

Сейчас Рас с Евой, лежа в укрытии на вершине холма, старались разглядеть охотников и, если повезет, их жертву. Крики стали ближе, собаки лаяли теперь громче и чаще. Рас определил по шуму, что две группы зажали кого-то между собой и идут по горячим следам.

Вдруг, отделившись от зеленой стены, на солнечную пустошь выскочила невысокая необычно волосатая фи-гурка.

— Это Джиб! — изумленно выдохнул Рас.

Короче Раса на голову, изможденный до крайности, тот был прикрыт лишь собственными доходящими почти до колен бородой и волосами. Они развевались за Джибом черным флагом, пока он мчался через поляну к холмам. Добравшись до склонов, он сразу же затерялся, исчез с глаз среди хаотического нагромождения валунов.

Рас вскочил на ноги и замахал руками. Он был вовсе не уверен, что удастся подманить к себе Джиба и не привлечь при этом внимания загонщиков. Хоть Рас и играл с Джибом часто в детстве, он прекрасно помнил также, как трудно было завоевать его доверие и расположение после каждого длительного перерыва. Джиб был так же пуглив и подозрителен, как воспитавшие его гориллы, — если даже не больше.

Но тут Джиб мгновенно вылетел у Раса из головы — на поляну выскочила еще одна фигурка. Черная, одетая в некогда бывшую белой рубаху, с развевающейся на ветру седой бородой, фигурка резво хромала через поляну на душераздирающе скрюченных, коротких ножках.

— Юсуфу! Юсуфу! — завопил Рас.

Первым ощущением Раса была безумная радость. Следом пришел безумный страх.

Рас нагнулся и подхватил с земли копье.

— Что ты собрался делать? — забеспокоилась Ева.

— Я иду ему на помощь!

— Слишком поздно! Ты ничем не сможешь ему помочь сейчас, только себя обнаружишь, а уж тогда они точно не успокоятся, пока не получат мой труп!

Рас взглянул, куда указывала Ева дрожащим пальцем. Две здоровенные псины на длинных поводках вырвались из леса. Следом из зарослей повалили и сами загонщики. Но их уже опережала другая группа охотников — три длинноногих негра почти настигли Юсуфу. Когда самому резвому из них оставалось всего лишь несколько шагов, Юсуфу коротко обернулся и взмахнул рукой — на солнце что-то блеснуло, и негр покатился лицом вниз. Юсуфу припустил снова, но следующий нагнал его в несколько гигантских скачков, сбил с ног и придавил телом к земле. Подскочивший приятель ударил Юсуфу рукояткой револьвера по голове, и вдвоем они поволокли бесчувственное тело назад. Остальные поспешили к холмам следом за Джибом.

Джиб снова появился в поле зрения — выскочил из-за большого накренившегося валуна. Затравленно оборачиваясь, он резво карабкался по склону. Уже стало слышно, как Джиб скулит от страха.

— Береги дыхание! — крикнул Рас и сделал несколько шагов навстречу. Но остановился. Он не любил Джиба, он любил Юсуфу. Если он подвергнет сейчас себя опасности, спасая Джиба, то, возможно, не сумеет позднее выручить Юсуфу. А если оставить Джиба в покое с двумя группами преследователей, идущими по пятам, то он заведет их высоко в холмы, а при Юсуфу останутся всего лишь двое. С двумя Рас как-нибудь разберется.

Ева указала на человека, несущего на спине большой черный ящик и говорящего на ходу в какой-то зажатый в кулаке блестящий предмет:

— Он вызывает на подмогу вертолет! Через несколько минут тот будет здесь!

— Давай за мной! — бросил Рас и начал резво спускаться с холма, взяв круто в сторону от преследователей и объекта охоты. Когда они добрались до леса, велел женщине ждать в кустах. Ева уперлась; заявив, что ничуть не хуже владеет луком, а охранников двое и оба вооружены, отказалась подчиняться. Рас не стал терять время на споры.

Когда издали донесся рокот вертолета, они уже подкрались по краю леса почти вплотную к Юсуфу и двум стерегущим его неграм. Увидеть вертолет отсюда они не могли, к тому же листва приглушала все звуки, но нетрудно было догадаться, что он снялся с башни и летит за пленным.

Ева тихонько чертыхнулась.

— Я беру на себя того, что справа, тебе остается левый, — проинструктировал женщину Рас. — Затем выскакиваем, я хватаю Юсуфу, ты — винтовки. Пилоты вертолета не ожидают встречи с нами. Мы сможем захватить их врасплох и подстрелить — взорвать, как ты сделала на озере.

Они выпрямились, каждый за своим деревом, и под усиливающийся гул вертолета тщательно прицелились. Рас щелкнул языком, и две тетивы запели почти в унисон. Не медля ни мгновения, оба выдернули из травы у ног по новой стреле и прицелились снова. Рас поразил противника в правое бедро; пронзительно вскрикнув, тот покатился по высокой траве. Стрела Евы, нацеленная точнее, но выпущенная слабой рукой, отскочила от ребер в сторону, ошелобив второго негра. Но уже мгновение спустя он, стоя на колене, подхватывал с земли винтовку. Вторая стрела Евы ударила его точно в лоб. А Рас слишком поторопился — его второй выстрел вообще не достиг цели, стрела отклонилась на несколько футов в сторону.

Раненный в бедро, стиснув от боли зубы, очень быстро пополз на боку к чему-то, в траве невидимому — очевидно, за винтовкой. Отбросив лук и схватив копье, Рас с

криком выскочил из-за дерева. В этот миг на него пала тень вертолета; рев заложил уши. Не оборачиваясь, Рас продолжал атаку. Раненый уже прикладывал винтовку к плечу, и несдобровать бы Расу, но тут из травы мелькнула пара крошечных темных ног, и сокрушительный удар в плечо поверг негра на бок.

А Юсуфу со связанными за спиной руками, снова на ногах, уже приступал к следующей атаке. Негр успел подняться ровно настолько, чтобы встретить лицом очередной удар мозолистых пяток — на этот раз точно в подбородок. Больше он уже не дергался.

Лишь тогда Рас обернулся, чтобы увидеть вертолет, поднимающийся вдоль склона холма. С одного взгляда Рас догадался, что пилот прозевал все представление — первой намеченной им целью была дичь наверху.

Смеясь и плача одновременно, Рас разрезал веревку на руках Юсуфу и грубовато вырвался из объятий:

— Позже, отец, позже! Сейчас нужно спешить!

Ева подхватила с травы винтовки, Рас снял ремни с патронташами и амуницией, а Юсуфу забрал ножи и все, что выудил из карманов охранников. Раненный в бедро уже скончался или был к этому близок от потери крови — просто чудо, как у него достало силы снова взяться за оружие.

Внезапно перепоручив свою ношу Еве и Юсуфу, Рас бросился через поляну к телу охотника, поверженного ножом Юсуфу в ходе погони. Выдернув застрявший в солнечном сплетении нож, юноша быстро вернулся, как будто никем не замеченный. Уже под защитой зеленой тени леса, все отбросив, сжал Юсуфу в объятиях. Они оба и плакали, и целовались, и, захлебываясь словами, одновременно рассказывали друг другу о том, что довелось каждому из них пережить. Они едва лишь приступили к рассказам, когда происходящее на холме заставило их разжать объятия и примолкнуть.

Вершина холма была объята жарким пламенем, точно вырвавшимся из адских подземелий. Языки пламени стремительно карабкались к самой вершине; дым, густой и черный, как грозовое облако, заволакивал небо. Вертолет, недосыгаемый для жара, кружил чуть в стороне. Загонщики попрятались за валунами.

— А меня почему-то хотели взять в плен, — сказал Юсуфу. — Возможно, Бойгур хотел уточнить у меня, что и как, может, стал бы и пытаться. А что ему пользы от Джиба? Уничтожив же его вместе с отпечатками пальцев, Бойгур прятал последние концы в воду.

— Что еще за отпечатки? — удивился Рас.

— Мне многое нужно рассказать тебе, сынок, не только это, но сейчас у нас действительно мало времени. И вертолет, и люди скоро вернутся. Стоит им лишь обнаружить покойников, как погоня сразу возобновится. И не за одним лишь только мною — вряд ли они поверят, что один лилипут унес столько оружия.

— Он умеет стрелять из винтовки? — спросила Ева.

Ева спросила по-английски, но Юсуфу, как прежде Рас, не понимал ее произношения. Рас перевел.

Юсуфу гордо объявил, что был когда-то цирковым стрелком, но давненько — с самого рождения Раса — не держал в руках настоящего оружия. Ева коротко показала и объяснила, как обращаться с винтовкой М-15. Рас тоже постарался все запомнить и попросил дать ему попробовать. Ева категорически отказала, объяснив, что без достаточного опыта он легко может перестрелять своих. Рас ничего толком не знает об оружии, а времени и приспособлений для тренировки у них сейчас нет.

Вертолет тем временем уже завис над телами; пешие участники охоты с собаками еще только спускались по склону. Ева с помощью Раса объяснила Юсуфу замысел. Юсуфу присвистнул. Он думал, что они зададут отсюда стрелка, не дожидаясь второй напалмовой бомбы. Затем, чуть поразмыслив, признал правоту Евы. Какое-то время они продержатся, а более удобной позиции для засады может и не представиться. Только бы вертушка подлетела поближе!

Так и случилось. Пилот, видимо, устал дожидаться, пока подойдут остальные. Футах в двадцати над ближайшим к опушке телом вертолет медленно развернулся — второй пилот сквозь прицел пулемета вглядывался в заросли, — затем плавно приземлился. Рев стал тише, и лопасти, взрыдав напоследок, замерли.

Ева сказала, что пилот определенно проинформировал башню о происшедшем с неграми и, если второй вертолет наготове, долго ждать его не придется.

Сейчас, когда вертолет стоял на земле, высокая трава служила атакующим надежным прикрытием. Ева подкрадывалась с одной стороны, Юсуфу — с другой. Рас, сидя на ветке дерева, приготовил к стрельбе лук. Со своей выгодной позиции он видел всех и вся. Ева, приподнявшись на одно колено, открыла огонь; секундой позже загрохотала винтовка Юсуфу. Его прицел был не столь аккуратен, как у Евы, — поток пуль взмыл в воздух и попал в никуда. Но, сделав короткую паузу, Юсуфу возобновил огонь куда точнее прежнего.

Пилот, бородатый белый мужчина, пал под первыми же выстрелами из винтовки Евы. Рыжеволосый пулеметчик бросился назад к оружию, но воспользоваться им уже не успел. Вертолет с глухим громом подпрыгнул и ослепительно взорвался. Вырвавшееся пламя поглотило двоих из поисковой партии, подбегавших первыми. Юсуфу точной очередью уложил еще двоих. Трое уцелевших залегли и открыли ответный огонь. Тогда и Ева, и Юсуфу начали отходить — Юсуфу в направлении холма, а Ева к лесу. Рас окликнул с дерева, и, вскочив с колен, она шустро взобралась к нему. Ева и радовалась, и всхлипывала одновременно, но на точности ее прицела это не отразилось. Отсюда, с ветки, прекрасно просматривались все трое уцелевших, и Ева уложилась в три короткие очереди. Затем вместе с Расом осторожно приблизилась к телам. К молодежи не замедлил присоединиться и старый Юсуфу. Трое охотников и один из псов еще дышали — старик безжалостно добил их всех двумя длинными очередями.

Ева оплакивала догорающий вертолет:

— Мы могли улететь на нем отсюда! Убраться отсюда прочь! Мы снова застряли здесь!

— Второй на подлете, — прервал ее стоны Юсуфу.

Тут уже и Рас услышал знакомый чмокающий звук. И сообщил об этом Еве. В панике она предложила побыстрее убираться с поля битвы. Рас, сперва с ней вполне согласный, вдруг разродился новым планом. Весьма рискованным планом. Особенно для него самого. Но если дружно вместе ударить, призом может стать целехонький вертолет. Если же не повезет, так хотя бы собьют его. Времени для тщательной подготовки уже не оставалось; приходилось импровизировать, изобретать что-то на ходу.

И если что-то пойдет наперекосяк, пусть потом на него, Раса, особенно не пеняют.

Ева и Юсуфу — старик с подобранным переговорным устройством в руке — внимательно выслушали сбивчивую речь Раса. Юсуфу так был просто в восторге. Дьявольски рискованно, говорил он, но, черт возьми, может сработать! К тому же и Бойгур, и все остальные уверены, что Рас давно погиб — Рас успел рассказать старику о путешествии по подземной реке, — и впадут в шок, увидав его здесь, на травке. Они не должны пытаться убить Раса, это абсурд, они и раньше его только охраняли, все дело тут вертится вокруг него одного.

У Раса больше не осталось времени для разговоров; он бросился на поляну и улегся шагах в двадцати от опушки. Улегся головой к лесу, лицом в землю — словно пытался скрыться, когда с ним что-то случилось.

И очень скоро услышал рев вертолета прямо над собой. Прохладная тень накрыла его на мгновение. Вертолет, почти зависнув, продолжал парить, словно его обитатели переваривали новую для себя ситуацию. Они прекрасно видели, что случилось с их товарищами, а обнаружив тело Раса, должно быть, действительно впали в шок. И запрашивали башню, этого типа на башне — Бойгура, как назвал его Юсуфу, — что им теперь делать.

Юсуфу говорил, что теперь может слышать все радиопереговоры, значит, будет в курсе их намерений.

Спустя несколько долгих минут вертолет приземлился по соседству — мощный вихрь от его лопастей всколыхнул траву вокруг Раса и остудил потную спину. В его могучем реве почти утонули хлопки выстрелов, услышав которые Рас резко перекатился на спину. Один из экипажа машины лежал навзничь в нескольких шагах от Раса с незнакомым сверкающим предметом на открытой ладони — округлым и прозрачным, с острым игольчатым окончанием.

Пилот вертолета сохранил контроль над управлением. Он уже поднимал машину вверх и в сторону, когда сам повалился вперед и исчез с глаз. Вертолет завалился набок и врезался в землю. Пожар не вспыхнул, но машина была загублена — лопасти скомкались, как бумажные, и нос фюзеляжа всмятку. Пилот не сделал попытки покинуть кабину. Рас подбежал ближе — тот был мертв.

Ева обливала слезами по поводу новой неудачи; Юсуфу дело представлялось иначе, куда как в более розовом свете. Он был жив и на свободе, а каких-то десять минут назад ожидал лишь пыток и смерти. К тому же его драгоценный Рас, которого старик уже не чаял увидеть, снова с ним, живой и здоровый.

А кроме того, все, что им нужно сейчас, так это сохранить жизнь и продержаться какое-то время, и они навсегда покинут эту забытую Богом долину. Дело в том, что десять дней тому назад, когда Рас вместе с Евой путешествовал по подземельям, над долиной низко пролетал самолет военно-воздушных сил Эфиопии. Пролетая над башней, он был сбит из пулеметов и рухнул в озеро. Наверняка военный самолет будут тщательно разыскивать, Юсуфу был совершенно в этом уверен. Это подтверждалось и паникой, с которой Бойгур, уверенный в гибели Раса и очередном крахе проекта, принимал меры к эвакуации. Одной из этих мер и стала ликвидация Джиба, отпечатки пальцев которого могли навести впоследствии на след Бойгура. Другой должна была стать смерть Юсуфу, чтобы заткнуть ему рот навечно.

— Как много непонятных мне вещей и слов! — грустно подытожил Рас. Внешний мир представился ему гигантской ловушкой, вход в которую распахнулся перед ним и затягивает во мрак.

— У нас будет много времени впереди для объяснений, — утешил его Юсуфу. — Я и сам далеко не все понимаю. Пойдем в мою берлогу — она куда ближе вашей, — помянем там Мирьям, да будет земля ей пухом, и обсудим возможность отомстить за нее.

По пути Рас поинтересовался, что собирался с ним сделать человек со шприцем — новый для себя термин он позаимствовал у Евы.

— Я слушал их переговоры, — ответил Юсуфу. — Они не понимали, что произошло внизу, но были напуганы и злы — той злостью, которую порождает страх. Они разглядели тебя, лежащего лицом в траве, сразу узнали. Бойгур переспрашивал несколько раз, он никак не мог поверить в такое чудо, он давно уже схоронил тебя в той пещере. А поверив, просто завизжал от радости. Говорил, что ты настоящий герой, что смерть тебе нипочем, что ты вообще неуязвим. И сразу объявил об отмене планов

эвакуации. Бойгур был уверен, что власти Эфиопии замнут инцидент с самолетом, если он осуществит солидные инвестиции на их усмотрение. И, возможно, он прав. Как бы там ни было, он приказал вертолету садиться и проверить, жив ли ты. Тут, кстати, он и сам умолк — призадумался, видать, что ты можешь оказаться и мертвым.

Стрелок по имени Иоганн должен был проверить, жив ли ты. Если обнаружил бы легкие ранения, подлатал бы на месте. В случае серьезных повреждений имел приказ доставить тебя на базу для лечения. Если бы ты лежал целехонький, просто контуженный и без сознания, он усыпил бы тебя с помощью этого шприца, а вертолет слетал бы тем временем на башню за твоей нареченной. Экипаж вертолета должен был инсценировать ее побег, затем изобразить активный розыск. Девушка нашла бы тебя, и все дальше пошло бы по сценарию. Бойгур сказал, что хоть пора и не приспела, но чертова девчонка решила уморить себя голодом и, похоже, не шутит. Он надеялся, что ты ей понравишься.

Руди — так звали пилота — сказал, что на земле что-то не так, что-то вызывает у него подозрения; и действительно, не мог ведь ты в одиночку и голыми руками устроить такое побоище. Он не хотел приземляться, но Бойгур угрожал ему смертью в случае неподчинения.

Юсуфу приумолк; помолчав, добавил:

— Бойгур уже давно мог убедиться, что события всегда ускользают из-под его контроля, никогда не происходят так, как он задумывал. И что так будет всегда. Но он не хотел в этом признаться даже самому себе. Он воистину сумасшедший!

— А теперь, — мягко попросил Рас, — еще разок, все с самого начала, только помедленнее!

ГЛАВА 21

Бог на веревочке

Почти весь следующий день беглецы провели у озера, скрытно наблюдая из прибрежных зарослей за каменным колоссом. Тысячефутовая глыба черного, блестящего на солнце камня и раньше, после рассказов Мирьям о ее древнем искусственном происхождении, казалась Расу

чуждой всему окружающему. Теперь, когда он знал, что Мирьям потчевала его красивыми байками, которым он и прежде не очень-то доверял, башня стала еще неприятнее взору, будто удвоив исходящую от ее черноты угрозу.

Но ничего не происходило. Никаких признаков жизни, кроме парящей вокруг вершины орлиной четы. Юсуфу указал место, с которого Бойгур любил наблюдать через мощную оптику происходящее внизу, особенно следить за Расом. Юноша прищурился, но ничего там не различил.

— Он вызовет по радио помощь, можешь не сомневаться, — сказал старик. — Уже завтра, в крайнем случае послезавтра, прилетит новый вертолет. Должно быть, большой — с запасами топлива и прочими грузами. И охота на нас продолжится. Бойгур не успокоится. Это демон, а не человек — уж я-то знаю!

— Расскажи-ка мне побольше об устройстве башни, — попросил Рас. — Расскажи все, что может пригодиться человеку, который захочет сразиться с ее обитателями.

— Что? Да ты, наверное, разыгрываешь меня, сын! — изумился Юсуфу. Но просьбу исполнил.

Слушая, Рас задавал множество уточняющих вопросов, затем поведал о своем замысле. Оба — и Ева, и Юсуфу — энергично набросились на него с протестующими воплями, убедительными резонами, даже просто запретами. В конце концов Юсуфу, махнув рукой, сказал Еве:

— Зря стараемся — ему все как горох об стенку. Мне знаком этот взгляд. Рас уже все для себя решил. И кроме смерти, его ничто не остановит.

Остаток дня посвятили подготовке к восхождению. Для этого пришлось сходить к пещере в скалах. Рас успел часок подремать, затем, уже в сумерках, следом за Евой и Юсуфу уселся в челнок. В темноте, предшествующей восходу луны, они подгребли к скальному подножию утеса. Здесь Рас поцеловал на прощание Еву и старика, утер им слезы и, отмахнувшись напоследок от их безнадежных протестов, выскочил из челнока.

Вслепую нащупывая знакомые прежде выступы, находя новые, он начал свое медленное восхождение. Первое время руки не соскальзывали, как казалось Расу, от

мощного внутреннего огня, который буквально припайвал его к камням. Всползая, он неуклонно удалялся от челнока, который быстро подернулся мглой в нескольких ярдах у основания, где Ева с Юсуфу решили ждать до самого рассвета, ждать исхода, каким бы он ни был, готовые подобрать его при падении — живого или мертвого.

Скоро взошла луна, и Рас снова увидел лодку с двумя крошечными фигурками. Он махнул им рукой — они не ответили, Рас уже был невидим для них. А может быть, он забрался уже так высоко, что сам не мог различить движений рук сидящих в лодке.

Рас видел сверху серебристую гладь озера, окаймленную лесным мраком, и белое перышко далекого водопада. Луна поднималась выше, а с нею вместе и Рас, хотя уже далеко не так резво, как у самого подножия. И не так уверенно. Пальцы рук стали застывать. Одетый в рубашку, штаны и мокасины из оленьих шкур, под ударами падающего сверху, обжигающего, насыщенного, казалось, крупинками льда ветра, Рас начал замерзать.

Опора за опорой, хватка за хваткой — он неуклонно продолжал свой изнурительный подъем. Порою в поисках новой опоры приходилось отклоняться от намеченного маршрута, порою — даже возвращаться назад в поисках обходных путей. Дважды он обнаруживал, что почти на четверть окружности башни отклонился от маршрута, и вносил коррективы, искал возможности вернуться к вертикали, выводящей на заранее намеченную точку.

И наступил момент, когда юноша почувствовал, что ни секунды не сможет больше удержаться на скале. Но он не мог и остановиться, не мог и позволить себе повернуть назад. Рас карабкался без всякого снаряжения, без крючьев и веревок, вооруженный одним лишь ножом, карабкался на пальцах рук и ног, зачастую не находя опоры ногам и повисая на одних только руках. Его мозолистые пальцы давно уже покрылись ссадинами и кровоточили — это делало подъем еще опаснее, Рас мог соскользнуть. Он отирал пальцы об одежду; скоро рубашка на нем затвердела, покрытая коркой запекшейся крови. В конце концов он решил надеть перчатки, которые изготовили и чуть ли не силой всучили ему Ева с Юсуфу. Перчатки снижали чувствительность пальцев, но рисковали потерей крови и

в результате надежного сцепления рук со скалами было еще опаснее.

Очень долго Рас чувствовал себя близким к пределам выносливости, если уже не за ними, но неожиданно прорезалась странная легкость, необыкновенная воздушность — точно ветер входил в его тело, будто в надувной шар, а камень перед глазами стал будто орнаментом, нарисованным на бумаге. Рас осознал, что причиной столь опасного состояния были переутомление и холод и сосущая пустота в желудке, но что он мог с этим поделать? И, продолжая свое мучительное восхождение, незадолго до рассвета, возвещаемого просветлением на востоке, нащупал рукой пустоту в камне — пустоту слишком ровную и гладкую для естественной впадины. Это было предсказанное мудрым старым Юсуфу окно. И очень, очень вовремя. Расу пришлось собрать все остатки сил, совершить невероятное, чтобы втянуть тело — разум уже как бы наблюдал со стороны — в оконный проем. Уже там, скорчившись на подоконнике, точно младенец в материнской утробе, Рас долго не мог прийти в себя. Он и был слабее младенца сейчас.

И тут Раса охватила мгновенная паника — мир словно уплывал у него из-под ног. Зубец скалы на востоке сместился, как живой, и вернулся назад, а попытка вцепиться в камень покрепче казалась ему обреченной на неуспех. Лишь мгновение спустя, стряхнув наваждение, Рас сообразил, что горизонт в покое — движется он сам, вместе с окном и всем утесом. И вспомнил, что говорил ему Юсуфу годы тому назад: высокие скалы качает ветер, и башня на озере качается, как дерево — может, на фут, может, и больше. Казалось совершенно невозможным, чтобы фантастически огромная твердая масса откликлась на дуновение невидимого эфира, но это было именно так. Это началось в незапамятные времена, с самого возникновения башни, и могло кончиться лишь с ее разрушением — при одном из очередных колебаний.

Рас спрыгнул в помещение за окном, потянулся, разминая мышцы, и приступил к обыску. Юсуфу рассказывал, что комната эта, вырубленная в скале за год до рождения Раса, служила обитателям башни главной кладовой. Юноша тронул входную дверь, деревянную, но очень толстую и прочную, и убедился, что заперт снару-

жи. Стало быть, чтобы выйти, следовало дожидаться чьего-либо визита. Если верить Юсуфу, если его сведения не слишком еще устарели, то первым, почти на рассвете, сюда приходит за продуктами повар.

На складе хранилось много всякой всячины, и на каждой коробке, каждом предмете белела наклейка с надписью. В первую очередь Расу необходимо было отыскать немного мази для рук и что-нибудь для пустого желудка. Он вскоре сыскал какую-то липкую мазь и, недоверчиво понюхав содержимое склянки, смазал ссадины. Небольшим ломиком взломал ящик с консервами. Недоуменно изучив надпись на банке, с помощью ключа на донышке, насаженного прорезью на металлическое ушко, неуверенно откупорил ее. Сам процесс так Расу понравился, что он с трудом подавил желание вскрыть все банки подряд. Пища оказалась холодной, скользкой и слишком острой на вкус, но Рас съел содержимое банки до дна и, наполнив изголодавшееся брюхо, сразу почувствовал себя значительно лучше.

Опустошив еще банку с персиками и не без труда освободив из скрученной жести открывашку, Рас перешел к стеллажам с оружием. На полках стояли ящики с самой разнообразной амуницией — револьверы и автоматические пистолеты выглядывали из своих кобур, автоматы тускло посверкивали смазкой, и чего там только еще не было! Из всего этого разнообразия Рас выбрал лишь винтовку М-15 — того типа, что уже успел изучить под руководством Евы, пока гостил у Юсуфу. Проверив ствол на чистоту, как требовала Ева, зарядил патронами и прихватил целую коробку с запасными обоймами. Затем уселся на пол возле двери и принялся терпеливо ждать.

Лучи восходящего солнца позолотили возле самого окна здоровенный механизм неопределенных очертаний. Высокий — выше самого высокого человека — и еще более длинный, агрегат изобиловал зубчатыми колесами. Основной его частью был, видимо, гигантский, обмотанный светлым тросом барабан. Конец троса, пропущенный через гладкие колесики, свисал с длинной металлической шеи устройства. Платформа, на которой стояло все устройство целиком, могла ездить по гладким металлическим дорожкам — так, чтобы железная шея высовывалась за

окно. Другой конец троса с барабана сцеплялся с целым рядом одинаковых катушек на полу комнаты.

Похоже, именно эту машину Юсуфу называл лебедкой; приводимая в движение бензином, она могла опустить тысячу футов троса с грузом до поверхности озера. Бойгур предусмотрел ее на тот случай, если однажды останется на башне совсем без вертолетов. Рядом с лебедкой лежало несколько лодок из серебристого металла. Каждая лодка была привязана к раме с петлями для крючьев лебедки.

Чтобы скоротать время, Рас долго разглядывал все это со своего места у двери. Затем отвлекся, задумался о другом — о событиях прошлого, о настоящем, о будущем. С визгливым криком за окном промелькнул орел, и снова наступила тишина. Тишина столь плотная, чтоковыряние ключа в замке едва не оглушило Раса, заставило сердце подпрыгнуть в груди. Юноша бесшумно скрылся за штабелем ящиков и притаился.

В комнату вошел невысокий пузатый негр, одетый в коричневую рубашку и шорты и повязанный спереди белым фартуком. Заперев за собою дверь, он спрятал ключ в карман, подошел к невысокой гряде коробок и отработанным движением извлек из одной початую бутылку, в которой плескалась темная жидкость. Но выпить много не успел — кадык подпрыгнул всего лишь дважды, когда Рас обхватил негра за шею сзади. Бутылка, выплескивая янтарное содержимое, еще катилась по ящикам, а с негром уже все было кончено — шея хрустнула, и Рас сволок его в угол, за штабель. Бутылку отправил следом.

Расу пришлось отереть пальцы от мази — скользкими не очень-то покидаешь нож. Затем он отпер дверь confi-кованным у негра ключом, осторожно выскользнул наружу и снова запер. Ключ спрятал в карман. От двери вверх вели десять высеченных в камне ступенек, поднявшись по которым Рас оказался в низком, чуть выше его макушки, коридоре. Справа он обрывался почти сразу, и Рас свернул налево. Несколько шагов привели его к двери по правой стороне; дальше была еще одна — и обе запертые. Ключ, захваченный из кладовой, не подошел ни к одной. В самом конце коридора, напротив ведущего вправо лестничного марша, находилась еще одна — толстая деревянная дверь с крохотным оконцем.

Рас заглянул в него: прямо напротив светилось забранное тремя толстыми металлическими прутьями окно наружу. Рядом с ним — подставка с умывальником, кувшин и чашка. В другом конце небольшой комнаты располагалась деревянная застеленная кровать, рядом с нею — белая посуда с крышкой. На кровати боком к нему лежала женщина — в одежде, похожей на ту, в которой он впервые встретил Еву. Худая, со спутанными соломенными волосами, она показалась Расу донельзя изможденной. Очевидно, это и была его невеста — девушка, доставленная сюда против воли и убивающая теперь себя голодом.

Пока Рас стоял и раздумывал, что бы такое предпринять для девушки, до его чуткого слуха донесся слабый, очень еще далекий звук. Он пришел со стороны выхода, к которому вели ступеньки. Сколько раз этот звук пробуждал в нем неясные надежды, томление, сколько раз повергал в ужас! Сейчас он уже знал, что звук этот возвещает приближение мертвой, управляемой людьми машины, и ужаса не испытывал, но какая-то непостижимая тайна в нем еще оставалась. Услышав звук сейчас, Рас почувствовал лишь нетерпение, побуждение к действию. Если это, как предполагали Ева и Юсуфу, большая машина с топливом и припасами, то удобнее случая посеять среди врагов панику ему не представится.

Рас решил не трогать пока женщину. В своей комнате, пусть и взаперти, она пока в безопасности, а если взять с собой, будет в предстоящем бою серьезной обузой. И оставив дверь камеры в покое, юноша занял позицию у самого подножия лестницы, сразу за поворотом стены.

Рас услышал снаружи мужские голоса и еще какие-то отдаленные звуки. Затем металлический лязг — кто-то собирался спуститься к нему по ступенькам. Рас бесшумно перебежал до поворота в кладовую и скрылся за углом. Осторожно выставив голову, увидел худошавого белого коротышку в коричневой униформе — тот, поставив на пол поднос с тарелками, отшелкнул от кольца на поясе ключ и вставил его в замок камеры.

Прежде чем повернуть ключ, тюремщик устался в окошко и не заметил поэтому Раса, который приближался бесшумно, почти ленивой походкой праздношатающегося. Оказавшись на расстоянии броска ножа, юноша

резко махнул рукой — лишь это привлекло внимание тюремщика. Обернувшись, он еще успел протянуть руку к ремню, где даже не было кобуры с оружием. И это было последнее, что он в своей жизни успел, — нож погрузился ему в солнечное сплетение по самую рукоятку. Отброшенный ударом, коротышка глухо врезался в стену и сполз по ней на пол. Схватив тело за ногу, Рас потащил его по коридору — подальше от глаз еще одного противника, зевавшего прямо на выходе. Вооруженный винтовкой, тот в самый опасный для Раса момент как раз уставился на небо — разглядывая, вероятно, вертолет — и прозевал случившееся внизу.

Уложив труп возле кладовой, Рас выдернул нож и вытер его полой рубашки покойного. Затем услышал возглас охранника на выходе — тот окликал своего подзадержавшегося товарища на малопонятном Расу, но английском языке. И, похоже, уже заметил сверху забытый возле запертой двери поднос. Возможно, охранник решил, что приятель решил поразвлечься с девицей. Возможно, решил, что тот слишком уж долго копается. Что бы ни было причиной, он встревожился. Каблуки прогрохотали по ступенькам, и охранник вынырнул в коридоре.

Он не успел еще даже полностью повернуть лицо, а Рас уже метнул свой нож. Лезвие погрузилось жертве в горло; с шумом обронив винтовку, охранник упал навзничь. Оттащив его от входа, чтобы не бросался в глаза при взгляде снаружи, Рас заглянул в окошко камеры. Женщина не переменила позы, и цвет ее кожи по-прежнему отливал синевой.

Рокот вертолета стал громче, превратился в рев, затем начал стихать; бессильно взыв напоследок, лопасти замерли. Снова Рас ясно различал наверху мужские голоса, доносившиеся с приличного расстояния. Еще раз проверив винтовку, Рас поднялся по ступенькам и осторожно выглянул за козырек, которым, видимо, от дождя был огражден выход на поверхность. Справа стоял сводчатый металлический дом, привязанный четырьмя тросами к врезанным в камень штырям. Как рассказывал Юсуфу, это спасало «ангар» от внезапных порывов ветра. Нескольких таких же ангаров, расставленных, казалось, случайным образом, располагались неподалеку от края обрыва. Сам край был огражден высоким, Расу почти по грудь,

парапетом, сложенным из дикого камня. Рас увидел еще несколько каменных козырьков, подобных тому, из которого он сейчас выглядывал — под ними, очевидно, находились другие вырубленные в скале помещения. В дальнем конце обширной площадки в окружении множества труб и шлангов стоял гигантский брюхастый вертолет. Четверо мужчин возились со шлангами, соединяя с вертолетом какие-то устройства — насосы, догадался Рас, еще четверо занимались разгрузкой коробок через открытый борт машины.

И далеко-далеко в воздухе поблескивала на солнце еще одна направляющаяся к башне машина.

Рас изучил обстановку вокруг себя, особенно не высываясь, но достаточно тщательно. И никого, похожего на Бойгура, каким его описал Юсуфу, не заметил. На разгрузке вертолета работали и белые, и черные. Черные, судя по прямым волосам и тонким острым чертам лица, были эфиопами, как называл их Юсуфу. Между Расом и вертолетом, у дверей ангара, крыша которого изобиловала шестами и металлическими перекладинами, пускал изо рта дым незагорелый плешистый коротышка. Он наблюдал за разгрузкой и, как только один из грузчиков показал ему кулак, затоптал сигарету. Коротышка стал обречиваться, и Рас юркнул за стену.

Возможность узнать, где прячется Бойгур и сколько народу здесь всего, пока не представилось. Первый ход Расу предстояло сделать втемную, а дальше действовать сообразно обстоятельствам.

Когда юноша высунулся снова, из сводчатого строения по соседству как раз вышел и направлялся к Расу красномордый толстяк в белом колпаке и при белом же фартуке. Судя по его раздраженной физиономии, он шел выяснять, что так задержало нерадивого помощника.

Рас схватил его за шею, как только тот показался из-за угла, и сволок вниз по ступенькам. Там юноша прижал добычу к стене и приставил к горлу острое ножа. Толстяк затрясся с выпученными глазами, бледная кожа мгновенно покрылась каплями пота.

— Где Бойгур? — спросил Рас на английском.

Толстяк проквашал что-то неразборчивое; лишь заставив повторить помедленнее, Рас сумел выудить смысл из его иканий. Бойгур находился в радиорубке, в том

строении, возле которого покуривал плешистый коротышка — радист, как оказалось.

— Как ты попал сюда, Рас Тигр? — выдохнул толстяк.

— По стене, — честно ответил Рас, развернул пленника лицом к стене, чтобы не испачкаться, и аккуратно перерезал горло. Как бы там Рас ни сомневался в его вине, тот назвал юношу по имени — стало быть, был в курсе событий, и убийства Мирьям тоже. Когда фонтан крови почти иссяк, Рас отволоч тело к остальным и снова поднялся наверх.

Большой вертолет, все еще опутанный шлангами, стоял в окружении насосов и нескольких больших серебряных дисков, похожих на крышки кастрюль. Кастрюли, сообразил Рас, — это же подземные хранилища горючего. Сейчас наружу выбрался и экипаж вертолета: двое белых — один высокий и черноусый, другой, с каштановыми волосами, пониже ростом, — и приземистый широкоплечий негр. Все трое шагали в сторону радиорубки.

Второй вертолет, совсем маленький, уже приблизился и собирался, похоже, лететь прямо к радиорубке — мимо посадочной площадки.

Рас еще разок проверил оружие и вышел из-за укрытия. Небрежно держа винтовку дулом вниз, юноша ленивой походкой побрел к радиорубке. Черноусый, скользнув взглядом, повернулся и что-то сказал поотставшим товарищам, без всяких признаков тревоги. Рас уже добрался почти до самого входа в строение. И в волнении замер — музыка, какой ему не доводилось еще слышать, выплывала наружу из будки. Сплетенная из множества неведомых Расу звуков, мелодия была такой сложной и потрясающей, что повергла юношу буквально в экстаз. Она поистине открывала ослепительное величие мира за облаками. Неужели это творение обычных смертных? — мог лишь изумиться Рас.

Чтобы взять себя в руки, юноше пришлось встряхнуть как следует головой и провести ладонью по лицу — точно паутину смахнуть. А второй вертолет тем временем уже совершал посадку, и в его прозрачном фюзеляже Рас увидел еще двух врагов.

Рас вскинул винтовку и спустил курок. Оружие загрохотало, и поток пуль, выбив из скалы каменные брызги,

дотянулся до троицы возле радиорубки. Все трое успели лишь рты разинуть от неожиданности, когда смертоносный ветер подхватил и раскидал их по площадке, а Рас уже переводил ствол на садящийся вертолет. Его пилот попытался поднять машину, а стрелок — спешно развернуть пулеметы, но пули уже ударили по стеклу кабины и отбросили пилота в сторону. Вертолет завалился набок, ударился и, прихватив с собой изрядный участок парапета, исчез в пропасти.

Опасаясь, что винтовку может заклинить — плоды инструктора Евы, — и страстно надеясь, что этого не случится, Рас не жалел патронов, каждый десятый из которых был зажигательным. Вся компания возле большого вертолета мгновенно залегла, точно прихлопнутая гигантской ладонью паники. Лишь одного из них пули подхватили на бегу и швырнули оземь.

Рас целил по шлангам, подающим топливо, по самому вертолету, стараясь уложить очередь в места соединения шлангов с фюзеляжем. И не промахнулся.

Острые язычки пламени, брызнув из корпуса, разбухли, слились воедино, и машина расцвела ослепительным огненным цветком, опалив Раса жаром даже на расстоянии. Точно выдох из великанского рта, взметнулось черное грибовидное облако. Воздушная волна с силой крокодильего хвоста подхватила Раса и ударила о стенку радиорубки. Ошеломленный, он обронил винтовку и на несколько мгновений полностью утратил представление.

Жаркий дым клубился над Расом, окутывая его своими удушающими покровами. Ослепленный и оглушенный, юноша мучительно закашлялся. В чувство он пришел довольно быстро, но разглядеть что-либо за дымом пока не мог, а до ушей доносился теперь лишь рев бушующего пламени, пожирающего запасы топлива из подземных хранилищ. Юноша перекатился на живот, пытаясь разглядеть что-нибудь под черным облаком, но безуспешно. Затем порыв ветра приоткрыл ему на мгновение обуглившееся человеческое тело. Хлопнула дверь, и Рас увидел исчезающие и вновь появляющиеся из дыма ботинки. Их владелец раскашлялся. Ботинки замелькали в нескольких шагах от Раса — ноги в них определенно принадлежали белому. Еще один мучительный приступ кашля, и человек полностью скрылся в дыму.

Следом спешила еще одна пара обуви. Рас нащупал винтовку, сменил в ней обойму и двинулся наперехват. И почти сразу столкнулся со стенкой козырька, из-под которого сам же раньше и вышел. Рас залег и, подавив очередной приступ кашля, внимательно прислушался. Ни звука. Двое либо поджидали его внизу в засаде, либо нашли себе убежище еще где-то. А может, поспешили в кладовую, чтобы по канату лебедки добраться до поверхности озера. Возможно, они и не подозревают об истинной причине катастрофы, считая ее случайной. Нет, вряд ли — даже если они и не видели Раса, то грохот выстрелов не мог ускользнуть от слуха. Вертолет, садившийся по соседству, ревел хоть и громко, но все же недостаточно, чтобы заглушить лай винтовки.

Ветерок занес клубы дыма и вниз, в коридор, ведущий в кладовую. Почти ничего не различая перед собой, Рас подавил очередной позыв к кашлю и стал осторожно спускаться по ступенькам. У подножия лестницы присел на четвереньки и снова прислушался. Он ясно различал перед собою дверь камеры. Окошко в нем было распахнуто настежь, но никто из него не выглядывал. Рас заглянул за угол — конец коридора терялся в дыму, смазывающем очертания двух окровавленных тел, лежащих у стены. Однако Рас сумел заметить, что и винтовка, и кобура, и ремень с амуницией охранника исчезли.

Рас улыбнулся. Кто бы это ни был, хитростью он не превосходил Раса. Оставив приятеля в камере с женщиной — Рас отметил попутно, что ключ, который он забрал у тюремщика, был, видно, не единственным, — он сам, должно быть, скрылся за одной из дверей дальше по коридору, возможно, в кладовой — так, чтобы Рас оказался между двух огней.

И тут в окошке камеры появилось лицо — лицо, которое Рас меньше всего ожидал увидеть. Тусклые женские глаза, казалось, ничего перед собой не видели, голова в изнеможении падала набок — все указывало на то, что почти бесчувственное тело кто-то поставил и держит перед окошком.

Рас встревожился. Вскинув винтовку, он положил палец на спуск и, когда за женским возникло мужское лицо, а в окошко вылез винтовочный ствол, колебаться не стал.

Выбора не было — Расу пришлось открыть огонь. Он сожалел, но был не в силах помочь несчастной жертве Бойгура. Пули раскололи женщине лоб, как орех, и она скрылась с глаз вместе с лицом за нею. Винтовка в окошке все же успела коротко рывкнуть — от стены рядом с головой Раса брызнули осколки, оцарапав щеку, — затем ствол задрался, и винтовка с глухим стуком ввалилась внутрь камеры.

Рас, целя пониже, разрядил обойму в дверь камеры до последнего патрона — в надежде, что пули, пробив толстую дверь, сохраняют остаток смертельной мощи. Перезарядив винтовку, несколько минут прислушивался. Единственный звук — рев нестихающего пожара — приглушенно доносился снаружи. Ветер, похоже, снова изменил направление, так как дым в подвальном коридоре почти рассеялся и выход наружу тоже был теперь отчетливо виден. Рас убедился в этом, осторожно выглянув за угол. Затем прижался к изрешеченной двери камеры и снова прислушался. Ни из нее, ни из остальных комнат в подвале не доносилось до него ни звука, и никто не высунулся в коридор.

Рас опасливо заглянул в окошко. У обоих — и у несчастной пленницы, и у поверженного врага — удары пуль раскроили череп. Мужчина как будто — наверняка сказать было уже невозможно — походил на недавно курившего сигарету радиста.

Рас еще раз вздохнул о нечаянной жертве, жертве Бойгура. Даже сейчас, находясь на краю собственной жизни, тот умудрился, как прежде с вонсу, испачкать руки Раса кровью невинных.

Убедившись, что третьего в камере нет, Рас бесшумно скользнул по коридору. Подойдя к двери кладовой, приложил ухо и услышал едва различимое сквозь толстую древесину позвякивание. Затем еще какие-то шорохи — похоже, исходящие как раз от механизма с барабаном и длинной шеей. Заглянуть в замочную скважину не удалось — изнутри в ней торчал ключ. Бойгур — если, конечно, внутри находился именно он — позаботился, чтобы его не смогли застать врасплох. Если Рас попытается вставить свой ключ, внутренний упадет, и Бойгур будет предупрежден.

Покинув подвал, Рас выбрался на поверхность. Видимость по-прежнему оставляла желать лучшего, и дым снова заставил Раса кашлять. Дойдя вслепую до парапета, юноша пошел вдоль него в сторону, противоположную огню, пока не набрел на просвет. Далеко внизу крохотные фигурки Юсуфу и Евы покачивались в игрушечном челноке. Их, должно быть, лихорадило тревогой и любопытством после взрыва и пожара на башне. Окутанный облаками дыма и наверняка невидимый, Рас все же помахал им рукой.

Постоянно выглядывая за парапет, Рас добрался до точки над окном кладовой. Из него действительно торчала металлическая шея машины. Веревка, свисающая с кончика шеи, медленно опускала люльку с серебристой лодкой. Внутри лодки, которая преодолела уже полпути к поверхности озера, Рас разглядел три длинных свертка, пару весел и винтовку. Края люльки цеплялись порою за скальные выступы, но хозяин машины был осторожен и замедлял в опасных местах спуск. Его седая голова постоянно высывалась из окошка кладовой; Рас быстро спрятался, когда она повернулась однажды лицом вверх — он не хотел пока выдавать своих намерений.

Рас надеялся, что найдет подходящую веревку раньше, чем Бойгур, опустив лодку на воду, успеет слишком далеко спуститься по тросу машины и сам. Он начал искать ее сразу же, но поиск затянулся. Рас проверял строения лишь с одного края вершины — остальные либо были слишком разрушены взрывом, либо оказались слишком близко к неугасающему пока пожару. Одно из зданий, принадлежавшее, по-видимому, самому Бойгуру, в иное время захватило бы Раса целиком и надолго. Но только не сейчас. Он уже готов был бросить поиск и нестись обратно к стене, когда его взгляд пал на то, что он так долго искал. На стене одной из комнат Бойгура, скрученная кольцами, висела плетенная вручную веревка, которую Рас признал с первого же взгляда. Он сам сплел ее несколько лет тому назад. Тогда она загадочно пропала, и Рас грешил на вороватых шимпанзе и мартышек, но те были ни при чем — веревка находилась здесь, в окружении его собственных фотографий, по соседству с головами животных и образчиками оружия вонсу и ша-

рику. Рядом с веревкой на стене висело также и первое собственноручно изготовленное Расом копье.

Складывая веревку на ходу, юноша помчался сквозь дым обратно к стене. Лодка еще покачивалась на светлом тресе, но скалу уже не задевала. Она, видимо, уже почти приводнилась, так как Бойгур выбрался из окна и, балансируя, шагал по длинной шее механизма. Одетый в коричневый комбинезон, с кобурой на поясе, он шел в рост, но очень осторожно, часто останавливаясь. На руках были надеты перчатки — чтобы сберечь ладони при скольжении по тысячефутовому тросу.

Среди трюков, которыми Рас под надзором Юсуфу овладел в совершенстве двенадцать лет тому назад, было и метание лассо. И сейчас петля без промаха опутала плечи глядящего под ноги старика. Бойгур — а это был именно он, он в точности соответствовал описанию Юсуфу, — вскрикнул и поднял кверху взгляд обезумевших от ужаса глаз.

Рас рывком затянул лассо. С пронзительным воплем Бойгур клещом вцепился в шею лебедки руками и ногами. Несмотря на отчаянное сопротивление, Рас без труда оторвал его от конструкции. Старик забился в петле, закачался под порывами ветра и поплыл кверху.

Вот так Рас и выволок Бойгура на аркане. Творец попался в ловушку, устроенную собственным творением. Правда, старик, весь исцарапанный, оборванный и в следах копоти, мало походил на Создателя. Но взгляд был в точности как у Игзайбера — бледно-голубые глаза, лишённые всякой осмысленности, полыхали молниями. Если он и был человеком, то весьма отличным от всех прочих людей. Он нес ответственность за все, что случилось с Расом, и должен был ответить за саму Расову жизнь.

ГЛАВА 22

Ответы на вопросы

Пожар на башне угас лишь к вечеру, когда все, что только могло поддерживать огонь, выгорело дотла. На краю мрачных руин чернел большой, похожий на скелет гигантского зверя остов вертолета. От ближайших к

месту взрыва зданий осталось совсем немного. Все вокруг припорошил густой слой копоти.

Рас подошел к зеркалу на стене — оттуда на него уставилось черное незнакомое лицо. Юноша находился сейчас в комнате с множеством книжных полок и прочей мебели. На одной из полок, висящей над длинной скамьей, стоял между двумя золотыми бюстами ряд переплетенных в кожу книг. В кожу, содранную с горилл. Все эти книги, поведал Бойгур, оригинальные издания серии о Тарзане. И каждая надписана автором, Эдгаром Луисом Берроузом, для чего Бойгуру пришлось множество раз летать в Калифорнию. Рас дивился, к чему Бойгур об этом заговорил. Тот сидел с гордым видом и, казалось, ожидал от Раса понимания, если не восхищения, в ответ на свои чувства. Но для Раса вся эта бессмыслица ничего не означала.

Один из бюстиков, служивших подпоркой книгам, изображал Тарзана и вышел из рук скульптора по имени Гатзон Борглум.

— Дело делалось в строжайшей тайне, — сказал Бойгур. — Лишь Борглум и я были в курсе, и это стоило мне кучу денег.

Автором второго бюста, изображавшего Раса, была не столь именитая личность. При создании скульптуры художник воспользовался снятыми скрытой камерой, то есть исподтишка, фотографиями и фильмами.

На стенах висело множество рисунков из книг о Тарзане, большей частью работы Сент-Джона, которого Бойгур назвал величайшим из иллюстраторов Книги. И пять фотографий Раса — в самом различном возрасте. Юсуфу рассказывал о них Расу прежде, объяснив заодно, что такое фотография. На одной Мирьям, стоя рядом с Юсуфу, держала на руках малютку Раса. Пяток горилл, опасно поглядывая на людей, пасся по соседству. На второй — пятилетний длинноволосый малыш, совсем голенький, играл с детенышем гориллы под присмотром двух горилл-самок. Третья изображала сцену рыбной ловли из челнока у берега озера. Четвертую сняли внутри старой хижины у озера, сгоревшей впоследствии от удара молнии. Рас сидел на жесткой скамье с большой красочно иллюстрированной книгой в руках, перед ним на столе

горели две свечи. Теперь-то Рас понял, что означали слова Юсуфу «скрытая фотокамера».

На пятой, последней, шестнадцатилетний Рас спускался с холма с телом убитого леопарда на плечах. На фотографии были отлично видны следы безжалостных когтей — раны, покрытые запекшейся кровью. Этот случай Рас помнил, такое не забывалось — он был атакован людоедом, за которым давно уже охотился сам. В первые же мгновения схватки Рас обронил нож, но сумел вырваться из цепких объятий, именно вырваться — ценой потери клочьев собственной плоти, — и поймать леопарда за хвост. Тот взвился в воздух, пытаясь извернуться и напасть снова. Впоследствии Рас убедился, что сам не может понять, как же все это вышло — но ярко запомнил, что, вцепившись в хвост мертвой хваткой, крутил вокруг себя большую и тяжелую — фунтов в двести пятьдесят — кошку, пока не грохнул головой о ствол дерева. Затем подобрал нож и, прежде чем леопард пришел в себя, перерезал добыче глотку. Ни Юсуфу, ни Мирьям не поверили рассказу юноши о рукопашной схватке, чем сильно задели.

Сейчас Рас припомнил, что, когда он спускался с холма с добычей, высоко в небе жужжал вертолет.

Еще одна большая фотография в рамке с изображением молодого безбородого Бойгура в компании двоих неизвестных стояла прямо на столе. Подписи под ней гласили: Эдгар Райс Берроус и Джонни Вейсмюллер.

На том же столе валялось множество книг большого формата без твердых обложек — Бойгур назвал их «журналами». На обложке одного из верхних, озаглавленного как «Бюллетень Берроуза», была столь интригующая картинка, что при иных обстоятельствах Рас не преминул бы пролистать и обстоятельно изучить весь журнал.

Среди множества охотничьих трофеев на стенах одна голова принадлежала льву, другая — чудовищу с двумя рогами на носу. А висевшая рядом слоновья была вдвое больше, чем у самого крупного из слонов, встречавшихся Расу в жизни. Еще одну голову Рас опознал, припомнив иллюстрации из своих детских книг. Это был тигр. В честь этой полосатой, ужасающе прекрасной кошки Рас и был прозван Тигром. Или точнее, как объяснял Юсуфу, в честь древнего нормандского предка, великого

воителя, пересекшего пролив Ла-Манш вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Рас пытался представить себе, вообразить, как бы увидеть внутренним оком и нормандцев, и пролив Ла-Манш, и Роберта ле Тигра, и прочее, о чем рассказывал отец, но ему не слишком-то это удавалось, а тот факт, что Юсуфу и сам имел обо всем этом весьма смутное представление и старался не вдаваться в детали, лишь усугублял трудности. Расу непросто было согласиться и с тем, что следует гордиться древним аристократическим происхождением — он не вполне понимал смысл слова «аристократический» и не повидал в жизни ни одного «аристократа».

Точно так же обстояло дело и с этим человеком — Берроузом, которого Бойгур величал Мастером.

Перед самым восхождением Юсуфу рассказал Расу:

— Ты должен понять, сынок, что автор Тарзана, писатель Берроуз, не виноват в том, что возомнил о себе Бойгур, писатель не отвечает ни за мысли его, ни за поступки. Книги о Тарзане — всего лишь книги, стопки бумаги с занимательными историями — о приключениях в джунглях ребенка, вскормленного большими обезьянами и ставшего суперменом. Миллионы людей читали эти истории, прекрасно зная, что все это чистая выдумка, и просто от души развлекались. Еще больше народу видело фильмы о Тарзане, множество фильмов — в одном, ты не поверишь, снимался даже я сам, много лет назад, еще до твоего появления на свет. Вместе с Мирьям и другими. Дело было в Америке, там я, кстати, и выучил английский.

Множество людей, повторяю тебе, получали удовольствие от историй о Тарзане, многие даже обожали их. Для некоторых Тарзан стал подлинным Кумиром — с большой буквы. Но Бойгур переплюнул всех и попросту помешался на Тарзане. Он влюбился в него слишком сильно. Он уверовал в реальное существование литературного персонажа. Я думаю, случилось так потому, что в детстве Бойгур был хилым и болезненным ребенком и натерпелся обид от тех, кто покрепче. Возможно, он мечтал тогда стать гигантом, силачом, способным победить любого и даже одолеть голыми руками дикого зверя, льва, к примеру. К тому же Бойгур был беден смолоду и

ему пришлось много и тяжело трудиться. Он мечтал о свободной жизни, о жизни без забот, без презрения к себе окружающих, без их непрерывных требований. В сущности, он сам мечтал стать Тарзаном. В своем безумии Бойгур, впрочем, не пересекал определенных границ, границ практического воплощения — понимал, что сам уже не способен выжить в джунглях. Он собирался прожить тарзанью жизнь посредством другого человека. И когда удача повернулась к нему лицом — он стал что называется мультимиллионером, — решился вырастить собственного Тарзана.

Это был дьявольский замысел, сынок, но Бойгур так не считал. Будучи достаточно трезвым и практичным — иначе как бы ему стать сверхбогачом? — он вместе с тем словно явился из иного мира, как будто с Луны свалился.

Жалкий старик, сидевший сейчас перед Расом на кожаном диване, мало походил на повелителя многих и многих людей, на человека с почти неограниченными ресурсами, на властелина финансовой империи. Если бы не царапины и запекшаяся кровь, не грязь на бороде, не мешки под глазами да не веревка, скрутившая по рукам и ногам, он мог бы еще выглядеть симпатичным солидным старичком, но и только. Седовласый, высоколобый, с мохнатыми бровями над орлиным носом, с тонкими властными губами между провалами впалых щек — он сохранил остатки собственного достоинства, вернее, мог сохранить, когда бы не позорное темное пятно на шганах — следствие полета на аркане.

— Как ты не можешь понять, Рас? — в который уже раз возглашал он. — Именно я сделал тебя таким, каков ты есть! Если бы не я, ты был бы ничем, нулем без палочки! Ты стал бы городским обывателем, бизнесменом или, в лучшем случае, учителем, ничтожеством, каких миллионы — ничем! А теперь ты — Властелин Тигр, единственный и неповторимый! Ты настоящий Тарзан нашего мира.

Здесь таилась какая-то загадка, и Рас требовал разъяснений. Бойгур повторял все с самого начала. Он заверял Раса, что с мозгами у него все в порядке. Он не спорил, что на этой Земле, в этой Вселенной, не существует и не мог существовать Тарзан, сын обезьяны, он же Джон Клейтон, лорд Грейсток. Здесь, говорил Бойгур, не

существует говорящих обезьян, здесь гориллы не похищают и не насилуют женщин, здесь львы живут лишь в саваннах и полупустынях, а в джунглях, наоборот, не водятся. Не существует на Земле и затерянного города, населенного одичавшими потомками древних атлантов. В нашей Вселенной всего этого нет и быть не может, признавал Бойгур.

Но есть параллельные миры — вселенные, существующие в том же пространстве, только как бы перпендикулярно, под прямым углом к нашему трехмерному миру. И вот в одном из этих миров, мало отличных один от другого, — а может, больше чем в одном, — существует Земля, описанная Берроузом в книгах. Она вполне схожа с нашей — с некоторыми незначительными изменениями. Берроуз не просто знал о ней, он обладал ключом, он бывал на ней и узнал свою историю от самого Героя. Ворота между мирами приоткрывались время от времени, и к Мастеру приходили Тарзан и другие герои со своими рассказами. А Берроуз просто приспособил их к земным вкусам, подогнал под запросы читателей — поэтому и перенес место действия на нашу планету. Берроуз не стал, разумеется, раскрывать тайну существования параллельных миров. Вот так он, Бойгур, и пришел к решению создать собственного героя, взяв себе за образец созданного Мастером. Теперь-то Рас понимает, не так ли?

— Нет! — отрезал Рас. — Из твоего объяснения я ничего или почти ничего не понял.

Юсуфу, слышавший от Бойгура эти теории прежде, уже пытался пересказывать их Расу и тоже потерпел фиаско.

— Придет день, и ты все поймешь, — сказал Бойгур. — Ты еще не получил образование, вернее, то, что в так называемом цивилизованном мире величают образованием. Тебе предстоит вступить в права наследования, унаследовать родовой титул. Ты ведь английский лорд и виконт по рождению. Как только мир узнает о тебе, твой кузен вернет тебе все твои привилегии. К несчастью, ему пришлось за долги расстаться с имением и родовым замком. Я слишком поздно узнал об этом, иначе бы выкупил и сохранил для тебя. Но ты ведь все равно не стал бы жить в Англии, не правда ли? Ты предпочел бы

африканские плантации. Конечно, Африка уже не та, что прежде — белому человеку и развернуться негде! Но ты мог бы создать здесь собственную империю, стать королем шарикту и править этой долиной — они ведь забытая раса и живут в забытом городе, в никому неведомом месте. Или... — дальше старик, с точки зрения Раса, понес полную ахинею.

А Рас вспоминал, что поведал ему накануне Юсуфу. Где-то далеко отсюда, в заоблачном мире, в городе Претория, в стране под названием Южная Африка жили-поживали симпатичный мужчина и его очаровательная супруга. Мужчина, младший сын английского лорда, приехал в Южную Африку после большой войны искать себе счастья. Наследником отцовского титула являлся его старший брат.

Айвор Монта-Тайгер Торсбайт, так звали мужчину, женился на дочери шотландского барона, эмигранта. У молодой четы родился сын. Когда малышу исполнился год, он был украден Бойгуром, украден как подношью соответствующий всем требованиям Книги. Ребенок имел знатное английское происхождение, был черноволос и сероглаз.

Доставленный в долину, малыш был поручен опеке самки-гориллы, утратившей детеныша, — тоже дело рук Бойгура. Горилла стала выкармливать приемыша, но через полгода тот умер от пневмонии.

Родители были безутешны и горевали о сыне без конца — даже когда всякие официальные розыски уже давно прекратились. Полтора года спустя у них родился еще один сын, и, несмотря на все меры предосторожности, его тоже похитили.

Вспомнив о нем, втором ребенке и собственном брате, Рас произнес вслух:

— Мой брат выжил лишь потому, что ты присматривал за его здоровьем. Но, живя среди безъязыких горилл, Джиб прозевал возраст, в котором ребенок еще может научиться разговаривать.

— Я понял это слишком поздно, — отозвался Бойгур. — Когда я сообразил, что мозг и нервная система ребенка, который не слышит человеческую речь с раннего возраста, становятся к ней невосприимчивой, с Джибом уже ничего нельзя было поправить.

— И мой брат навсегда остался немым, как горилла, — подытожил Рас. — Стал умственным калекой. Лучше бы уж он тоже умер от пневмонии.

— Так получилось ненарочно, ты же понимаешь, — искренне огорчился Бойгур. — Я действовал лишь с самыми благими намерениями.

— Он мог выговорить всего три или четыре слова, — сказал Рас. — Я научил его произносить «Уэсс». Мое имя. Точнее произнести он был не способен.

Горло Раса внезапно перехватило удушьем, в груди закололо. Юноша заморгал влажными ресницами.

— Никто больше меня не сожалеет о том, что Джиб мало отличался от идиота, — вздохнул Бойгур. — Но человек учится лишь на собственных ошибках. Ты, в конце концов, не идиот. Далеко не идиот. Напротив, настоящий супермен.

Где-то вдали, в этом дымчатом мире за вершинами скал, существовали две могилы. В одной, умерев с горя после кражи третьего сына, покоилась мать. Родители тогда уже перебрались в Англию, надеясь, что уж там-то ребенку не будет угрожать опасность похищения. Но, несмотря на всю их бдительность, на множество нанятых телохранителей, их не замедлило постичь новое несчастье. Спустя всего лишь год после смерти жены Айвор Торсбайт бросился за борт в проливе Ла-Манш.

А Бойгур, зная, что воспитанный обезьянами ребенок не может остаться человеком — по крайней мере не в этой Вселенной, — решил заменить обезьян лилипутами. Ему как раз подвернулась небольшая бродячая труппа, обвиняемая в убийстве и грабеже, совершенном в Аддис-Абебе, и он, пустив в ход связи и деньги, добился для них освобождения. За это лилипуты согласились вырастить и воспитать ребенка. Согласились поселиться для этого в долине, затерянной посреди Мандебских гор. Пообещали прикидываться при этом обезьянами — ребенок, ничего не ведающий о разнице между людьми и приматами, должен был поверить. После того как Расу исполнилось бы восемнадцать, им полагалась свобода.

Маленький Рас был привязчивым и добрым ребенком, но вместе с тем бесстрашным и независимым. Настолько бесстрашным, что Бойгур окрестил его Расом Тигром —

«Рас» в переводе с амхарского означало «Властелин», а второе имя малыш получил в честь нормандского предка, основателя рода Беттриков.

Многие вещи прояснялись теперь, но еще больше возникало и вопросов. Почему Мирьям столь многого смущалась и то и дело приходила в замешательство? Может, она и была слегка не в себе, но не злая и любила Раса как собственного сына. Рас отвечал ей тем же, да и всех прочих амхарских лилипутов он любил так же сильно, как Юсуфу, своего отца, лилипута арабского происхождения.

Хижина у озера в точности повторяла ту, что была построена родителями Тарзана, хижину из первой книги о нем — теперь Рас понял, что означали в ней два человеческих скелета и один крохотный — детеныша гориллы. Понял, почему нашел в ней охотничий нож, почему должен был учить английский самостоятельно, по книгам — предполагалось, что так поступал Тарзан. Но Расу больше нравилось рисовать на бумаге карандашами, пытаться запечатлеть зрительные образы, как это делалось на картинках из тех же книг. Вот Юсуфу и пришлось маленько подтолкнуть его с изучением английской грамоты, но старался он это сделать за пределами досягаемости невидимых ушей и глаз Бойгура. А позже он научил Раса и говорить на английском, правда, с сильной примесью суахили, который был родным языком его матери. Юсуфу делал это в глубокой тайне от Бойгура — узнай тот о нарушении его приказов, он убил бы непокорного лилипута.

В той же хижине Рас обнаружил золотой медальон с портретом очаровательной женщины внутри. Рас носил его на шее целых шесть месяцев, пока тот не пропал, украденный, видимо, мартышками за время купания в озере. Теперь только он узнал, что носил на шее портрет своей родной матери.

Много чего еще находилось в этой хижине, но все сгорело во время пожара.

— События идут своим собственным путем, постоянно выходят из-под контроля, — буркнул Бойгур, точно недовольный тем, что не до конца был властен над окружающей реальностью.

— Но почему ты убил мою мать? — спросил Рас. — И почему убил ее стрелой вонсу, заставив меня поверить в их виновность?

— Твою мать?! — ошеломленно захлопал ресницами Бойгур. И тут же сообразил. — А, ты имеешь в виду Мирьям. Это было совершенно необходимо, сынок. Приемная мать Героя была поражена прямо в сердце стрелой черного дикаря, а Герой отомстил и убийце, и всему его племени. Надежды на то, что вонсу доберутся до Мирьям сами, практически не было — слишком великий ужас перед Страной духов посеял я среди них еще до твоего рождения. Они сторонились плато, как чумы. Поэтому пришлось пойти на маленькую хитрость — мы убили Мирьям, ты же отомстил за ее смерть. Помимо всего прочего, эти вонсу заслужили наказание — они ведь развратили тебя, испортили. Ты спал с их женщинами, а Герой такого никогда не делал. Да, я желал им смерти и хотел, чтобы ты осуществил месть своими руками, вернув себе тем самым свое истинное предназначение. По крайней мере эта часть Книги осуществилась в точности.

Рас, подавив горячее желание размазать старика по стене, спросил:

— Зачем твои люди, что были в вертолете, перестреляли вонсу всех до последнего? Я уже и так собственноручно перебил почти всех воинов. Да, я был окружен, но их оставалось всего ничего. Зачем же нужно было убивать детей и женщин? Ты не должен был этого делать!

— Это вина тех двух кретинов на вертолете, — раздраженно отозвался Бойгур. — Они решили, что ты в большой опасности, и открыли огонь. И не сумели вовремя остановиться — так они мне объяснили, во всяком случае. Эти двое знали о моей нелюбви к вонсу и не видели в содеянном ничего страшного. Я отчитал их за самостоятельность и превышение полномочий, но дело было сделано.

— Почему ты преследовал Еву Рантанен? Почему пытался убить и ее?

— Ей не следует здесь находиться — этого не было в Книге! Она может все испортить, поломать весь сценарий! Я привез для тебя девушку, Джейн Поттер, прекрасную блондинку из Балтимора, девственницу, почти в

точности отвечающую всем требованиям Книги. Через два-три дня я готовился инсценировать ее побег и случайную встречу с тобой. Ей, правда, недоставало силы воли — вместо того чтобы думать о побеге, впала в истерику, пыталась покончить с собой, объявила голодовку.

— Где ты ее украл?

— Она приехала с отцом-профессором на сафари в Кению. К сожалению, отец был не стар и не безумен, как мне требовалось. Но нельзя же заполучить сразу все, приходится идти на компромиссы. Во всяком случае, девушка оказалась очень близка к описанию Мастера.

У Раса от обилия сведений уже голова распухла, но он все же уловил, что речь идет о сходстве похищенной девушки с литературным персонажем.

— Стало быть, ты сумел взобраться на скалу, — задумчиво протянул Бойгур после паузы. — Кто бы мог в это поверить? Хотя, если такое было по силам Герою, почему бы и тебе не справиться? Нет, все-таки я победил, я не ошибся. Ты совершил все то же, что и Он, или смог бы совершить, доведись тебе это. Сожалею лишь, что не успел устроить тебе поединка со львом, что не помог обзавестись друзьями среди слонов и не свел в рукопашной с гориллой-самцом. Но ты еще так молод...

Рас поднялся на ноги и объявил:

— А ты стар и, по-моему, сильно зажился на свете. Тебе следовало умереть еще при рождении. Ты убил или стал причиной смерти моего старшего брата, второго брата сделал идиотом и обрек тем самым на гнусную, жалкую жизнь животного — Боже, как ничтожен и одинок он был! — а затем сжег напалмом заживо. Ты приговорил моих настоящих родителей к смерти от горя и страданий. Ты убил мою приемную мать, мою незабвенную Мирьям. Ты заставил меня убивать невинных вонсу, а твои люди добили уцелевших. Ты лишил меня моей подлинной жизни с настоящими родителями. Ты пытался создать из меня некое подобие тому, чего никогда не существовало в реальности. Ты сам Дьявол, насколько смертный только может быть Дьяволом.

— Что ты мелешь? — возмутился Бойгур. — Да я обожаю тебя! И всегда обожал. Поверь, я страдал, что не могу быть на месте Юсуфу и лично подсказывать тебе

каждый ход, каждое движение. Ужасно страдал, что не могу уберечь тебя от ошибок на пути к той вершине, для которой ты и был предназначен! К образцу, сотворенному Мастером! Но я сделал это — теперь ты уникален, подобных тебе просто не существует!

— Юсуфу оказался прав, — заметил Рас. — Что толку с тобой разговаривать? Ты возомнил себя Богом!

Рас рывком поставил Бойгура на ноги и тут же сбил, дернув за привязанную к ногам веревку. Так, за ноги, и волочил вопящего от ужаса старца до парапета. Там сгреб в охапку и поднял над головой.

— Ты должен меня понять, Рас! — скороговоркой проблеял Бойгур. — Сынок, сыночек мой, дай же мне объяснить!

— Ты не бог, а я не сын тебе, — отрезал Рас. — Хотелось бы заставить тебя заплатить за все содеянное. Но никогда не удастся заставить людей платить за грехи. Со злыми людьми ничего нельзя сделать — можно лишь оборвать их злобу и цепь злых дел навсегда.

— Я не злой! — завопил Бойгур. — Я не злой! Нельзя воплотить мечту в жизнь и никого при этом не задеть, невозможно такое без страданий, и...

— Заткнись! — рявкнул Рас. — Даже умирая, ты будешь портить воздух!

Рас стоял с напряженными, готовыми к заключительному толчку руками и словно чего-то ждал. Черный орел-рыболов, настороженно косясь на людей хищными глазками, планировал к точке точно под ними. Рас ждал и сам не знал почему. Должно быть, весь непростой расчет траекторий провел подсознание; Рас сам не понял, почему он вдруг — именно в этот, а не любой другой момент — резко выбросил руки с Бойгуром вперед и разжал пальцы. Старик отчаянно завопил. Орел подхватил крик и рванулся в сторону, но опоздал — визжащий Бойгур камнем упал сверху и, обхватив его связанными спереди руками, поймав в последнее смертельное объятие, прижал к груди точно в порыве страсти. Орел, пустив в ход и крылья, и крючковатый клюв, и острые когти, отчаянно бился; крылья захлопали, словно пытались вынести и спасти обоих. Но притяжение земли победило — два тела, оставив в воздухе тучу перьев, быстро

слились в одно, дуэт двух равно пронзительных криков стал глуше, вот уже у подножия скалы поднялся крохотный фонтан, и все кончилось. Остались лишь круги на воде.

ГЛАВА 23

Паспорт

Самолет запрыгал поплаватками по мелкой волне, оторвался — толчки исчезли, и голубая гладь озера резко провалилась.

Рас занимал место у окна. Крыло самолета прямо перед ним делило озеро пополам и роняло тень на мерцающую поверхность. Самолет повернул, и солнечные лучи брызнули от пропеллера, как вода со шкуры мокрого шакала.

Внизу под ними, становясь с каждой секундой все мельче и мельче, оставались еще пять самолетов: три на понтонах и две амфибии. Возле пляжа, почти скрытые сейчас за деревьями, стояли крохотные палатки. На самом пляже вертолет распростер свои мертвые лопасти. В южной части долины белой вспышкой мелькнул еще один летящий самолет.

Люди вторглись в его мир, как грозовой ливень падает с расколотого молниями неба. Антропологи и зоологи, военные и чиновный люд из Эфиопии, полиция — эфиопская и южноафриканская, — репортеры из множества стран, литагенты и продюсеры из Голливуда, Англии, Италии и черт знает откуда еще, и множество иных, название профессий которых ничего не говорило Расу.

Это произошло так быстро, и такое множество народу, мужчин и женщин, говорящих одновременно, перебивающих друг друга, навалилось на Расу разом, что он не избежал замешательства. Однако был доволен суматохой и никого от себя не отталкивал. Плохо понимая резоны всех этих людей, движущие ими мотивы, одно Рас почувствовал сразу и безошибочно: большинство воспринимают его как некий инструмент, средство для достижения каких-то собственных, весьма загадочных целей. Видят в нем нечто вроде деревянной чурки, из которой можно выстрогать необходимый им образ. А может, даже хотят оседлать его, Расу, как сам он некогда оседлал крокодила.

Если так, то их всех ждет сюрприз, им всем предстоит обнаружить вскоре, что ножи не берут неподатливую древесину, а крокодил обратился питоном и сдавил своего наездника могучими кольцами.

Иные, вовсе не считая Раса предметом почти неодушевленным, напротив — завидовали ему. Завидовали его телосложению, силе, раскованности. В особенности мужчины — видя, какое впечатление он производит на дам. Одна из них, разбитная и рыженькая, видимо, журналистка, одарила Раса легкоузнаваемым красноречивым взглядом, и юноша не удержался от ответного — того же сорта. Заметив этот обмен взглядами, Ева впервые выказала ревность. Возможно, именно поэтому она и поспешила объявить Расу вскоре, что им следует безотлагательно обвенчаться. Оказывается, она уже успела полюбить Раса и считала это вполне достаточной для женитьбы причиной. Она чуть старше Раса, но это даже кстати — в каменных джунглях по другую сторону гор Рас нуждается в опеке и заботе зрелой, опытной женщины.

Ева уже сделалась его доверенным лицом и менеджером, но в случае женитьбы процедуры, связанные с защитой прав Раса, изрядно бы упростились. Ей трудно было объяснить Расу сразу же все юридические нюансы, но он должен ей доверять.

Без особых на то оснований Рас все же заподозрил, что Ева решает этой женитьбой не одни лишь его проблемы. Но ничуть не озаботился — если она хочет свадьбы, пусть будет свадьба.

Ева уже успела заключить контракт на книгу о собственных приключениях в джунглях и другой — на жизнеописание Раса. Она азартно торговалась сразу с целой ватагой продюсеров по поводу фильма о жизни Раса, где в главной роли должен был сниматься он сам.

Расу по поводу книг и фильмов она объяснила лишь, что денег, выплаченных по контрактам, им хватит для безбедной жизни на долгие, долгие времена, если не на всю жизнь. Даже после того, как правительство заберет львиную долю. Ева поведала Расу, что такое налоги, и юноша впал на время в ярость на весь «цивилизованный мир». Ева постаралась остудить его страсти, пообещав нанять несколько хороших, то есть дорогих и проторенных

вых, адвокатов, которые вернут им изрядную часть львиной доли — выдернут ее прямо из пасти льва.

— Значит, чем больше ты трудишься, тем больше становится доля правительства в твоём заработке? — дивился Рас. — Почему бы тогда не зарабатывать ровно столько, сколько необходимо, чтобы жить и в ус себе не дуть?

— В общем-то, это разумно — многие именно так и говорят, — улыбнулась Ева. — Но мало кто так поступает. Почти всякий трудится не покладая рук, даже зная, что получит лишь малую толику заработанных денег.

— Таков наш обычай, — добавила Ева, и Рас просиял, услышав знакомую магическую формулу. Эти люди тоже были рабами собственных обычаев, но Рас станет трудиться среди них, лишь когда пожелает и не больше чем нужно.

Самолет повернул снова — теперь они пролетали над парящими черными орлами, над крохотными белыми вспылками пеликанов, над розовым дымком стаи фламинго на берегу озера. Самолет поднялся уже выше черной башни, и Рас снова увидел скелет вертолета на ее макушке, черные искореженные ангары. Из окна по-прежнему свисал белый трос — точно червь, выползающий из трупа, точно струйка бледной крови из раны черного призрака.

Тело Бойгура бесследно кануло в пучине. Орла прибило волнами к берегу, и Рас, не отдавая себе отчета, почему так поступает, подобрал его и схоронил по соседству с Мирьям.

Ева осторожно подошла к нему после этого и сказала, что стоило подождать два-три дня — и полиция арестовала бы Бойгура без их помощи. Он избегал разоблачения долгие годы, но натворил слишком много зла, чтобы остаться безнаказанным навсегда. Его сыновья вскрыли колоссальные расходы из личного фонда Бойгура и разных других вложений — эскадрилья вертолетов была весьма дорогим развлечением, что по карману лишь миллиардерам или целым странам. Кроме того, расследование, предпринятое сыновьями и бывшей женой Бойгура, открыло расходы на содержание небольшой, но вполне боеспособной частной армии и на взятки чиновникам. Правительства нескольких государств уже проявляли в прошлом интерес к необычной деятельности Бойгура —

например, к импорту в горную долину животных, отдельных видов горилл и шимпанзе, дотоле в Эфиопии не встречавшихся. Кроме того, он пополнил фауну долины зебрами, иной дичью и наводнил леопардами. Местные леопарды были почти полностью уничтожены племенами вонсу и шарикту. Но Бойгур, приучив завозных к человеку мясу, выправил положение.

Прежняя активность расшатала фундамент империи Бойгура, а недавние усилия утаить долину от посторонних, особенно те, жертвами которых стали супруги Рантанен, разрушили ее окончательно. Так что нашим героям следовало лишь переждать, скрываясь в джунглях, несколько дней, и внешний мир, ливнем хлынув в долину, взял бы на себя заботу о Бойгуре.

Рас ничуть не огорчился тем, что не дождался этого.

Он выглянул в иллюминатор. Зеленый лес и золотистозеленая равнина, окаймленные грядами черных скал, простирались к югу на несколько миль. Извилистая лента реки, точно гигантская голубая змея, бежала туда же, чтобы увенчаться белой дымчатой короной водопадов у края плато.

Дальше шли земли вонсу, бывшие земли вонсу. Тут и река, и долина скрылись за скалами, и глазам Раса предстало одно лишь Великое болото.

На другом его краю Гилак, король шарикту, был уже взят на карандаш дюжиной пришельцев, именующих себя антропологами. Они обрушились на Гилака как снег на голову, совали свой нос в каждую дыру, все изучали, измеряли, фотографировали и записывали. Один из них уже выдвинул гипотезу происхождения божественного меча — якобы тот в незапамятные времена принадлежал крестоносцам и попал в руки шарикту задолго до появления в этой долине. Другие оспаривали такую точку зрения. Зоологи объявили уже об открытии новой, неизвестной науке разновидности крокодилов, обладающих особым «генотипом» — что бы там это слово ни значило. Как выяснилось, долина оказалась для науки настоящей сокровищницей, прибежищем множества видов зверей и растений, давно в остальном мире вымерших либо существовавших только здесь.

Один из ученых даже Раса обозвал «единственным представителем вида *Homo Tarzanus*». Рас не обиделся.

Юноша с горьким вздохом откинулся на спинку сиденья — он вспоминал пепел Вилиды, могилу Мирьям, Биджагу в чреве Бастмаасы и голову Джанхоя на шесте.

Затем самолет взмыл вверх и проплыл над вершинами черных скал. Рас ахнул и судорожно схватил Еву за руку; от боли женщина ойкнула. Это оказалось правдой! Небо над долиной вовсе не было голубым каменным куполом!

С Расом происходило что-то странное — он явственно слышал шорох, будто треск лопающихся нитей, ленточек из собственной кожи, привязывающих его к родной долине. Может быть, это небо гигантским свитком раскручивалось перед крыльями самолета, чтобы показать всю безбрежность и величие мира за скалами. Таким небо описывала ему некогда Мирьям — Рас запомнил слово «свиток», — и теперь начинал понимать, что имелось тогда в виду.

Глаза юноши увлажнились, рыдание застряло в груди. Ева погладила его по руке.

Юсуфу, сидящий через проход, воскликнул на амхарском:

— Чудеса только начинаются, сынок! Ты увидишь столько всего, а самое удивительное ждет тебя в конце нашего путешествия — это великий город Лос-Анджелес.

На Юсуфу была одежда английского ребенка из Найроби. Ее прислали на самолете вместе с той, в которую был одет сейчас Рас.

Из громкоговорителя донесся голос пилота, сообщивший, что можно отстегнуть ремни и курить, если хочется. Пассажиры сгрудились сразу же вокруг сиденья Раса и начали обсуждать планы на ближайшее будущее. Ева, объявив строгим голосом, что Раса утомили непрерывные разговоры и он болен от прививок, отослала всех прочь. Не столько от разговоров, сколько от прививки оспы, полученной перед самым вылетом, но Рас действительно чувствовал себя слегка разбитым. И хотя ему хотелось остаться наедине с собственными мыслями, он не стал просить Еву замолчать.

Самолет ровно гудел, и скоро зубцы гор остались далеко позади. Они плыли над сухой буроватой равниной, сменявшейся вскоре джунглями. Ева пояснила, что еще несколько часов предстоит лететь над территорией Эфиопии.

В соседней стране не ожидалось никаких недоразумений — киношники уже «подмазали» там кого следует.

Сегодняшний вылет планировался предыдущей ночью в строгой тайне. Эфиопские военные и полиция собирались забрать Юсуфу в Аддис-Абебу, где он до сих пор разыскивался за преступления двадцатидвухлетней давности. Юсуфу уверял, что невиновен, но доказать этого не мог и опасался предстать перед судом. Раса также ожидала неприятности — за нелегальное проживание в стране, во-первых, и за убийство множества эфиопских граждан, во-вторых. Таковыми власти считали вонсу и шарикту, о существовании которых до недавнего времени и не подозревали. А также Расу предстояло ответить за смерть Бойгура и его эфиопских служащих.

Ни у Евы, ни у Юсуфу не вызывало сомнений, что суд оправдает Раса, но, пока это случится, он успеет умереть в тюрьме от болезней. Ранним утром Рас и Юсуфу сопровождали эфиопскую делегацию в холмы, на розыски останков Джиба. Отстав от экскурсии, они вернулись лесом к озеру, где в самолете их уже ждала вся «шайка заговорщиков». Раса напичкали лекарствами и инъекциями, и самолет взял курс на Кению.

Мистер Брентвуд, кинопродюсер, заявил, что позже уладит с эфиопскими властями все трения — тоже не без «подмазки», по-видимому, — чтобы не мешкая начать работу над фильмом. Кинокомпания собиралась арендовать на время съемок всю долину целиком, прихвастнул продюсер, и хоть это встанет в копеечку, но фильм все окупит — он прольет на них на всех настоящий золотой дождь.

Самолет уже пересекал воздушную границу Эфиопии, когда к сиденью Евы подошла Мерилин Прово, администратор большого издательства, и, хлопая на Раса ресницами, завела разговор о книгах. И тут Раса действительно скрутило. Еще до посадки в Кении для дозаправки топливом его стало тошнить, поднялась температура, и он забылся в конце концов беспокойным сном. Последнее, что Расу запомнилось из перелета, — это заверения Евы, чтобы Мерилин не беспокоилась. Рас справится. Да, он действительно во многом невежествен, со многим в этом мире попросту не знаком. Но ему не занимать мужества, приспособляемости, дружелюбия, сил, шарма, воображе-

ния и чувствительности. Он наделен к тому же и немалыми артистическими талантами. И пока с ним будет тот, кто его любит и знает, Рас справится с любыми трудностями.

Позже, когда после длительных бесед с Вилидой, Мирьям и остальными усопшими Рас пришел в сознание, он лежал в покачивающейся карете «скорой помощи». Его разбудил пронзительный вой, вой сирены, как объяснила сидевшая при нем Ева. Затем Рас въехал на каталке в огромное белое здание. Вокруг сияли и гасли огни, издав лека доносились какие-то лязгающие звуки, множество темных и белых лиц замелькало в хороводе — и, полыхнув напоследок белизной, точно пеликан крыльями, все кануло во тьму.

Спустя день, когда Рас окреп достаточно, чтобы сидеть, он перенюхал и перещупал все, что только могла ему предложить небольшая, аскетично обставленная палата. Он был повержен этим миром навзничь и уже горел желанием начать ответную охоту в нем — или на него? — хотя навряд ли объект охоты напоминал хитрого, заматающего следы леопарда.

И этой же ночью Рас сказал Еве так:

— Чтобы тебе в этом мире, в этой «цивилизации» стало хорошо, сначала должно быть очень плохо. Точно чтобы родиться на свет, следует сперва умереть.

Ева плохо поняла, что он имел в виду. В отличие от обычного интереса к его замечаниям, к его образу мысли, все ее мысли поглотили вдруг вопросы «бизнеса». Рас посмеялся немного над ее заботами, затем попытался затащить в постель. Ева пришла в ужас: здесь нельзя, в любой момент кто-то может войти — сестры, врач, посетители.

Рас не настаивал. Поцеловав ее, попросил возвращаться скорее.

Полчаса спустя, после визита процедурной сестры, в палату проскользнула Мерилин. Ей не полагалось бы находиться здесь, сообщила она, так как часы для визитов уже закончились, но она знала, что Расу скучно и он будет рад компании. Он был весьма доволен — как Рас и предполагал, гостья выказала куда меньше сдержанности, чем Ева. Внутри ее билось собственное крокодилье сердце.

Удовлетворенный, Рас заснул, но посреди ночи был внезапно разбужен. Над ним склонилась молоденькая ночная сиделка по имени Мэриэн. Симпатичная и стройная — даже под белым балахоном, подумал Рас и сказал, что хотел бы сделать с нее скульптуру. Она оживилась и, хотя заметно побаивалась необычного пациента, осталась поболтать. И болтала, пока ее не прогнала дежурная по этажу. На прощание Мэриэн оставила адрес и пообещала позировать. Дежурная же, крупная женщина лет под сорок, но довольно привлекательная, палату покинула не сразу. Заинтригованная слухами о новом пациенте, она захотела удостовериться лично. Дежурная спросила Раса о чем-то, затем, слушая его пространный ответ, переходящий в рассказ о жизни, придвинулась. Глаза у женщины широко распахнулись, она подходила все ближе и, когда Рас, прервав рассказ на полуслове, опрокинул ее в кровать, не противилась ни секунды.

Засыпая снова, Рас подумал, что в этом мире его наверняка подстерегает немало опасностей. Но есть и приятные моменты. Если уметь ими пользоваться.

Содержание

От издательства	5
Властелин Тигр , роман, <i>перевод В. Ватика</i>	7

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том четырнадцатый

Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки *В. Карцев*
Оформление шмуцитула: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 3.03.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 16,80. Тираж 10 000 экз.

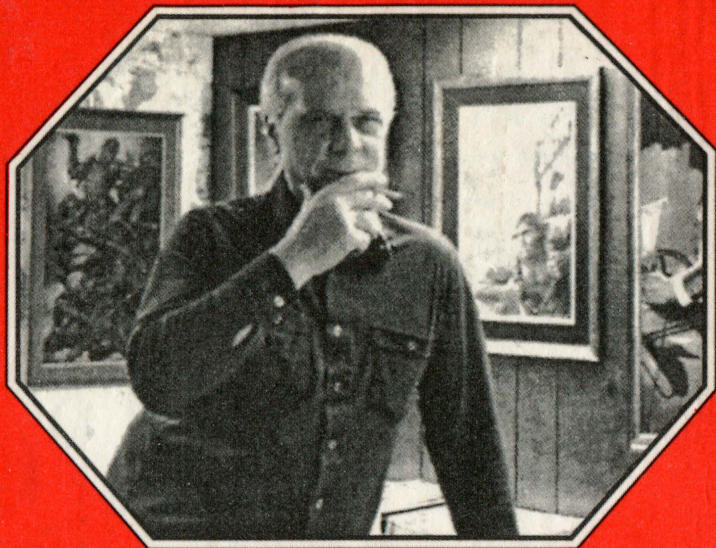
Заказ № 309.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

Властелин Тигр

«Моя мать — обезьяна. Мой отец — Бог. Я пришел из земли духов». Так поет Рас Тигр, сидя в ветвях дерева, озирая свои владения. Но новый обезьяночеловек еще не знает, сколько немислимых открытий принесет ему упавшая в джунглях Железная Птица. Чтобы освободиться, Рас должен завоевать златовласую красавицу, перехитрить воинов негритянского племени, выйти в большой мир, победить самого Бога и познать истинное значение имени, создавшего его судьбу. Имя это —
Эдгар Райс Берроуз...